

Андрэ Нортон

ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ
ЧУДОВИЩА

АНДРЭ

НОРТОН

ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ
ЧУДОВИЩА

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Глазом Чудовища
Здесь Обитают Чудовища

романы

Издательство «Зеленоградская книга»
г. Москва

ТОО «АМБЕР лтд»
г. Ангарск

1994г.

ББК 84.7 США Н49

Нортон Андрэ

Здесь обитают чудовища. Романы/Пер. с англ. —
Зеленоград: Изд-во «Зеленоградская книга»,
1994г. — 352 стр. Вып. 26, том 18.

Джунгли далёкой пограничной планеты, разумные — но кровожадные — рептилии, поставившие целью уничтожение колонистов-землян, — всё это, казалось, не оставляло ни одного шанса на спасение Ризу Нэйперу, сыну офицера Службы Разведки. Однако смелость и мужество позволили ему вырвать из лап кроков-аборигенов не только себя и мальчика — сына колониста, но и женщину-саларику с дочерью — представитель разумной расы кошачьих.

Во втором романе Андрэ Нортон представляет альтернативный земному мир — мир, где обитают чудовища, порождённые как самой этой землёй, так и человеческими страхами и фантазиями.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

Н $\frac{4701000.000 - 9}{480 (03) - 94}$ Без объявления

**ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 031 — 3**

EYE OF THE MONSTER
© 1962 by Andre Norton
HERE ABIDE MONSTERS
© 1973 by Andre Norton

- © Издательство «Зеленоградская книга», 1994г.
- © Пер. с англ. «Глазом чудовища», Я. и Д. Савельевы, 1994г.
- © Пер. с англ. «Здесь обитают чудовища», Я. и Д. Савельевы, 1994г.
- © Художник Д. Аввакумов, 1994г.

ГЛАЗОМ ЧУДОВИЩА

Глава первая

Риз Нэйпер открыл глаза. Он, как обычно, внезапно и полностью очнулся после ночного сна. Но на этот раз пробуждение было каким-то особенным, и он лежал, не двигаясь, только шевелил веками, пытаясь услышать, почувствовать, понять, чем же таким отличается именно это утро.

Сквозь поглощающий шум сеточный звуковой экран через окно в комнату проникал слабый ветерок, чуть колыша шторы. Ага, вот оно что! Звуки, точнее, отсутствие оных, столь обычных для этого места и утреннего времени. Куда-то пропал привычный звуковой фон, с которым он пробуждался все эти месяцы своего пребывания в посёлке.

Риз быстро просунул руку под мягкий матрас к самой сетке кровати, потянувшись к вещице, которую он положил туда накануне вечером после последнего объявления о тревоге по радио. Его пальцы обхватили гладкий, как атлас, кожаный пояс с бластером в кобуре. Затем, прижимая его к груди, он осторожно спрыгнул с кровати, подкрался к окну и выглянул за сетку, приглушающую звуки джунглей.

Зеленоватые лучи солнца освещали пустую улицу посёлка. Хубра, местная разновидность курицы, пытаясь склевать жука, резко прыгнула за ускользящей жертвой, но жук успел расправить крылья и улететь. И кроме небольших созданий, живущих в украшенных узорами цветочных клумбах и круглом бассейне, никого другого между зданиями не было видно.

Риз торопливо натянул на себя рубашку и брюки с сапогами для ходьбы в джунглях. Его колотило, несмотря на тёплый день. Какая-то неприятность — и серьёзная! Он чуял дыхание опасности, совсем как если бы это был душистый запах фиолетовых листьев камыша-туфы, кружащих над водяным садом. Дядюшка Мило ошибся, и вот теперь им приходится пожинать плоды этого ошибочного решения, и всё из-за упрямства главы их посёлка.

И вот, опоясавшись напоследок бластером, Риз бросил взгляд на походную сумку, которую он впопыхах упаковал ночью. Слишком поздно надеяться, что удастся выскользнуть отсюда, захватив что-нибудь получше, чем аварийный пакет. И это опять-таки из-за дядюшки Мило и его нежелания взглянуть в лицо фактам, какими они были на самом деле, так как он неукоснимо следовал только своим собственным представлениям об окружающем их мире.

Риз коснулся рукой замка двери, ведущей в коридор. Однако, выйдя, он задержался там в нерешительности, прижавшись спиной к стене, прислушиваясь и принимаясь. Хотя, вроде бы, шесть последних месяцев в качестве помощника Дуггана Виккери должны были подготовить его без всякого страха встречать подобного рода критические ситуации.

Он не мог уловить ни единого признака присутствия ишкуруянцев и не чувствовал чуждых для колонистов запахов, которыми несло от туземцев и которые он легко определил бы, когда все нервы взвинчены до предела. Хотя... Нет, это была только струйка манящего запаха земного кофе. Риз быстро проследовал в его направлении. Ни один ишкуруянец не будет пить кофе. Этот напиток пограничных миров является для них ужасным ядом, аборигены даже его запах не могут выносить. А отсюда следовало, что в посёлке наверняка нет никаких туземцев, иначе доктор Нэйпер не стал бы заваривать кофе.

Риз стрелой пронёсся через три комнаты к двери в конце коридора. В последней комнате сидевший в кресле мужчина оторвал взгляд от записывающего устройства; брови его над глубоко посаженными глазами слегка нахмурились.

— Доброе утро, Риз! — слова прозвучали отчётливо и, как всегда, неодобрительно. Мило Нэйпер и его племянник, вместе с которым он жил в одной комнате, не имели

между собой почти ничего общего, никаких общих интересов или идей.

— Что происходит? — Риз остановился у стола. Тёмный экран коммуникатора, находившегося в углу, ничего не показывал. Он не был даже включён. Юноша торопливо нажал на кнопку, но в ответ раздался лишь монотонный треск статических разрядов. Должно быть, в горах сейчас шла буря, которая и мешала связи с портом в Нагассаре.

— Мы вполне можем обойтись и без этого, — раздражённо бросил доктор Нэйпер. — Выключи его. Мне надоело слышать эту совершенную чушь о проблемах с туземными племенами. Абсолютный идиотизм этих протирателей задниц в порту приводит к полному разочарованию в Силах. Если бы эти чинуши покинули свои уютные квартирки хоть на некоторое время, чтобы действительно хоть что-нибудь узнать об этой планете и её обитателях, сразу прекратилось бы всё это нытьё о проблемах, которые возникнут, когда Патруль покинет нас. Проблемы... плевать я хотел на них! Я на Ишкуре уже двадцать лет и всё это время у нас с туземцами складывались мирные отношения, к тому же они должны быть благодарны нам за всё то, что мы сделали для них.

— А как насчёт того случая в Акланбе? — Риз едва сдерживал своё нетерпение и возбуждение. — Да и присутствие Патруля всё это время являлось гарантией поддержания здесь порядка.

— А я из собственного опыта считаю, что причиной волнений служат торговцы пограничных миров. Их алчность может привести к каким угодно мелким конфликтам даже на спокойных планетах. Просто не следовало располагать Акланбу в такой близости от Древнего Леса. Это — ещё одно ошибочное решение правительства, публичное оскорбление Клана Высоких Деревьев. Несомненно, та искажённая версия, которую передавали власти об этом конфликте, слишком приукрашена и раздута. И их опасения, что ишкуруянцы поднимут восстание, едва уйдёт Патруль, — полнейшая чушь!

Поэтому я и сказал Джевину вчера, — продолжал дядюшка Мило, — когда он улетал со своей семьёй в Нагассару — как и Фермалам ранее, — чтобы никто из них больше и не думал рассчитывать, что получит здесь работу, когда до них дойдёт, какими же они болванами были, что ударились в панику. Я действительно оставил запись, что осуждаю их бегство. Пятнадцать лет упорного труда в джунглях и оказания помощи этим туземцам нельзя отбросить только потому, что отряд рейнджеров покидает планету, — это им давно пора было уже сделать. Наконец-то до Совета начинает доходить, что пришло время отбросить эту автократию в области управления. Я не сомневаюсь в надёжности мирных гарантий, которые дал нам Клан Высоких Деревьев. И отослать Патруль — первый шаг в деле исправления ошибок колониализма.

— Но месяц назад в джунглях случился пал, и Ишбэк, Ишгар и Ишван направляли его, а ведь они все из Клана Высоких Деревьев, — Риз изо всех сил пытался сохранить самообладание. Дядюшка Мило, когда речь затрагивала политику администрации, всей душой отстаивал свою точку зрения на сей счёт.

Впалые щёки доктора Нэйпера залились краской.

— Я не потерплю, чтобы подобные глупости повторялись в моём доме! Злостная пропаганда военных вполне может одурачить любого, кто наслушается её. Я знаю Ишгара, он обучался в наших школах в Нагассаре. Прибегнуть к подобному дикому суеверию абсолютно чуждо как его образованию, так и его природе. Если ты до сих пор ещё не выбросил из головы всю ту дурацкую чушь, что вбивали вам в академии, тогда, пожалуйста, не производи вслух эту ерунду здесь!

— Значит, ты остаёшься, несмотря на предупреждение, полученное этой ночью?

— Остаюсь ли я? — с удивлением повторил доктор Нэйпер. — Ну, конечно, я остаюсь.

— А вертолёт уже возвратился?

— Не знаю, мне как-то всё равно.

Риз прилагал отчаянные усилия, чтобы не сорваться.

— А как насчёт семьи Бельцев? И этого торговца-саларика, Сакфора? — не отставал он от дядюшки.

— Я рад сообщить тебе, что Гидеон Бельц не поддался этому психозу, который всех охватил в последние две недели. А действия салариков нашего поселения не трагивают.

— Но никого из туземцев здесь сейчас нет?

— Конечно. А я и не ожидаю, что кто-нибудь из них появится тут по крайней мере в ближайшие три дня. У Листьев начался Первый Пост. А это только подчёркивает полный идиотизм этих чиновников в Нагассаре. Племена в течение ближайших десяти дней будут заняты исполнением своих ритуалов. Сейчас ишкуруианцы просто не могут осуществлять какие-либо враждебные действия, и, как ты убедишься, они, разумеется, этого не сделают. Всё это, Риз, результат проклятого вмешательства Службы Разведки и прочих Служб. Весь этот шум насчёт худых намерений и предостерегающие доклады... их провал просто-напросто поставит под сомнение всю эту пустую болтовню. И через несколько лет, мой мальчик, ты ещё поблаговаришь меня, что я наставил тебя на путь истинный, прежде чем ты по-настоящему влился в их службу, справедливо нелюбимую и сомнительную.

Риз стиснул зубы. За эти года он научился многое проглатывать про себя и не выказывать своего несогласия, но в данный момент юноша почувствовал, что ему необходимо срочно покинуть дядюшку Мило, иначе он ему наговорит такое, чего тот вовек не простит и не забудет. Сейчас в нём не осталось ничего от прежнего доктора Нэйпера, и было бы лучше пожить им сейчас порознь, чем вместе, однако Риз всё-таки так и не решился улететь прошлой ночью вместе с Джевинами. Он должен был остаться, вооружённый бластером, чтобы защищать безоружного дядюшку от возможного нападения каги.

Он не разделял уверенности доктора Нэйпера в добрых намерениях туземцев и в продолжение дружественных отношений с ними после того, как миротворческие силы Патруля будут отозваны с планеты. И каким-то образом он должен в скором времени заставить дядюшку понять правду и всё объяснить. Но он не сможет добиться этого, если поссорится с ним.

— Куда ты теперь направляешься? — требовательно спросил доктор Нэйпер. — Ты ещё даже не позавтракал.

— Я же всё-таки пока работаю, если Викиери меня ещё не выгнал, — бросил Риз через плечо. — Кажется, я и так уже опоздал.

Молодой человек поторопился выйти во двор. И в самом деле, церемонии Первого Поста могли оттянуть туземцев в свои деревни. Но чувство опасности, которое появилось в нём с момента пробуждения, теперь чуть уменьшившееся, всё равно заставляло его внимательно вглядываться в кусты, полумрак дверей и окон.

— Риз!

Полусогнувшись, юноша резко повернулся, выхватив бластер. Затем с той же скоростью засунул оружие обратно в кобуру.

— Эй, Риз, ну и скор же ты на руку! — под низко свисающими ветками куста буппу возник Горди Бельц, всё лицо его было жёлтым от сока ягодок буппу. — Ты идёшь в лагерь зверей? Возьми меня с собой, ну, пожалуйста, Риз! Здесь не с кем играть, и мне так скучно...

Риз несколько секунд раздумывал. Горди временами бывал просто несносным. Но сейчас его маленькая фигурка действительно имела несчастный вид. И, конечно, не больно-то разумно, чтобы маленький мальчик сегодня слонялся без дела, предоставленный самому себе.

— Горди, а где твоя мама?

— У неё приступ лихорадки. Папа сделал ей укол и сказал, чтобы она оставалась в постели. А Ишби и Ишки так и не появились сегодня утром. Папа дал мне на

завтрак немного консервированных пай-ри. Пожалуйста, Риз, разве не могу я пойти с тобой? Я хочу увидеть всех этих зверушек ещё раз, прежде чем их увезут отсюда на корабле капитана Виккери.

Риз слегка раздвинул ноги, прижав руки к бокам.

— А если я возьму тебя, ты знаешь, как нужно себя вести?

— Ни к чему не притрагиваться, ни чего не касаться! Клянусь, Риз! — Горди сорвал узкий листок с кустарника, разорвал его посередине, свернул узлом и бросил в бас-сейн. — Клянусь Кровью Дерева.

Да, ребята уже видели этот ритуал и поняли всё на удивление правильно, мимоходом подумал Риз. Горди произнёс клятву с той же интонацией и теми же жестами, как это делают Стражи. Конечно, ребята переняли обряд, прекрасно всё запомнив. Ну и ладно, он и сам всё ещё может станцевать танец рыб сalarиков, а ведь ему было на год меньше, чем Горди, когда они улетели с той планеты. А потом он прошёл специальную подготовку, как только достиг достаточного возраста и приобрёл способность замечать любые детали, которые могли бы помочь ему воспринимать характерные особенности инопланетных культур. И поскольку Риз был сыном офицера Службы Разведки, считалось, что он последует по стопам своего отца.

Если бы только Коммандер Нэйпер вернулся назад с Волспера! Но он не вернулся, и дядюшка, не поддаваясь ни на какие уговоры, забрал Риза из кадетской школы. Однако несмотря на все свои усилия дядюшке Мило так и не удалось вытравить тоску по Службе в племяннике; юноша испытывал неудовлетворённость и одиночество, перенося постоянное раздражение — в определённой степени — на этих вечно занятых людей, выбравших совершенно иной путь в жизни.

— Ну, хорошо, — сказал Риз мальчику, — пошли.

Ведь Риз познал одиночество куда сильнее, чем маль-

чику — по крайней мере, он на это надеялся — придётся познать когда-либо в будущем.

— Разве ты не собираешься идти по большой тропе, Риз?

— Мне нужно взглянуть на вертолётную стоянку.

— Но вертолёта там нет. Он ещё не возвратился. Риз, а что означает красный сигнал тревоги? Он появился, когда папа выключал коммуникатор.

— Какие-то проблемы — наверное, в Нагассаре.

— Из-за отлёта Патруля? Почему они покидают нас, Риз?

Уж одну-то вещь Риз усвоил от своего отца: детям следует давать прямые и откровенные ответы. Он попытался упростить этот вопрос.

— Ишкур — часть Южного сектора Империи. То есть под управлением одного правительства находится множество совершенно разных миров. Два года назад совет принял решение, что пограничным мирам, вроде нашего, нужно предоставить самоуправление. Поэтому к определённому дню Патруль должен быть отозван. И все колонисты, которые считают, что им нужна защита, также могут отправиться назад на кораблях Патруля.

— Однако, Риз, ведь Империя — это тоже плохо, разве не так? Так говорит папа. Инопланетяне не должны править ишкуруианцами.

— Какие-то недостатки она, конечно, имеет. Ни одна из форм управления, которыми пользовалось до сих пор человечество, не была лишена их. Но на некоторых мирах наши методы управления оказались предпочтительнее тех, которыми пользовались туземцы до нашего прихода.

— Но не здесь, так говорит папа, — Горди сжимал руку Риза и почти бежал вприпрыжку, чтобы не отстать от молодого человека.

— Возможно... — Риз наконец вышел на площадку. Горди оказался прав, вертолёта там не оказалось. Ни Джевин, ни Пермаль не оставили бы флаер под контро-

лем работа после того, как перебрались с семьями в Нагассару. Поэтому он должен был вернуться назад по пеленгующему лучу уже несколько часов назад. Риз крепко сжал руку Горди, так что мальчик даже вскрикнул от боли и попытался вырваться.

Правда, Виккери заказал вертолёт, причём больших размеров, чем у колонистов, потому что ему нужно было перевозить животных в клетках. В нём легко могут уместиться и трое Бельцев, и оба Нэйпера. Если, конечно, капитану удастся изменить мнение дядюшки Мило. Для доктора Нэйпера Риз так и остался маленьким мальчиком, безнадёжным в умственном плане, но он не может не признавать, что Виккери очень хорошо знает ишжурианцев, и что его совет что-нибудь да значит.

— В чём дело Риз? Почему мы должны так торопиться?

Риз опять прибавил в скорости, так что Горди пришлось бежать.

— Я опаздываю, и если проводники и охотники уже ушли, то капитану понадобится моя помощь при кормёжке животных.

Сначала поляна около реки показалась не претерпевшей никаких изменений. Не хватало только ишжурианцев, обычно сидевших на корточках и проверявших цепи на пленниках или обжигавших на костре листья торкумы, прежде чем разжевать их. Клетки, готовые к транспортировке, располагались с трёх сторон квадратной ложбины, с западной стороны её огибала река. Но приглядевшись, Риз увидел, что дверцы клеток широко распахнуты, а их обитатели исчезли.

Он подбежал к пластмассовому пузырю-палатке Виккери и рванул застёжку-молнию. Но там не было ни её владельца, ни оружия, ни походной сумки. Было похоже, что Виккери в чрезвычайной спешке покинул её.

Риз промчался мимо клеток к месту стоянки вертолёта. С одной стороны там стоял роллер — машина на гусени-

цах, на которой люди передвигались в джунглях, но флаера не было.

— Риз, — юношу окликнул Горди, протиснувшийся вслед за ним в палатку, а затем догнавший его со сложенным листком бумаги в руке. — Здесь вот написано твоё имя. А где капитан Виккери и все животные?

— Их нет, — он нетерпеливо выхватил листок у Горди.

«Получил уведомление из порта, — слова были торопливо нацарапаны. — Нет свободных кораблей для перевозки животных. Пришёл красный сигнал тревоги, мне придётся ответить на вызов милиции. Не нашёл Кассу, когда она вернётся, поймай её и приезжайте вместе».

Риз проглотил комок в горле. Касса! Виккери даже не задержался, чтобы поймать Кассу! Он почувствовал, как всё внутри него заledenело, и вместе с холодом накатила тошнота. Касса, спишианская гончая Виккери, была чемпионкой среди собак следопытов. Охотник ни за что не оставил бы её, если бы не приказ, которому нельзя было не подчиниться. А милиция должна была вызвать следопыта, только если в порту возникли какие-то серьёзные неприятности.

— Горди! — резко позвал он мальчика, который направился было к реке. — Иди сюда!

— Риз... я что-то услышал! Прошу тебя — подойди и послушай!

Но Риз и сам теперь это услышал тихие прерывистые шорохи, и этот шум накладывался на тошноту, которую он ощущал внутри себя. А что если... что, если Виккери так и не улетел на вертолёт. А что, если здесь повторился ужас Акланбы? Риз попытался подавить усиливающиеся импульсы паники.

Он схватил Горди за плечо и потащил мальчика к машине. Затолкнув его на сидение, он также забрался внутрь и быстро осмотрелся. Виккери даже не снял ни звукового экрана, ни огнемёта.

— Сиди спокойно! — резко приказал Риз, увидев промелькнувшее недовольство на лице мальчика. Затем надавил ногой на педаль, и машина пришла в движение.

Они проломились прямо через край площадки с клетками, двигаясь параллельно реке. Но им не пришлось долго ехать. Не успел Риз обрадоваться, что не обнаружил тело Виккери, и едва он с облегчением вздохнул, как крик ужаса Горди вынудил его выстрелить в напрасно мучавшееся существо, ещё не переставшее дёргаться. Должно быть, прошло не так уж много времени. Если бы собака вернулась в лагерь, пока оттуда ещё не ушёл Виккери, то капитан сжёг бы дотла все джунгли, но покончил с мучителями Кассы. А может, это служит предупреждением или сигналом, свидетельствующим о победе над одним из поселенцев, одним из бывших друзей?

Горди плакал так же громко, как обыкновенный мальчик с Земли, но это действительно было ужасное зрелище, от которого теперь сотрясилось всё его тело. Руками он намертво вцепился в рубашку Риза.

— Всё хорошо! — юноша обхватил одной рукой трепещущее тело, притянув поближе к себе. — Теперь, Горди, всё в порядке, — однако в действительности дела обстояли по-другому, и ничего с этим нельзя было поделать. Не сейчас. Ему не следовало приводить сюда мальчика, но ему также нельзя было оставлять его и одного. Кто-то в джунглях за ними следил, Риз был в этом уверен.

Он снова завёл машину. Теперь дядюшка Мило должен будет прислушаться к благоразумным советам. Они могут снять огнемёт с этой машины, превратить главное здание посёлка в крепость и вызвать по коммуникатору помощь. В воспалённом мозгу Риза быстро проносился один план за другим.

Капитан Виккери на первый взгляд неплохо ладил с туземцами. Он пил шипучее пиво с двумя местными вождями и наблюдал за Ритуальными Танцами. Нельзя

сказать, что с Кассой так жестоко обошлись из-за какого-то греха её хозяина. Не дело торговцев устанавливать границы запретных территорий. Это произошло здесь и сейчас — леденящее душу предупреждение для каждого поселенца в ближайших окрестностях.

А как насчёт салиариков? Доктор Нэйпер ничего не сказал о них. Смогли ли они ночью уехать? Риз несколько секунд раздумывал, что ему делать, не зная куда направить машину. Чтобы спуститься вниз, к их посёлку, потребуется много времени. С другой стороны, не предупредить салиариков было просто невысказано.

Уже их кошачьи предки ни в чём не уступали людям, и он знал, что у Сакфора есть женщины и дети. Риз круто развернулся и выжал из машины всё, на что она была способна. Машина неслась над землёй огромными прыжками, при этом расходовалось слишком много топлива, но так было намного быстрее. Сначала станция салиариков, а после неё — посёлок людей. И он мог только молиться, чтобы у них ещё осталось хоть немного времени!

Глава вторая

Как и здания посёлка людей, фактория салиариков была построена из гладких каменных глыб, доставленных с берега реки, разрезанных на части и потом плотно подогнанных друг к другу, чтобы под воздействием ветра и дождя обрести твёрдость металла. Чтобы разрушить такие стены, требуется большая сила. Но маслянисто-жёлтый дымок, поднимавшийся в небо, и запах горячей оганной наполнили Риза недобрым предчувствием, и он понял, что форт Сакфора больше не является надёжным убежищем. Он пылал в огне.

Риз оторвался от рычагов управления, и машина остановилась под прикрытием кустарника, сквозь который землянин мог разглядеть факторию, расположенную на

изгибающемся берегу реки. Там разворачивалась настоящая бойня. Риз держал Горди лицом на полу, чтобы мальчик не видел происходящего. Какое-то мгновение молодой человек держал пальцы на спусковом курке огнемёта. Но было слишком далеко, чтобы его лучом поразить грабителей. А выдав своё присутствие, они не помогут зарплатникам.

Землянин дал задний ход, радуясь, что звуковой экран заглушает все внешние звуки. Реальность подходившей к концу резни ещё более ужасала, чем любое послание, переданное по коммуникатору. Риз пытался справиться с бившемся в конвульсиях желудком, покидая это проклятое место, которое ещё совсем недавно было мирной факторией.

Во время разворота что-то стрелой промелькнуло перед роллером. Жёлто-коричневое. И оно не было животным! Натренированный в джунглях глаз Риз заметил это отличие, и он тут же нажал на кнопку, отключая звуковой экран.

Но не услышал предполагаемых воплей попавшего под колёса существа. Со стороны фактории доносились ужасные крики, хотя и приглушённые. А его собственный сигнал мог привлечь ишкуринцев-разведчиков, весьма любящих незаметно подкрадываться к жертве. Справа колыхались невысокие кусты, беглецы вполне могли укрыться за ними. Риз указал Горди на заросли.

— Выслушай меня, — он смотрел прямо в глаза мальчика, — это очень важно, Горди. Вон там, под теми кустами может скрываться один из детей зарплатников. Если к нему пойду я, то я могу испугать его, и он убежит. А как ты считаешь, смог бы ты подкрасться туда и забрать его с собой?

— Риз, что происходит? Риз, этот шум... — Горди дрожал в руках юноши, его лицо выдавало испуг и шок.

— Горди, тот куст вон там, — Риз мягко встряхнул

мальчика. Напавшие могли не оставить больше ни одного живого свидетеля. А он добился бы лишь того, что испуганное инопланетное дитя ещё глубже запряталось бы в гущу кустов. Только Горди может помочь вытащить ребёнка-саларика.

Риз мягко повернул мальчика и вновь показал на кусты. Затем снова несильно встряхнул Горди, радуясь, что на лице мальчика появилось выражение понимания. С бластером в одной руке и придерживая мальчика другой за плечо, Риз выбрался из роллера и направился к кустам. Не доходя несколько метров до них, он отпустил Горди и подтолкнул его в нужном направлении. Слава богу, пронзительные жалобные всхлипывания прекратились. Теперь они слышали лишь вопли туземцев.

Горди опустился на четвереньки и пополз под ветками кустарника. Затем там прошло какое-то волнение, после чего показались истёртые ботинки мальчика, а за ними и его штаны. Тот возвращался птясь, таща за собой сопротивляющегося пленника, обеими руками крепко держа два маленьких запястья, не обращая внимания на царапавшие кожу пальцы с клешнеобразными ногтями, стремившиеся обрести свободу.

Риз быстро нагнулся, но эти ногти, ужасные и острые, успели зацепить и его щеку и подбородок, так что он даже собрался задать хорошую трёпку маленькому существу, беря его на руки. Горди, хотя Риз ему ничего не говорил, уже нёсся назад к их не очень-то безопасному укрытию. Вслед за ним к машине последовал и юноша и усадил до смерти перепуганного пленника на сидение между ними. Удерживая одной рукой пленника, другой он включил звуковой экран, а затем снова повёл машину. И только после этого он поближе рассмотрел спасённого ребёнка... девочку!

Она вся сжалась, острые ушки прижались к округлому черепу, а рот только чуть приоткрывался, когда она беззвучно шипела, повинуюсь инстинкту своих древних

кошачьих предков. Великолепные пушистые шерстинки её меха сейчас стояли дыбом. Оранжево-красные косые глазки на широком лице прищурились и неистово пылали.

Риз не умел определять возраст салириков. Она могла быть и старше и младше Горди. Одета девочка была в оборванную короткую юбку, поддерживаемую на талии пояском с драгоценными камнями, на котором на великолепно вышитых ленточках каким-то чудом сохранились несколько пахучих мешочков. Остальные мешочки были сорваны, и оставшиеся ленточки свободно болтались. Итак, судя по её одежде, она была совсем ребёнком и из знатного рода, наверное, одной из дочерей Сакфора. Женщины-салирики не ходят свободно, их можно увидеть только в их поселениях, и у Риза не было ни малейшего представления о том, сколько членов насчитывает сейчас семья Сакфора и сколько кому лет. Землянин знал, что мужчина-салирик с таким, как у Сакфора, саном может иметь несколько женщин, и обычно ими были две или три родные сестры одного клана.

Головка салирики медленно повернулась, внимательно рассматривая Горди, Риза и внутреннее пространство роллера. Красный остренький язычок облизнул лицо и снова исчез за зубками.

— У неё мех, — произнёс Горди, поднеся к салирике указательный палец, но так и не дотронувшись до мягкого золотистого пушка, покрывавшего внешнюю сторону ближайшей к нему ручки. — Она замечательно пахнет, не так ли? — его нос поморщился, когда острые запахи от мешочков на её поясе заполнили машину. По всей видимости, новенькая так заинтересовала его, что он забыл о случившемся в последнее время. Риз кивнул.

— Народ салириков любит ароматы, Горди. Это главный предмет их торговли, — он мог прикусить себе язык при такой тряске, но Горди, по-видимому, не обращал на это никакого внимания.

— Как её зовут, Риз? — продолжил мальчик.

— Я не знаю, — мысли молодого человека больше были заняты тем, как им продрасть сквозь заросли впереди. Держаться на открытой местности значило немедленно выдать своё присутствие. И что сейчас происходит в посёлке? Верное ли он принял решение? Может, из-за его решения отправиться в ненужное путешествие к фактории погибли три человека? Капельки пота выступили на лице Риза и, сверкая, покатались вниз, падая с подбородка, так что он ощутил на губах солёный привкус.

— Как тебя зовут? — спросил Горди на Бэйсике. — Меня — Горди Бельц. Я живу в посёлке.

Саларика снова облизнула лицо, а потом подняла одну руку. Между пальцами её текла кровь. Девочка дотронулась до ранки язычком.

— Риз, да она же ранена! Все её пальцы в крови!

Риз бросил взгляд через плечо.

— Серьёзная царапина, Горди. Но кровь больше не течёт. Как только появится возможность, я осмотрю рану, — он надеялся, что саларики следуют обычным мерам предосторожности пограничных миров и делают профилактические прививки против инопланетных болезней. А сейчас он должен как можно скорее добраться до посёлка, должен!

— Мы уже почти дома, — объявил Горди через несколько минут. — Я уже вижу большое дерево-крюк. Моя мама даст тебе что-нибудь, чтобы ты перевязала пальчик, — уверил он саларику. — Не очень больно?

Наконец девочка-чужачка почти перестала шипеть. Она продолжала изучать своих спутников, но волоски шерсти больше не стояли дыбом, и она, похоже, немного успокоилась. Риз сомневался, что она понимает Бэйсик. Но он верил, что она чувствует доброжелательное отношение к ней землян, и что они заметно отличаются от этих проклятых туземцев, уничтоживших факторию.

— Риз, почему ты тут притормозил? Почему не выезжаешь на дорогу? — оба вопроса Горди выпалили почти одновременно. Его лицо вновь побледнело, когда молодой человек остановил машину на порядочном расстоянии от зданий посёлка.

Однако Риз не решался выехать на дорогу, не будучи уверен, что ждёт его впереди. Лучше уж подъехать не как обычно он это делал, а под прикрытием рощицы фарбов. Оттуда можно будет организовать любую разведывательную экспедицию к лабораторным строениям.

— Риз, папа будет просто в ярости, что ты проехал на машине по ухоженному полю, где он всего неделю назад посадил семена домана, — руки Горди ухватились за край приборной доски. — Пожалуйста, Риз, скажи, что происходит? — он уже потерял интерес к салирике и снова начал дрожать.

— Горди, успокойся! — Риз вёл машину таким образом, чтобы никто из посёлка не мог их увидеть. Он считал, что сумеет подобраться незаметно как можно ближе. Конечно, отсюда, издалека, он не видел никаких признаков туземцев. Но они вполне могут скрываться в джунглях, готовые в любой момент совершить нападение.

Риз остановил машину и повернулся лицом к детям.

— А теперь, Горди, выслушай меня внимательно, это очень важно. Мы должны скрытно добраться до твоего папы, твоей матери и моего дяди Мило и увести их отсюда куда-нибудь, где мы сможем сражаться. Ты понимаешь это?

Руки Горди так сжали край приборной доски, что побелели костяшки пальцев. Но его кивок сказал молодому человеку, что он всё понял.

— Ты должен остаться здесь, в машине, вместе с салирикой. Она напугана, и если её оставить одну, она может попытаться снова убежать в джунгли. И тогда мы потеряем её. Поэтому я надеюсь, что ты присмотришь за ней, Горди.

— А ты, Риз, отправишься к моим маме и папе?

— Да. И если там скрываются туземцы, они не должны нас увидеть, поэтому ни в коем случае не выходи из машины!

— Ты можешь отправить сообщение по радио, а потом прибудет Патруль и увезёт нас, — рука, вцепившаяся в панель управления, расслабилась.

— Да. Но ты, Горди, останешься здесь вместе с салатрикой. Я вернусь как можно быстрее. А теперь взгляни на эту кнопку! Она управляет звуковым экраном. Мне придётся отключить его, когда я буду выходить наружу. И ты должен нажать на неё, чтобы снова включить экран. И держи его включённым всё время, пока меня не будет.

Горди хмуро кивнул. Риз надеялся, что он исправно выполнит его приказ. Когда включён этот экран, у детей будет хоть какая-то защита: слух ишкуринцев весьма болезненно воспринимает его воздействие.

— А теперь я уйду. И вот ещё что, Горди, даже если появятся Ишби или Ишки, ни за что не впускай их! — Риз не мог знать, были ли эти аборигены среди нападавших, но он не мог полагаться на хрупкую надежду, что они всё ещё являются их друзьями.

— Хорошо, Риз.

Юноша выбрался из машины, посмотрел, как Горди включил звуковой экран, и побежал к ближайшему зданию. Острый запах, который окружал его в машине, стал потихоньку улетучиваться. Он долгое время стоял, прижавшись к неровной стене, пытаясь хоть что-нибудь услышать или учуять своим обонянием в надежде точно определить, ждёт ли его впереди опасность.

Но юноша слышал лишь жужжание насекомых, кудахтанье кубр-наседок да шелест ветерка, пробивающегося сквозь кустарник — ничего, грозящего опасностью. Но вместе с тем не доносилось и приветливого гудения из лаборатории — атомный двигатель не работал. И это держало Риза в напряжении. Он скользнул вдоль стены,

где не было никаких окон — придётся обойти двор сбоку, прежде чем он сможет увидеть, что случилось с посёлком на самом деле.

В это время Бельц обычно находится в лаборатории, там же или в доме должен быть и его дядя. Горди сказал, что его мать заснула после приступа лихорадки. Следовало побыстрее найти трёх человек и предупредить их. За кем отправиться первым: за миссис Бельц или за мужчинами в лабораторию? Однако учёные вполне могут закрыться в лаборатории — хотя преграда и небольшая, — а он сможет передать им туда предупреждение. А женщина одна... Снова юноше приходилось мучительно выбирать.

Риз стоял, по-прежнему прижавшись к стене, прикрываемый развесистым кустарником. Насколько он мог видеть с этого места, в саду и во дворе ничего не изменилось с того времени, как он отправился отсюда три часа назад.

И тут чувство опасности нахлынуло на него с новой силой, когда ветер, раскачивая над его головой длинные полосы окаменевших листьев, донёс до него вонючий тошнотворный запах грязных тел туземцев, отдававший мускатом. Это был запах кроков, возбуждённых и разгорячённых. Кроки — совсем позабытое слово, но Риз знал его. Здесь воняло кроками — и сильно!

Землянин внимательно изучал вполне мирную на вид картину, пытаясь догадаться, где же прячется источник этой вони. Может, кто-то из них совсем близко подкрался к нему? Или это просто оставшееся напоминание о недавнем визите ишкуринцев?

Чтобы попасть к домику Бельцев, ему придётся преодолеть пространство между изгородью и стеной лаборатории, мимо склада, скрываясь большую часть неблизкого пути. Низко согнувшись, Риз начал оценивать степень риска. С такого далёкого расстояния он не мог определить, откуда несёт воню кроков. Во дворе не

было заметно никакого движения. Всё, чему он научился в искусстве охоты за последние месяцы у Виккери, теперь будет подвергнуто серьёзной проверке на прочность.

Риз промчался от одной купы колючего кустарника к другой. Затем его рука потянулась к подоконнику окна, которое открывалось в комнату, где должна была спать миссис Бельц. Обегать дом в поисках двери означало наверняка выдать себя. Поэтому лучше уж перетерпеть боль от прохождения сквозь звуковой экран и проникнуть в дом через окно. Кара Бельц должна ещё спать после укола. Ему необходимо будет разбудить женщину.

Риз подтянулся на подоконник и стремительно перевалялся через него. И ему хватило одного взгляда на кровать, чтобы понять, какой кошмар здесь случился. С выворачивающимся наружу желудком Риз спрыгнул в кусты, призывая на помощь всё своё самообладание, владеть которым его учили в академии, чтобы удержаться и не выдать себя рвотой. По крайней мере она спала, когда туземцы набросились на неё. Юноша судорожно ухватился за эту мысль.

Теперь не имело никакого смысла наведываться в лабораторию. Отсутствие гудения двигателя говорило о многом. А как насчёт коммуникатора? Может ли он сейчас вызвать помощь, воспользовавшись им? Но то настойчивое предупреждение прошлой ночью было последним сообщением. «Вам следует вернуться на вертолёт в порт... на собственном вертолёте. Спасательных отрядов в посёлок посылать больше не будут». А их вертолёт не вернулся... Что же касается машины, которая была в фактории... Кроки, должно быть, уничтожили её, не дураки же они.

Однако в доме оставались и другие вещи, которые могли очень пригодиться беглецам. Его походная сумка, набитая снаряжением и припасами — он должен попытаться найти её. Риз подавил произвольную дрожь тела и снова принялся рассматривать двор, раздумывая над своим последующим шагом.

Он не двигался до тех пор, пока точно не определился, куда и зачем он направится. Потом быстро и уверенно полез в другое окно, открывавшееся в его комнату.

Следы пребывания кроков сразу бросались в глаза. В разграбленной комнате царил ужасный беспорядок, на шкафах виднелись царапины и отметины лап, которыми туземцы пытались открыть дверные замки, прикладывая к ним — как люди — ладони. Но температура тела ишкуруианцев отличалась от человеческой. Поэтому им не удалось активировать устройства управления замками, и содержимое шкафов осталось нетронутым.

Риз прижал руку к одному из покорёженных замков, и его тело содрогнулось даже от такого мимолётного контакта со следом убийцы. Он выхватил из открывшегося шкафа сумку, которую столь тщательно перед этим упаковывал, и кинул поверх всего ещё три шёлковых одеяла вместе с кинжалом с длинным острым лезвием, подарком отца. Хотя тот и был выкован из закалённой дюраласта, им нельзя было проткнуть кожу кроков, однако кроме них в джунглях водились и другие формы жизни. К тому же джунгли — не последнее их прибежище.

Развернув ещё одно одеяло, Риз бросил туда все собранные им вещи и завязал его узлом, так что у него получилась громоздкая сумка, которую он выбросил в окно. Выбравшись, юноша постоял немного около своей добычи, прислушиваясь и приносясь.

Почему кроки напали на них и тут же ушли? Этот вопрос приводил его в замешательство. В посёлке людей не горели костры, не было никаких свидетельств зверств, которые он видел в фактории. Они просто быстро убили землян, а затем исчезли. Почему?

Пост Сакфора представлял собой относительно примитивное строение, его склады можно легко разграбить. Посёлок же землян был более сложно обустроен, здесь находились лаборатория, склад, жилые помещения. Может быть, ишкуруианцы испугались лаборатории и её

оборудования? Или же они решили попозже возвратиться сюда для более продолжительного грабежа?

Туземцы, работавшие в поселении землян, пользовались благосклонностью доктора Нэйпера и, бывая в лаборатории, приобретали какую-то простейшую техническую подготовку. Те трое туземцев по крайней мере знали ценность большей части приборов и как ими пользоваться. И в лаборатории имеются предметы, которые могут стать куда более страшным оружием, чем духовые ружья и арканы, используемые туземцами.

Риз не понимал, почему такие мысли пришли ему сейчас в голову. Но это соображение крепко засело в его голове, словно какое-то «предчувствие». А разве в Академии им постоянно не подчёркивали важность изучения причин подобного рода предчувствий? Наверное, кому-то было нужно, чтобы посёлок остался нетронутым, и этот кто-то смог бы обратить инопланетные машины, результат работы инопланетной мысли, против их создателей. Риз должен помнить об этом и быть готовым принять подобную возможность.

Не в его силах было уничтожить всё оборудование. Фактически, два техника-ишкуруианца больше разбирались в нём, чем сам Риз. И он должен вернуться обратно к роллеру, прежде чем его кто-нибудь заметит.

Горди увидел его приближение и отключил звуковую защиту. Бросив узел в багажное отделение, Риз снова устроился за приборной панелью.

— А где мама?

Риз вздрогнул больше от этого вопроса, чем от того, что его руки прикоснулись к пальцам Горди.

— Она уехала, Горди, как и твой папа, как и доктор Нэйпер.

— Куда? Но ведь мама никуда не отправилась бы без меня! — резко запротестовал Горди, и в его голосе можно было почувствовать страх.

— Она была больна, ты помнишь это, Горди. Она,

наверное, спала, когда они уезжали. Мы поедем на большую плантацию в горах и догоним там их вертолёт.

Риз не мог заставить себя рассказать Горди правду, по крайней мере не сейчас и не здесь, пока в памяти мальчика свежи ужасные воспоминания о Кассе и фактории. Ещё ему нужно составить план действий, и не только на ближайшие несколько минут или часов. Насколько Риз знал, фактория, охотничий лагерь Веккери, где тот держал своих животных, которых затем продавал в инопланетные зоопарки, и их посёлок — единственные строения инопланетян, находившиеся так далеко на западе.

Два месяца назад закрылись прокслитовые рудники, когда пришло первое сообщение по радио о том, что колонистам предлагается покинуть свои поселения. И сейчас между ними и горным кряжем, где скрывалась долина с Нагассарским космопортом, располагались всего две плантации. Одна из них, Рексулов, была достаточно большая, чтобы иметь собственные полицейские силы. И если беглецам удастся достичь её, а инопланетяне ещё не улетели, то... Ризу оставалось только надеяться на это ужасное количество «если».

Теперь же главной проблемой было найти какое-нибудь место, чтобы затаиться там до наступления темноты. Ночью же он попробует заставить машину поскакать самыми большими прыжками, таким образом быстро продвигаясь вперёд. Движение по земле оставит за ними такой след, по которому их сможет преследовать даже полуслепой турист, впервые оказавшийся в джунглях. А прыгать при свете дня означает выдать себя. Да, главное сейчас — спрятаться... А после наступления темноты двигаться на восток — к Рексулам!

Глава третья

Роллер укрывался между двумя скалами в расщелине, заросшей небольшими деревцами янду. Риз проехал не-

много по тропе, проложенной в лагерь многочисленными охотничьими экспедициями, а затем одним тщательно выверенным прыжком бросил машину в эту расщелину. Серо-зелёный занавес кустов с колючками неплохо защищал их от нежелательных взглядов. Этому его научил Виккери, когда устраивал подобные ловушки. Но всё равно чувство тревоги не утихало, хотя он и принял меры предосторожности на случай неожиданного нападения. А лучшей защиты, чем каменная стена с единственным входом, на который нацелен огнёмёт, в их положении и придумать нельзя.

Риз посмотрел на часы. Прошло чуть больше четырёх часов после его расставания с дядюшкой Мило. Четыре часа — срок, как оказалось, вполне достаточный, чтобы уничтожить целый мир.

— Риз, я хочу пить, — Горди потянул его за рукав.

Вода? И еда? В машине всегда имелся неприкосновенный запас еды. Но как насчёт воды? Проверить резервуар нужно было сразу же ещё утром, но в этот день его мысли занимали совсем другие дела.

Риз встал на колени на сиденье, чтобы увидеть показания счётчика. Емкость была наполовину заполнена, то есть им придётся довольно бережно расходовать запас жидкости. Хотя в джунглях имеются и другие возможности восполнить расход воды, им следует иметь неприкосновенный запас в резервуаре на случай непредвиденных обстоятельств.

— Я хочу пить! — не отставал Горди.

— Сейчас я принесу. Ты останешься здесь и снова включишь звуковой экран, когда я выйду, но никуда не выходи, понятно?

Юноша снял с крючка пластмассовую фляжку и засунул нож за пояс. И саларика, и Горди с круглыми от удивления глазами следили за его приготовлениями.

Он выскользнул из машины, пробрался между двумя огромными шипами, потом остановился, прислушиваясь

и приняхиваясь. То, что он собирался искать, не должно было находиться слишком далеко. Риз обогнул один из двух защищавших машину скалистых выступов и вступил в сумрачный серо-зелёный мир джунглей, его ботинки проваливались на несколько дюймов в мягкую землю.

Промелькнуло какое-то призрачное существо с такими бледными, почти совершенно прозрачными крыльями, что никто из землян-биологов до сих пор не смог определить, к какому классу его отнести: к птицам или невероятных размеров насекомым. Риз застыл как статуя, следя за его полётом. И облегчённо расслабился, когда этот крылатый призрак уселся на растение лукообразной формы, обвивавшее, как виноградная лоза, крепкий ствол шиповика.

Это должен быть шиповик, печально подумал Риз, оценивая на глаз расстояние между землёй и вьющейся лозой. К счастью, это дерево было уже старым, и поэтому между тёмными фиолетовыми шипами оставались приличные просветы. Он вполне может пробраться там, хотя наверняка это окажется не таким уж простым делом. Зажав зубами лезвие ножа и засунув флягу под рубашку, Риз осторожно взялся пальцами за эти устрашающие шипы и подтягивал себя вверх, пока не ухватился одной рукой за лозу совсем рядом с луковкой.

Вблизи стало ясно, что это растение не было частью лозы, а паразитировало на нём, проникнув в ствол корнями. Луковица имела шарообразную форму и фантастической формы листву фиолетового цвета, чем-то напоминающую волосы, которые росли в нижней его части. Среди листьев показалось крылатое призрачное существо и тут же в панике упорхнуло. Риз одной рукой сделал ножом надрез сбоку луковицы. Фиолетовые волоски приподнялись, обхватывая его запястье. Но юноша не обращал на это никакого внимания, зная, что у него выработан иммунитет к яду, который те впрыскивали ему под кожу.

Снова зажав нож зубами, Риз крепко прижал горлышко фляги к дыре, проделанной им в луковице, изо всех сил вдавливая ёмкость в мякоть плода. Тот сплюснулся под этим давлением, фиолетовые нити бессильно поникли вокруг пустой оболочки, а жидкость, которая до этого содержалась внутри шара, вытекла во флягу. Риз спрыгнул на землю — теперь у него был порядочный запас питья.

Назад он возвращался ползком, ногами вперёд, чтобы веткой стирать за собой следы, оставленные раньше его ботинками. К счастью, мягкая земля легко поддавалась усилиям юноши. И вот он снова в роллере, где его с нетерпением ожидали дети. Напоив их, он задумался, а есть ли у саларики иммунитет. Горди не угрожала опасность заболеть от местных вирусов, как и от укусов большинства насекомых. Но были ли этому маленькому инопланетному существу сделаны хоть какие-то прививки, или, может, у них осуществляется некий генетический контроль? Ему оставалось только надеяться, что он был прав.

Саларика охотно выпила сок, и он снова попробовал поговорить с ней на Бэйсике. Однако девочка вновь ничего не ответила, хотя и внимательно вслушивалась в его слова. Риз даже подумал, что если саларика и понимает, что он говорит, возможно, она просто не в состоянии разговаривать на обычном межзвёздном языке.

Но теперь она позволила юноше исследовать свою раненую руку. Кровотечение остановилось, и рана казалась чистой. Когда же землянин попытался залепить её пластырем, она резко покачала головой и вырвалась, снова принявшись методично лизать рану языком. Риз догадался, что в их племени принято таким образом лечить раны. И лучше не вмешиваться, тем более, что то, что применяет один народ, не всегда подходит другому.

— Почему мы остаёмся здесь, Риз? — требовательно спросил Горди. — Если мама и папа ждут нас в вертолёте в горах, я хочу немедленно отправиться туда!

— До наступления темноты нам никуда нельзя отправляться, — ответил Риз, призывая на помощь всё своё терпение. Провести в тесной машине оставшуюся часть дня будет нелёгким делом как для Горди, так, наверное, и для ребёнка-саларики. Но они не могут рисковать и покинуть безопасное убежище. Насколько можно быть откровенным с мальчиком? Отец Риза всегда вёл себя с ним, как со взрослым, но ведь он работал в Службе Разведки.

Когда умерла его мать, Риз был чуть старше, чем сейчас Горди, но уже успел пожить в двух поселениях на недавно открытых планетах. Как бы то ни было, Риз продолжал сопровождать своего отца во всевозможных путешествиях, пока ему не исполнилось двенадцать лет, и он не поступил в Академию.

Специализация в семьях технических работников достигла такой степени, когда дети обречены были заниматься тем же делом, что и их родители. Вот почему Риз больше всего страдал от щемящей тоски, когда доктор Нэйпер забрал его из Академии и попытался сделать из него простого колониста. Он не мог согласиться с питаемым дядюшкой Мило отвращением к основным положениям Службы Разведки. Как раз поэтому он никогда не признает, что открытие Службой Разведки новых планет ведёт лишь к увеличению колониального гнёта Империи и увековечивает то, что доктор Нэйпер и его товарищи считают пагубным аспектом галактической экспансии Земли.

Но Горди был из семьи поселенцев и относительно менее крепок и меньше подготовлен к подобным событиям. Достаточно ли легко мальчик отходит от неприятных переживаний или всё же воспоминания будут долго мучить его, даже если им удастся спастись?

— Если мы отправимся прямо сейчас, то кроки могут заметить нас, — попытался Риз объяснить положение дел.

— Ты не должен называть их кроками, — наставительно поправил его Горди. — Это оскорбительное прозвище.

Оскорбительное прозвище! Да, верно, так считали в посёлке. Риз нетерпеливо нахмурил брови. Как же ему захотелось, чтобы административные главы поселений оказались бы рядом с ним и увидели всё, что произошло здесь всего три-четыре часа назад. Конечно, никто — у кого в голове имеется хотя бы крупица здравого смысла — не станет намеренно оскорблять никакую другую разумную инопланетную расу. Но в поселениях проводилась идеологическая обработка и господствовала доктрина, отмечающая прочь присущую людям осторожность при появлении неизвестных факторов, согласно которой небольшим грехом считалось изучение любых побуждений и поступков туземцев. Риз предполагал, что то, что произошло здесь, политики смогут как-то объяснить и оправдать, чтобы успокоить всех, но только не погибших — погибших мучительной смертью.

— Хорошо, туземцы, — согласился Риз. — Горди, это очень важно: туземцы больше не любят нас. Если они нас увидят, то убьют.

— Именно это и говорил Патрульный по коммуника-тору?

— Вот именно, — подтвердил Риз.

— Я хочу к маме и папе! — Горди упрямо сжал губы, но теперь они дрожали.

— Послушай, их нет здесь! — в отчаянии воскликнул Риз. Он понимал, что сегодняшний день стал для мальчика днём потрясений, и уже просто тот факт, что они до сих пор живы, многое значит. Хотя, молча поправил он себя, Горди просто ещё не в состоянии осознать это.

— Ночью мы включим систему передвижения с помощью прыжков и попрыгаем в направлении плантации Рексулов. А теперь позволь мне поставить «жужжалку», и попытайся вместе с сарарикой немножко поспать.

— Ночное путешествие, — задумчиво пробормотал

Горди. — И прыжки всю ночь. Может, Риз, нам повезёт и мы увидим воздушного дракона?

— Дай-то бог! Но ты не увидишь ни одного воздушно-го дракона, если не отоспишься так, чтобы прободрствовать всю ночь, — Риз с радостью ухватился за первую же возможность увести разговор в сторону.

Он расстелил два одеяла на полу в багажном отделении, дал детям ещё попить и установил небольшую «жужжалку», когда-то использовавшуюся для успокоения только что пойманных животных и погружения их в сон. Юноша с облегчением увидел, что девочка, похоже, с удовольствием последовала примеру Горди. Сам Риз устроился на краешке водительского сидения, положив на колено магнитофон, — единственное, что осталось у него от периода жизни с отцом.

Коммандер Тэйт Нэйпер никогда не бывал на Ишкуре. Но он получил соответствующую подготовку и мог общаться с самыми разнообразными инопланетянами. И личные записи, которые остались после смерти офицера, стали настоящим сокровищем для его сына. В этих лентах коммандер обобщил весь опыт своей долгой и успешной карьеры. Риз нажал на кнопку и произнёс ключевые слова, чтобы получить такую нужную ему сейчас информацию: «джунгли, аборигены, бегство» — и подождал, пока в его сознании не возник сканирующий луч.

Через пятнадцать минут он выключил магнитофон. Та информация, которая была передана в его мозг, давала не слишком много. Хотя одна-две идеи...

— Паучий глаз, — тихо повторил он вслух. — Если вам предстоит сражаться с пауком, вы должны попытаться взглянуть на мир его глазами, думать, как он, предвидеть его атаки, представляя себя на его месте.

Вместо пауков в данном случае были кроки, и теперь Риз должен попытаться думать, как думают кроки, чтобы превзойти их, и это было довольно сложной задачей, но другого выхода из создавшейся ситуации он не видел.

А что он вообще знает о кроках от тех, что обучались в посёлке? Их общество разделено на три разных класса слуги, выполняющие самую тяжёлую работу, правители и охотники. Можно научиться щёлкающей речи кроков. Но ни один инопланетянин не обладает способностью телепатического обмена мыслями, а кроки, как ходят слухи, — имеют такой дар.

Да, можно было кое-что узнать о видимых проявлениях жизнедеятельности кроков: о рыбаках на побережье, охотниках в джунглях, или тех немногих избранных, получивших образование на других планетах и узнавших о достижениях галактической цивилизации. Но на самом деле ничего не было известно о том, что происходит под покатыми черепами кроков, с виду напоминающих головы рептилий. Да, понять, как использовать принцип паучьего глаза в данном случае, — задача почти неразрешимая. Но для Службы Разведки не существуют слова «неразрешимый» и «невозможный».

Риз закрыл глаза и попытался вспомнить то, чему его учили... если бы только у него было больше знаний! Он находился в положении человека, которому приказали построить космический корабль, выдали полный список необходимых материалов, но дали только самые начальные основы инженерных знаний. Он сосредоточенно стал представлять, о чём же могут думать и как решают свои проблемы кроки, в попытке понять, что происходит под шершавой, покрытой панцирем кожей, рассматривая всё сквозь «паучий глаз», чтобы предвосхитить действия, которые предпримут кроки против беглецов...

И снова Риз пробудился, испытывая тревогу из-за отсутствия привычных звуков, как и несколькими часами ранее, утром. Звуковой экран! Его рука сама потянулась к нужной кнопке на приборной панели. Неужели вышла из строя система подачи энергии роллера?

Но едва только его палец прикоснулся к кнопке, как снова возникла слабая вибрация. Нет, с системой подачи

энергии всё в порядке, просто она была отключена. Горди! Риз поспешно повернулся и бросил взгляд в багажное отделение за водительским сидением. Но Горди лежал там, растянувшись во весь рост с широко раскинутыми руками и ногами. Горди был там... но девочка-саларика ушла!

Как она узнала? Хотя, конечно, она же видела, как Горди управлял звуковым экраном. Но почему она убежала — после того как поела и выпила сок? Риз покормил детей, облегчив наполовину содержимое фляги. Ага, фляги тоже не осталось, как и остроги, которая лежала в дальнем углу багажного отделения... — вода и оружие. Их бегство должно было следовать определённом порядку действий. Неужели девочка отправилась обратно, чтобы разыскать остальных членов своей семьи? Это была самая вероятная причина, почему саларика решила отправиться в джунгли.

Риз почесал лоб. Она не могла уйти слишком далеко. Отключив звуковой экран, она потревожила его сон. Какая доля врождённой способности находить путь домой, присущей её кошачьим предкам, передалось ей? Хватит ли девчужке инстинкта, чтобы провести её сквозь джунгли к фактории? Никогда она не сделает этого! Джунгли не представляют опасности, только когда ты идёшь вместе с охотником; любой инопланетянин должен путешествовать на машине, снабжённой множеством самых изощрённых защитных устройств и приборов обнаружения, наподобие роллера, на котором передвигались они сами.

Но как же ему выследить эту маленькую саларику, которая, по всей видимости, вовсе не хочет быть найденной, а ведь тут поблизости тысячи укромных мест, где можно затаиться? И он видел один-единственный ответ, в котором к сожалению таилась опасность для всех них — необходимость использования чувствительного детектора их роллера, который мог обнаружить любое разумное

живое существо. Сейчас это устройство было настроено на кроков, но его можно легко переналадить на поиск салирики.

Риз наклонился вперёд и начал изучать шкалу прибора. Тот был настроен на мозговое излучение кроков, как несколько месяцев ранее его установил Виккери, чтобы следить за преследующими зверя пешими охотниками. А какое должно быть излучение у салириков? Близкое к человеческому, предположил Риз. Кроки были рептилиями; салирики — млекопитающими, теплокровными и инопланетными существами. Он с бесконечной осторожностью стал вращать ручку настройки, и вскоре сердце его возбуждённо заколотилось. На экране появилась крохотная вспыхивающая точка. Он может использовать детектор, хотя это означает, что их роллеру придётся покинуть своё убежище.

Риз включил двигатель и быстро перевёл взгляд с экрана обзора на шкалу детектора. Точка замерцала чаще, затем неподвижно замерла. Он засёк направление. Следовало ехать от каменных скал по пологому склону прямо к фактории. Если бы они только смогли поговорить на одном языке, он бы разъяснил девочке грозящую им опасность... Сейчас он понимал, что ребёнок был уверен в своём похищении, что её силой забрали от родного племени. Возможно, поскольку салирика была девочкой, она почти не общалась с инопланетянами, поэтому и посчитала, что Риз и Горди заодно с напавшими кроками!

Теперь, когда землянин установил направление, он мог попытаться сделать ещё кое-что. Риз включил систему прыжков, чтобы не продираться сквозь растительность, и переправил машину на середину речки, так что вода забурлила вокруг гусениц. Они оказались впереди беглянки, хотя мгновением раньше были позади. Теперь она должна была сама выйти к ним.

Однако этого не произошло. Риз нахмурился. Точка на шкале прибора не перемещалась. Салирика оставалась на

одном месте. Она что, увидела их прыжок и потому решила спрятаться и обождать, пока они не отправятся дальше? Проклятье, они не могут тратить время на подобные игры. И тут он вспомнил о Горди. Риз отключил «жужжалку» и, протянув руку, встряхнул мальчика.

Всего несколько секунд потребовалось, чтобы Горди всё понял. После чего он принялся внимательно разглядывать склон, где рос густой кустарник, и с сомнением покачал головой.

— Я не понимаю, Риз, каким образом можно обнаружить её там. Здесь столько укромных мест.

— Нам поможет наше обоняние, — Риз выбрался из машины, почти по колено погрузившись в воду, потом перенёс Горди из роллера на берег. — Ведь у неё же по-прежнему на поясе пахучие мешочки... Ну-ка, вдохни это! — он и сам, втянув носом ингаляционный порошок, оглушительно чихнул, а на мальчика этот препарат подействовал ещё сильнее.

— Мне больно! — пожаловался Горди, принявшись энергично тереть нос тыльной стороной грязной ладони.

— Сейчас всё пройдёт, — ободрил мальчика Риз. — Сделай несколько глубоких вдохов, Горди, — ингаляция оказывает только временное воздействие и её нельзя использовать в течение нескольких часов. Но теперь, когда их обоняние так усилилось, salariку будет гораздо проще отыскать по аромату её одежду.

Они вместе начали подниматься по склону. Горди всё ещё растирал ноющий нос. Внезапно он посмотрел на своего спутника.

— Я могу чувствовать запахи и другие вещи... самые различные!

Обоняние, почти не развитое в течение эволюции человеческой расы, конечно, стало не настолько острым, как у обычного животного, но всё-таки сильнее, чем раньше. И землянам повезло с ветерком, который дул в их сторону, — со склона холма. Как раз с того места, где должна была скрываться их беглянка.

— Сюда! — Горди прыгнул вправо, упал на одно колено и снова полез вверх. Риз последовал за ним.

Мальчик был прав. Ветерок принёс тот же самый запах, который окружал их в машине. Она была где-то рядом. Но к чистому аромату трав добавилось и кое-что другое — вонь, которая вовсе не походила на душистый запах. «Крок!» — догадался Риз и немедленно остановил Горди.

Он крепко держал мальчика, глубоко вдыхая воздух. Всё верно, здесь смешались запахи саларики и кроков. Но вонь кроков была какой-то выветрившейся, далеко не такой силы, как в посёлке. Там всё заглушал запах возбуждённых кроков, а здесь, поблизости, явно никого из них не было. Риз отпустил Горди, но мальчик не шевельнулся.

— Я различаю... — начал было он, и Риз кивнул.

— Да, но это давнишний запах, наверное, вчерашний. Пошли...

Риз пробрался сквозь кустарник и оказался перед тёмной дырой в земле. Он вскрикнул, бросился ничком на землю, а затем прополз вперёд и посмотрел вниз, в охотничью западню, вырытую для поимки огромных зверей, которые для местных жителей являлись изысканным деликатесом.

В яме было темно, девочка-саларика своим небольшим весом почти не разрушила верхнюю часть ловушки. Риз представил себе, как она бежала вниз к этому на первый взгляд безопасному месту, но угодила в замаскированную ловушку.

Девочка была там, в самом низу, и стояла, прижавшись к стене, а из руки её текла кровь — кожа была слегка ободрана острым колом, установленным прямо по центру ямы. Слава богу, она отделалась ещё довольно легко. Её жёлтые глаза светились в темноте, когда она смотрела на него, чуть слышно постанывая.

— Горди! — Риз повернул голову, осторожно отползая

от края этой опасной ловушки. Кроки всегда подкапывали края таких ям, чтобы помешать бегству попавших в ловушку зверей. Своим весом он мог вызвать ещё один обвал, и тогда все они окажутся из ловушке, из которой им не выбраться, пока не появится крок-охотник. Ему придётся теперь помогать Горди на расстоянии.

— Она там, внизу?

Риз кивнул и стал выдёргивать и бросать в кучу корни кустарника над ямой. Корни были длинные и крепкие, но довольно легко выдёргивались, когда он отрывал связывающие стебли усики. Из них можно будет сплести верёвку, а всё остальное Горди сделает под руководством Риза.

Глава четвертая

Риз действовал быстро. Освободив корни от земли, он начал сплетать их маленькими боковыми усиками, пока у него не оказался тросик из связанных между собой кусков, достаточно крепкий, чтобы выдержать вес Горди. Он подробно объяснил мальчику, что нужно сделать, и заставил его дважды обвязаться этой импровизированной верёвкой. К облегчению Риза Горди оказался способным учеником и ему не нужно было дважды повторять, что и как следует делать.

Обязанный концом верёвки, Горди прополз к яме и начал спускаться. Как Риз и опасался, под весом натянутой верёвки часть маскировочного настила рухнула вниз. Однако Горди свободно завис на верёвке на приличном расстоянии от острых кольев.

Риз перекинул верёвку вокруг ствола молодого дерева и начал потихоньку отпускать её, пока Горди не крикнул, что достиг дна ямы. Верёвка обмякла. Потом несколько раз дёрнулась, когда мальчик обвязал её вокруг сарарики.

— Не торопись, — тихо посоветовал Риз. — Проверь узел, Горди.

— Да, сейчас, — донёсся снизу голос. Пыль по-прежнему клубилась в воздухе. — Готово! — и тут же, как под действием эха, верёвка дёрнулась. Риз начал вытягивать её вверх. Во всяком случае весь маскировочный настил уже разрушился, и хотя верёвка всё ещё врезалась в край ямы, земля больше не осыпалась. Внезапно над поверхностью показалась махающая рука, и клешнеобразные ногти саларики вонзились в землю — таким способом девочка стала помогать Ризу.

• Он подтянул её к себе, ослабил петлю, которую завязал Горди, и сбросил верёвку обратно вниз. Саларика согнулась у его ног и приняласьлизывать языком рану на руке, вздрагивая всем своим маленьким тельцем. Но Ризу пришлось вытаскивать мальчика, прежде чем он смог более обстоятельно обследовать её рану. Когда Горди снова оказался на твёрдой земле, Риз встал на колени рядом с маленькой инопланетянкой, мягко притянул её раненую руку к своим коленям и застыл, увидев колючки на её сероватой коже, уже потемневшие.

— Шипы Ка! — в ужасе прошептал Риз. Одно из самых дьявольских средств кроков-охотников. И против него имелось только одно противоядие. Риз крепко прикусил губу. У него в машине была аптечка, и он прекрасно знал её содержимое. Юноша с тоской представил ту полочку в лаборатории, на которой находился небольшой ящичек с зелёной жидкостью — одно из самых замечательных изобретений доктора Нэйпера, сделанное им в результате исследований ишкуринцев: эта жидкость нейтрализовывала действие яда шипов. Как и кое-каких других местных ядов. Но здесь и сейчас саларика умирала на его руках ужасной смертью, почти столь же мучительной, какую приняли остальные члены её семьи на фактории. И он ничего не мог сделать, ничего — только думать о том контейнере и его содержимом, который был от него сейчас так же далёк, как и сама Земля.

Горди, должно быть, услышал его испуганный шёпот.

Мальчик положил свою руку на плечо Риза, глаза его округлились.

— Лекарство, Риз, оно поможет. Ты дашь ей выпить, и ей станет лучше. Папа говорил, оно всегда помогает!

Все в посёлке гордились этим открытием. Но теперь оно было недоступно, как не стало и людей, сделавших его. Недоступно для ребёнка, лежавшего у него на коленях. Если бы только у него был тот контейнер из лаборатории!

Но возвращаться за вакциной было бы просто безумием! Им оставалось лишь надеяться, что они ускользнули от преследователей, и теперь им следовало побыстрее отправляться к горам на востоке, плантациям, расположенным у их подножия. К тому же Риз не был полностью уверен, что на всю дорогу хватит энергии. А вернуться обратно в посёлок, где, возможно, как раз в эту минуту хозяйничают кроки...

Его лица коснулась рука с золотистым мехом. И снова раздалось то же самое умоляющее похныкивание, которое он уже слышал из ямы. Риз вскочил на ноги, нежно прижав маленькое мягкое тельце к плечу. Каким бы дураком и полнейшим идиотом он ни был, но он вернётся назад. В какой-то степени их машина представляет собой маленькую передвижную крепость, и к тому же он знает джунгли вокруг посёлка как свои пять пальцев.

В машине Риз снова уложил саларику на одеяла и сразу же завёл мотор. Ручей, среди которого стояла их машина, убежал под небольшим углом вправо, как раз в сторону посёлка. Риз, прищурившись, оценил положение солнца и длину теней. У него ещё где-то час, решил он, до наступления сумерек. Если ему удастся, спрятав роллер, пробраться в потёмках в посёлок...

— Куда мы едем, Риз? — стал допытываться Горди.

— Возвращаемся за лекарством, — ответил юноша, в его голове в основном уже сложился план. Первым делом следует спрятать машину таком месте, где дети спокойно

дождутся его в полной безопасности, и такое место было ему известно. После чего он отправится пешком. В его бластере полный заряд, и он будет готов к возможному нападению. В отличие от жертв утренней бойни. И если лабораторию до сих пор не разграбили...

Через три четверти часа саларика громко застонала, когда землянин остановил машину под высоким кустарником, где он решил устроить базу. Он заставил её напиться из фляги, влив в рот девочки как можно больше жидкости. Затем отдал Горди чёткие приказания. Не покидать машину, не выключать звуковой экран, оставаться на водительском сидении, а девочке лежать сзади под одеялами. Даже если кроки и заметят здесь роллер, имелся шанс, что они подумают, что машина брошена и не заинтересуются ею. Кроки не любят машины, никто из охотников и разведчиков никогда не отваживался даже проехаться на роллере, когда с ними на охоту отправлялся Виккери. И Риз знал, что в какой-то мере их неприязнь к инопланетянам основывается на появлении на их планете подобных средств передвижения.

Риз скользнул в кустарник, проследил, включил ли Горди звуковой экран, и только потом направился к строениям посёлка. Обходя стороной вертолётную стоянку, он повел носом. Да, воняло кроками, но уже едва заметно. У землянина зародилась надежда, что напавшие утром на станцию кроки ещё не вернулись. Мензурка должна была находиться на полке запертого шкафа лаборатории его дяди, за защитным экраном, который, как и во всех шкафах жилых помещений, открывался прикосновением ладони. К счастью, доктор Нэйпер на всякий случай месяц назад перенастроил замок так, чтобы тот реагировал на отпечаток ладони каждого из проживавших здесь взрослых землян, иначе путешествие Риза было бы бессмысленным.

Дверь в лабораторию была вся на виду. Любой разведчик-крок заметил бы землянина прежде, чем тот проник

через неё. Но имелся ещё один вход, и только безвыходное положение заставило юношу воспользоваться им. Риз пробрался за жилые помещения, опустился на четвереньки и провёл левой рукой по земле, по-прежнему сжимая в правой руке бластер. Под осыпающимся гравием его пальцы нащупали рукоятку и рванули её вверх, открывая ход в шахту, где находились резервуары с водой. Сразу же в нос ударил ужасный смрад, но в волне запахов вони кроков не ощущалось.

Он ступил на лестницу и окунулся в сырость и мрак, засунув оружие в кобуру, чтобы ощупью пробираться вдоль стены, держась второй рукой за перила. Спустившись и потянув вниз ещё одну рукоятку, юноша откинул крышку круглого люка, ведущего в узкий туннель, служивший для подачи воды. Риз протиснулся в него и пополз на животе вперёд, пытаясь изо всех сил подавить панический ужас, который всегда охватывал его в тесных тёмных помещениях. Если бы Пермаль месяц назад не попросил его помочь тут, он бы и не узнал о существовании этого проложенного под землёй туннеля, протянувшегося под всеми зданиями лаборатории.

— Два, три... — его плечи царапались о стены, а волосы цеплялись за потолок. Шёпотом он считал люки.
— Четыре!

Здесь! Он из-под земли проникнет в лабораторию, после чего ему останется лишь пройти в кабинет.

Запечатанная пломба была нетронутой. Риз кулаком постучал по ней, и его нетерпение чуть не сменил страх, поскольку люк упрямо не поддавался попыткам юноши открыть его. В крайнем случае он мог бы попробовать открыть и третий люк... Ну, давай же, давай!

Свет буквально ослепил его. Хотя гула двигателя и не было слышно, однако лампы на стенах горели. И жутко несло кроками, хотя примешивались и другие запахи — вонь химических препаратов, сторовевших тряпок.

Риз знал, что этот выход находится под одним из

стационарных резервуаров, что давало ему в какой-то степени определённое прикрытие, когда он выбирался из шахты. И сразу же в его руке снова оказался бластер.

Хотя обзор комнаты был практически скрыт от него, землянин легко смог увидеть, что лаборатория практически разгромлена. Разбитые лампы и ящички горами валялись на полу, и всё густо покрывали пятна химикатов.

Стараясь не пораниться о разбитое стекло, Риз начал выбираться из-под резервуара, чутко вслушиваясь в тишину. До двери в лабораторию нужно было сделать всего три шага. Он медленно выпрямился. В нескольких метрах от него были свалены в кучу несколько ковров с кровавыми пятнами. Риз поспешно отвёл глаза в сторону. Он не собирался близко исследовать их.

На пороге в кабинет доктора Нэйпера темнело широкое коричневое пятно какой-то жидкости. И вонь кроков была так сильна, что его чуть не стошнило. Здесь же валялся один из нападавших. В последние секунды своей жизни доктор Нэйпер сумел достойно встретить одного из своих убийц. Тем не менее оставшиеся прищипили дробниками обезглавленное тело землянина к письменному столу. Череп доктора, возможно, сохранят как череп вражеского воина, погибшего в сражении. Бросив в ту сторону только один едва не вызвавший тошноту взгляд, Риз обратил всё своё внимание на цель его появления здесь. Мензурка уцелела, сияющая изумрудная жидкость посверкивала в шкафу. Он вставил указательный палец в щель под этой полкой и повертел им вправо-влево, чтобы чувствительная пластинка совместилась с его плотью.

Вспыхнул призрачный свет, защитное поле исчезло. Риз схватил пробирку, а следом стоявшую рядом коробку с записями. От дядюшки Мило и остальных жителей этого посёлка, наверное, не останется никакого другого воспоминания, кроме сделанного ими открытия, и, взяв с собой эту пробирку, он отдаёт последнюю дань проекту, в который был вовлечён помимо своей воли.

И снова вниз, в туннель; для безопасности Риз взял пробирку в рот и, сунув коробку с лентами под рубашку, стал пробираться назад. Похоже, удача пока была на его стороне, и тут его кольнуло сомнение. а не слишком ли всё удачно складывается у него. Снова появилось «предчувствие», та странная форма чувствительности, которую он не мог выразить словами, но с которой он родился и которую развивал во время учёбы в Академии. И оно предупреждало его. Это ощущение ещё больше усилилось, когда он выбрался из туннеля в зал с резервуарами. Здесь стояла полная темнота, и снова его охватил страх. Что, если ему не удастся снова поднять дверь туннеля, и это место станет для него смертельной ловушкой? Хотя, конечно, он всегда может вернуться в лабораторию. И всё же внутреннее чувство тревоги твердило, что что-то идёт не так, что теперь он в опасности. Риз не знал, какая это опасность, и мучительно размышлял, возвращаться ли ему назад или идти вперёд? Пытаться выбраться из лаборатории через двор или же попробовать вновь поднять эту дверь... чтобы, быть может, оказаться перед лицом ожидающих его кроков.

Риз начал подниматься по лестнице, прижался к двери, положил ладонь на неё и надавил. Затем, давя изо всех сил, начал приподнимать люк. Тот со стуком грохнулся на землю, взметая песок и камешки гравия. Рука сжимала бластер наготове, но перед ним никого не было — только медленно ползущие тени.

Вверх, наружу, подтянуться, перевернуться — и вот он уже выбрался из колодца резервуаров и спрятался под кустами, пытаясь восстановить учатившееся дыхание прислушиваясь и принюхиваясь.

Но ни слух, ни обоняние ничего не добавили к его внутреннему тревожному чувству. Если кроки и вышли на охоту, они ещё не подошли настолько близко, чтобы выдать своё присутствие, как это обычно происходило. Риз встал на колени, потом на ноги. И осторожно уложил

пробирку под рубашку рядом с лентами, чтобы их прикосновение к мышцам живота не позволило ему позабыть о ноше.

Слишком уж легко всё получалось, слишком! Он всё ещё думал об этом, когда споткнулся, и уже в падении понял, что споткнулся он о чью-то умело подставленную палку. Больно изогнув спину, он перевернулся, прежде чем удариться о землю, и тут же выхватил бластер.

И у него было всего одно мгновение, чтобы отвести в сторону луч своего оружия. Потому что существо, бросившееся на него с коротким топориком во вскинутой вверх руке, было покрыто не чешуйками, а мягким, пушистым, серебристым мехом. Он ещё успел почувствовать аромат душистого запаха саларики, когда она, прыгнув на него, начала опускаться вниз свой топор.

Боль, темнота, чьи-то шептания. Всё тело Риза свело в мучительной боли, и не осталось ничего, кроме этой боли...

— Давай, давай... — его тело снова и снова сотрясалось от боли. Перед глазами стояла белая пелена, и мир безумно вращался, но потом ему удалось увидеть эти прищуренные зелено-голубые глаза, вглядывавшиеся в него, словно одна лишь огромная требовательность её взгляда могла заставить его прийти в себя.

В плечи землянина вонзились ногти, больше похожие на когти, когда руки саларики помогли ему усесться. Ему был знаком этот запах существа чуждой расы. Риз снова заморгал. Нет, это вовсе не тот ребёнок, которого он оставил больным и страдающим от боли в роллере. У этой саларики был серебристо-голубой мех, не чисто серебристый. Незнакомка была взрослой особью, с таким же, как и у него, весом, даже схожим телосложением. И она была изящной женщиной. Однако со стальной хваткой, и она, похоже, легко смогла приподнять его бессильное тело.

На своём великолепном одеянии она также носила

украшенный драгоценными камнями пояс, с которого свисали лоскутки, но лишь к трём ленточкам прикреплялись пахучие мешочки.

— Занна, где Занна? — тихо промурлыкала она, и звуки эти исходили из самых глубин её души, а прищуренные глаза пылали холодом.

Риз попытался собраться с мыслями, несмотря на боль в голове.

— Занна! — снова резко повторила женщина-саларика, прошипев на Бэйсике.

— Маленькая... маленькая девочка? — спросил, почти ничего не соображая, Риз.

— Да, — в словах появилось ещё больше шипения. — Где ж-же она-а?

— Роллер... она в роллере, — с трудом произнёс землянин.

Саларика уже поднялась на ноги, раздувая ноздри и медленно поворачивая голову, фыркая, пока не стала лицом туда, откуда Риз совсем недавно пришёл. Затем, сделав два-три пружинистых шага, снова обернулась, и каждую клеточку её тела снедало нетерпение. Риз попытался встать, но только сразу покачнулся. Она бросилась назад и успела подхватить его. Возможно, в саларике и не ощущалось особой нежности, но именно такая сила, не уступающая силе мужчины-землянина, и требовалась сейчас для поддержки его тела.

Каким образом они добрались до роллера, Риз не имел ни малейшего понятия. Его спутница отыскивала тропу, по которой он пришёл, и весь путь протащила его за собой. Землянин был уверен, что дорогу она находила при помощи своего обоняния. Первым отчётливо сохранившимся воспоминанием стало для него падение на сиденье машины, в то время как его спутница, торопливо перебравшись через него, устремила к детям в багажном отделении. Он схватил её мягкую пушистую руку.

— Шипы Ка... — Риз никак не мог подобрать нужные

слова. — Возьми немного этой жидкости, смочи какую-нибудь тряпочку и приложи к ране, скорее!

Когтистые пальцы забрали пробирку, и он, наклонившись вперёд, обхватил руками голову, положив локти на руль. Прошло несколько минут, прежде чем качающийся вокруг него мир снова обрёл стабильность, и он смог открыть аптечку. Бросив в рот несколько таблеток, землянин заставил себя проглотить их, не запивая, только судорожно дёрнувшись. Головная боль вскоре слегка утихла, и он уже мог терпеть её пульсирующие удары; взгляд прояснился. Мягко коснувшись кончиком пальца над левым ухом, он понял, что в этом месте у него рана, но кровь уже остановилась. Может, его действия, а может, то, что саларика узнала человека, спасло его от проламывания черепа.

— Риз, ты ранен! — над его плечом склонился Горди, исследуя рану округлившимися от удивления глазами.

— Не очень серьёзно. Посмотри там, среди вещей, должны быть упаковки саморазогревающейся пищи, возьми четыре штуки и распечатай их.

Сам Риз не двигался, чтобы таблетки продолжили своё благотворное действие, пока мальчик ходил за маленькими баночками. Одну Риз оставил в руках Горди, вторую положил на сиденье рядом с собой. Оставшиеся две он отдал женщине-саларике. Девочка покоилась на её руках. Одежда с яркими зелёными пятнами вокруг раны была разорвана. Риз показал на отметку давления на упаковке.

— Нужно надавить, произойдёт нагрев и упаковка сама собой раскроется, — пояснил он. Саларика кивнула.

— Куда вы направляетесь? — спросила она, поднося одну банку к губам Занны.

— Без флаера наш единственный шанс — достичь какой-нибудь большой плантации, скорее всего, мы отправимся к Рексулу.

— Эта машина может доставить нас туда?

— Не знаю, но мы можем попытаться. Но скажите, зачем было бить меня, — он должен был задать этот вопрос. — Вы же видели, что я не крок, — Риз поднял руку к голове, но не стал дотрагиваться до раны.

— Я не видела, пока не размахнулась. А перед тем я почуяла запах... Занны, — одним ногтем она слегка ударила по пахучему мешочку на поясе девочки. — Я знала, что один мой ребёнок пропал, возможно, захваченный этими змееподобными тварями. И там ведь стояло их зловоние, очень сильное.

— Поэтому вы и подумали, что я — крок, поймавший её? Кто-нибудь ещё спасся из фактории?

Она покачала головой.

— Меня зовут Исига, вторая жена лорда Сакфора. Эти звери-предатели как обычно пришли на факторию, и от их вони меня затошнило, потому что я на Ишкуре только два месяца. И я отправилась в дальнюю часть сада, дожидаясь их ухода. Вскоре я услышала пронзительные крики, и между мной и домом запылал огонь: ишкурианцы подожгли кипы оганны, которые хранились там перед отправлением на корабль. Поэтому мне и удалось спрятаться среди деревьев. А потом... — взгляд её потускнел, шерстинки меха стали дыбом, — они рыскали вокруг, но не нашли меня. Затем я заметила след Занны и поняла, что она также избежала той страшной участи.

Но потом на её следах появились и другие запахи, запахи ваши, человеческие. Поэтому у меня появилась надежда, что её нашли и привели в посёлок. Однако там я снова обнаружила лишь следы разрушения, оставленные этими змеиными бестиями. Я думаю, что тогда у меня что-то случилось с головой, — саларика провела кончиком языка по губам. — Перед моими глазами мелькали лишь эти змеиные твари, представляли картины сотворённых ими зверств и то, что они могли сделать с моей маленькой девочкой. Поэтому когда я учуяла её запах, едва уловимый, и издала крик сбора, на который

не пришло ответа, то решила, что должна отомстить за её смерть...

— Во всяком случае до конца вы это своё намерение не довели, — с кривой усмешкой прокомментировал Риз. — Темнеет. Скоро, как мне кажется, можно будет выступить. Я включу систему прыжков, и мы направимся в сторону гор. Если удача будет по-прежнему благоволить нам, то мы достигнем Рексулов к восходу солнца.

— Отлично, — согласилась она с его планом.

Глава пятая

Направляя роллер к восточным горам, Риз не переставал удивляться, что они до сих пор ещё не встретили кроков. Туземцы со звериной жестокостью расправились с посёлком и факторией. После чего, по всей видимости, просто растворились в разреженном воздухе... или в джунглях. Охотники-кроки были опытными следопытами, не ведающими усталости, напав на след добычи. Каким образом беглецам-инопланетянам до сих пор удавалось скрываться от них? Ведь туземцам не представило бы особого труда обнаружить роллер, несмотря на все старания Риза. И он не верил, что туземцы настолько пресытились видом крови, что спокойно позволят инопланетянам скрыться.

Наверное, они просто получили временную передышку, и это доставляло ему немалое беспокойство. Пришло время Великого Поста. Обычно в это время туземцы уходили в район Высоких Деревьев — святая святых ишкуруянцев, о котором инопланетянам было известно лишь то, что ни один не-ишкуруянец в него не допускается. Поскольку это всегда был период необычайной занятости ишкуруянцев своими делами, отправка последних отрядов Патруля и была назначена на это время, когда прекращались всяческие контакты с туземцами. Была ли эта бойня на границах межзвёздной цивилиза-

ции просто независимым действием перед началом ежегодной миграции кроков? Риз не очень-то надеялся на это.

Рядом с ним кто-то шевельнулся. Исида мягко проскользнула над перегородкой между водительским местом и багажником к землянину.

— Дети заснули, — сообщила она. — Действительно, Занне стало лучше.

— Почему вы, торговцы, не улетели, когда из Нагассары пришёл сигнал тревоги? — спросил Риз. Между посёлком и факторией поддерживались не слишком тесные контакты. Но кое-что о темпераменте салариков он знал. То, что Сакфор с завидным упрямством не хотел покидать факторию, оставив без внимания даже предупреждение, представляло для него загадку — торговцы-инопланетяне славились своей осторожностью и осмотрительностью.

Сквозь шипение в темноте он разобрал гневные слова:

— Лорд Сакфор получил обещание из уст Высокого Древа Ишгила. Им нужны торговцы, так было сказано. Нам нечего было бояться.

— Теперь очевидно, что это была ложь, — Риз продолжал следить за приборами перед собой. В темноте ему приходилось полагаться в большей степени на автопилот.

— Поэтому кое-кто ещё поплатится за свой лживый раздвоенный язык! — в этом обещании ясно почувствовалась холодная уверенность и неприкрытая угроза. Цивилизация салариков была близка к феодализму. Трагедия, вроде этой, когда был вырезан клан Сакфора, приведёт, как принято в родном мире торговцев, к кровной вражде, в которой примет участие каждый член клана от мала до велика. Но до сих пор нельзя было сказать, что послужило её причиной.

— Вы думаете, — продолжала она, как будто в самом деле могла читать его мысли, — что женщина-домохозяйка не может взять нож и прикончить врага. Сейчас — да! Но это время придёт. Теперь я являюсь Главой Клана.

Она была права! Риз вздрогнул. При определённых условиях, что случается крайне редко и то при исключительных случаях, выживший взрослый член семьи, независимо от того, какого он пола, становится Главой Клана. К тому же у салариков женщина также может потребовать право на вендетту у Верховного Суда своей планеты и даже вызвать межзвёздную войну.

— Нам бы сначала, — подчеркнул Риз, — самым благополучно выпутаться из сложившейся ситуации.

— Вы думаете, люди Рексула ещё остаются на плантации?

— Если только они добровольно не покинули её, на что, насколько я знаю, не было и малейшего намёка. Они в лучшем положении, чем любое владение инопланетян по эту сторону гор. За последние несколько месяцев они сильно укрепили свои защитные сооружения, и у них есть наёмники.

Саларика чуть шевельнулась, и в блеклом свете приборной доски блеснул её серебристый мех.

— А всё-таки, вдруг весь штат Рексула покинул плантацию? — поинтересовалась она.

— Дама, — церемонно обратился к ней Риз, — вам было бы лучше помолиться своему Богу или Духам Высших Сил, чтобы они *были* там. До плантации энергии нам хватит. А вот на путешествие через горы её уже не останется. И я не считаю, что мы сможем одолеть этот путь пешком.

— Благодарю вас за столь ясное объяснение, — не без сарказма промурлыкала саларика через несколько секунд. — Но признайтесь всё же, неужели вы действительно настолько хорошо знаете джунгли, чтобы с такой уверенностью заявлять, что такое путешествие пешком нам не под силу?

— Только не когда с нами дети. Я даже не уверен, что опытный следопыт Службы Разведки смог бы одолеть этот путь, особенно когда по его пятам идут кроки.

— Значит, наше будущее колеблется на лезвии ножа, и если этот нож наносит рану... — снова блеснул серебряный мех, она почти как настоящий землянин пожалала плечами. — А теперь послушайте меня, лорд Риз... — юноша вздрогнул, услышав такой официальный титул. Ведь она только что объявила себя Главой своего клана, и теперь обращалась к нему как равный к равному, как принято в её мире, что бывало крайне редко у этих надменных салариков. — Раз уж мы попали в такую ситуацию, мне бы хотелось во что бы то ни стало добраться до высокогорных мест, потому что я слышала, что эти зверо-змеи не любят холода и снега, который покрывает горные пики. А когда мы окажемся в безопасности, мы выйдем на тропу войны и пройдем по ней до самого Океана. Или вы, земляне, считаете, что такие действия неправильны и неуместны?

— Мне это не кажется неуместным, — признался он, — если так нужно. Мы, земляне, верим в то, что дети и женщины не должны попадать в руки таких врагов, как кроки, пока жив хотя бы один мужчина.

— Однако в посёлке осталась женщина вашего племени, — заметила Исига. — И она тоже погибла.

— У нас были разные мнения. Некоторые считали, что поскольку они прожили здесь уже много лет и относятся к крокам доброжелательно и со справедливостью, им нечего бояться...

— Доброжелательно! Справедливо! — возбуждённо зашипев, перебила саларика Риза. — Как можно доброжелательно и справедливо относиться к чужакам? Для саларика доброта проявляется только в отношениях со своими спутниками жизни, детьми и членами его клана. Свою доброту он не тратит на чужаков. Справедливость — да, таково наше отношение ко всем до тех пор, пока не вырыт топор войны... Но только эти слова для салариков значат одно, для землян — другое, а для этих зверо-змей — третье. Мы следуем тому образу мышле-

ния, который был дан нам предками; как мы можем изменить свои тропы и ожидать, что не обнаружим на них ловушек? Те, кто верил, что зверо-змеи будут относиться к ним точно так же, были просто глупцами!

— Что ж, они дорого заплатили за свою глупость, — упрямо констатировал Риз.

— Но ты сам-то так не считал, — произнесла женщина, переходя на «ты». — Почему же ты остался?

— Потому что доктор Нэйпер, глава поселения, был главой моего клана, — землянин использовал термин салариков для указания своего родства с дядей. — Я был воином дома.

— Значит, в твоём пребывании там действительно была необходимость, — тотчас согласилась она. — И всё же ты не такой, как они, потому что они не умеют ходить с оружием в руках и быть постоянно готовыми к войне.

— Похоже, ты неплохо осведомлена о людях посёлка, — Риза это несколько удивило. Доктор Нэйпер и остальные жители посёлка вообще-то не особенно стремились завязывать тесные отношения с обитателями фактории. Сам же он слишком много времени проводил в джунглях вместе с капитаном Виккери, пытаясь убежать от удушливой атмосферы посёлка, где никто не разделял его мрачных предчувствий, и потому тоже мало общался с жителями фактории, да он и видел-то Сакфора всего пару раз за все шесть месяцев пребывания здесь колонистов-салариков.

С места сидения его спутницы донёсся звук, который можно было принять за хихиканье у землян.

— Там, где цветы расцветают на солнце раньше времени, разговоры о подобном чуде могут не прекращаться полмесяца. Не думаешь же ты, что одно только любопытство заставляло нас раздумывать об единственных наших соседях-инопланетянах? Мы знали, какую пищу вы едите, на каких кроватях спите, какую одежду носите и о чём вы думаете или по крайней мере каким образом вы

претворяете эти мысли в свои поступки и слова. Вот почему нам хорошо было известно, что многие из вас не верили, что будет вырыт топор войны, и вот почему с такой лёгкостью смогли их всех перебить.

Риз был поражён. Исига лишь повторила его собственные размышления, подкреплённые произошедшими событиями. Землянин может критиковать землянина, но услышав такую насмешку в голосе инопланетянки, он не смог сдержаться и выпалил резкий ответ, хотя сразу же запнулся на полуслове:

— Но ведь зарплаты то...

— Зарплаты тоже мертвы? Ты говоришь правду. Сейчас мы видим, что оба наших народа вели себя по-глупому, каждый по-своему, — ответила она. — Теперь же мы можем только подготовиться и не повторять больше этих ошибок. Ах!

Его внимание привлёк кончик серебристого пальчика, указывающий вправо. С наступлением темноты они двигались вдоль реки, взяв мерцание слабо фосфоресцирующей воды, каскадом льющейся куда-то к горам на востоке, в качестве ориентира для приземления машины между прыжками. Джунгли вставали чёрной стеной без каких-либо просветов по обе стороны скалистых берегов. Тут и там светились жутковатым зелено-синим цветом кусты-светильники, с помощью своего сияния они заманивали в смертельную ловушку ночных летунов.

Но тот огонёк, на который указывала Исига, вовсе не был похож на куст-светильник. Там плясали языки настоящего пламени, пламени от какого-то высокооктанового топлива, используемого для приведения в движение машин или флаеров.

Риз решил не высказывать вслух догадку относительно источника этого пламени, но непроизвольно вздрогнул, несмотря на смутное предчувствие, которое он до сих пор сдерживал внутри себя.

— Флалоу!

— Станция слежения за полётами Патруля в горах, — добавила чуть погодя саларика. — Но разве там остались какие-то склады, на которых может возникнуть пожар? Я думала, что они были закрыты ещё две недели назад.

— Там могли оставить секретный склад для помощи нашему посёлку либо вашей фактории. Дядюшка Мило не говорил ничего об этом. Ему была просто ненавистна сама идея оставить посёлок, и он никогда бы не сделал этого, даже если бы ему приказал Совет.

— Склады наверняка были тщательно заперты и защищены.

— Вот именно! — резко воскликнул землянин. — Кроки двигаются на восток. Этот огонь вспыхнул самое большее несколько минут назад.

— И они двигаются в сторону Рексулов, чтобы покончить со всеми инопланетянами по эту сторону гор... — Исига пробормотала эту мысль почти неосознанно.

— Верно, — согласился Риз. — Они знают или считают, что знают, что никаких отрядов сюда из Нагассары не будет отправлено. Наверное, они решили быстренько со всеми нами покончить, чтобы затем продолжить свою миграцию.

Это могло быть хорошим объяснением, куда направлялись кроки. Что, если туземцы направили против инопланетян лишь небольшой отряд? Аборигены начали с поселения людей, после атаковали факторию, а сейчас, безусловно, направлялись на восток. Если это так, то роллер скоро должен миновать отряд кроков, непоколебимо желающих уничтожить всех инопланетян по эту сторону гор.

— Поэтому нам придётся пройти сквозь них, — снова подчеркнула Исида.

— Да.

Паучий глаз... видеть вещи сквозь призму зрения врага. Да, это необходимо... но возможно ли такое видение? Риз покачал головой, почти захлестнутый волной страха. Он

не мог представить себя с покатым, защищённым бронёй черепом, смотреть через два глаза с узкими зрачками. Он даже не знал, составляли ли разносящие смерть отряды, двигавшиеся на восток, жители джунглей или же они состояли из тех, кто достаточно долго соприкасался с инопланетянами, чтобы усвоить зачатки знаний межзвёздной цивилизации и, чуть изменив свои мыслительные процессы, довести начатое дело до конца.

Однако очень скоро сведения о враге существенно расширились и не в лучшую сторону... Над роллером, но чуть впереди, ночь прорезал яркий белый луч света и скользнул к ним, как нож палача.

Ослеплённый, ничего не видя, Риз судорожно сжал руками руль, когда роллер мощно тряхнуло, поставив почти в вертикальное положение. Он испугался, что они могут перевернуться. Но тут их развернуло влево, и машину швырнуло прочь от реки к джунглям. Риз попытался выровнять роллер и посадить его на твёрдую и безопасную почву.

Роллер едва коснулся твёрдой поверхности, как их тут же снова подбросило в воздух и боком швырнуло в стену растительности, которая слегка подалась под этим ударом, отчего машину стало разворачивать. Риз услышал позади себя крики испуганных детей, а две пушистые ручки стали помогать ему в управлении машиной — Исига поняла, что необходимо срочно посадить машину.

Каким-то образом они снова выровняли роллер или почти выровняли. Всё ещё не будучи в состоянии видеть что-либо, Риз решил, что нос машины находится выше кормы, потому что их тела сильно прижало к спинкам сидений.

— Силовой луч! — утверждение Исиги имело веское основание. Землянин почувствовал, как пушистые шерстинки погладили его руку и плечо, когда она поворачивалась к детям. Голос её успокаивающе замурлыкал.

Риз прикрыл ладонями глаза. На мгновение паника охватила его. Действительно ли он ослеп? Или тот луч только на время ослепил его своим ярким сиянием? Силовой луч! Кто-то из карательного отряда кроков знает, как пользоваться этим оружием Патруля. Находится ли станция «Флалоу» всё ещё под контролем людей... или сокрушена в результате налёта туземцев, и теперь инопланетное оружие попало в лапы кроков? Силовые лучи входят в перечень особо секретных вооружений. Каким образом кроки *смогли* захватить это оружие?

Но то, *каким образом* это оружие оказалось у туземцев, разумеется, не было главной проблемой для беглецов — их больше занимало, что они с ним сделали. Риз схватил покрытую мехом руку.

— Послушай! — требовательно обратился он к салирике. — Мы ведь оказались на левом берегу реки, не так ли?

— Какое это имеет значение? — быстро спросила Исига.

— Я уверен, что силовая установка находится на правом берегу.

— Нас действительно отбросило влево. Ну и что это тебе даёт? — голос её повысился на одну или две октавы.

— Глаза... этот луч... я до сих пор не могу видеть!

Резкий шипящий вдох. Затем движение её руки. Риз почувствовал слабое колебание воздуха около своих губ и догадался, что она водит взад-вперёд рукой перед его лицом.

— Это временно, — юноша понадеялся, что она говорит правду. А почему салирика не ослепла? Возможно, её голова была повернута, и поэтому вспышка не затронула инопланетянку прямо.

— Как мы засели? — поинтересовался он.

Исига, шевельнувшись на своём кресле, почти склонилась над ним, словно силясь разглядеть, что скрывается в темноте за дальним боком роллера. Но отвечала она ровным голосом, как бы отчитываясь перед ним.

— Мы приземлились прямо на густой кустарник. Но спереди машина уткнулась в какое-то дерево, отчего этот крутой уклон.

— А что позади?

— Тоже кустарник.

— И никаких деревьев? — он знал, что саларики видят в темноте лучше, чем земляне. Она должна была различить больше деталей.

— Больших нет.

Риз провёл рукой по приборной доске. Если роллер не получил повреждений при такой грубой посадке...

— Я попробую дать задний ход, — сказал он. — Но тебе придётся следить и направлять меня.

Юноша нащупал нужную кнопку и неуверенно нажал на неё. Роллер стал крениться то на один бок, то на другой, и это раскачивание сообщило ему, что большая часть поверхности гусениц опирается на сломанный кустарник, над землёй. Потом машина принялась качаться взад-вперёд, но в то же время постепенно начала соскальзывать назад. Повсюду стоял треск ломающихся веток. Интересно, сколько у них осталось времени, прежде чем кроки переправятся через реку, чтобы покончить со своими жертвами?

И насколько серьёзные повреждения получил роллер? Риз цеплялся за единственную — крошечную — надежду, что напавшие видели их беспорядочную вынужденную посадку, и что издали она должна была показаться ещё более ужасной. Туземцы могли теперь полагать, что они потерпели крушение. В этом случае они не будут спешить, уверенные в своей способности обнаружить и схватить любого уцелевшего.

Но машина сейчас недоступна лучу, а гусеницы в конце концов зацепились за что-то твёрдое в мешанине листьев, веточек и изломанных кустов. И наконец сверкающие огоньки, стоявшие перед глазами Риза, стали блекнуть.

— Как там наверху, — снова обратился землянин к своей спутнице, — много над нами чистого неба? — роллер не вертолёт и не может совершать прыжки, начиная полёт строго вертикально.

— Только не здесь.

Выбравшись из джунглей на открытый берег реки, они сразу выдадут себя и станут лёгкой мишенью для оператора лучевой установки. Однако, наверное, они смогут пробраться немного вперёд в надежде обнаружить поляну, достаточно большую для совершения прыжка.

— Где здесь заросли пореже?

Снова послышалось движение на сидении, и он решил, что саларика внимательно изучает окружающее их пространство.

— Впереди и справа деревья. Слева только кустарник, но с той стороны и берег реки.

— Так что назад? — роллер медленно отозвался на работу рук.

— Да, это самый лучший путь.

И началось утомительное отступление; машина раскачивалась и цеплялась о ветки и лианы. Риз вдруг осознал, что звуковой экран больше не работает, а знакомого гудения после нажатия на кнопку не раздалось. Местные насекомые... Риз вздрогнул, когда его чуть выше плеча как огнём обожгло. Но не было времени беспокоиться о таких пустяках.

— Подожди! — рука Исиги так сильно сдавила его руку, что своими ногтями она поранила его кожу. — Немного дальше, ещё чуть-чуть, и ты можешь поворачивать. Там нет деревьев, только кустарник и множество лиан.

Возможно, там и нет деревьев, но лианы тоже могут представлять большую опасность. Однако ему оставалось только попытаться. Риз дождался её команды: «Давай!» — и рванул рулевой рычаг. Роллер неуклюже подчинился и с треском пробил дорогу сквозь сопротивляющуюся стену джунглей.

Глава шестая

— Пригни голову и держи детей сзади, лучше под каким-нибудь укрытием! — приказал Риз и сам как можно ниже нагнулся на сидении. Плети кустарника и разорванных лиан хлестали верхушку роллера, в то время как они упорно продирались по тропе вперёд. Землянин бешено моргал. Тень следовала за тенью, но слабые различия между ними он уже мог ощутить. Он с облегчением вздохнул — слепота оказалась лишь временным явлением, как он и надеялся.

— Шкала слева, вторая на панели с твоей стороны, — едва выдохнул он. Слова слетели с его губ вместе с толчком роллера. — Индикатор показывает какие-нибудь изменения?

— Ограничительная стрелка ползёт вверх.

— Хлопни по ней рукой! — выкрикнул Риз, боясь поверить в это без проверки.

— Теперь она колеблется, — ответила саларика через секунду, — и постепенно возвращается в прежнее положение.

— Значит, всё ещё работает... и нас пока не преследуют.

«Правда, непонятно, почему», — подумал Риз. Если только... если только их катастрофа над рекой не показалась наблюдавшим её крокам куда более разрушительной, чем она была на самом деле. Враги вполне могли подумать, что они просто грохнулись о землю — либо мёртвыми, либо абсолютно беспомощными кусками мяса, которые они потом без всякой суеты найдут после разрушения последнего поста инопланетян в этом районе. Он поделился своими мыслями с Исигой.

— Да я и сама уж было решила, что нам приходит конец, — заметила она, — поэтому, наверное, не стоит порицать кроков, что они посчитали наш спуск смертоносным. Сколько отсюда до Рексула?

— Я не знаю. Будь у нас связь, они могли бы провести

нас по поисковому лучу. Но в нашем положении остаётся полагаться только на детектор разума и то, что он не выведет машину к отряду кроков... И всё-таки: кроки, имеющие силовой луч! Они же могут разрушить... — он резко остановился, осознав наконец, что на самом деле означает этот факт.

— Силовой луч, — закончила за него Исига почти не дрогнувшим голосом, чего он, при всём своём желании, не смог бы в этот момент сделать, — может легко прожечь дорогу в защитных порядках Рексулов, не так ли?

— Да. Но если наши люди узнают, что у кроков есть такое оружие, то они смогут кое-что подготовить.

— Что именно? — вяло поинтересовалась сарарика.

Действительно, что? Только хорошо защищённое поселение, такое, как порт Нагассара, может выдержать удар силового луча и даже, имея противосиловой экран, который направляет назад энергию атакующего луча, способно уничтожить силовую установку и тех, кто управляет ею. Но у Рексулов наверняка нет защиты подобного типа. Защитники не могут ожидать, что столкнутся с лучшим оружием Патруля, оказавшимся в руках воинов из джунглей. Конечно, эти примитивные охотники не должны были знать, как им пользоваться, но меткое попадание, сбившее их роллер, указывало, что кто-то из их отряда умеет обращаться с современным инопланетным оружием.

— Плантация — наш единственный шанс, — тупо пробормотал Риз. — Мы не сможем подняться над горами в этой машине, — у него даже стали возникать сомнения, а долго ли они вообще будут двигаться вперёд. При управлении роллером теперь появились определённые трудности, которые нельзя было объяснить просто неровностями земли, по которой они передвигались. И звуковой экран перестал действовать. Да и работают ли вообще остальные защитные системы?

— Подожди! — резко воскликнула Исига. — Стрелка, теперь она снова задвигалась!

Риз сильнее стиснул руль.

— Куда и насколько? — слабое свечение приборной панели казалось для него едва различимым смутным пятном, чтобы он мог рассмотреть показания прибора.

— Она отклонилась вправо... на десять делений... а теперь ещё больше...

— Это означает, что кроки переправляются через реку. А что впереди нас?

Саларика приподнялась в трясущейся машине, положила руку на его плечо, чтобы сохранить равновесие, и напряжённо всмотрелась в дорогу перед ними. Существа её расы лучше, нежели земляне, видят ночью.

— А-ах! Остановись — быстрее!

Риз подчинился, и роллер сильно накренился, когда он застыл в гуще изломанного кустарника. Огнемёт! Если бы только удалось применить огнемёт! Он приготовился к отражению атаки кроков из темноты.

— Мы рядом с краем обрыва, — между тем доложила Исига. — Глубина оврага мне неизвестна, и он довольно широкий. Мы сможем перепрыгнуть его?

Пальцы Риза потянулись к другой кнопке и сильно нажали на неё. Машина рванулась, но реактивной струи оказалось недостаточно, чтобы поднять их над сплошной массой растительности, сквозь которую они пробирались. Да, он был прав, не один только звуковой экран вышел из строя после аварии.

— Система управления прыжками не работает, — устало сообщил землянин. Что же теперь делать? Попытаться развернуться так, чтобы он смог уничтожить кустарник из огнемёта? Все его воспоминания и размышления в течение всего этого кошмарного дня и ночи относительно принципа паучьего глаза, теперь, наконец, воплотились в действие. Риз вступал в самую рискованную игру в своей жизни, куда более рискованную, чем,

возможно, ему придётся когда-либо ещё сыграть. Но это был их единственный шанс.

— Всё, — подытожил он резко, приняв решение. — Я собираюсь повернуть назад от обрыва. Выброси всё из багажника, наполни фляги из резервуара, заberi всю еду — можешь завернуть всё это в одеяла — и будь с детьми наготове. Как только мы остановимся, хватай их и тюки и прыгайте из машины. Затем бегите направо, вдоль края обрыва. Подожди... — он отстегнул пояс с кобурой, где находился согревающий ему душу бластер. — Ты знаешь, как им пользоваться? Нажми три раза на светящуюся кнопку — ты установишь заряд на максимум, а это пригодится, когда нужно будет прожечь панцирь кроков.

— А как же ты? — салирика взяла бластер.

— Я выберусь под прикрытием огненной вспышки, которая отвлечёт кроков. Они сами ведут себя подобным образом, когда в схватке их загоняют в угол. Как только они приблизятся, я дам по ним залп из огнемёта. А потом пошлю роллер назад к обрыву, он рухнет в пропасть и взорвётся. Если кто из кроков и уцелеет в этой катастрофе, то решит, что мы все взорвались вместе с машиной. А я присоединюсь к вам, как только смогу.

— Машина настолько повреждена, что больше не может нам помочь? — равнодушные Исики по поводу грозившей им опасности ободрило землянина.

— Да. Она в любой момент может полностью выключиться. А теперь уходите!

Землянин помог салирике побыстрее собрать фляги, пакеты с едой, аптечку и два ножа. Затем он передал Занну в руки матери и увидел, как Горди поковылял вслед за ними — маленький мальчик, но как истинный мужчина тащивший второй узел из одеяла. Они ушли, и Риз остался один на один с мрачной надеждой, что сделал правильный выбор. При удачном стечении обстоятельств их преследователи вполне могут поверить, что они оказались погребёнными в рухнувшем роллере.

Юноша осторожно управлял машиной, и его подозрения относительно будущих событий в полной мере подтверждались заторможенной реакцией машины на его управление. Один раз двигатель полностью вырубился, и Риз подумал, что это конец всему, но тот всё-таки включился через некоторое время, когда он в неистовстве принялся бить по кнопкам. Чрезвычайно осторожно он развернулся задом к пропасти, невидимой в темноте, и огнём теперь был направлен в сторону, откуда должны были прийти кроки. К счастью, глаза Риза оправились до такой степени, что он мог видеть показания на шкале разведывательного детектора, стрелка которого уже перешла отметку середины. Кроки приближались, и очень быстро.

Они не могли нести с собой лучевую установку, слишком уж разбитой осталась после роллера земля, если только у них не было подъёмной платформы. Но даже в таком случае... Риз улыбнулся, но ничто в улыбке тонких губ землянина не указывало на юмор. Платформа может двигаться только прямо по просеке, которую пропахал роллер. Тогда он легко поразит её, а стоит попасть в силовую установку, как все кроки, находящиеся рядом, мгновенно погибнут.

Землянин закончил приготовления и стал спокойно ждать. Он лишь с сожалением подумал об отказе звукового экрана. Придавленная машиной растительность, должно быть, служила домом для неисчислимого множества насекомых. Риз мог только надеяться на силу репеллента, которым он вымазал кожу перед отправлением, но тот не предохранял его полностью от укусов этих мелких тварей, которых он не мог видеть (да и не хотел). Ожидание... Переносить его было куда труднее, чем натиск любых насекомых. Он даже начал в уме считать, пытаясь таким образом оценить, насколько далеко уже ушли Исига и дети после оставления роллера.

Глаза Риза привыкли к свету и... Неужели этот момент

наступил так скоро! Кроки, хотя и жили в джунглях, но даже они не смогли замаскировать этот предмет, зависший на некоторой высоте над дорогой, проложенной роллером, — тёмное пятно на фоне неба. Пятно не спеша приближалось, и рассеянный свет полураздавленных кустов-светильников сообщил Ризу его истинные размеры. И так, они действительно поставили лучевую установку на подъёмную платформу.

Землянин нажал на кнопку огнемёта. Из раструба вырвался клуб ржаво-красного пламени. Он должен был накрыть подъёмную платформу и то, что находилось на её грузовой площадке. Однако Риз не стал ждать доказательств попадания. Он прикрыл глаза, оберегая их от вспышки пламени, ухватился за дверь одной рукой, затем развернулся на сидении, ровно на столько, чтобы нажать ногой на стартер. Потом прыгнул на землю, набив синяки на коленях, вскочил на ноги и опрометью бросился бежать сквозь кусты к скалистому обрыву.

Роллер полз назад, гусеницы его скрежетали по камню. А вокруг неуправляемой машины ослепительным сиянием бушевало пламя, вырывавшееся из огнемёта, смертельным веером сметающее всё со своего пути. И вдруг это копьё огня устремилось в небо, когда машина накренилась на краю обрыва. Риз, теперь находившийся в сотне метров от роллера, рискнул остановиться, чтобы бросить взгляд назад.

Машина покачнулась и опрокинулась в пропасть. Но несколько врагов всё-таки уцелело. Пронзительные кашляющие крики кроков слились в один резкий возмущённый вопль. Землянин припустил прочь со всех ног, надеясь, что оставшиеся в живых туземцы собрались вместе на краю обрыва и даже начали спускаться к месту катастрофы. Он причинил им серьёзный ущерб, и они должны теперь утратить свою осторожность от желания заполучить его голову. Череп храброго врага был гораздо более ценным трофеем для воинов клана Высокого Дерева, чем голова жертвы, снятая с плеч после простой бойни.

Риз судорожно вдохнул, когда почувствовал боль под рёбрами. Теперь он должен надеяться не только на свою скорость и проворство, но и на способность Исиги видеть в темноте. Если саларика удержится у края пропасти, как он и приказал, то он очень скоро догонит беглецов. И в то же время, вновь рванувшись прочь, чтобы как можно быстрее убраться подальше от места катастрофы, Риз с нетерпением ждал наступления им же задуманного финала.

И тот наконец разразился, даже более ошеломительный, чем Риз представлял себе. Вспышка света на миг затмила родное солнце ишкуринцев, несмотря на то, что его источник находился на дне пропасти. Риз споткнулся, и с его губ сорвалось словечко, к смеху не имеющее никакого отношения. Любой охотник, настигнутый этим взрывом и обеспеченный порцией огня на всю катушку, никогда уже больше не станет интересоваться черепами — даже своим собственным!

Вожди этого отряда, должно быть, управляли лучевой установкой на подъёмной платформе. И Риз мог с большой долей вероятности рассчитывать на то, что все они погибли. Поэтому если кто-то и уцелел при последующем взрыве роллера, то вряд ли они продолжат преследование инопланетян. Риз просто последовал примеру туземцев, которые, встретившись с превосходящими силами противника, обычно нападали на врага и старались как можно дороже продать свою жизнь.

Только теперь он начал беспокоиться об Исиге и детях. Конечно, они не могли уйти далеко. Он замедлил бег, внимательнее вглядываясь в неровные пятна кустов-светильников. Но тут в небе засиял ещё один источник света, заставивший Риза резко остановиться.

Высоко над головой, двигаясь как раз в его направлении, в воздухе засверкал след — пульсирующие красные линии, точнее пунктирные очертания чудовищной головы с разинутой челюстью с клыками, казавшимися маленькими утолчками.

Если бы он находился в роллере или даже на открытом месте, но с бластером в руках, Риз достойно бы встретил эту угрозу. Простой же нож — слабая защита против воздушного дракона на охотничьей территории этого монстра — порождения ишкуруианской ночи, использующего ослепляющее сияние головы, чтобы приводить в ужас свои жертвы и делать их беспомощными. Сейчас дракон вышел на охоту, и, как понял Риз, пока не его выбрали в качестве жертвы.

Кого-то другого! Всё живое в джунглях пробудилось от шума недавней битвы. Раздавались громкие пронзительные крики потревоженных птиц, шелест насекомых, ползающих в массе растительности, и сквозь их шум землянин не слышал зловещего хлопанья широких крыльев, а мог только наблюдать за красными очертаниями злобной головы, когда огромное существо планировало, снижаясь и высматривая жертву.

У Исиги есть бластер, и Риз знал, что она превосходно видит в темноте. Но если саларика воспользуется оружием, чтобы покончить с атакующей её тварью, то этим она также привлечёт к себе внимание кроков, показав, что беглецы всё ещё живы. И тогда их отказ от роллера окажется бессмысленным — они вновь легко могут быть пойманными преследователями.

Ноги Риза продолжали нести его вперёд, хотя юноша не имел ни малейшего представления, каким образом он собирается противостоять с голыми руками этим красным уголькам в пасти и ужасным когтям, которые парили в воздухе чуть ниже отлично видной головы.

Воздушный дракон теперь парил на высоте верхушек деревьев, которые росли на краю обрыва, и это были отнюдь не те гигантские деревья, стрелой уносящиеся вверх в подлинной чаще джунглей. С ужасающей ясностью клацнули челюсти. Это охотящееся создание, должно быть, поймало в полёте какую-то неосторожную птицу. Но такой кусок мяса, конечно же, слишком мал,

чтобы насытить его. Теперь дракон парил, наверное, в каких-нибудь десяти футах над землёй, и красные очертания его головы качались взад-вперёд. Риз издал вздох облегчения и прижал руку к ноющим рёбрам. То, что выскивал воздушный дракон, пряталось под листвой.

К несчастью, у этих существ действительно имеется какой-то интеллект плюс привычка упрямо преследовать одну выбранную жертву, всегда в одиночестве и темноте ночной охоты. Воздушный дракон продолжал кружиться в воздухе, дожидаясь, когда выбранная им жертва выберется из густой листвы. К тому же само присутствие здесь дракона, особенно когда всё в джунглях уже пробудилось и потревожено, служит сигналом для других бестий, передвигающихся по земле, тех, кто питается остатками пиршеств дракона, когда тот, утолив свой более разборчивый вкус, улетает прочь.

Черепные крысы, проги — они все здесь соберутся. Они обычно выгоняют жертву дракона на открытое место. Риз слышал рассказы Виккери о подобных совместных охотах и знал, что старый собиратель животных по крайней мере не преувеличивал. Остаться здесь означает смерть одного рода; уходить — тоже смерть, но другую.

Землянин прикинул, где кружится дракон. Тот лениво размахивал крыльями, вроде бы не собираясь к немедленным действиям. И у Риза почему-то появилась уверенность, что выбранные драконом жертвы — Исига и дети. Они, должно быть, — Риз посмотрел на парившую в вышине голову с красным пунктиром зубов — скрываются под каким-то кустарником или, скорее, под деревом с толстыми ветвями, немного левее от него и ближе к краю обрыва. Возможно, саларика пыталась выбраться к ущелью, когда дракон спикировал к ней, вытягивая когти.

Риз тоже спрятался под пологом листьев. Вжимаясь в землю, он пополз к тому месту, которое, на его взгляд, усиленно интересовало дракона. Он должен был двигать-

ся быстро, чтобы успеть добраться до беглецов, прежде чем появятся черепные крысы или проги!

И вот он застыл под тонким занавесом укрытия, уверенный, что красный силуэт огромной головы, раз за разом совершавший повороты в высоту, пока не обращался в его сторону! Если бы ему удалось подобраться достаточно близко! Они смогут предпринять только одну попытку. Или же Исига сумеет применить бластер, хотя для выстрела узким лучом требуется меткость опытного охотника. Вместе с Викҗери он пошёл бы на подобный риск не задумываясь, но в данной ситуации он должен быть уверен в результате.

Что-то глухо упало на полоску открытого пространства между зарослями кустов, маня к себе и притягивая. И в то же время из кустов напротив слабо засверкал отражённый бледный свет металла, словно искорка, и это мерцание было не сильнее, чем светились вокруг тела ночных насекомых. Бластер! Должно быть, Исига заметила его приближение и теперь сигнализировала ему о местонахождении оружия.

Риз пошарил руками по обе стороны своего тела, разгребая в грязи старые листья и мусор в попытке нащупать хоть какую-нибудь ветку, которой он смог бы дотянуться до бластера. Но ничего подходящего не попалось, кроме каких-то деревяшек, настолько прогнивших, что они рассыпались в его руках в отвратительно пахнущую труху.

Бластер спокойно лежал на траве, на открытом пространстве поляны, но в воздухе над головой парил дракон, готовый в любой момент схватить свою жертву. Он кружил совсем низко над опушкой. И чем больше ждал Риз, тем меньше у него оставалось решимости собраться с силами и осуществить задуманное. Наконец землянин, стиснув зубы, напряг всё тело.

По существу даже не поднявшись, он метнулся вперёд, согнувшись, словно футбольный игрок, идущий на про-

рыв, сконцентрировавшись только на оружии. Едва схватив бластер, Риз отпрыгнул, одновременно падая на спину и разворачивая оружие вверх, в небо. И бешеными глазами уставился вверх, в стремительно надвигавшийся совершенный ночной кошмар.

Голова чудовища теперь не казалась просто красным силуэтом. Ужасные очертания морды дракона обрисовались во внезапно вспыхнувшем свете переносной лампы. Яркий луч ослепил монстра на одну лишь секунду, но её хватило, чтобы Риз нажал на спусковой курок бластера и выпустил тонкую чёрточку огня. После чего Риз только успел увидеть, что выстрел достиг раскрытой пасти, как его самого ударило, перевернуло и швырнуло в сторону кустов, откуда появился луч лампы.

Когтистые лапы задели землянина, царапая бока и срывая одежду с тела. Но сила удара отбросила его вперёд и в сторону. Риз услышал пронзительный, ужасающе громкий вопль, когда к нему прижался мех саларики, а он лежал, судорожно вдыхая воздух.

Каким-то образом землянин всё-таки приподнялся и сел, и бластер снова оказался в его руке. Но больше не потребовалось ни в кого стрелять, ни в воздухе, ни на земле.

— Что?.. — начал было он.

— Чудовище пронеслось над тобой и упало, — пальцы осторожно прикоснулись к его плечу. — Больно?

Пронеслось куда? Риз попытался подумать над этим вопросом, когда руки саларики одновременно с его рукой коснулись покалеченного бока и задели несколько царапин, обжигая его острой болью. Конечно, в ущелье! Вот что она имела в виду: воздушный дракон, должно быть, оказался настолько серьёзно ранен, что рухнул в пропасть!

— Ты выстрелил в дракона! — рядом торжествующе выдохнул Горди. — Вся голова его трах — и раскололась! Да, точно, вот что с ней случилось!

— И ты не очень серьёзно ранен, — руки сальерики деловито, быстрыми уверенными движениями что-то прикладывали к его боку.

— Нам нужно поскорее убираться отсюда, — Риз собрал все свои мысли в порядок, чтобы всё подчинялось требованиям здравого смысла. Он всё ещё никак не мог до конца поверить в случившееся, что ему удалось выиграть второй раунд этой безумной рискованной ночной игры.

— Спустившись в ущелье, — сообщила ему Исига, — мы сможем передвигаться под прикрытием. Я как раз обнаружила тропу вниз, когда появился дракон. Там все признаки тропинки, так что мы не так уж далеко от плантации.

— Значит, в путь! — скомандовал им Риз.

Глава седьмая

— Никаких признаков жизни... — Риз лежал на животе, подпирая подбородок кулаками. Между ним и ограждением, отражавшим зеленоватые лучи солнца, протянулась полоска ярко-красной травы. Он не мог ошибаться: сторожевые башни по четырём углам этого огороженного пространства, размеры и крепость зданий, защищаемых стенами, — всё говорило о том, что это поместье Рексулов. Однако там не было видно никакого движения, место выглядело полностью покинутым.

— Вертолётная стоянка... — рядом с ним стояла Исига, искрящаяся серебристыми волосинками меха на серой коже. Она выглядела куда лучше по сравнению с землянином с его изорванной одеждой и розовато-коричневой кожей, перепачканной землёй и соком трав. — Но она пустая.

К немалому своему разочарованию, Риз уже успел убедиться в этом. Сотрудники-инопланетяне, наверное, запечатали свои квартиры и улетели на вертолётах, на-

деясь, что все неприятности будут улажены и они скоро сюда вернутся. Из укрытия Риз видел, что все здания были заперты, а ворота закрыты. Он надеялся, что там задействованы замки, реагирующие на людей. Если запоры настроены на температуру тела землянина, это позволит войти ему и Горди... Однако он сомневался, что с зарплатой всё будет так же просто. Он сообщил об этом своим спутникам.

— Тогда нужно ли нам идти туда, если все ваши люди улетели?

— Но здесь остался коммуникатор. А он должен быть прямо настроен на порт. Если удастся связаться с властями, то сюда могут выслать вертолёт, управляемый роботом-автопилотом.

Она кивнула.

— А что, если у этих зверо-змей имеется ещё одна установка силового луча?

Да, что если в том взрыве у ущелья не были уничтожены все вражеские силы? Оставшиеся в живых ишкуринцы могут просто окружить их, дожидаясь подходящей возможности проникнуть на плантацию через ворота. Со всех четырёх сторон ограждения проходила широкая полоса выжженной земли, свободная от какой бы то ни было растительности. И Риз понимал, что это было сделано совсем недавно, потому что дождь ещё не успел смыть чёрный пепел. Кто-то, видимо, посчитал это разумной мерой предосторожности в случае неожиданного нападения. Чтобы подойти к воротам, Ризу потребуется пересечь это открытое пространство. И только через ворота они могут попасть внутрь усадьбы, если температура его тела приведёт в действие управляющие механизмы. После чего он должен будет разыскать пульт управления и ввести в эту систему персональные данные Исиги и Занны. Либо сразу же направиться к коммуникатору, отправить послание и вернуться сюда в ожидании прибытия спасательного вертолёта. Риз в общих чертах обрисовал оба плана зарплаты.

— Ты считаешь, что этот «замок» не пропустит нас, и ни мне, ни Занне не удастся пройти?

— У Рексулов весь персонал состоит из землян. Из вашего народа редко кто подписывает контракт с фермой, владелец которой — землянин.

— Верно. Так что теперь весь вопрос — во времени?

— Хотелось бы верить, что только в этом. Там, внизу, если защита функционирует, крокам до нас не добраться. Разве что у них найдётся ещё одна установка силового луча.

— Слишком много предположений и слишком легко ошибиться хотя бы в одном из них, — прокомментировала Исига. — Но ради достижения цели я с охотой отдам себя в руки Фортуны. Оказаться за этими стенами, которые не пропустят зверо-змей, — это успокоит любое сердце и снова сделает лоснящейся кожу.

— Ну, тогда вы все пока оставайтесь здесь, — осторожно посоветовал Риз. — А когда увидите, что я открыл ворота, во весь опор бегите к ним. Я буду прикрывать вас из бластера.

Он вскинул на плечо большой мешок, в котором находились их припасы, и побежал. Казалось, что выжженная полоса склона под его ногами сама по себе становится шире, и ему потребовалось больше времени на преодоление открытого участка, чем он рассчитывал, когда смотрел сверху. Наконец Риз домчался до ограждения и с такой силой ударился о ворота, что мучительно заныл раненый бок.

Был ли на этих воротах замок, реагирующий на человека? Землянин ждал, затаив дыхание, с хрупкой надеждой на то, что замок отрегулирован на обычную температуру человеческого тела. Слишком уж мала была вероятность того, что кто-нибудь из них сможет вернуться назад. Но по крайней мере Риза не опалило огнём и на него не обрушился звуковой удар. А он был уверен, что люди постарались обеспечить жаркий и жестокий приём на

случай, если кто-то из кроков отважится сунуть сюда свой нос.

Раздалось щёлканье, чуть более громкое, чем то, что издавали в траве насекомые. Одна из створок ворот слева от него скользнула в сторону. Устройство отреагировало на температуру одного человека, и стало ясно, что внутрь может пройти только он один. Риз одним махом пересёк створ ворот, и панель тут же скользнула на прежнее место.

Где же здесь помещение с пультом управления, в котором должен находиться и коммуникатор? Риз окинул взглядом здания и стал размышлять над их назначением. Наконец выбрал одно — которое с помощью небольшого пристроенного коридора соединялось с жилыми корпусами. Внешняя дверь в нём тоже, должно быть, имела реагирующий на людей замок, потому что, когда он подошёл на расстояние метра к ней, панель отъехала в сторону.

Силовая установка в комнате, похоже, была в порядке. Но здесь тоже видны были следы поспешного бегства. Чашка с остатками земного кофе стояла на полке рядом с приборной панелью, шарф свисал со спинки выдвижного сидения. Риз торопливо осмотрел приборную панель рядом с кофейной чашкой. До сих пор поселения землян никогда не пользовались личными замками, дядюшка Мило три месяца назад даже разобрал какую-то часть их, чтобы использовать двигатель этой системы для ремонта подъёмника, так что Риз знал, где следует искать. И найти нужную шкалу с соответствующим рядом кнопок оказалось для него лёгким делом.

Ещё секунда потребовалась, чтобы отключить всю систему, после чего он побежал назад к внешним воротам. Откатив створку ворот, Риз помахал высоко поднятой над головой рукой.

Горди первым стал спускаться по склону, волоча за собой второй узел. Раз мальчик споткнулся и упал на

поцарапанное колено, а когда поднялся, провёл тыльной стороной ладони по грязному лицу. Исига, неся Занну на руках, легко скользила вслед за мальчиком, подбадривая его мурлыкающими словами, которые показались Ризу словами из песни. Землянин рванулся к ним навстречу, когда они достаточно приблизились к ограждению, подхватил Горди, несмотря на возмущение мальчика, и каким-то образом они все чуть ли не одновременно протиснулись через ворота. Теперь необходимо было закрыть вход. Он вручную сдвинул створки и пошёл к пульту управления для перенастройки замка.

— Еда, — быстро прокричала Исига вслед ему. — Вот что нам нужно в первую очередь. И ты обнаружил коммуникатор?

— Пока ещё нет. Сейчас займусь этим, — но особой поспешности Риз не выказывал. Один раз он даже споткнулся и опёрся рукой о стену. Ему казалось, что на этот последний рывок через ворота с мальчиком на руках он израсходовал почти все свои силы. Сколько уже времени он не мог позволить себе расслабиться и отдохнуть? Больше целого ишкураианского дня. И даже теперь он не смел думать о сне.

— Ты устал, Риз? — Горди, как сова, сощурился.

— Только чуть-чуть. А ты не хочешь пойти с леди Исигой и поискать что-нибудь поесть?

— Где мама, Риз, и папа? Ты сказал, что они окажутся здесь с вертолётom. Но я не вижу их. Здесь, кроме нас, никого нет. Я хочу к мамочке.

Какое-то мгновение Риз был не в состоянии даже понять это требование: туман как бы застилал ему сознание. А потом смутно припомнил предлог, который он использовал, чтобы скрыть от Горди вчерашнюю трагедию.

— Должно быть, они снова улетели, Горди, — он понимал, насколько его слова выглядят неубедительно. Но юноша слишком устал, чтобы придумать что-нибудь

более подходящее. — Мы вызовем вертолёт и улетим в Нагассару.

— Я больше не верю тебе! — выкрикнул мальчик, не скрывая враждебности. — Я хочу к моей маме — и немедленно!

Риз наклонился и сел на стул, со спинки которого свисал шарф. Мягкий материал с тихим шелестом соскользнул на пол, и Горди уставился на него.

— Этот шарф — не мамин, — обвиняюще заявил мальчик Ризу. — Её никогда здесь не было. Я немедленно отправляюсь домой, сию же минуту!

— Тебе нельзя! — Риз уже был на грани потери самоконтроля. Он не мог совладать с испуганным, упрямым ребёнком, готовым на всё, просто не мог в данный момент. — Исига! — во весь голос позвал он, зная, что у него больше нет ни сил, ни энергии встать с сидения и самому искать сарайку.

— Ты не можешь заставить меня остаться здесь, — Горди попятился к двери, и на лице его застыла мрачная ухмылка, когда он сжал мягкий шарф своими поцарапанными и грязными руками. — Ты можешь запереть меня здесь, но я всё равно не останусь! Я собираюсь вернуться к маме и папе. Тебе ещё достанется от папы, Риз Нэйпер, за то, что ты увёз меня из посёлка. Говорил же он, чтобы я не ходил вместе с тобой. Ты нехороший человек, драчун.

— Итак, я драчун, — хмуро повторил Риз. — Ладно, хорошо, что я это знаю, нравится мне это или нет. А теперь послушай, Горди, ты просто устал и голоден, и я знаю, что тебе нужно к маме. Но мы должны добраться до Нагассары. Кроки...

— Папа говорил: «Кроки — нехорошее слово!» — голос Горди стал пронзительным. — Ты употребляешь нехорошие слова, ты врун, и я не собираюсь оставаться здесь!

Он повернулся и опрометью бросился к дверям. Риз вскочил на ноги, но покачнулся. Персональные замки —

Горди может пройти их — и покинуть плантацию без каких-либо препятствий. Риз должен был поймать ребёнка и удержать его от выхода за стены крепости.

— Эй, оставь меня в покое! Я немедленно отправляюсь домой! — Горди пытался вырваться из хватки Исиги, размахивая руками и брыкаясь, теперь его голос сорвался на пронзительный истерический визг. Но, как то ещё раньше обнаружил Риз, у саларика была сильная хватка. И она не просто продолжала удерживать мальчика, но склонилась над ним и успокаивающе напевала что-то вполголоса.

Её взгляд встретился с Ризом, и он прочитал ободрение в её глазах. Теперь настала очередь женщины успокаивать Горди, и землянин верил, что саларика справится с непокорным мальчишкой. А он должен вернуться назад и поискать коммуникатор.

Он уже нашёл это устройство и уселся перед микрофоном, когда саларика скользнула в комнату, присоединяясь к нему.

— Как Горди?

— Он поел, а теперь спит. Но я на всякий случай закрыла дверь на щеколду, так как его решимость убежать отсюда не утасла. Нам придётся следить за ним. Он что, не знает, что люди его клана погибли?

— Не знает, но, может, ты сможешь рассказать ребёнку об этом? — обратился к ней Риз. — Мне пришлось взять его с собой в роллер и уехать из посёлка. Вот поэтому я и сказал ему, что его мать и отец улетели, и что мы догоним их позже.

— Такие обманы всегда приводят к осложнениям, — подчеркнула саларика. — Хотя, я всё же могу понять, почему тебе так трудно было сказать правду малышу. Возможно, когда он проснётся и успокоится, я смогу рассказать ему что-нибудь. Сейчас же он слишком разгневан и испуган, чтобы слушать.

— Я тоже так считаю. Чем скорее мы сможем добратся до Нагассары, тем лучше!

— Там есть ещё кто-нибудь из его рода?

— Нет, — впервые за всё время Риз задумался о будущем Горди. — Нет, я никого там не знаю и не думаю, что и на других мирах у него найдётся кто-нибудь из близких родственников. Теперь на него легла ответственность за основание поселения.

— А у тебя... у тебя самого есть какие-нибудь родственники?

— Нет. Мой отец работал в Службе Разведки. Однажды он не вернулся из экспедиции к пограничным мирам. Доктор Нэйпер был моим дядей.

Её зелено-голубые глаза задумчиво смотрели на юношу.

— Мы слышали, что ты в джунглях вместе с прируча-телем зверей искал животных. Раве ты не был служащим посёлка?

— Наверное, нет! — в его голосе вновь зазвучала былая горечь. — Дядюшка Мило забрал меня из Академии Подготовки Разведчиков, он был сильно настроен против того, чтобы я стал Разведчиком. Но он не сумел привить мне свои идеалы. Так что теперь я даже и не знаю, кто я такой.

— И что ты будешь делать, когда мы доберёмся до Нагассары?

Риз пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, присоединюсь к милиции. Во всяком случае отыщу капитана Виккери. Но сначала нам нужно попасть туда.

Она сгибала гибкие пальцы, вытягивая и втягивая когтеобразные ногти, и в центре каждого из зрачков её прищуренных глаз вспыхнула искорка.

— Да, действительно, сперва нам нужно добраться до Нагассары, а не строить планы на будущее. Но, лорд Риз, не забывайте: я теперь Глава клана, клана торговцев. В Нагассаре, может, вам предоставятся другие благоприятные возможности. Разве среди Вольных Торговцев нет исследователей космоса?

Риз моргнул, не до конца поняв смысл её последних слов. Нагассара находится далеко, за горами. Разве могут они сейчас думать о каком-нибудь будущем, когда перед ними стоит только одна насущная задача: попытаться любым способом добраться туда.

Он нажал на кнопку коммуникатора. На приборной панели зажёгся сигнал вызова. Позывных сигналов плантации Рексула он не знал, поэтому использовал позывные посёлка. И, получив их на длине волны Рексуловской станции, любой бы оператор в порту сразу бы встревожился и понял, что это сигнал бедствия.

Щёлк-щёлк-щёлк! Риз методично передавал сигнал посёлка. Однако экран принимающего устройства оставался чистым. Но ведь передатчик работал, посылал сигнал. Почему же не приходит ответ? Холодок пробежал по спине Риза, добавляя усталости, которая свинцовым грузом навалилась на его руки и ноги. А вдруг все оставили... и Нагассару, вдруг уже улетел последний космический корабль? Или же кроки захватили всю планету и разрушили и эту твердыню правительства инопланетян?

— Нет ответа! — пальцы Исиги изогнулись, когти вытянулись на всю длину, словно она собиралась с помощью грубой силы добиться появления на экране сигналов. Он слышал её тяжёлое дыхание.

— А не могли... не могли они уйти? — весь её страх отразился в словах, когда секунды отчаяния сменились минутами: две... четыре... шесть...

— Не понимаю, почему... — Риз продолжал нажимать на кнопки. — В горах, наверное, буря, иногда поэтому пропадает связь. Должно быть, причина кроется именно в этом, я уверен! — он уставился на чистое зеркальное отражение экрана, будто только одним усилием воли мог заставить его вспыхнуть. Щёлк-щёлк-щёлк!

— Назовите себя! — внезапно раздался властный требовательный голос.

«Два землянина, — передал он и сообщил свои имена и места рождения, — и две зарплаты находятся отрезанные от всего мира, не имея средств передвижения, на плантации Рексула, просят прислать вертолёт с роботом-пилотом». Риз начал повторять послание в таком же рваном темпе.

— Нэйпер... назовите имя инструктора по Экспериментальной Технологии, преподававшего пять лет назад в Разведывательной Академии.

Риз уставился невидящим взглядом на символы, появившиеся на экране, с ужасом спрашивая себя, а не сломался ли он под этим давлением, потому что такое послание не имело никакой связи — ни земной, ни галактической — с сигналом SOS, который он передал по радио. Но символы послания остались без изменений, когда он поинтересовался причиной этого требования.

— Нет времени для шуток! — взорвался землянин и ударил кулаком по краю приборной панели.

— Мне кажется, это не шутка, — заметила Исига. — По какой-то причине им нужно убедиться, что ты именно тот человек, за кого себя выдаёшь. Может стать так, что эти зверо-змеи где-нибудь уже использовали коммуникатор, чтобы либо вызвать других спасателей, либо чтобы их переправили в Нагассару.

Риз расслабился. В этом имелся смысл. Но чтобы кроки использовали коммуникатор таким образом?.. Однако они уже показали на что способны, используя силовой луч, вспомнил он. В конце концов, они ведь не просто примитивные туземцы, носа не высовывающие из джунглей.

«Инструктора по Экспериментальной Технологии звали Зоркал», — передал он. К счастью, они спросили у него имя Зоркала, а не, скажем, преподавателя по астро-математике. Но Зоркал дал Ризу дополнительные знания, когда понял, насколько хорошо молодой землянин разбирается в его предмете.

— Настройте маяк на волну 2,59 сантиметра, — произнёс голос из передатчика, по всей видимости, удовлетворённый его ответом, убедившись, что на связи настоящий Риз Нэйпер во плоти. — Вам придётся обождать. В Насс Пасс разыгралась жестокая буря, и мы не можем послать вертолёт с автопилотом, пока она не утихнет.

— Буря! — Исига разочарованно вскрикнула, да Риз и сам с трудом не выругался, настолько уставшим он был.

Из-за этой бури Насс Пасс может быть изолирован как на несколько минут, так и на часы или даже дни. И, естественно, что автопилот не может сражаться с ветрами и пробиться к ним, ведомый только управляющим лучом. Риз настроил луч, как было указано, а затем обессиленно уронил руки на колени. Он был совершенно измучен, чтобы что-нибудь ещё делать. Тёплые руки Исиги слегка приподняли его обмякшие плечи.

— Давай, иди поешь и поспи, — промурлыкала она почти в самое ухо. — У тебя будет много времени, пока не кончится эта буря.

— Тебе тоже нужно отдохнуть, — заметил Риз. Но встал, когда она с удивительной силой потянула его за собой, и, пошатываясь, направился вместе с ней к двери.

Саларика обнаружила запасы продуктов, оставленные персоналом плантации и заставила Риза проглотить мясо, но вряд ли он осознавал, что жуёт и глотает и для чего; а сама она тем временем сидела напротив него за столом и пила какую-то жидкость по собственному усмотрению, с наслаждением отпивая маленькие глотки из чашки, которую держала обеими руками.

А он уже опять был в джуглях на поляне лагеря Виккери, стоя перед клетками. И в каждой клетке ползал крок, высоко задрав рыло, оскалив зубы. Ужасный смрад, волнами исходивший от полных ненависти и гнева полурептилий, заставил его закашляться. Запоры на клетках теперь едва держались. Риз знал об этом, ему не нужно

было даже смотреть на них. И у него на поясе не было никакого оружия, чтобы противостоять их нападению, ничего, только голые руки.

Чтобы избегнуть этого... чтобы сбежать от них, он должен проникнуть за панцири их тел, должен видеть этими красными глазами. Но каким образом? Как стать кроком? Но он должен, должен!

Риз сидел, судорожно вдыхая воздух, его сердце тяжело билось в груди. Он взмахнул рукой, но лишь слегка коснулся этого тела, легко уклонившегося от его удара. А затем... он растерянно уставился на Исигу. Должно быть, всё это ему пригрезилось.

— Автопилот... он заработал! — услышав это, Риз поднялся с койки, готовый идти.

Но сразу покачнулся. Тон salariки, её глаза, застывшее в них выражение окончательно пробудили его. Он глубоко вдохнул, и воздух, казалось, ворвался в его лёгкие. Этот запах, он не может быть только смутным осколком из его сна! Не такой ужасный, как та вонь из его кошмара, но, несомненно, он присутствует и здесь! Риз повернулся лицом к распахнутому окну, находившемуся над койкой. Сквозь бездействующий звуковой экран в комнату залетал ветерок. Это был прохладный ветерок наступающего вечера, и серые тени сумерек уже заползли из окна в помещение.

— Они пришли, — прошептал он.

Вонь кроков... ему никогда не забыть её, пока он может дышать.

— Их уже видно? — голова Риза качнулась в сторону Исиги.

— Нет. Но ясно, что они там, — она махнула рукой в сторону окна.

— И их должно быть много.

— Горди убежал.

До Риза не сразу дошли эти её слова. Внимательно вслушиваясь в доносившиеся звуки, он слишком был

занят мыслями о силовом поле, которое должно было сейчас окружать кольцом их плантацию-крепость.

— Горди... — с отсутствующим видом повторил землянин, и лишь затем он полностью осознал значение сказанного. — Давно? — резко спросил он.

— Занна говорит, где-то с полчаса назад. Мы сначала обыскивали комнаты.

Но Риз уже мчался со всех ног к воротам, к тем самым воротам, через которые мог пройти только землянин и которые должны были обеспечивать их безопасность и возможность бегства. Но через которые Горди мог... Нет, только не это... Господи, только не это!

Глава восьмая

— Горди! — закричал Риз, вкладывая в этот крик всю силу своих лёгких. Но в ответ донеслось только слабое эхо, отразившееся от холма впереди. Да и ворота были закрыты.

Он остановился.

— Может, он спрятался где-то здесь, — в тщетной надежде сказал Риз Исиге, которая выбежала вслед за ним. Но она покачала своей серебристой головой.

— Мы уже всё обыскивали, как я тебе говорила. Занна также говорит, что он пошёл искать свою маму.

Мальчик мог скрыться в любом месте сплошной стены растительности за полосой выжженной земли. А тут ещё эта вонь кроков. Попытаться обнаружить в джунглях след исчезнувшего ребёнка, да ещё на вражеской территории, нашпигованной охотниками, — полнейший идиотизм.

Паучий глаз! Риз застыл. Он знал, теперь он знал, что скоро произойдёт, он так отчётливо понял, словно его сознание проникло в один из бронированных черепов этих ящеров, и он сам смотрел этими красными чужими глазами. Горди был ключом, ключом, которым откроют вход к Рексулам.

Возможно, кроки уже пытались преодолеть ограждение плантации, но их не пустили внутрь персональные замки. Несколько следопытов, оставленных на страже на каком-нибудь из холмов, окружавших эту крепость, могли заметить беглецов и отметить поразительную лёгкость, с которой земляне прошли через ворота. Ишкурианцы могли просто дожидаться какого-нибудь благоприятного шанса, и вот Горди предоставил им его!

Риз повернулся и медленным шагом направился обратно к зданию.

— Что ты? — Исига шла рядом с ним. — О чём ты подумал?

— Горди... они не причинят ему вред. Потому что он — их ключ к воротам!

— Замок! — в её голосе снова послышалось гневное шипение. — Они воспользуются им, чтобы открыть ворота.

— Вот поэтому они и должны будут привести его к нам, — Риз цеплялся за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку.

— И что мы будем делать? — поинтересовалась салирика.

— Ты и Занна должны дожидаться на стоянке вертолётта, готовые к немедленному вылету при его появлении. Возможно, мы сможем обнаружить оружие.

— Нет, я уже искала. Ничего не осталось.

— Может быть, оно не на самом виду, и я хочу взглянуть, что находится в этих складских помещениях, — Риз кивнул головой в сторону зданий без окон, которые, как он думал, служили складами.

— Я думаю, сейчас они заперты. Я не смогла открыть их.

— Замки можно отключить, — резко бросил он.

Сумерки сгущались. Ночь быстро наступала в этих местах, среди низких холмов, и темнота послужит прикрытием для кроков, использующих Горди. Огонь, им нужно море огня, свет прожекторов, чтобы осветить весь

внутренний двор. У Рексулов была система прожекторов, Риз видел опоры и лампы.

Он занялся приготовлениями к нападению кроков, которое, как он понимал, не за горами. Даже если сейчас прибудет вертолёт с автопилотом, они не смогут улететь. Или он может отправить Исигу и Занну. Но ему придётся остаться, пока здесь не появятся туземцы с Горди. А вертолёт ещё вернётся за ними.

В комнате управления он нашёл систему управления прожекторами и включил их. Периметр их твердыни залил яркий дневной свет. Он старался не забывать, что должен делать, и пытался не думать, что может случиться с Горди. Но эти мысли не желали уходить, причиняя почти физическую боль.

Теперь в складские помещения! Риз, захватив с собой инструменты, принялся за работу, обрезая, где нужно, электрические провода, но постоянно следя за открытыми воротами склада. Он распаковывал тюки, готовые к отправке, ящики, где хранился собранный урожай, продукты, привезённые с других миров. Вскрывал ящики, с лихорадочной торопливостью прочитывал этикетки. И наконец нашёл то, что искал, выкатил два тюка во двор и разрезал мешковину.

— Оганна! — воскликнула Исига, подходя к нему. — Значит, именно она тебе понадобилась?

— Да, — Риз вытянул брикет плотно упакованных листьев, которые склеились от маслянистых капелек, усеивавших их поверхность, так что отделять их друг от друга было непростой задачей. — Набросай их вокруг вертолётной стоянки. И чтоб не осталось ни малейшего просвета.

— Да... — в её глазах, пристально смотревших на пустынную стоянку, загорелся огонёк, как у вышедшей на охоту кошки. — Да! — салирика загребла руками охапку листьев и умчалась. Тут и Занна вышла к нему из тени, с раненой рукой на перевязи. Но второй рукой она

тоже зачерпнула горсть листьев оганны и поспешила вслед за Исигой.

Прожектора, как бы сменившие солнце после наступления сумерек, бросали между зданиями множество перекрывавшихся теней. Риз не думал, чтобы кто-нибудь из следивших за ними кроков смог догадаться, что означает эта бурная деятельность инопланетян. Глаза кроков не были хорошо приспособлены к яркому свету. Враги теперь должны будут принимать во внимание это буйство света вокруг плантации и задуматься, каким образом им удастся отключить прожектора.

Риз и сам пошёл к стене, также захватив с собой груды листьев и наблюдая, как Исига и Занна очерчивают квадрат вокруг посадочной площадки. И только прямо напротив ворот Риз наметил проход в этой невысокой насыпи из пахучего растительного материала.

— Всё сделано, — Исига подошла к нему, слегка потирая одну руку о другую в тщетной попытке соскрести прилипшее масло. Тут она заметила брешь в насыпи и перевела взгляд с неё на Риза с внезапной догадкой.

— Ты решился?

— Я должен, — бесцветным голосом ответил землянин.

Саларика поднесла пальцы к губам, а затем, так и не коснувшись их, отдернула руку в сторону. Но её огромные кошачьи глаза прищурились.

— Идём! — она поманила его, направляясь назад, к жилым помещениям. Там она схватила одно из шёлковых паучьих одеял. Разорвать такую ткань, как считал Риз, было практически невозможно. Но каким-то образом саларике удалось это сделать — с помощью ножа и своих острых ногтей. Она смотала в клубок полоски, оставила их на столе и подошла к тазу, в который из крана в стене капала вода. Там она встала на колено перед аптечкой, выбрала какие-то тюбики и упаковки, высыпала их содержимое в приготовленный тазик и тщательно всё перемешала, покачив таз. А после повернулась к Ризу.

— Твоя одежда никуда не годится, — она показала на лохмотья его рубашки и напроочь стёртые ботинки. — Я не знаю, насколько хорошо они тебя защищают, но уж лучше тебе быть вообще раздетым.

Он быстро разделся, а Исига в это время погружала куски одеяла в таз. Затем она продолжила свою работу, искусно обмотав его мокрой материей с ног до головы, оставив только щели для глаз, носа и рта. Жидкость приняла яркий фиолетово-синий цвет, и Риз предположил, что он представляет из себя теперь жуткое зрелище, возможно, достаточно поразительное, чтобы неприятно удивить кроков, когда он предстанет перед ними во время их прорыва внутрь плантации.

Он расслабил плечевые мышцы, позволяя Исиге ослабить обмотку вокруг верхней части его тела, готовый к любым действиям, которые ему придётся предпринять.

Снаружи раздался дрожащий крик, Исига оглянулась. — Занна говорит, что показались кроки.

Но Ризу не требовалось предупреждение маленькой сарарики. Достаточно было их вони — тошнотворной и резкой. Так, вот и кроки, легки на помине.

— Отправляйтесь на вертолётную площадку и спрячьтесь там! — он отдал ей бластер и схватил своё оружие, если так можно было назвать лоснящиеся кольца кожаной верёвки.

Исига выбежала из двери, схватила Занну за руку и, петляя, побежала. А путь Риза лежал к воротам. Он заранее наметил свой пост и теперь быстро занял исходную позицию: припал к земле между двумя опорами ближайшего к ограждению прожектора. Кроки обязательно устремятся сюда, чтобы погасить свет, как только минуют ворота.

Улюлюканье... резкое лаянье. Ишкурианцы, конечно, и не пытались скрывать своё присутствие снаружи ограждения и готовящееся нападение. Они хорошо знают, насколько малочисленны и слабы их жертвы. А, вот наконец-то и они!

В лучах света показалась первая коричневая, покрытая хитином голова, и это рыло было нацелено на ворота, совсем как гончая, преследующая жертву. А верхом на плечах ишкуринца сидел Горди! С души у Риза упал камень. Ребёнок был абсолютно цел и невредим!

Крок приподнял свои чешуйчатые руки, чуть приостанавливаясь, чтобы Горди соскользнул с его покрытой панцирем спины. Дыхание Риза теперь походило на шипение, каким Исига выражает свой гнев. Это был Ишби из посёлка. Не удивительно, что Горди с охотой присоединился к их отряду. Мальчик знал этого туземца как друга половину своей короткой жизни: это же был Ишби, который олицетворял связь с его домом и семьёй, Ишби, которому он сейчас доверял больше, чем саму Ризу.

Горди уверенно пошёл вперёд. На пару секунд он задержался у ворот, оглянулся назад, и Риз увидел, как голова Ишби дёрнулась в ободряющем движении, соответствующем кивку у людей. Позади Ишби на полоске выжженной земли показались и остальные кроки, несколько из них тащили приличного размера бревно. Горди должен был открыть ворота, и тогда они вставят в створ распорку, чтобы удерживать их открытыми, пока все остальные не протиснутся внутрь. Просто и изящно — чистая работа. К тому же Ишби был достаточно знаком с техническим оборудованием землян, чтобы сразу найти источник питания и отключить все механизмы плантации.

Дверь во внешнем ограждении открылась, и мальчик прошёл через неё. Тут же прицельным броском кроки метнули бревно в образовавшийся просвет. А Ишби, прикрываясь гигантскими кусками коры талука в обеих руках, прыгнул следом и пробежал по бревну. Кора задымилась, и туземец отбросил её от себя, едва добравшись до внутренней стороны крепостной стены. За ним этим же путём бросились и остальные, прячась под своими

временными щитами в момент пересечения створа ворот, где работал защитный луч.

С помощью бревна, наброшенного на провода, которые тянулись по земле, и импровизированных щитов эти шустрые смельчаки могли пройти через ворота. Однако не всем так повезло, как Ишби и ещё одному ишкуринцу, отправившемуся за ним. Третий прыгнувший в проход туземец издал хриплый крик, забился в судорогах, да так и остался лежать на земле. Произошла заминка. Но тут Ишби пролаял приказ и повернулся к Горди.

Однако мальчик округлившимися от ужаса глазами смотрел на умирающего крока. Испуганно вскрикнув, он начал пятиться. Ишби попытался схватить его, и тут Горди, взглянув на него, должно быть, увидел в облике ящера, нависшего над ним, нечто такое, отчего ему мгновенно и целиком открылась вся правда. Он ещё отступил назад и поднял руки, будто собираясь отбиваться от огромного ишкуринца.

И в этот момент начал действовать землянин. Петля верёвки обвилась вокруг Горди и крепко затянулась. Риз изо всех сил дёрнул. Расстояние было совсем небольшим, и мальчику это не нанесёт вреда, зато это был единственный способ быстро выхватить его из лап кроков.

Горди пронзительно завопил тонюсеньким голоском, когда Риз потащил его. И прежде чем удивлённые туземцы наконец осознали, что мальчик ускользает от них, и Горди и верёвка оказались в руках Риза. Однако насмерть перепуганный мальчик, хотя его руки и были стянуты и прижаты к бокам петлёй, стал отчаянно вырываться из объятий землянина, но он был слишком стеснён, чтобы освободиться.

Теперь землянину предстояло самое трудное: стремительный бросок в тень ближайшего строения, оставив позади себя двух кроков, а, может, и больше, если число рискнувших переправиться по деревянному мостику ещё прибавится — при виде ускользающей прямо на глазах жертвы.

Риз весь взмок под своими повязками во время бега по петляющей дорожке, каждую секунду ожидая, что в спину вонзятся зубы ишкурианца. Хотя, возможно, из-за жуткого вида своего фиолетового покрова он и получил несколько секунд передышки, после того, как кроки заметили его. Если они и ожидали увидеть землянина или салирику, то вид фиолетового существа совершенно чуждого им вида должен был хоть на мгновение их поразить. А большая часть кроков были тугодумы.

Но даже если так всё и обстояло на деле, Риз едва поверил удаче, что его действительно никто не смог остановить, протискиваясь в дверь здания, в котором находился коммуникатор. Мальчик же продолжал извиваться и дико орать в его руках.

— Горди! — Риз наклонился к лицу мальчика, надеясь, что тот узнает его голос, а может, и черты лица сквозь щели в повязке на голове. — Горди, это же я, Риз, Риз Нэйпер!

Но Горди уже перешёл ту черту, когда ещё можно звать к благоразумию; истерика всецело захватила его. Крепкой хваткой держа мальчика, Риз приготовился ко второму марш-броску. От Ишби, направлявшего отряд захватчиков, удача вроде бы отвернулась. Но ишкурианец мог узнать о направляющем луче, отключить его и приземлить вертолёт с автопилотом. Риз не мог оставаться здесь, с обезумевшим Горди и лишённый оружия.

Крепко прижав извивающегося ребёнка к груди, он схватил одеяло, также предварительно намоченное Исигой. Горди только судорожно вдохнул, когда Риз начал заворачивать его в клейкие складки, превращая в безвольную запеленатую игрушку. После чего Риз снова бросился во двор.

Позади раздался треск, и прожектор возле ворот приказал долго жить, разбитый метко брошенным дротиком. Но наступившая темнота больше не грозила опасностью землянину, наоборот, только помогала. Он побежал к вертолётной стоянке. Огонь, жёлто-зелёный огонь сте-

лился по земле, охватывая четырёхугольник площадки едким пламенем. Риз увидел просвет в стене огня перед собой и понял, что должен рискнуть и прорваться сквозь лижущие обе стороны прохода язычки пламени. Он оценил расстояние перед собой, прижал лицо к узлу, что представлял из себя в данный момент Горди, и помчался со всей скоростью, какую он только мог из себя выжать, прямо в эту спасительную щель.

Жар опалил руки и лицо. Риз поднял голову. За проходом вжималась в землю Исига, твёрдо сжимая рукоять бластера в руке на коленях. Риз опустил Горди и схватил оружие.

— Нужно... вернуться... — сказал он ей, с трудом выдыхая слова, — нужно... уничтожить... управление... лучом.

Её уши прижались к черепу, а губы изогнулись в гневном кошачьем оскале. Он поймал бластер, брошенный ею. Пламя, охватившее листья оганной, уже достигало высоты пяти метров, опаливая их своим жаром. Ладонью Риз подтолкнул саларику в середину квадрата. Она потащила за собой Горди, подчиняясь движению руки Риза, а землянин снова повернулся лицом к проходу в огне, почти не осознавая, где же тот находится.

Прикрывая одной рукой лицо, а другой так же крепко, как перед этим Горди, сжимая бластер, Риз приготовился к ещё одному рывку. Трое оставшихся в квадрате ревущего пламени прижмутся друг к другу и накроются мокрыми одеялами, уповая на то, что вертолёт с автопилотом прилетит раньше, чем погаснет этот огонь. Если бы ему только удалось добраться до установки управления лучом и обезопасить её от нежелательного вмешательства — опасности, которую саларике следовало бы предвидеть.

Риз прыгнул вперёд, вскрикнув, когда его опалило пламенем. Потом у него перехватило дыхание. Его повязки больше не были влажными. Опалённая полоска материи свалилась с его плеча во время бега.

Впереди зашевелились какие-то тени. Риз без промед-

ления открыл огонь из бластера, установив луч на самую широкую зону поражения, и в ответ донеслись хриплые крики и стоны. И вот он уже в комнате управления, и свет по-прежнему горит в ней. Но между ним и приборной панелью встала коричневая зазубренная спина и голова с вытянутым рылом. Землянин ещё раз выстрелил и увидел, как луч пламени угодил в ишкурианца и попутно разрезал приборную панель пополам. Свет в комнате резко вспыхнул и тут же погас. Остались только мерцающие отблески танца горящих листьев оганны. Он вырубил основную энергетическую установку.

Но у радиомаяка был свой небольшой запас энергии, и в случае выхода из строя основной установки маяк может работать по крайней мере ещё час. Время и продолжительность бури — вот сейчас их главные противники. Риз сделал всё, что было в его силах, чтобы сохранить хоть крошечную надежду. Теперь ему оставалось только позаботиться о собственной безопасности. Сейчас, когда отключены все защитные устройства, ничто не воспрепятствует крокам всей толпой ринуться сюда через ворота. Но они не смогут преодолеть огненную стену, пока от листьев не останется одна зола. А листья оганны горят очень долго...

Риз выскользнул из комнаты управления. Весь воздух пропах тяжёлым и едким запахом горящих листьев, из-за чего он лишился одного из охраняющих его чувств — способности различить врага по запаху. Поначалу в ночной темноте раздавались резкие крики кроков, но потом, будто по команде, они внезапно утихли. Юноша подумал, что они скорее всего прочёсывают здания, окружая островок пламени, чтобы попытаться удержать свои жертвы внутри.

И у землянина остался последний шанс — попытка пересечь эту огненную стену — по крайней мере хоть такая возможность у него была. Риз торопливо провёл рукой по телу. Защищающие его бинты высохли, но всё же давали телу какую-то защиту. И у него не оставалось

выбора, он должен был в третий раз прорываться через тот проход в пламени. Умереть даже такой мучительной смертью будет всё-таки лучше, чем стать пленником кроков.

Теперь необходимо было снова определить местонахождение прохода. Но языки бушующего пламени сбивали его с толку, а щель с самого начала была такой узкой... Ошибиться же в выборе места означало полную катастрофу.

Позади Риза раздался какой-то шум, гортанный визг. Он не глядя выстрелил в сторону этого звука и побежал. В последний момент он снова поднял руку, прикрывая лицо, и прыгнул, надеясь, что благополучно минует место, где, как ему показалось, стена огня была самой тонкой.

Потом он катался по земле, а бинты вспыхнули сразу в нескольких местах. Когда же Риз наконец смог думать о чём-либо ещё, помимо боли и жара, он вдруг понял, что лежит ничком, большая часть его тела обнажена, а Исига лихорадочно продолжает срывать с него полоски ткани. Ожоги мучительно ныли, но всё равно он считал, что ему повезло, ужасно повезло.

— Ты можешь двигаться? — склонившись над ним, спросила саларика. — Мы должны отойти дальше, за пределы их досягаемости.

Риз повернул голову и увидел, что она имеет в виду. Сквозь пламя, вспыхивая огнём, пролетали дротик и проливались дождём на место стоянки вертолётов. Он развернулся и попытался отползти туда, где ничто и никто его уже не достанут, но боль в руках от тяжести собственного тела была слишком сильной, чтобы он мог стерпеть её. Тогда каким-то образом Риз поднялся на ноги и тяжело навалился на Исигу, а она потащила его к груде одеял, под которыми прятались дети. Там она осторожно опустила юношу вниз и поднесла к его губам флягу, а он с жадностью осушил её.

— Послушай! — саларика вдруг подняла голову, навос-

трив уши. Теперь и землянин смог различить этот звук — предупреждающий свист вертолѐта, заходящего на посадку. И с огромным облегчением они увидели зелёное мигание огней, когда вертолѐт начал вертикально садиться. Риз стоял, моргая, пока машина не коснулась поверхности площадки всеми тремя опорами. Он махнул вперѐд рукой, и тут же застонал от боли, когда опалѐнные пальцы подтвердили, что это видение ему не пригрезилось, и что наконец-то их кошмар близится к завершению.

Секундой позже Риз указал Исии на место пилота, а позади устроил детей.

— Автопилот вертолѐта на обратный путь тоже настроен на сигналы маяка, — разъяснил он. — Надо только нажать на кнопку подъѐма, и тогда нас поведут по лучу.

Риз указал на нужную кнопку, но руки его так ныли от малейшего движения, что приходилось стискивать зубы, чтобы не закричать от боли. Но несмотря на все эти мучения, он слабо улыбался, когда они поднимались над островком пламени в ясное и спокойное ночное небо. Паук сплѐл паутину и поймал в свои тенѐта жертвы, однако не все, не все!

В конце концов теперь у них начнѐтся новая жизнь — в Нагассаре или на другой планете. Руки Исии обмякли, когда автопилот взял управление на себя, и ровный полѐт продолжился сам собой. Саларика наклонилась к землянину, беспокойно смотря на него своими кошачьими глазами. Но Риз продолжал улыбаться, когда они перебирались через горы, и их ждали новый день и новая жизнь, и совсем уже скоро.

**ЗДЕСЬ
ОБИТАЮТ
ЧУДОВИЩА**

Глава первая

Слева от Ника уже начинало проглядывать солнце над верхушками низких деревьев — пылающий красный шар — день обещал быть жарким. Ник надеялся, что успеет добраться до леса прежде, чем начнёт по-настоящему припекать. Конечно, он собирался отправиться пораньше, но всегда найдутся какие-нибудь причины, чтобы... Ник сердито смотрел сквозь опущенный щиток мотоциклетного шлема на дорогу впереди.

Да, всегда находятся какие-нибудь *веские* причины, из-за которых его желания не вписываются в планы, причём, разумеется, в *его* планы. Неужели Марго и в самом деле просто придумывала эти причины, а затем всё делала так, чтобы намерения Ника не осуществлялись? Одно время он это подозревал. Однако она настолько логично и убедительно доказывала, почему та или иная его идея абсурдна, что отец всегда соглашался с ней.

По крайней мере хоть этот уикэнд ей не удалось испортить. Может быть, потому что у неё и отца имелись свои планы или, скорее всего, у *неё*. Ещё один год — только один! — и Марго сможет говорить всё, что угодно. И Ник не будет её слушать: его здесь просто больше не будет. Да! — он с удовольствием предвкушал этот день, с которого он начнёт свою настоящую жизнь!

Отец... Ник поспешно отогнал эту мысль. Отец... он выбрал Марго, ему нравится её спокойная рассудительность. Ну и ладно, ему-то что! Но Ник не останется с ними ни одной лишней минуты.

Он заметил, что постепенно деревья по обе стороны дороги стали выше и ближе друг к другу. Но дорога, по которой с рёвом мчался мотоцикл, оставалась гладкой и ровной, и можно было хорошо разогнаться. После поворота к озеру не слишком-то разгонишься, хотя в любом случае к полудню он доберётся до коттеджа.

Мысли его больше не занимали прошлые события, а были обращены к будущему. Весь уикэнд — с пятницы и

до понедельника — он будет полностью принадлежать только самому себе. Марго не нравится этот домик у озера. Ник спросил себя, почему она не предложила отцу продать его. Возможно, ей просто всё равно. Слишком многим она владеет, не считая её власти над отцом.

Ник ещё больше нахмурил чёрные брови, сведя их на переносице, и крепко сжал губы. Это нахмуренное выражение уже никогда полностью не сходило с его лица, слишком уж часто за последние три года оно появлялось. Он управлял мотоциклом, как его предки погоняли своих лошадей, — слившись всем телом с металлической рамой. Голову его защищал круглый шлем, одет он был в рубашку, уже изрядно запорошенную пылью, старые застиранные джинсы, а на ногах — ботинки.

В сумках, крепко-накрепко привязанных к багажнику, хранилась прочая его одежда и еда, в летнем домике ещё найдутся консервы, да кое-что он купит в магазине по пути. Бак полностью залит, и целых четыре дня он свободен — будет самим собой! Ником Шоу, а не сыном Дугласа Шоу, не пасынком Марго (хотя, конечно, об этих родственниках отношения почти никогда не говорили вслух). Ник Шоу, собственной персоной, и в полном одиночестве!

За поворотом у подножия холма показался магазин среди редких домиков. Это местечко не имело статуса города, и на указателе, мимо которого промчался Ник, значилось только название — Рочестер, без указания численности. Он остановился у магазина. Неплохо бы взять кока-колу, Хэм Ходжес всегда держит запас в холодильнике.

Хлеб, сыр. Список Ник не составлял, ему просто нужно было купить то, что не пострадает на ухабистой дороге. Он громко протопал в своих ботинках по крыльцу и потянулся к ручке на двери с сеткой. За сеткой какая-то чёрная тень открыла пасть и почти беззвучно, но явно угрожающе зашипела.

Ник сдёрнул с головы шлем.

— Я не пришелец с Марса, Руфус, — сказал он огромному коту.

На него уставились немигающие голубые глаза, но пасть захлопнулась.

— Руф, ты бы это... отошёл, что ли, от двери. Сколько раз тебе говорить: будешь тут сидеть — когда-нибудь на тебя наступят...

Ник засмеялся.

— Когда, Хэм? Когда посетитель только собирается отовариться, или когда он выходит, ошарашенный твоими баснословными ценами?

Кот с надменным видом отодвинулся немного в сторону, пропуская его.

— Ник Шоу! — слева из-за стойки вышел ещё довольно молодой парень. — Твоя семья пожаловала на уикэнд?

Ник покачал головой.

— Я один.

— Жаль, что нет твоего отца. Ларри Грин видел несколько здоровенных рыб в бухточке. Не далее чем час назад он заметил мне, что мистеру Шоу непременно следует приехать на рыбалку. Давненько его здесь не было.

Хотя Хэм и старался быть тактичным, но всё же ему это не слишком удавалось. Ник переступил с ноги на ногу. Имя Марго никогда не упоминалось, но она всегда присутствовала в их мыслях и в его, когда говорили о папе. До появления Марго отец любил это озеро и летом и осенью проводил там каждую свободную минуту. Но как долго ещё он будет владеть этой хижинкой?

— Нет, — ответил Ник, изо всех сил стараясь говорить ровным голосом. — Он очень занят, Хэм, ты ведь знаешь, как это бывает.

— Догадываюсь, что сам-то ты пожаловал сюда не за наживкой...

Ник вымученно улыбнулся.

— Ты же знаешь меня, Хэм. Я так же люблю рыбачить, как Руфус — собак. А что мне действительно нужно, так это хорошую закуску, — и чтобы я смог довести её на мотоцикле и не разбить по дороге. Не найдётся ли немного хлеба Эми?

— Сейчас посмотрю. Почему бы какой-нибудь выпечке не остаться...

Ходжес скрылся в глубине магазина, а Ник прошёлся вокруг, выбирая остальное. Замороженная ветчина, немного сыра. За долгие годы своих появлений у Хэма он давно усвоил, где что лежит. Руфус вернулся на прежнее место и занял свой пост у двери с сеткой. Огромный котище, но не толстый. Напротив, несмотря на все полные миски, которые он ежедневно дочиста вылизывал, Руфус оставался довольно тощим. Фигурой он вышел в своего папашу, сиамского кота, однако масть у него была чёрной, как у полукровки.

— На кого-то охотишься, Руфус? — спросил Ник, возвращаясь к прилавку.

Ухо шевельнулось, но сам кот даже не шелохнулся. Его настолько сильно привлекло что-то на улице, что Ник тоже пошёл посмотреть. Наверное, птица или змея. Но он ничего не увидел.

Это вовсе не означало, что там ничего не было. Кошки видят не так, как люди, — гораздо больше. Там вполне могло быть что-то, что-то невидимое для человеческого глаза...

И тут Ник спросил себя, насколько правдивы те книги, в которых он читал про иные формы существования. К примеру, в той, где говорится, что вместе с нами в нашем мире существуют и другие формы жизни, невидимые для нас так же, как и мы невидимы для них. Не очень-то приятная мысль. Хватает проблем и с тем, что ты *можешь* видеть...

— Что там, Руфус? Летающая тарелка?

Ник почувствовал лёгкое беспокойство, увидев такое

яркое проявление кошачьего внимания. Неожиданно Руфус широко зевнул и потянулся. Что бы там ни было, оно исчезло

Ник вернулся к прилавку. На нём лежала раскрытая книга в мягкой обложке. Ник поднял её и прочитал название. «Кто посещает нашу планету» некоего Кила. А рядом лежала ещё одна книжка. «Кое-что новое про «нечто» Сандерсона. Эту книгу он знал, когда-то прочитал по рекомендации Хэма

У Хэма Ходжеса была целая библиотека подобной литературы, начиная с описаний Чарльза Форта о необъяснимых случаях. Книги эти могли заинтересовать кого угодно, к тому же у Хэма была веская причина интересоваться подобными вещами — после того, что случилось с его двоюродным братом на Короткой Дороге.

— Достал тебе буханку белого хлеба с изюмом и полдюжины булочек, — объявил Хэм, возвратившись. — Эми сказала, что булочки следует подогреть, они вчерашние

— Пусть даже двухнедельные, всё равно они остаются хорошими, если только их готовила она. Мне повезло, что у вас осталось так много старого хлеба за день перед новой выпечкой

— Ну, к нам должна была заявиться одна компания, но никто так и не приехал, вот поэтому и сохранилось так много хлеба. Странно всё это, — Хэм опустил буханку и булочки в пластмассовый пакет перед Ником. — Один парень позвонил в прошлую пятницу... ровно неделю назад. Сказал, что он из Хейсентайновского Института, и что они собирают материал о Короткой Дороге. Хотели сюда приехать и порасспрашивать о Тедe и Бене... — Хэм помедлил на несколько секунд. — Подумать только — сколько уже времени прошло после их исчезновения. По крайней мере это на некоторое время отпугнуло народ от той дороги. Потом кто-то снял дом Вильсона на это лето, а так как с тех пор, как закрыли шоссе к Шоктону,

Короткая Дорога — единственная возможность попасть на тот берег озера, то теперь снова по ней стали ездить.

Во всяком случае этот парень сообщил, что он занимается исследованиями, и поинтересовался, где ему можно остановиться. А у нас есть домик, вот мы и сказали, что поселим его там. Только он так и не появился и даже не позвонил.

— А сколько же времени уже прошло с тех пор, Хэм?

— Это случилось двадцать четвёртого июля 1955 года. Ну, ведь ты и сам с родителями был в то лето здесь на озере. Припоминаю, что твой отец участвовал в поисках. Я тогда как раз вернулся из Кореи, только-только из армии. Мы прочесали тот район вдоль и поперёк — Тед был отличным парнем и знал всю округу как свои пять пальцев. Бен тоже был не дурак, он подружился с Тедом ещё на флоте и приехал сюда порыбачить. И они просто исчезли, как и все остальные — как Колдвелл с женой и двумя ребятишками в 1946 году, а до них — Латимер и Джонсон. Я тут на этой неделе просмотрел все свои заметки из записной книжки, чтобы ответить на любой вопрос, который этот парень из Института вздумал бы задать. Знаешь, с тех пор, как в газетах впервые появились сообщения об этом, на Короткой Дороге исчезло примерно тридцать человек. Люди стали пропадать тут ещё до того, как была проложена эта чёртова дорога. Что-то вроде Бермудского Треугольника. Только не так часто, чтобы это всерьёз взбудоражило людей. Всегда между исчезновениями проходило довольно много времени, чтобы всё успело забыться. Но всё же не следовало снова открывать эту дорогу. Джим Самюэльс попытался как-то отговорить новых владельцев, и хотя они прямо и не рассмеялись ему в лицо, мне кажется, они посчитали это глупыми предрассудками местной деревенщины.

— Но если в домик Вильсона можно попасть только по одной дороге... — Ник знал эту легенду о Короткой Дороге, но он также мог понять и приезжих.

— Да, конечно, им же нужно как-то туда добираться. Никто не станет прокладывать новую дорогу к нескольким летним домикам у озера только потому, что о той, что уже есть, ходят странные слухи, а сама она в приличном состоянии. Знаешь, а у этого писателя, — Хэм постучал ногтем по обложке книги, — попадаются довольно интересные мысли. А здесь, — он указал на «Кое-что новое про «нечто», — говорится, например, что то, что мы думаем, будто весь наш мир исследован, — неверно, и есть целые районы, о которых мы не знаем вообще ничего — горы, на которые никто никогда не взбирался, земли, куда цивилизация так ещё и не добралась.

— «Здесь обитают чудовища», — процитировал Ник.

— Что ты сказал? — Хэм поднял на него глаза.

— У папы есть настоящая старинная карта, которую он купил в Лондоне в прошлом году... она вставил её в раму и повесил в своей комнате. На ней изображена Англия и часть Европы, а по нашу сторону океана на ней лишь какие-то значки с драконами и морскими змеями, а сверху написано: «Здесь обитают чудовища». На старых картах неизвестные земли населяли тем, что, по представлениям автора, могло там водиться.

— Ну, что же, мы действительно многого не знаем, а большинство людей не желают знать ничего больше того, что находится прямо перед их глазами. Пытаешься объяснить им вещи, которые выходят за рамки их обычных представлений, а они только отмахиваются, что это просто тебе мерещится и на самом деле ничего необычного нет. Но мы-то знаем о Короткой Дороге и о том, что там происходит

— А что, по-твоему, там происходит на самом деле, Хэм? — Ник взял бутылку кока-колы из холодильника, открыл её и сделал глоток.

— Есть же Бермудский Треугольник, только этот Сандерсон утверждает, что никакой это не «треугольник», а нечто гораздо большее, что там провели несколько опы-

тов и выяснилось, что это только одно из десяти подобных мест на планете. Корабли, люди и самолёты то и дело там пропадают — и ничего не нашлось, что могло бы объяснить происходящее. Однажды там пропало целое звено самолетов ВМФ и посланный на их поиски гидроплан. Может, всё дело в каких-то магнитных полях, действующих в таких районах. Сандерсон предполагает, что происходит прорыв в другой пространственно-временной континуум. Возможно, один из подобных «треугольников» есть и здесь, у нас. Как жаль, что этот парень из Хейсентайновского Института так и не приехал! Иногда кое-кто из яйцеголовых действительно проводит толковые исследования. И...

Его прервал отчаянный лай снаружи. Руфус, выгнув дугой спину и распушив хвост, угрожающе зашипел в ответ. Хэм обернулся.

— Что за чертовщина! — и он направился к двери

Руфус прижал к голове уши, его голубые сиамские глаза превратились в две узенькие щелки, он исступлённо шипел и иногда издавал глухое ворчание. Но было очевидно, что того, кто лаял снаружи, это совершенно не испугало.

У магазина остановился автомобиль, вернее сказать, джип, и за его рулём сидела девушка, но она не могла выбраться из машины, поскольку удерживала крайне возбуждённого и разъярённого пекинеса, который бешено вырывался из её рук, не сводя выпученных глаз с Руфуса.

Девушка посмотрела на Хэма сквозь забранную сеткой дверь и на выглядывавшего из-за его плеча Ника.

— Пожалуйста, — она слегка улыбнулась, — не могли бы вы убрать своего бойца? Я хочу войти, но не могу же я выпустить Ланга Хсина!

— Извините! — Хэм остановился и подхватил Руфуса, с привычной лёгкостью избегая когтей, которые огромный кот уже выпустил, приготовившись к схватке. —

Прошу прощения, Руфус, но тебя на время придётся запереть в кладовке, — и хозяин магазинчика ушёл с брыкающимся и зывывающим котом, а Ник открыл дверь девушке. Она по-прежнему не выпускала из рук пекинеса, который замолчал при виде удаляющегося не по своей воле врага.

— Он слишком мал, чтобы сразиться с Руфусом, — заметил Ник. — Руф только махнул бы один раз — на этом всё бы и кончилось.

Девушка нахмурилась.

— Не будьте так уверены в этом! Пекинесов когда-то называли собаками-драконами. Псы-львы — они даже охраняли дворцы. Для своего роста они считаются одними их самых храбрых в мире животных. А теперь тихо, Ланг, ты уже добился своего. Мы все знаем, что ты очень храбрый пёс, бесстрашное Драконово Сердце, — пекинес высунул язык и лизнул девушку в щёку, а затем величественно огляделся, словно теперь, после бегства его врага с поля битвы, всё вокруг стало принадлежать ему.

— Чем могу служить? — спросил возвратившийся Хэм, облизывая палец, который, по всей видимости, успел таки укусить изгнанный Руфус.

— Мне нужно, чтобы вы объяснили, как проехать, а также два ящика кока-колы и... — теперь, прижимая Ланга Хсина одной рукой к своему боку, поскольку тот больше не вырывался, другой рукой девушка порылась внутри сумки, висевшей через плечо. — Вот и он, — сказала она с облегчением. — Я уж подумала, что он в третий раз провалился на самый низ, и мне снова пришлось бы всё вытряхивать из сумки.

В руке у неё был список.

— Если только я ещё разберу почерк Джейн. Ей бы в самом деле отпечатать его на машинке, по крайней мере тогда хоть можно было бы разобрать. Правильно, два ящика кока-колы, один оранжада и один — пепси. И она сказала, что у вас должны быть дыни... ой, я забыла

представиться, меня зовут Линда Дюран, и всё это нужно Джейн Риджуэлл — она поселилась у Вильсона. Она обещала позвонить вам и предупредить о моём визите.

Хэм кивнул.

— Да, точно, она звонила, и я всё уже приготовил. Мы быстро погрузим это в вашу машину... — он бросил короткий взгляд на Ника, который с готовностью снова отошёл от прилавка. Ему хотелось помочь Хэму. Хотя особенно торопиться не стоило.

Линда была почти одного роста с Ником. Но в наши дни много высоких девушек. Её длинные волосы были прихвачены сзади ярко-красной тесьмой и лежали на плечи тёмными прядями. У неё была белая кожа. Если она и загорала когда-нибудь раньше, то только не в этом году.

Джинсы на ней были такого же красного цвета, что и тесьма в волосах, а одета она была в белую блузку без рукавов с прыгающими вверх-вниз дельфинами. Очки болтались на колечке, в которое была продета ещё одна красная ленточка, охватывавшая её шею, а на ногах — плетёные туфли. Обычно он особо не приглядывался к девичьим нарядам, но этот так подходил девушке, что она, казалось, сошла с обложки журнала.

Ник положил на плечо одну из указанных Хэмом дынь, взял вторую под мышку и понёс их к джипу. Сам же Хэм занялся ящиками кока-колы.

— Подожди, я сейчас принесу мешки, — заметил он Нику. — А то, если ящики растрясти, бутылки побьются друг о друга.

Линда Дюран вышла вслед за ними.

— Значит, впереди будет дорога с ухабами? Вы бы рассказали, как мне ехать дальше, а то указания Джейн какие-то путаные.

И только сейчас Ник понял, что она собирается ехать по Короткой Дороге. Он бросил косой взгляд на Хэма, который невозмутимо занимался своим делом. После

всего, что он только что говорил, посылать незнакомого человека, к тому же девушку, по Короткой Дороге... Однако если иной возможности попасть туда нет... И всё равно на душе у Ника было как-то беспокойно.

Тут было ещё одно: он также мог поехать по этой дороге. А ведь, действительно, вдруг осенило его, так и к его домику путь изрядно сократится. И целая вечность уже прошла с тех пор, как пропали Тед и Бен. Ярко светит солнце на небе, да и эти Риджуэллы, наверное, раз сто уже ездили по этой дороге с того времени, как поселились там. И почему вообще нужно бояться чудовищ, особенно если их нет?

— Послушайте, — начал Ник, когда снова появился Хэм с мешками и газетами и начал упаковывать груз. — Я тоже направляюсь в ту сторону. Дорога неважная, и нам придётся почти что ползти, но если вы готовы ехать с той же скоростью, что и я, — он махнул рукой в сторону мотоцикла, — я провожу вас туда. Меня зовут Ник — Ник Шоу. Мистер Ходжес знает меня. Мои родители уже очень давно владеют домиком на берегу озера.

Линда посмотрела на него долгим изучающим взглядом. Затем кивнула и улыбнулась.

— Это просто замечательно! Джейн тоже говорила мне, что эта дорога очень плохая, и я могу вообще не заметить её. Я очень рада, что вы поедете со мной.

Хэм распахнул внутри джипа оставшиеся газеты, а Ник, собрав свои покупки, побросал их в мешок и привязал его к багажнику поверх сумок. Из кладовой доносились возмущённые вопли, на что пекинес напоследок ответил резким лаем.

Линда нацепила на нос очки и села за руль. Но Хэм сказал Нику тихим голосом.

— Особо не усердствуй. У меня странное чувство...

— А что нам остаётся делать, если она собирается ехать к дому Вильсона, — заметил Ник.

Заводя мотоцикл, он подумал, какая же опасность

может подстергать их на Короткой Дороге. Ни один из тех, кто с ней повстречался, так и не вернулся, чтобы рассказать об увиденном. Нет, Ник не собирался давать волю своему воображению. Давно ему уже не мерещится за каждым деревом летающая тарелка или что-нибудь в этом роде. Он махнул рукой Линде и выехал на дорогу. Девушка кивнула и последовала за ним.

Через полмили они свернули с шоссе, и Ник снизил скорость, обратив всё своё внимание на избитую поверхность просёлочной дороги. Он уже множество раз ездил по ней и мог по памяти припомнить почти каждую яму и выбоину, но прошедшие на прошлой неделе дожди ещё больше размыли дорогу, и ему вовсе не хотелось перевернуться из-за собственной небрежности.

Ещё полторы мили — и будет поворот. Из года в год проезжая мимо, он каждый раз пытался обнаружить невидимый вход, откуда начинается этот зловеющий путь в никуда. И вообще, пройдёт ли там джип? Хотя дорогой уже пользовались, и не раз, так что проезд должен быть расчищен. Двадцать четвёртое июля 1955 года... Он был тогда слишком мал, чтобы понять происходящее. Но потом он много слышал об этих событиях. Все эти поиски, в которых участвовали соседи, шериф со своими помощниками... они ни к чему не привели. Ни малейшего следа, ни намёка на то, почему двое молодых здоровых мужчин однажды летним утром исчезли на отрезке дороги длиной в полмили.

Джим Андерсон видел, как они свернули на эту дорогу, после того, как поговорили с ним о том, где лучше всего клюёт. Джим направился в магазин, а они — к озеру, до которого так и не добрались, и где их так и не дождались два приятеля-рыбака.

Начало Короткой Дороги напоминает широко разинутую змеиную пасть, готовую проглотить любого.

Ник попытался обуздать своё воображение. Если он не проводит Линду к озеру, она поедет туда одна. И если он

допустит это, сможет ли он завтра утром смотреть в зеркале в свои глаза, когда будет бриться.

Ведь это всего полмили или, может, чуть больше. Можно проехать за несколько минут, несмотря на все ухабы. И чем скорее они проедут здесь, тем лучше. Интересно, а что бы сказала Линда, узнай она его мысли? Наверное, решила бы, что он раздувает из мухи слона. Но если ты с самого детства слушал рассказы об этой Короткой Дороге, тогда у тебя может быть своя точка зрения.

Он брал у Хэма почитать множество книг, а некоторые покупал сам, так что знал обо всех тех случаях, которые время от времени происходят в мире и которые, похоже, никто не в силах объяснить. Возможно, Форт и другие писатели имеют право на своё понимание этих событий. Учёные же, чьи мозги могли бы разгадать эти загадки или, по крайней мере, попытаться их разрешить, отказывались даже взглянуть на доказательства, лежавшие прямо перед их глазами, потому что они не соответствовали имевшим разумное объяснение «фактам». Но могут же быть такие вещи, которые вообще не поддаются ни разумному, ни логическому объяснению.

Впереди показался поворот. И там определённо произошли изменения со времени его последнего появления здесь. Выглядело, как будто по дороге прошёл бульдозер. Ник облегчённо вздохнул. Эта открытая, свежерасчищенная дорога, которая теперь выглядит не хуже той, что ведёт к его собственному летнему домику, совсем не похожа на петляющую вниз, почти непроходимую и пользующуюся дурной репутацией тропу. Он пристроился сбоку от джипа, когда стал тормозить.

— Вот дорога, — крикнул он. Внутри слегка ещё шевелились щупальца страха при виде этой дороги, но он не желал признаваться в этом. У него до сих пор не пропало то странное чувство беспокойства, овладевшее им при виде шипящего на что-то невидимое для него Руфуса, как будто кто-то, помимо его воли, нашёптывал, что там действительно что-то есть.

— Не стоит спешить, — предупредил он, также против своей воли. Ему хотелось проехать этот участок пути как можно быстрее. — Я не знаю, насколько хороша дорога.

— Хорошо, — тёмные солнцезащитные очки скрывали её лицо. Конечно, теперь, в тени деревьев, они ей не требовались, но девушка не сняла их, как в магазине. Пекинес сидел на сидении, касаясь передними лапами бардачка и глядя вперёд с той же устремлённостью, что и Руфус. Он не лаял, но каждая морщинка его маленького шелковистого тела напряглась, как будто пёсик хотел подогнать их.

Ник дал полный газ, сворачивая на Короткую Дорогу и тут же сбросил скорость. Джип фыркнул позади, ползя со скоростью пешехода. Дорожники использовали при расчистке дороги грейдер, но из-за дождя появились поперечные канавки, которые так и не были устранены.

Вся эта дорога казалась совсем новой, кусты и даже молодые деревца были выкопаны и выброшены по обе стороны, где они сохли и увядали. Это была неприглядная картина... неправильная, решил Ник. Он считал, что нужно было расчистить всю дорогу, и было странно, что дорожники забыли убрать всё остальное. Возможно, те, кто работал здесь, знали о зловещей истории Короткой Дороги и поэтому не захотели оставаться здесь дольше, чем было необходимо.

Сломанные ветки и стволы стеной окружали их, будто специально стремясь удерживать их посреди дороги, отрезав путь к лесу. Нику показалось, что они всё дальше и дальше забираются в западню. Усилилось беспокойство, и он изо всех сил пытался сохранить самообладание. Это же просто глупо! Он должен обуздать своё воображение. Следует только следить за рытвинами и буграми на дороге, чтобы не угодить в какую-нибудь... делай это и продолжай ехать. Ещё совсем немного — и они минуют это место.

Всё застыло, не доносилось даже шелеста листьев. Но

над ними дутой изгибались деревья, закрывая солнце. Наверное, здесь было бы совершенно тихо, если бы не шум моторов мотоцикла и джипа, оповещающих об их прибытии. Оповещающих кого? Ник надеялся, что только людей из домика Вильсона.

Прямо впереди лежал крутой поворот. И дорога ещё более суживалась. Там совсем не было места, чтобы разминуться, если кто-либо выскочит им навстречу. Хотя, конечно, шум моторов достаточен, чтобы...

Шум! Пекинес снова залился лаем, почти таким же, каким он бросал вызов Руфусу. Ник услышал, как девушка закричала:

— Лежать, Ланг! Лежать!

Он чуть обернулся, и тут мотоцикл на что-то налетел и вильнул в сторону. Ник едва выровнял руль, чтобы не врезаться в кусты. Но тут он заметил ещё что-то, какое-то облако... туман, выползающий из-за деревьев. И он сгушался, быстро приближаясь, покрывая всё словно ковёр...

Кажется, он закричал. А сзади раздался ответный крик и треск. Затем Ник на что-то налетел, вылетел из седла, острая боль пронзила его, и он провалился в полную темноту.

Глава вторая

Ноги Ника находились выше его головы, и вся левая щека ныла от боли. Он неуверенно приподнялся на руках и мигнул, затем потряс головой, чтобы стряхнуть какое-то странное необычное чувство. Ник слышал тихое поскуливание сзади, но поначалу его внимание было целиком обращено на собственное избитое тело.

Он огляделся.

Мотоцикл лежал, запутавшись, в поломанных кустах, куда он, должно быть, со всего маху вломился. Ник приподнялся. Мотоцикл... джип! Где джип? И только

теперь его встревожило то поскуливание — может быть, произошла серьёзная авария? Он не имел ни малейшего представления о случившемся: казалось, всю память просто отшибло. Они ведь только начали поворачивать в сторону Короткой Дороги, когда...

Ник, пошатываясь, приподнялся.

Никакой дороги не было и в помине.

Шатаясь, он пошёл к джипу. Да, джип был здесь — врезавшийся в дерево. Только как оно тут очутилось, оно что, выросло прямо из-под земли, посередине только что расчищенной дороги.

Но здесь не было никакой дороги!

Он добрался до джипа и опёрся о него. Голова ныла от боли, перед глазами стоял туман. Туман... дымка... облако... что-то такое он припоминал. Но сейчас это не имело никакого значения. Все мысли его заняла девушка за рулём джипа.

Она обвисла на ремне безопасности, лицом упав на руль. Глаза по-прежнему скрывали солнцезащитные очки. С трудом Ник дотянулся до них и сдёрнул оправу вниз. Девушка без сознания, решил он.

Скулил же пёсик, прижавшийся к девушке и лизавший ей руку. Лунг зарычал на Ника, но как-то дружелюбно, когда юноша потянулся к Линде.

Насколько Ник мог судить, у неё не было открытых ран, но вот как насчёт переломов?.. Руки его дрожали, когда он прислонил её к спинке сиденья, чтобы добрать-ся до ремня безопасности.

— Что... что... — девушка открыла глаза, но хотя и смотрела в его сторону, похоже, ничего не видела.

— Не дёргайся! — приказал Ник. — Дай расстегнуть...

Через несколько минут он с облегчением вздохнул. Переломов не было. Сам он содрал кожу на одной щеке до крови, проехавшись по гравию, но это пустяки. Бывало и хуже. А они запросто могли погибнуть. Теперь, оглядевшись вокруг, он провёл по губам кончиком языка.

Могли погибнуть — если бы ехали чуть быстрее... и со всего разгона врезались бы в эти деревья. Но откуда... откуда же здесь взялись эти деревья?

Они были огромными — просто гиганты, а росший под ними подлесок выглядел совсем чахлым, словно молодую поросль подавляли густо переплетённые мощные ветви деревьев-великанов. Джип был плотно зажат между одним таким деревом, в которое он врезался передком, и стволом упавшего гиганта сзади; зажат так, что не оставалось никакой надежды на его вызволение из этой ловушки. Картина казалась абсурдной, но дело обстояло именно так.

Ник медленно обошёл вокруг машины и пробежал пальцами по бревну, отбрасывая мох и опавшие листья. Да, совершенно очевидно, что оно, это бревно, находится здесь наяву, полупогружённое в перегной, и уже очень, очень давно. Но... здесь ведь и джип... и... куда же *подевалась* дорога?

— Пожалуйста... — Линда сдвинулась к краю сидения и посмотрела на него округлившимися и испуганными глазами. — Пожалуйста... ответь... где мы... что... случилось? — она прижимала к себе Ланга. Маленький пёс тихо поскуливал. Он весь дрожал.

— Я не знаю, — медленно ответил Ник. Только что возникшие в нём подозрения были настолько пугающими, что он не хотел признаваться в этом даже самому себе — а вдруг это могло оказаться правдой.

— Но... здесь же нет дороги, — Линда крутила головой то в одну сторону, то в другую. — Мы ведь просто ехали по дороге, а затем... *Куда же она делась?* — голос девушки сорвался на пронзительный крик, и Ник понял, что она близка к панике.

Он и сам чувствовал себя не лучше. Но они должны были взять себя в руки, потому что потеря контроля над собой ни к чему хорошему не приведёт. Он поторопился снова забраться в джип.

— Ты... ты понимаешь! — она немного успокоилась и теперь следила за своей речью, смотря на него прищуренными глазами. — Что с нами случилось? Если ты знаешь — говори, не стесняясь!

Но он по-прежнему не мог заставить себя посмотреть в лицо правде.

— Я точно не знаю, — осторожно начал он. — Могу только догадываться... — юноша остановился в нерешительности. Конечно, эти деревья служили очевидным доказательством. Что же ещё ему нужно? Их забросило куда-то далеко от Короткой Дороги, в лес, какой не растёт в этой части страны уже больше двухсот лет, с тех самых пор, как первые поселенцы набросились на огромные лесные массивы, чтобы стать хозяевами этой земли.

— Твои друзья что-нибудь слышали о легенде Короткой Дороги? — спросил он сперва. Как можно объяснить кому-нибудь, что, возможно, здесь уже происходили вещи странные и невероятные?

— Нет, — Линда взяла Ланга на руки и что-то время от времени ему успокаивающе нащёптывала. В этом её односложном ответе прозвучало непреклонное желание узнать правду, либо то, что, как он думал, могло быть правдой.

— Хорошо! Так вот, история Короткой Дороги связана с исчезновениями... которые начались так давно, что упоминания о них можно найти в самых первых записях об этом месте...

(Об «этом месте»... Теперь, конечно, «это место» больше не было «тем местом».)

— В последний раз это случилось в 1955 году, когда двое мужчин отправились на озеро порыбачить. Но до этого исчезали и другие люди. Вот почему сюда практически никто из местных не ездит. Пока не расчистили этот новый путь и не закрыли другую дорогу.

— И куда исчезали люди? — резко спросила Линда.

— Вот об этом-то никто и не знает... не знал. Сущес-

твуют места... — Ник снова остановился. Поверит ли она ему? Ей придётся поверить, потому что по крайней мере доказательства тому лежат перед её глазами. — Места, где действительно исчезают люди, вроде Бермудского Треугольника — однажды там исчезла целая эскадрилья ВМФ, а вслед за ней — и спасательный самолёт. Там пропадали самолёты, корабли и люди... а на земле, в других местах, и целые полки, — хотя он не хотел вспоминать, но в памяти всплыли прочитанные им рассказы. — Люди просто летели, ехали или шли пешком, и исчезали... в никуда.

Линда сидела совершенно неподвижно. Она больше не смотрела на него, а уставилась прямо перед собой, вперёд, на ствол гигантского дерева, к которому приткнулся джип.

— А какие... какие существуют теории, объясняющие эти исчезновения? — её голос слегка дрогнул. Ник мог почувствовать, как она пытается взять себя в руки.

— По одной теории — существует магнитное поле, которое затягивает внутрь, как водоворот, всё, что только может... в другой пространственно-временной континуум.

— И... именно это и могло случиться с нами? Как же нам вернуться назад?

На это не было ответа. Не было за все столетия подобного рода исчезновений. И Ник теперь тоже устоял в это дерево, страстно желая, чтобы оно исчезло куда-нибудь, а они вернулись назад на Короткую Дорогу.

— Возврата нет, — Линда сухо произнесла слова как утверждение, не как вопрос. — Мы... пойманы в ловушку в этом... этом *месте*!

— Нет! — не выдержал Ник. — Мы не уверены в этом! Во всяком случае мы можем поиграться... мы всегда можем попытаться... но... — он беспокойно взглянул на смутные тени под деревьями, — давай поскорее выбираться отсюда. На озере...

У него возникло чувство, что за ними наблюдают, но

он не мог заметить никакого движения, никакого знака, что они не одни. Выбраться отсюда, из этой чащи деревьев, где человек чувствует себя каким-то потерянным карликом, на открытое пространство, — это желание, перевесив все остальные, побуждало его к действиям.

— Мы не можем воспользоваться джипом, — указала Линда на очевидное.

— Да, не можем, но я могу взять свой мотоцикл — сначала провести его руками, а затем мы сможем поехать на нём, если дорога станет получше, и ты захочешь ехать, обхватив меня сзади.

— Да! Давай выбираться отсюда! — с лихорадочной поспешностью ответила она.

Девушка открыла свою наплечную сумку и достала поводок, который прикрепила к ошейнику Ланга.

— Моя сумка... она такая маленькая, — Линда протянула руку в багажник джипа и вытащила брезентовую туристскую сумку. Затем она рассмеялась, хотя и несколько нервно. — Всё барахло, что находится здесь, было приготовлено к сегодняшней вечеринке. Джейн... Джейн, наверное, всё ещё ждёт...

Тревога Ника улеглась. Линда всё поняла, как надо. Но поверила ли она ему на самом деле? Да и поверил ли во всё это он сам? Однако его первая паника уже прошла. И теперь он начал действовать. Возможно, если они смогут сперва найти озеро, знакомые места... «Не планируй ничего на будущее больше, чем на несколько минут», — предупредил он себя.

В уме Ник проверил содержимое своих сумок на багажнике: аптечка, свитер, плавки, спички, охотничий нож, фонарик, шоколад, инструмент для починки мотоцикла... транзисторный приёмник... приёмник!

Он выскочил из джипа и бросился назад к мотоциклу. Приёмник... если им удастся что-нибудь услышать из него... Ник разбирался с пряжками на сумках на багажнике, когда к нему присоединилась Линда.

— Что это?

— Мой радиоприёмник... если мы сможем что-нибудь поймать...

— Ох, скорее бы! — она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, когда он наконец распутал узел и достал небольшой приёмник.

Три станции... В ответ — тишина. Он торопливо крутил ручку настройки. А затем... Какая-то невнятная речь — не статические разряды, это действительно походило на речь. Но это был неизвестный ему язык.

— Вот! Громче! — потребовала Линда. — Ты что-то поймал!

— Но что?

Вот именно: «Что?» Слышались какие-то вздохи, щёлканье и даже невнятное пение, но всё это не имело для них никакого смысла. Он выключил приёмник.

— Что бы это ни было, это не наши радиопередачи, — уныло подытожил Ник.

— Но всё равно кто-то здесь ведёт радиовещание, — подчеркнула Линда. — Это означает, что мы здесь не одни. Возможно, если мы сможем найти людей, они окажутся в состоянии помочь нам.

Ник был в этом далеко не уверен. Язык, если это был язык, слишком отличался от всех тех, что ему доводилось прежде слышать в своей жизни, а он прослушал множество иностранных станций вместе с Гэри Лэнгфордом. Но Линда права: им нужно выбираться отсюда. У него был небольшой компас, а озеро находилось на северо-востоке — или по крайней мере должно было быть там — если там вообще есть какое-либо озеро.

Они не могли идти по прямой, но хорошо хоть здесь не рос густой и труднопроходимый кустарник. А с компасом они могли петлять по тропе среди этих возвышающихся деревьев, чьи стволы они даже вдвоём не смогли бы обхватить руками, раскинув их во всю длину.

Мотоцикл на взгляд казался неповреждённым, Но

Нику всё равно пришлось катить его рядом с собой, потому что пока им не попадалось достаточно свободного пути, по которому они смогли бы проехать без всякого риска. Линда через плечо перекинула туристскую сумку, А Ланга опустила на землю, и тот шлёпал по толстому покрову упавших за бесчисленное число лет листьев. Казалось, что маленький пёс позабыл о своём страхе. Однако, хотя он то и дело обнюхивал гнилые ветки или рылся носом в груде прошлогодних листьев, он не делал никаких попыток натянуть до предела поводок, стараясь держаться рядом с Линдой.

Несмотря на то, что деревья вокруг внушали благоговейный страх, звуки в этом лесу были вполне знакомыми, чтобы смягчить их подозрения. Потому что путники не только слышали голоса птиц, но иногда им удавалось даже увидеть их, и по всей видимости крылатые создания, населявшие этот лес, нисколько не боялись непрощенных гостей, которые, в свою очередь, в какой-то степени внушали им любопытство.

Да, они здесь — непрощенные гости, это Ник чувствовал. Это было место, где явно не ступала нога человека, и где не знали об его безжалостном уничтожении других видов. Кора этих великанов-деревьев никогда не ощущала удара топора, и они возвышались в надменном величии над всем вокруг. И если бы не тот невнятный голос из радиоприёмника, то Ник, наверное, начал бы подозревать, что в результате какого-то природного явления, возникшего время от времени в районе Короткой Дороги, их забросило в мир, где вообще никогда не существовал род человеческий.

— Здесь... здесь так тихо, — Линда придвинулась поближе к нему и положила одну руку на мотоцикл. — Если бы не птицы... Я никогда не видела лес, подобный этому. Эти деревья... они такие огромные! Когда я была маленькой, у моей тёти был старый экземпляр «Швейцарской семьи Робинзонов»... и там описывалось дерево,

которое они превратили в дом. Из этих деревьев вполне можно сделать нечто подобное.

Ник одним глазом следил за компасом. Им приходилось много раз делать обходы, уклоняясь в сторону от главного направления, но они по-прежнему продвигались к озеру. Только здесь, среди всех этих громадин-деревьев трудно было судить о пройденном расстоянии. Конечно, теперь они не могут находиться слишком далеко от озера. Но... что, если здесь нет озера?

Ему нужно было это озеро, он *должен* был увидеть его. Водная поверхность всё же обещала им хоть какую-то безопасность... Без озера они вообще затеряются здесь. Ник едва слышал комментариев Линды, его слишком занимали собственные мысли об озере, ожидавшем их, и надежда, что совсем скоро стена деревьев поредет, и они смогут увидеть, что же там дальше, за ними.

— Ник! — рука Линды соскользнула с мотоцикла на его запястье и непроизвольно сжалась.

Но он и сам это увидел.

Путники стояли рядом, между ними был мотоцикл, а Ланг натянул поводок на всю длину и начал бешено тявкать, но совсем не так, как когда он бросал вызов Руфусу. Было очевидно, что увиденное вызвало его бешеную ярость.

Откуда оно появилось, осталось загадкой. Потому что оно было сверкающим, ослепительно белым в зеленоватом сумраке леса, сразу притягивая и удерживая взгляд. И всё же настолько внезапно это все случилось, что оно вполне могло появиться из-за дерева, на фоне которого теперь вырисовывался яркий контур.

— Я... не могу... поверить... — запинаясь, попыталась было произнести Линда. Она видела это, также как и Ник. Как и Ланг, по-прежнему танцевавший на задних лапах, натянув поводок, вырываясь из рук девушки и молотя передними лапами по воздуху в неистовом желании наброситься на нового врага.

— Что ты видишь? — запястье Ника всё так же крепко сжимала рука девушки. Они оба перенесли шок, когда их забросило в это чужой мир. Возможно, это что-то вроде коллективной галлюцинации. Только... может ли и пёс разделять её?

— Единорог, — ответила она. — Разве ты... разве ты сам не видишь его?

Волшебное создание размерами было с большого пони, чуть поменьше лошади, подумал Ник. Его шерсть была ослепительно белой, почти что испуская свет. Грива и хвост также сияли белым. Но единственный закрученный спиралью рог, возвышавшийся над глазами, был золотистым. И он также сиял. Конечно же, это был легендарный единорог, изображения которого Ник не раз видел на репродукциях средневековых картин.

Животное посмотрело на них, затем мотнуло головой, и вверх взлетели волоски гривы на лбу вокруг рога. А потом создание ударило по земле изящным копытом, наклонило голову и фыркнуло на Ланга, словно в ответ на пронзительный вызов китайского мопса. Да, подумал Ник, этот единорог кажется вполне настоящим.

Ещё раз он мотнул головой, а затем повернулся и спокойно пошёл прочь среди пеньков, и вскоре его белое сияние исчезло среди деревьев.

— Но единороги... они ведь не... они ведь никогда не существовали, — проговорила Линда слабым голосом, едва ли громче шёпота.

И тогда на память Нику пришли все сведения, которые он когда-либо читал. Все эти древние легенды о драконах и грифонах, Маленьком Народце с Холмов, составлявшие стержень фольклора и мифов... Люди долгое время верили в них, они клятвенно заверяли в суде, что видели волшебные создания и разговаривали с человекоподобными существами в неестественном магическом мире. А не может ли быть так, что точно таким же образом, как и он с Линдой и Лангом, те люди были захвачены какой-то

силой и перенесены сюда, а какие-то из этих созданий, для которых этот мир является родным, перемещались в их собственный? Но единорог! Теперь, когда он исчез из виду, Ник даже начал было сомневаться в том, что он видел, и попытался подойти к этому с рациональной стороны.

— Подожди здесь! — приказал он Линде и направился к месту, где стояло это животное. Там он присел на одно колено и внимательно осмотрел покрытый толстым слоем листьев перегной. И сразу пожалел об этом, потому что там действительно были следы копыт. Там явно кто-то стоял — единорог или нет, но какой-то зверь там стоял!

Ник поторопился вернуться к Линде и мотоциклу. Они должны выбраться из этого леса как можно скорее. Потому что чувство, которое и раньше мешало ему сосредоточиваться на пути, вернулось к нему с новой силой. За ними следят... с помощью единорога? Это не имело значения. Ник знал, что они непрошенные гости в этом месте. А иногда непрошенные гости натываются на ответные действия.

— Я на самом деле видела единорога, — повторила Линда, по всей видимости, самой себе. — Он стоял прямо под тем деревом. Я должна поверить в то, что видела его... поверить, или же... Я просто должна поверить в это! — и девушка схватила Ланга и подняла его к самой груди, так что его шелковистая головка оказалась прямо под её подбородком. Мопс перестал тявкать и начал лизать её лицо везде, где ему удавалось дотянуться язычком.

— Пошли, — суровым тоном приказал Ник. Они должны выбраться отсюда... на какую-нибудь открытую местность, если только смогут её обнаружить.

Но компас через несколько минут и в самом деле вывел их на опушку, где рос один лишь густой кустарник. Они продрались сквозь наименее заросший участок и вышли к поляне, покрытой высокой травой, которая чуть

дальше терялась среди камыша, стоявшего на берегу озера их мира... или какого-то другого озера.

Нигде на берегу не было видно никаких домиков, однако к этому времени Ник уже и не чаял надеяться на то, что обнаружит их здесь, равно как и ещё какие-нибудь знаки того, что здесь были люди. По мелководью шлёпали несколько цапель, которые не обращали на пришельцев ни малейшего внимания. А дальше к югу на неровном пастбище паслись какие-то животные. У них была такая светлая шкура, что Ник спросил себя, а не может ли быть так, что им посчастливилось наткнуться на небольшое стадо единорогов. Но тут одно из этих животных подняло голову, увенчанную рогами. Однако разве кто-либо слышал когда-нибудь о серебристо-серых оленях?

— Здесь нет домиков... — Линда отпустила мотоцикл, и её туристская сумка шмякнулась о землю. — Ник, что мы будем делать?

Он пожал плечами.

— Не знаю, — он же не супермен, чтобы выпутать их из сложившейся ситуации, просто напрягая мышцы или что-нибудь в этом роде. — Если хочешь знать правду, я голоден. Неплохо было бы поесть.

Судя по положению солнца, близился полдень. И он *был* голоден. Похоже, даже прыжка сквозь время (если именно это с ними и случилось на самом деле) маловато для того, чтобы умерить чей-либо аппетит.

— Голоден! — повторила Линда, а затем выдавила из себя смех. — А знаешь, мне кажется, я тоже голодна.

Пасущиеся олени не обращали на них никакого внимания. К тому же здесь, на этой открытой поляне, ничто не могло спрятаться и подкрасться к ним незаметно, не привлекая к себе внимания. Линда пошла к месту, где трава, похоже, была не очень высокой.

— Вот отличное место, — она помахала ему рукой, словно они вышли на обычный пикник. Но Ник теперь задумался о еде. Не потому, что его так уж сильно донимал голод, а из-за скудности их запасов.

Он всдь надеялся на запас консервов, которые хранились в рыбацъей хижине, и сейчас у него с собой было только то, что он взял в магазине. Но этого не хватит надолго. Затем им придётся довольствоваться тем, что растёт в этих местах. И что, если они не смогут прожить на подножном корму?

Даже в своём родном мире он почти ничего не знал о том, что можно есть из ягод (если их ещё можно было найти в округе) или других овощей или фруктов, кроме тех, что росли в садах. Конечно, имеются книги для выживания, которые помогают читателю выжить в условиях дикого мира, но подобные книги никогда не казались ему достойными внимания, и он ни одной не прочитал. Нет, им придётся бережно обходиться с их провизией. В джипе — если они смогут найти путь назад — остались две дыни и ящики с кока-колой и прочим. Но этого недостаточно.

Он присел на корточки лицо к Линде, которая сидела, скрестив ноги, на траве.

— Послушай... что касается еды... у меня её немного. А что у тебя там? — он указал на её сумку.

— Ты имеешь в виду... — Ник по лицу девушки увидел, что она поняла его. — Ты имеешь в виду, что, возможно, нам, не удастся обнаружить здесь ничего съедобного?

— Ну, в этом озере может водиться рыба. А вон там — черника — по крайней мере, около наших домиков росла черника. Но это не наше озеро. Нам лучше поберечь то, что у нас есть, пока мы не разузнаем, что к чему.

Линда потянула за верёвку перевязи сумки.

— У меня совсем немного запасов; я взяла для Джейн две упаковки хрустящих грецких орехов и коробку английских ирисок — Джейн любит хрустящие грецкие орехи, а Рон — ирис с его необычным вкусом. Есть ещё дыни, кока-кола и остальное в джипе. Но это тяжело, чтобы нести. Я не думаю, что мы сможем унести бутылки с собой. Ник, куда мы пойдём? Здесь нет домов, а там, —

она показала на противоположный берег озера, — похоже, тоже леса.

Она была права. И там возвышалась стена деревьев, такая же тёмная, как лес, откуда они вышли. Фактически, насколько мог видеть Ник, хотя озеро изгибалось дальше к югу и край его не был виден, повсюду вода была окружена лесом. Пусть они даже переберутся на тот берег, а они не имеют ни малейшего представления, сколько будет тянуться это озеро, что ждёт их за ним? Ему смутно припомнилось из какого-то романа, описывавшего жизнь первых американских поселенцев, что такие чащобы могут тянуться практически почти без каких-либо просветов.

— Я не знаю, — честно признался он. — Но по мне уж лучше оставаться на открытом воздухе, чем под этими деревьями. Мы можем отправиться к тому краю озера — там должен быть сток — Глубокий Поток, — если только это озеро похоже на наше. Возможно, мы сможем выбраться из этого леса, используя сток в качестве ориентира, — Ник даже немного загордился собой, что вспомнил об этом.

— *Если* только это озеро похоже на то, что знакомо тебе, — сказала девушка. — Но оно действительно похоже, так ведь, Ник?

Он встал, прикрывая рукой глаза от лучей сияющего солнца, которое уже начинало припекать, но ещё не очень сильно. «Совсем как в нашем мире», — подумал Ник. Он неторопливо осмотрел видимую часть озера. Трудно было сравнить этот нетронутый человеческой рукой уголок дикой природы с тем, где находились домики и небольшие пристани. Но вскоре он был почти уверен, что контуры береговой линии не слишком отличаются от тех, которые он знал с малых лет. И он поспешил сказать об этом.

— Так ты думаешь, — начала Линда, — что нас перенесло назад в прошлое... что мы в тех же краях, но

только задолго до того, как здесь появился наш народ? Что... что мы можем встретиться с индейцами? — она бросила ещё один осторожный взгляд в сторону леса.

— Это не может объяснить единорогов... Как и серебристых оленей... — Ник показал рукой на мирно пасущееся стадо. — Мы, возможно, оказались в альтернативном мире, — он уже развернул пакет с едой, но тут его руки замерли, когда он задумался над тем, что же сказал. Альтернативные миры, путешествия во времени — подобных вещей не существует! Они не могут быть... нет, не могут быть, потому что Ник Шоу — совершенно обыкновенный человек, который только хотел в тишине и спокойствии провести уикэнд. Он *Ник Шоу*, он *жив*, и всё же это произошло! Если только, конечно, всё это не результат шока после падения на мотоцикле, и тогда сейчас он, наверное, находится в госпитале, а всё это ему так ярко грезится...

— Альтернативный мир? Но единороги... Их ведь вообще никогда не было. Это же просто сказки, — Линда покачала головой. — Ник! — во второй раз её голос сорвался на крик, и она схватила его. — Ник, посмотри туда! Разве это не дымок?

Она показала на юг, дальше оленей, и он сразу перевёл туда взгляд. Она была права! Откуда-то из-за кустарника, дальше, за лугами, поднимался вверх дымок. И этот дымок мог означать только одно — там были люди! Тед и Бен... пойманные в ловушку здесь все эти годы! Такой была первая мысль Ника. Это же люди... люди, которые помогут им, и они дадут им знать, что они не одни здесь в этом ночном кошмаре!

Он торопливо завернул пакет с едой и повесил сумку обратно на мотоцикл. Как жаль, что они не могут поехать на нём, но пытаться сделать это — просто глупо. И им лучше быть поосторожнее и обойти кругом этих оленей. Эти животные кажутся совсем безвредными, но нельзя сказать, останутся ли они такими, если их потревожить.

Они попробовали бежать, но мешала высокая трава, которая путалась под ногами и колёсами мотоцикла, так что они шли, спотыкаясь, со скоростью пешехода. Да ещё по настоянию Ника сделали обход по краю поляны, где паслись олени, используя кустарник как прикрытие от животных. А однажды они даже замерли, когда самец-вожак вскинул вверх голову и уставился прямо на куст, за которым они в тот момент прятались.

Нику показалось, будто он гол и виден, как на ладони. Он слышал, как говорили, что если оставаться совершенно неподвижным, то животные теряют к вам интерес, и он пробурчал предупреждение Линде. Она кивнула и обхватила руками морду Ланга. Но, похоже, мопс понимал это и не пытался вырваться на свободу и воспользоваться случаем залаять.

Самец-вожак следил за ними, Нику даже показалось, что он наметил их как свою добычу. Но через некоторое время, когда люди отважились наконец сделать полный вдох, вожак что-то пробурчал и потрусил в сторону озера. Когда Ник решил, что тот отошёл на достаточно безопасное расстояние, они торопливо продолжили свой путь.

Вблизи олени показались им даже ещё более странными. Конечно, эти серебристые животные были больше по размерам, чем олени из мира Ника. Как бы ему хотелось знать побольше, чтобы суметь ответить на некоторые из своих вопросов, если только на них вообще можно ответить.

Они продолжили путь вдоль изгиба озера. Да! Там действительно открылся свободный от леса участок в районе Глубокого Потока. Вот оно, это место, совсем как в их мире. И именно в устье Потока поднимался тот дымок. Ник почувствовал, как к нему возвращается былое удовлетворение от того, что он оказался прав в знании географии этих мест. Но его торжество тут же улетучилось, когда раздался крик:

— Эй, ребята, стойте, где находитесь!

Глава третья

Ланг залился отчаянным лаем, повернувшись к кусту, из-за которого раздался этот приказ. Ник замер на месте, однако Линда сделала пару шажков, как будто не могла справиться с пекинесом.

Ник коснулся одной рукой её локтя, другой удерживая мотоцикл.

— Кто вы? — требовательно обратился он к кусту, в душе радуясь, что голос его прозвучал твёрдо и уверенно. Тед?.. Или Бен? Или кто-то ещё, кто попал в этой чужой мир раньше?

Несколько мгновений стояла тишина, такая долгая, что Ник подумал было, а не намеренно ли незнакомец остановил их, чтобы самому тем временем скрыться в зарослях. Но зачем? Кто бы это ни был, он, разумеется, видел, что они не представляют никакой опасности.

Наконец кусты раздвинулись, и перед ними появился мужчина. С виду обычный человек, чуть ниже Ника, но шире в плечах, а комбинезон, который был на нём, ещё больше увеличивал размеры его тела. На голове его поблескивала каска, больше похожая на опрокинутый походный котелок, а на ногах — тяжёлые ботинки.

У него было круглое лицо, на котором красовались густые усы, рыжие, но уже с проседью, наполовину скрывавшие рот. В одной руке он держал... Рогатку!

Увидев её, Ник едва не рассмеялся, но что-то в лице незнакомца говорило о неуместности подобной реакции на это детское оружие. Да и в глубине памяти Ника шевельнулось какое-то полузабытое воспоминание. Где-то, когда-то он уже видел человека в подобном одеянии. Но где и когда?

Однако до сих пор незнакомец не ответил на вопрос Ника. Лишь прищурил глаза, пристально рассматривая их. Ланг, натянув поводок, фыркнул, перестал лаять и повёл носом, словно желая занести запах нового человека в свой каталог запахов.

Если незнакомец рассчитывал испугать их таким началом, то Ник не собирался поддаваться.

— Я спросил, — продолжил он, — кто вы такой?

— А я тебя слышал, приятель. На глухоту пока не жалуясь. Меня зовут Сэм Страуд, уполномоченный гражданской обороны в Харкэвей Плэйс, если это что-то говорит тебе. Могу поспорить, что нет. Вас только двое?

Он так внимательно их рассматривал, как будто и в самом деле ожидал, что они — авангард какого-то большого отряда. Линда взорвалась:

— Уполномоченный гражданской обороны! Ник, он даже одет, как уполномоченный гражданской обороны, следящий за воздушными налётами — одного такого я видела в фильме о войне в Британии в школьном курсе по истории.

Англичанин! Становился понятным его акцент. Но откуда здесь взялся этот англичанин в форме тридцатилетней давности? Ник не хотел даже думать о том, что вытекало из этого открытия.

— Она права? — задал он новый вопрос. — Вы действительно такой уполномоченный?

— Точно. Ну, а теперь, парень, ответь-ка. Кто *ты сам* такой? И кто эта юная леди?

— Её зовут Линда Дюран, а меня Ник Шоу. Мы... мы — американцы.

Страуд потёр подбородок толстыми пальцами.

— Вот как, теперь, значит... американцы, говоришь? А попались в своей собственной стране?

— Да. Мы просто направлялись к озеру, похожему на это, и вдруг оказались здесь. *Где мы?*

Страуд издал звук, который мог бы сойти за хриплый смешок, если бы в нём почти не было смеха.

— Это именно тот вопрос, Шоу, на который, похоже, никто не знает ответа. Викарий, вроде бы, имеет несколько гипотез — довольно смутных, но нам так и не удалось их проверить. Когда вы прибыли сюда?

— Недавно, — ответила Линда. — Это дым от вашего костра? Мы ужасно проголодались и уже собирались было перекусить, когда увидели его и пошли...

— У вас есть с собой пища? — Страуд сунул рогатку за пояс. — Ладно, идёте, — он обернулся к кустам, из которых вышел, приложил два пальца к губам и издал тихий свист. — Вы не приманка, насколько я понимаю.

— Приманка? — Нику не понравилось это слово.

И снова Страуд издал хриплый смешок.

— Приманка, да. Вы ещё узнаете, ребята, ещё много чего узнаете. А теперь, сюда, в эти кусты...

И Сэм двинулся вперёд, а они последовали за ним, используя, как показалось Нику, в качестве прикрытия всё, что можно было. Но если необходимо было так прятаться, почему же тогда дым у них поднимается, как знамя? И только спустя несколько секунд он понял, что они на самом деле держат путь не к костру, а куда-то левее.

Линда тоже обнаружила это и заинтересовалась:

— Разве мы направляемся не в ваш лагерь?

— Прямо вперёд... — услышали они голос Страуда. — Осторожно! В этих виноградных лозах вполне можно запутаться.

Нику приходилось всё своё внимание уделять этим ползучим растениям, густо покрывавшим всю землю и с таким упорством цеплявшихся к мотоциклу и ногам, словно действительно их здесь посадили в качестве ловушки. Дважды ему приходилось останавливаться и распутывать эти лозы, так что Страуд и Линда исчезали из поля зрения и он шёл за ним по следам их продвижения, всё дальше и дальше уводящим от костра, но затем они снова повернули к реке.

Наконец Ник вышел на полянку, со всех сторон окружённую густыми зарослями кустарника. И там он увидел Страуда, Линду и ещё троих человек: двух мужчин и одну женщину. Все они стояли лицом к Линде, однако когда

Ник с хрустом и треском начал выдираться из кустов на опушке, они дружно повернулись в его сторону.

Мужчины отличались друг на друга так же, как они от Страуда. Один — пожилой, довольно высокий и худой, седые волосы торчали беспорядочным пушком на голове, словно они были слишком редкими, чтобы о них заботиться. На лице выделялся огромный горбатый нос, который по твёрдости не уступал подбородку. Но в глазах его, смотревших из-под кустистых бровей, не горело того яростного ястребиного взгляда, какого ожидал было Ник. В них светился разум и живой интерес, а также готовность выслушать других, но вовсе не желание подчинять себе людей, что предполагали остальные черты его лица.

На нём был тёмно-серый костюм, сильно поношенный, а под пиджаком — свитер, который не скрывал круглого воротничка священника. На ногах — мокасины из грубой кожи, контрастирующие с его изрядно потрёпанной одеждой.

Более молодой мужчина был чуть выше Ника и, как и Страуд, носил форму, но не уполномоченного гражданской обороны. Его китель также был уже сильно изношен, но в петлицах блестели крылышки, а на затылке еле удерживалась кепка лётчика, из-под которой виднелись светлые волосы.

Их спутница была примерно того же роста, что и пилот, и тоже в форме, но с неизвестными Нику знаками различия на плечах. Из-под каски, такой же, как у уполномоченного гражданской обороны, выбивались непокорные тёмные кудри. Отличаясь не меньшей худобой, чем у священника, с лицом обветренным и смутным, о котором нельзя было сказать, что оно красивое, в ней всё же ощущалась сила и решительность.

— Американцы, — отметила она. — Значит, вы, Адриан, — обратилась она к священнику, — оказались полностью правы в своих догадках. Мы действительно пропутешествовали гораздо дальше в той клетке, чем думали.

Светловолосый пилот также держал в руках рогатку.

— Нам нужно поскорее уходить, — взгляд его скользнул от Ника к кустам. Он словно к чему-то прислушивался. — Нет никакого смысла наблюдать больше за этой ловушкой...

— Барри прав, — кивнул священник. — Хотя мы и не добились того результата, на который рассчитывали. Но зато у нас появились юные друзья, а это очень даже неплохо.

— Давайте я познакомлю вас, — оживлённо предложила женщина. — Адриан Хэдлетт, викарий из Минтон Парвы, — священник старомодно и несколько величаво наклонил голову. — Пилот-офицер Барри Крокер, ну а я — Диана Рамсей...

— Леди Диана Рамсей, — поправил Страуд, как будто это было важно.

Она досадливо махнула рукой. В другой, как заметил Ник, она тоже держала рогатку.

— В нашем отряде ещё двое, — продолжила она. — Вы познакомитесь с ними в лагере.

И снова, теперь уже в составе этой энергичной группы, Линда и Ник стали пробираться сквозь заросли кустарника к реке. Их путь оказался не слишком далёким и завершился в лагере, расположившемся на берегу.

Из сложенных брёвен, подпираемых камнями, здесь было сооружено нечто вроде полухижины-полупещеры. Ланг залаял, когда огромное, в сером меху, животное, гревшееся под лучами солнца у входа, при виде них попятилось и распушило хвост. Прижав уши, кот встретил возбуждённого пекинеса предупреждающим шипением, перешедшим затем в глухое ворчание. Линда бросила сумку и схватила уже приготовившегося к схватке пса, прижав его к себе.

— Ну-ну, Джереми, мой дорогой, с новыми друзьями так не знакомятся.

Из хижины показалась маленькая женщина, взяла на

руки кота и стала нежно и успокаивающе гладить его скрюченными от артрита пальцами в коричневых пятнах от старости. Её волосы, седые, как и у викария, были стянуты в тугой маленький узелок над круглым лицом с носиком-пуговкой, на котором крайне ненадёжно сидели очки в металлической оправе.

Она немного шепелявила, когда говорила, возможно, потому что её зубы во рту уже шатались, но в том, как она приветствовала прибывших, чувствовался живой интерес. Поверх её платья был надет фартук из мешковины, а на плечи был накинут старый плащ. Ноги облегал мокасины из такой же грубой кожи, как и у викария.

— Джин, — бросила она назад через плечо. — У нас пополнение.

Девушка, которая вышла на этот зов, была, наверное, чуть старше самой Линды. На ней также была тёмно-синяя форма, поверх которой болтался кусок какой-то выцветшей и дырявой материи, служивший передником, словно таким образом она надеялась сберечь единственную имевшуюся у ней одежду. Её каштановые волосы обрамляли загорелое лицо — достаточно хорошенькое, чтобы мужчины бросали на него повторные взгляды, подумал Ник.

— Это американцы, — и снова леди Диана взяла на себя церемонию представления. — Линда Дюран, Николас Шоу — миссис Мод Клапп и Джин Ричардс, из ЖСКФ.

— ЖСКФ? — повторил Ник, слегка сбитый с толку.

Девушка улыбнулась.

— Женская Служба Королевского Флота... я думаю, так вы называете у себя в Америке свою ЖСВМФ.

— Ну что, разве не говорила я вам, что видела вещий сон прошлой ночью? — голос миссис Клапп был полон искреннего дружелюбия и приветливости. — Что у нас появятся новые люди. И рыбу мы уже почистили, сейчас поджарим до румяной корочки. Что ж, удачнее сложится

и не могло, не так ли? — обратилась она ко всем сразу, похоже, риторическим вопросом, ибо не ожидала на него ответа. — У нас здесь живёт Джереми, но вашего маленького пёсика он тронет, мисс, если только тот не будет его задира́ть. Джереми отнюдь не воинственное животное.

— Надеюсь, Ланг тоже, — в руках Линды пекинес постепенно успокоился. Она повернула пса к себе мордочкой и посмотрела прямо ему в глаза. — Ланг, это друг, друг! — выразительно проговорила девушка и повернула пёсика в сторону кота, которого миссис Клапп снова поставила на землю. — Это друг, Ланг!

Пекинес быстрым язычком облизнул нос. Но когда Линда опустила его, он мирно уселся у её ног, точно несколько мгновений назад и не рвался в яростном порыве сразиться с извечным врагом всех собак.

Ник достал свои съестные припасы.

— Хлеб! — миссис Клапп открыла мешок и с наслаждением принялась. — Свежий хлеб! Господи, я уже совсем забыла его запах!

Ник поставил мотоцикл на подножку и теперь стоял в сторонке, переводя взгляд с пилота на Джин, а с девушки на Страуда в форме уполномоченного гражданской обороны. Кроккеру, если только Ник не ошибался, было чуть больше двадцати лет, а Джин — и того меньше. Им совершенно *не могло* быть столько лет, сколько предполагала форма Страуда. Однако...

— Тебя что-то беспокоит, мой мальчик? — обратился к Нику викарий, и тот, не раздумывая, храбро выпалил свой вопрос:

— Скажите, пожалуйста, сэр... сколько времени вы уже здесь находитесь?

Викарий устало улыбнулся.

— Боюсь, я вряд ли смогу на это ответить. Мы пытались вести запись дней в самом начале, но после того, как нас поймали и перевезли сюда... — он пожал плечами. — Однако если считать по временам года, я бы сказал,

около четырёх лет. Тот воздушный налёт на Минтон Парву произошёл вечером двадцать четвёртого июля тысяча девятьсот сорок второго года. Я думаю, все мы хорошо запомнили это. Мы прятались в церковной часовне. Миссис Клапп — моя домохозяйка... то есть была ею. Леди Диана пришла, чтобы поговорить со мной относительно выделенных для госпиталя средств. Джин и Барри шли на вокзал к поезду — возвращались домой из увольнения. А Страуд пришёл проверить наши запасы продовольствия. Тут раздался сигнал воздушной тревоги, и мы все спустились в часовню. Затем раздался тот звук... честно признаюсь, Шоу, мы все поверили, что это конец. А потом... каким-то образом вдруг не стало ни церкви, ни даже той Англии, которую мы знали...

Он несколько секунд помолчал в нерешительности. Его уставшие, но пронизательные глаза следили за лицом Ника. Теперь выражение на лице викария изменилось.

— Ты что-то знаешь, разве не так, мой мальчик? Что-то гложет тебя. Что?

— Время, сэр. Вы говорите, что пробыли здесь около четырёх лет. Но сегодня... там... двадцать первое июля тысяча девятьсот семьдесят второго года.

Он ожидал, что викарий усомнится в его словах — слишком уж его утверждение казалось невероятным, — если только Хэдлетт сказал правду. А Ник был в этом уверен.

— Двадцать первое июля тысяча девятьсот семьдесят второго года, — медленно повторил викарий. — Нет, мой мальчик, я верю тебе, хотя ты не очень-то надеялся на это — твои слова вполне похожи на правду, об этом говорится и в старых сказках. Однако... тысяча девятьсот семьдесят второй год... тридцать лет... Что произошло у вас... за тридцать лет?

— Что за тридцать лет?.. — встрял в разговор Кроккер. До сих пор он был больше занят мотоциклом, чем содержанием их беседы, но теперь настороженно поглядел на Хэдлетта. — Какие ещё тридцать лет.

— Скажи ему, из какого ты года, — обратился викарий к Нику, словно то, что это скажет мальчик, произведёт более глубокое впечатление.

— Мы прибыли из... двадцать первого июля тысяча девятьсот семьдесят второго года, — повторил Ник. Сам-то Хэдлетт поверил в это безоговорочно, но вот как отнесутся остальные к такому потрясающему факту?

— Двадцать первое июля тысяча девятьсот семьдесят второго года, — ошарашенно повторил пилот. — Но... это же невозможно... святой отец, сейчас примерно тысяча девятьсот сорок шестой год, если только мы не ошибаемся, нельзя же прожить тридцать лет и не заметить этого.

Теперь в их спор вмешалась Леди Диана.

— Адриан, значит, и тут вы были правы. Это похоже на старые сказки, не так ли? Тридцать лет... — она поглядела куда-то мимо них, туда, где вода пенилась вокруг камней у берега неспешно текущей реки. — Восемьдесят пять... но я же не такая старая, мне не больше...

— И об этом, Диана, тоже говорится в древних сказках, — ответил викарий.

— Нет! — запротестовал Кроккер. — Этот паренёк нам вешает лапшу на уши, он, наверное, один из *Них*. Откуда нам знать... — он попятился от Ника, крепче сжимая свою рогатку. — Он работает на *Них*, и его послали, чтобы сломить нас подобными рассказами!

— Эй... Что тут происходит? — к ним приблизился Страуд. — При чём здесь *Они*?

Обернувшись к уполномоченному гражданской обороны, Кроккер выпалил свои обвинения с нескрываемой яростью:

— Мы привели сюда этих двоих и следом явятся *Они*. Он говорит, что мы находимся здесь уже тридцать лет! Враньё, которому никто не поверит!

— Ну, будет тебе, — Страуд опустил руку на плечо Кроккера. — Придержи язык, Барри. Разве у них такой же запах, как у Герольда? И разве эти летающие дьяволы

хоть раз использовали приманку? Они же просто пикируют и хватают всё без всяких выкрутасов. Ладно, так ты говоришь, вы из тысяча девятьсот семьдесят второго года... а что с войной?

Громкий голос Страуда привлёк внимание всех остальных. Англичане окружили Ника. В глазах их светилось ожидание, и только Кроккера всё ещё излучал враждебность.

— Война закончилась в тысяча девятьсот сорок пятом году, — Ник попытался побыстрее воскресить в памяти события той войны, закончившейся ещё до его рождения, но которая для этих людей по-прежнему являлась реальной опасностью.

— Кто победил? — требовательно и сердито спросил Кроккер, словно от ответа Ника зависело их отношение к нему.

— Мы... то есть, союзники. Наши войска вошли в Германию с одной стороны, а русские — с другой, и взяли Берлин. Гитлер покончил с собой, прежде чем они успели до него добраться. И мы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки — в том же году японцы сдались.

— Атомная бомба? — переспросил Кроккер теперь уже не сердито, а изумлённо.

— Да. Они полностью уничтожили оба города, — вспоминая подробности, Ник надеялся, что ему не придётся в них вдаваться.

— А сейчас?.. — нарушил викарий неловкую паузу, когда его товарищи смотрели на Ника так, словно он был с другой планеты.

— Ну, все проблемы, конечно, не решились. Война в Корее, а теперь ещё и во Вьетнаме... мы противостоям экспансии коммунистов. Китай стал коммунистическим, и под контролем России всё ещё находится половина Германии — её восточная часть. Но американцы уже дважды высаживались на Луне, — ему хотелось расска-

зять о положительных изменениях в мире, а не о мрачных военных и политических конфликтах. — И сейчас мы планируем отправить в космос станцию. Но... я не могу рассказать вам обо всём, что случилось. Англия... Она больше не империя, и долгое время в парламенте заправляли лейбористы... были трудные времена... безумные налоги и...

— Тридцать лет! Да, за такое время многое чего может произойти, — кивнул викарий. — А войны не кончаются...

— Скажите, пожалуйста! — нарушила Линда наступившую вслед за его словами тишину. — Если вы прибыли сюда из Англии, а мы из штата Огайо... вы каким-то образом пересекли океан? Или это всё одна и та же страна?

Викарий покачал головой.

— Нет, географически этот мир во многом схож с нашим. Этот материк и Англия напоминают те далёкие-далёкие времена, когда человек ещё не начал подчинять себе природу. На этот континент нас доставили наши пленители. Только благодаря милости Божьей нам удалось бежать. С тех пор мы пытаемся найти возможность вернуться. Только боюсь, что в этом мире для нас не найдётся никаких кораблей для такого путешествия. Но это долгая и запутанная история, и я бы предпочёл рассказывать её вам частями, к примеру, за рыбой, которую так вкусно готовит миссис Клапп. Что вы скажете на это?

Возможно, то, что всё вернулось к обыденной обстановке, и разрядило обстановку. Они уже предвкушали вкусную еду. А хлеб, принесённый Ником, вообще превращал трапезу в роскошное пиршество.

Хэдлетт повертел булочку в своих руках.

— Никогда не знаешь, как много значат для тебя разные мелочи жизни, пока их не лишишься. Хлеб мы так и не смогли здесь испечь. Хотя миссис Клапп и пыталась сделать что-то с земляными орехами и семенами дико-

растущей травы, похожей на овёс. Но как же хорошо снова отведасть настоящего хлеба!

— Вы говорили, что вас доставили сюда как пленников, — Ник хотел узнать самое худшее из того, что могло им угрожать.

— Ах, да. Конечно, вас следует предупредить, — викарий проглотил кусок булки. — Это довольно загадочный мир, и сколько мы ни старались, мы так и не смогли проникнуть в большинство его тайн. Но мы думаем, что он каким-то образом подобен нашему, хотя имеются довольно серьёзные отличия. Когда-то в прошлом, но как давно — нам не ведомо, возникла некая сила, которая могла проникать в наш мир в определённых местах и уносить из него людей. В нашем мире известно очень много случаев загадочных исчезновений.

Ник кивнул.

— В газетах и книгах в последнее время участились упоминания о таких случаях. Мы сами попали сюда из места с подобного рода репутацией — там пропадали люди в течение многих лет.

— Вот-вот. А наша церковь в Минтон Парве располагалась у волшебного холма...

— Волшебного холм? — поразился Ник. Что он хочет этим сказать?

— Нет, мой мальчик, я вовсе не собираюсь потчевать тебя дешёвыми прибаутками. У нас в Британии с давних времён известны такие места, где исчезают люди, — хотя сейчас это принимают как легенды. Люди, «волшебным» образом исчезавшие, иногда возвращались, порой годы или десятилетия спустя, и рассказывали, что они провели день, месяц либо год в каком-то другом мире, — такие сюжеты довольно распространены в нашем фольклоре.

— Значит, — вмешалась Линда, — мы всё-таки можем вернуться назад! — она держала Ланга в руках, и, должно быть, сжала маленького пёсика слишком сильно, потому что тот протестующе взвизгнул.

— А вот этого мы не знаем наверняка, — серьёзно и печально проговорил викарий. — Все наши попытки ни к чему не привели. И... за время своих скитаний мы достаточно чего повидали, чтобы предположить, что подобные случаи спасения или исчезновения крайне редки.

Линда, всё так же держа на руках Ланга, вскочила, несколько секунд постояла, переводя взгляд с одного лица на другое, пока наконец не остановилась на Нике. К нему-то она и обратилась, словно только его слова могли принести ей крошечную надежду, что бы ни говорили другие.

— А ты как думаешь, сможем мы вернуться назад?

Он мог бы солгать ей или попытаться успокоить. Но язык не поворачивался говорить неправду.

— Никто ещё не возвращался, пройдя Короткую Дорогу, — его слова показались резкими даже ему самому.

Лицо девушки застыло. Потом она стремительно повернулась и пошла прочь, убыстряя шаг. Ник вскочил на ноги и побежал было за ней.

— Нет, — Линда не оглядывалась, но знала, что он следует за ней. — Оставь меня в покое... просто оставь меня в покое на некоторое время!

И такая решимость прозвучала в её словах, что Ник остановился, не зная, следовать ли ему этому желанию девушки или насильно навязать ей своё общество.

— Джин, — проговорил Хэдлетт. — Проследи, чтобы с ней ничего не случилось, пока она хочет побыть в одиночестве. Горькую правду всегда трудно принимать.

Девушка из Англии прошла мимо Ника. Он же вернулся к остальным.

— Проследить, чтобы с ней ничего не случилось, — повторил он. — И вы были пленниками. Кого и чего вам приходится бояться? Скажите уж всё напрямик!

— Хорошо, — отозвался Страуд, до сих пор невозмутимо жевавший, прислонясь к одному из брёвен, из которых было сложено это жилище. — Мы тут не одни,

как ты, наверное, уже догадался. Насколько нам известно, здесь живут три вида людей — или существ — или как ты сам захочешь их назвать.

Есть такие же, как мы, попавшие в похожие ловушки. Мы пару раз пытались с ними пообщаться — вернее, мы думали, что они такие же, как мы. Но они нас не поняли. В последний раз это были солдаты, и они принялись в нас стрелять. Но это были не наши солдаты — они походили на китайцев. Есть ещё Герольд и те, кто слушает его и изменяется... Герольд... — он проговорил последнее слово с нескрываемым отвращением. — Возможно, он был здесь всегда, и это его родной мир. И он явно хочет нас заполучить. Как только он разнюхает о вас, он тут же явится поглядеть. Всё, что мы знаем о нём, — так это то, что если ты принимаешь его предложения, ты меняешься. И тогда ты уже не мужчина или женщина, а что-то совершенно иное. Мы ничего не взяли. И вы не возьмёте, если в вас есть хоть капля благоразумия. И есть третьи — летающие охотники. Они тоже не из этого мира. Только появляются они не иначе как на своих флаерах. Лишь мелькнёт один из их аппаратов — и сообразить ничего не успеешь, как тебя уже поймали в сеть. Я не знаю, что они делают с бедолагами, которых ловят, кроме того, что сажают в клетку, как это было с нами. Но нам повезло. В корабле, который нас перевозил, что-то сломалось. Он упал, и мы сбежали, потому что на корабле не уцелело ни одного члена команды. Вот тогда-то мы и узнали, что нас вывели из Англии.

— Но дым... вы говорили о приманке. Что — или кого — вы пытались поймать?

— Разумеется, не этих охотников или Герольда, — проворчал Страуд. — Нет! Мы вчера наткнулись на несколько следов, женских и детских. И мы подумали, что это ещё одна группа, с кем мы могли бы переговорить, не опасаясь получить пулю в лоб. Конечно, всё это могло оказаться пустыми грёсами, но мы подумали, что

вреда не будет, если развести костёр и посмотреть, кто на него выйдет.

— Они устанавливают ловушки, — заметил Кроккер. — Мы подумали, а почему бы нам тоже не попытаться сделать одну, но не на *Них*.

— Вы имеете в виду охотников? — спросил Ник недоумённо. После рассказа Страуда о флаерах ему показалось странным, что эти люди захотели навлечь на себя такую опасность.

— Нет, каких-нибудь других таких же бродяг, или изменившихся, если они изменились, а не появились такими на свет.

— Мы видели... или думали, что видели, — медленно проговорил Ник, — единорога, когда шли по лесу. Это их вы называете изменившимися?

— Не совсем, — ответил ему викарий. — Мы видели множество странных зверей, птиц и существ, в которых смешались признаки двух или больше видов. Но они на нас не нападают, и мы полагаем, что они принадлежат этому миру. Возможно, иногда в прошлом они попадали в наш мир, оставив о себе память в легендах и сказках. Пока нам ещё не встречались драконы, но я не поручусь, что их здесь нет. А изменившиеся — они с виду довольно похожи на людей. Они отличаются лишь небольшими мелочами — прежде всего, конечно, их «силами», — это лучшее слово, чтобы обозначить их способности, — которые выдают их. Народ Холмов очень стар.

— Мы обычно держимся ближе к лесу, — Страуд кивнул на стоявшие стеной деревья в нескольких шагах от них, — потому что флаеры не могут спуститься туда за нами. Так что мы не так уж много их видели. Они возникают, как волны — то небо полным-полно их, то вообще нет. И пока мы держимся подальше от городов, мы в безопасности. Летуны ненавидят города и пытаются бомбить их.

— Не бомбить, я же говорил вам, Страуд! — взорвался

Кроккер. — Они не сбрасывают бомб. В сущности, я не понимаю, что они там делают... хотя их появление означает что-то вроде налёта. Чего бы они ни добивались, никаких потерь мы не замечали. В городе безопасно.

— Для тех, кто хочет измениться, — заметила миссис Клапп. — Но мы не хотим.

У Ника голова шла кругом. Похоже, жизнь здесь тоже довольно сложная штука, как и в его собственном мире, со всеми его проблемами и опасностями. Эти люди, держась вместе, проявили большую твёрдость духа и решительность. Несомненно, ему и Линде крупно повезло, что они встретились с ними. Что, если бы им пришлось тут блуждать в одиночестве, ничего не подозревая о грозящих им опасностях?

Он попытался выразить словами свою радость по поводу этого подарка судьбы, и викарий мягко улыбнулся.

— Мой мальчик, тут многое зависит от тебя самого. Тебе удалось справиться с ситуацией, от которой вполне мог помутиться рассудок. Мы были свидетелями печального конца человека, который так и не смог принять своё перенесение сюда. Это необходимо просто принять.

Ник увидел, как по берегу Потока возвращаются Линда и Джин. Так много всего произошло за последнее время. Действительно ли он принял всё то, о чём рассказывал Хэдлетт, или всё это просто какой-то безумный сон, от которого он никак не может очнуться? Наступит ли время, когда всё происходящее обрушится на него, как обрушилось на Линду, и ему придётся примириться с тем, что кажется совершенным безумием?

Глава четвертая

Снаружи грохотал, не умолкая, ливень. Он начался с захода солнца и всё ещё шёл. Ник слышал ровное дыхание уснувших вокруг него людей в этой, ставшей теперь совсем тесной, хижине. Но ему никак не удавалось ус-

нуть, и он просто лежал у самой двери, глядя в темноту и прислушиваясь.

Эти странные звуки впервые слышались некоторое время назад, едва уловимые и далёкие. Но они привлекли его внимание и теперь он напряжённо прислушивался к ним, изо всех сил пытаясь отделить далёкую мелодию, то совсем слабую, то более явную, от журчания Потока и шума дождя.

Ник никак не мог разобратъ, что же это такое — пение или просто музыка, он не был даже уверен, что она не смолкала по какой-то причине, а потом вновь начиналась, еле слышная, далёкая... влекущая... Потому что чем больше он прислушивался, тем сильнее его охватывало желание, необходимость ответить на этот зов, броситься вперёд в дождь, во тьму ночи, в самое сердце этого враждебного края.

Нежное... тихое... но иногда совершенно отчётливое пение. Нику временами казалось, что он уже почти различает слова. А когда это всё-таки случилось, всё внутри него забурлило от возбуждения, он едва сдерживал себя. Бежать... в черноту ночи... ответить...

Ник присел, учащённо дыша, будто уже бежал. Позади него кто-то зашевелился.

— Лорелея... — отчётливо и тихо прошептал Хэдлетт.

— Лорелея, — повторил Ник и сглотнул. Он *не* пойдёт, не решится уйти. Чувство осторожности, порождённое его инстинктом самосохранения, посылало ему тревожный предупреждающий сигнал... Он не решался уйти.

— Эта песня зачаровывает, — продолжил викарий. — Кажется, дождь и рождает её. Или же близость воды. Вот что ты должен усвоить крепко-накрепко: какая-то часть обитателей этого края доброжелательно или безразлично настроены по отношению к нам, другие же — смотрят с враждебностью и чёрной злобой. А есть и такие, кто воплощает в себе сущее зло. И поскольку неизвестно, кто из них как нас встретит, мы должны быть постоянно

настороже. Но про Лорелею мы знаем — мы видели останки того, кем она... питалась. Но только это не плоть и кровь — она питается жизненной силой. То, что остаётся после ней, — пустая оболочка. И всё же её заманивающий зов столь силен, что даже зная, к чему это может привести, человек идёт на него.

— Понимаю, почему, — тихо ответил Ник. Его пальцы так крепко сжались в кулаки, что ногти, хотя и обрезанные, вонзились в ладонь: ещё когда Хэдлетт говорил, этот звук усилился. И теперь, чувствуя, как в нём растёт страх, он поднёс пальцы к ушам, чтобы заглушить мелодию.

Ник не знал, сколько он сидел так, и продолжал ли викарий беседу с ним. Но наконец он уронил руки и осмелился вновь прислушаться: ничего, кроме шума дождя и ручья. Со вздохом облегчения он снова улёгся на куче сухих листьев, из которых состояла его постель. А потом уснул и ему приснился сон. Но сколь бы ни казалось важным происходившее во сне, пробудившись, он так и не смог его вспомнить.

Последующие два дня они провели, словно выехали на обычный пикник за город, а не оказались в местности, не тронутой рукой человека, где не обрабатывалась земля и не было никаких дорог. Рыба хорошо ловилась, созрели ягоды и к тому же здесь росло множество злаковых растений, похожих на зерновые культуры их родного мира, и их зёрна можно было употреблять в пищу. Ник узнал, что хижина у реки не была постоянной базой англичан; дальше к северу у них имелась пещера, которую они считали своей штаб-квартирой. Сейчас они совершали разведывательную вылазку. На второй день Нику по компасу удалось вывести Страуда и Кроккера обратно к джипу.

— Приличная машина, — уполномоченный гражданской обороны с сожалением оглядел вездеход. — Но из таких тисков её не вызволить.

Ник прямоком направился к грузу, состоявшему из

ящиков прохладительных напитков и дынь. Но кто-то или что-то уже успел побывать здесь до них. Им досталась лишь пара разбитых бутылок.

— Жаль, — прокомментировал Страуд. — Нет хотя бы поллитра виски, мы бы с удовольствием выпили его. Что скажешь, Барри, — кто тут порывлся до нас?

Пилот осматривал покрытую листьями землю вокруг зажатого стволами джипа.

— Ботинки... я бы сказал, армейские. Наверное, это те китайцы. Они вполне могли спуститься сюда. Но это случилось вчера ранним вечером, может быть, после полудня, — он сидел на корточках, показывая веточкой, что прочитал на земле. — А здесь прошёл пугливец, отпечатки его лапы видны поверх следа ботинка, а эти животные не выходят до темноты. Осталось ещё хоть что-нибудь годное в машине?

Страуд обыскивал джип со знанием дела опытного воришки.

— Ремонтный набор, — он развернул найденный под сидением свёрток и увидел там два гаечных ключа и другие инструменты. — Вроде всё.

Ник стоял возле дерева, в которое уткнулся джип, как раз там, где раньше проходила Короткая Дорога. Однако теперь здесь, в лесу, в это просто не верилось.

— Что же вызвало это... наше перемещение сюда? — спросил он, хотя и не ожидал ответа.

Страуд, не скрывая удовлетворения от своей находки, снова завернул инструменты. Потом посмотрел на мальчика.

— Я слушал как-то лекцию... о том, что в нашем мире всем двигают электромагнитные силы. Тот учёный утверждал, что все мы — люди, животные, деревья, растения, всё-всё — на самом деле просто электромагнитные приборы, и мы каким-то образом создаём колебания этих полей. Однако большинство из нас даже не догадывается об этом. А потом он ещё говорил, что мы используем всё

больше и больше электричества в жизни, и что теперь некоторые небольшие штуковины, вроде радиоприёмников, могут выбросить — даже случайно — такой мощный поток энергии, что тот может остановить гораздо более крупный источник энергии. Он предупреждал, что мы без всякой осторожности используем силы, которые до конца сами не понимаем, и однажды это может привести к большой катастрофе. Возможно, в тех местах, откуда люди сюда попадают, именно это и происходит. Викарий много думает об этом и однажды он обсуждал с нами эту проблему.

— Но ведь мы пользуемся электричеством вот уже почти сто лет, а люди исчезали таким образом и раньше. Причём на этом же самом месте, — Ник указал на зажатый деревьями джип. — У нас есть записи об исчезновении в этом районе людей ещё со времён первых поселенцев — сто семьдесят лет назад. А если верить вашему викарию, то и в вашей стране это началось куда раньше в прошлом.

Страуд пожал плечами.

— Не знаю, как эти ловушки работают. Но мы-то здесь, не так ли? И по всей видимости, останемся здесь, поскольку мы не можем пересечь океан. Да и что касается тебя, Шоу, велика ли надежда, что ты найдёшь дорогу домой?

Ник покачал головой. Твёрдая кора дерева, которого он касался, картина, представшая перед его глазами, утверждали настоящее. Никто из исчезнувших на Короткой Дороге так до сих пор и не возвратился. И внезапное осознание этого вдруг обрушилось на него, как перед этим на Линду. Ему захотелось кричать, убежать куда-нибудь, дать выход охватившему его ужасу в каком-нибудь физическом действии. Но почему-то он не посмел, потому что был уверен, что потеряй он сейчас контроль над собой, и никогда больше он не сможет держать себя в руках.

Его пальцы вонзились в кору дерева. Нет — он не закричит, он не *сломается*.

От джипа донёсся какой-то резкий звук. Страуд распластался на сиденье, Кроккер быстро упал на землю. А Ник стоял как истукан, ничего не понимая. И тут он увидел одну штуковину, лежавшую на земле. Копьё... Их атакуют! Он припал к земле, ища укрытие.

Ник прислушивался, ожидая новую атаку. У него не было никакого оружия, даже камня, чтобы защищаться. Тишина была полной, не было слышно ни криков птиц, ни шелеста листьев. У Страуда и Кроккера есть хоть их рогатки — но какая от них здесь может быть польза?

Ник осмотрел копье. Оно оставило вмятину в боку джипа. Он мог это видеть. Но Ник совершенно не разбирался в этом оружии. На первый взгляд древко было короче, чем, по его представлениям, должно было быть. Наконечник сделан из металла, четырёхгранный. Он ничего не знал об этом первобытном оружии, но подумал, что оно не принадлежит американским индейцам — если только в этом мире действительно бродят индейцы.

Копье, тишина... Ник вдруг заметил, что пытается дышать как можно тише. Это ожидание... когда же на них нападут? И откуда, с какой стороны? Их могли к этому времени полностью окружить. По спине пробежался холодок, словно он был обнажён и в любой момент ещё одно копье могло вонзиться в его тело.

Он не видел ни Страуда (который, должно быть, прижался к полу джипа), ни Кроккера. Пилот, наверное, прошёл специальную подготовку в ведении подобного рода боевых действий, недаром он так быстро распластался на земле. Ну и что дальше: просто лежать и ждать смерти, что придёт неслышно или в диких воплях атакующих врагов?

Во рту у Ника пересохло, а руки покрылись потом, так что ему захотелось вытереть их о рубашку, но он не смел пошевелиться. Чего ждут *враги*?

Но тут тишину нарушило то, чего Ник ожидал услышать меньше всего, — смех.

Так значит, враг настолько уверен в себе, что даже смеётся?! От этой мысли он забыл про страх, в нём вспыхнул гнев. Неужели ли это и в самом деле смешно?

Смех прекратился, и смеявшийся выкрикнул что-то на непонятном языке. Требование сдаваться, перечисление того, что с ними сделают, когда захватят в плен? Вполне возможно, но ни один из спутников Ника не отозвался. Он мог только следовать их примеру, надеясь, что приобретённый ими опыт поможет и ему продержаться среди местных опасностей.

И снова смех, тихий, язвительный... Но звучала ли в нём угроза? Пожалуй, нет — скорее, в нём слышалась издевка. И от этого на душе Ника немного полегчало. Поэтому он не удивился, когда с ними снова заговорили, теперь уже на их родном языке:

— Выходите, дрожащие от страха люди! Вы, наверное, решили, что на вас напали Силы Тьмы? Разбежались и попрятались — так-то вы приветствуете нас, вы, пришедшие на нашу землю незванными? Забыли о правилах хорошего тона?

Ник увидел, как Страуд выбирается из своего убежища. По всей видимости, уполномоченный гражданской обороны решил, что вопрошающий не причинит им никакого вреда, или же наступило перемирие. Кроккер также поднялся на ноги, Ник со стыдом присоединился к ним, по-прежнему не уверенный в своей безопасности.

Он уже начал было задаваться вопросом, какой же может быть цель их невидимого противника, когда достаточно далеко от них в землю вонзилось новое копьё, что могло служить предупреждением и энергичным сообщением о приходе.

— Мы ждём, — в голосе Страуда явно чувствовалось раздражение. Ник мог поверить, что уполномоченный гражданской обороны досадовал на охвативший их перед

этим испуг, но Ник считал, что в этой стране всегда лучше вести себя осторожно.

— Воистину никакой учтивости, — продолжил невидимый противник. — Значит, вы ждёте. А что, если мы тем временем возведём стену ожидания, окружая вас, и вы окажетесь как бы запертыми в клетке? — теперь голос тоже звучал резко.

Ник всматривался в сторону, откуда, казалось, доносился тот голос. Между массивными деревьями не было подлеска, но говоривший мог укрываться за любым стволом. Ник не видел никакого движения.

Страуд пожал плечами.

— Я не знаю, кто вы или что вы? Вы пытались напасть на нас... — он принимал очевидные усилия говорить спокойно и больше не раздражать спрятавшегося. — Мы вышли — и теперь ход за вами.

— Ход, ход, ход! — повторил голос ещё более громко. — Игра — косолапые бродяги желают играть? Правильно?

Откуда-то вдруг появился светящийся шар и почти коснулся Страуда, затем остановился и начал прыгать вверх-вниз вокруг него в диком танце. Уполномоченный гражданской обороны стоял неподвижно, безвольно опустив руки. Однако он моргнул, когда шар чуть было не бросился ему в лицо, хотя даже не пытался уклониться от этой быстрой имитации атаки.

— Игра — тогда играй, бродяга! Наберись мужества и играй! — шар заметался, так что стало почти невозможно уследить за ним.

Внезапно он отскочил от Страуда и так же угрожающе стал нападать на Кроккера, который тоже старательно изображал из себя бесстрастного наблюдателя. Теперь шар быстро, до ряби в глазах, менял свою окраску — зелёный, синий, жёлтый, фиолетовый цвета, со всеми их полутонами. Однако в мельтешении не было ни красного, отметил про себя Ник, ни оттенков жёлтого, ни чисто белого.

— Так вы не хотите играть? С вами нельзя даже поразвлечься, бродяги! — шар отлетел назад и принялся подпрыгивать вертикально вверх-вниз на некотором расстоянии от них. Его сияние усилилось и слилось в единый светящийся столб, который продолжал стоять в воздухе, когда сам шар уже исчез.

После чего столб света замерцал, как обдуваемое пламя свечи, и на его месте остался маленький человечек. Пожалуй, он не достигал Нику до плеч даже кончиком торчащего на шляпе пера, дрожавшего от малейшего движения. Тем не менее он выглядел вполне взрослым мужчиной. Лицо у него было юное, без морщин, и всё же, глядя на него, возникало ощущение, что он уже прожил много-много лет, и всё ему давно наскучило. Он был одет в блекло-зелёные, цвета листвы, бриджи и облегающие высокие сапоги того же цвета, заметные только по широким отворотам голенищ.

Его туника со шнуровкой спереди тоже была зелёного цвета и без рукавов, открывая маленькие мускулистые руки. Шнуровка, затейливая пряжка на ремне и застёжка на плаще, свободно брошенном на плечо, сияли золотом.

А вот плащ горел алым цветом, с зелёными полосками, и шляпа была такого же цвета. Прекрасные волосы, ниспадая на плечи, светились, окружая его голову сияющим ореолом. У него были красивые черты лица, но Ник заметил чересчур большие острые уши, которые торчали из-под зачёсанных назад волос.

Завершали амуницию короткий меч или длинный нож, засунутый в ножны на поясе, а в руке — второе копьё, двойник первого, лежавшего на земле рядом с джибом. На лице человечка играло злобное веселье. Но он не произнёс ни слова, а только, сложив губы, свистнул. И уже затем за его спиной произошло какое-то движение, от деревьев отделились неясные тени и выступили вперёд.

Хотя первый незнакомец и был похож на человека, правда, маленького, зато в отряде, который он возглавлял, не было никого даже отдалённо похожего на человека. Здесь был неуклюжий медведь, усевшийся на задние лапы, размахивая передними в воздухе перед собой и свесив красный язык между огромными клыками. Рядом свернулась пятнистая кошка... хотя откуда взяться леопарду в этом лесу? Этих животных Ник без труда узнал... Но вот что касается остальных...

Как, например, назвать существо с пятнистым телом кошки, чьи четыре лапы оканчиваются копытами, с собачьей головой с двумя огромными клыками, и вдобавок с изгибающимися рогами прямо над большими пронзительными глазами под лошадиной гривой? А рядом — ещё один зверь, который чем-то напоминал волка, с головой, больше походившей на лисью, и с изящным телом и огромными передними птичьими лапами, хотя задние лапы и пушистый хвост были вполне нормальные, если что-то в таком существе можно охарактеризовать подобным образом.

Все четверо сидели совершенно спокойно, глаза их блестели, даже у медведя в зрачках сверкал красный свет, и внимательно наблюдали за тремя людьми, находившимися возле джипа.

— Вы видите, — маленький человек изящным движением руки обвёл своих спутников, имевших копыта, когти и лапы, — наши силы. А теперь мы просим вас покинуть это место. Это наши владения, а вы не спрашивали нашего позволения войти.

К своему собственному удивлению Ник вдруг заговорил:

— На самом деле мы вовсе не хотели потревожить вас. Мы попали сюда помимо своей воли, — он указал на джип. — Мы ехали по дороге в нашем мире... а в следующий миг — мы почему-то оказались вот здесь.

Маленький человек перестал насмешливо улыбаться. В

сущности, его лицо утратило всякое выражение. Он протянул вперёд руку, и копьё, которое он бросил раньше, оторвалось от земли, подлетело к нему, а затем аккуратно легло древком в ладонь. Если он и сделал какой-то знак своим товарищам, то Ник не видел этого. Однако все четыре странных животных встали и, отступив в темноту, исчезли из виду, словно растворились в воздухе.

— Будучи тем, кто вы есть, — медленно начал незнакомец, — вы не подчиняетесь нашей власти. Но я всё-таки скажу вам: уходите отсюда, потому что этот лес имеет своих хозяев, это не дикая чащоба, в который могут бродить всякие бродяги.

Он ещё раз поднял копьё, словно собираясь бросить его. Но движение выглядело так, словно он делал это, только чтобы подчеркнуть свой приказ. Потому что через секунду его плащ и волосы вновь вспыхнули ярким светом, и туман, словно дым от костра, окутал облаком всю его фигуру, пока, наконец, он полностью не скрылся из виду. Затем облако сжалось и бесследно пропало. Они остались одни. Ник обернулся к своим спутникам.

— Кто... Что?..

Страуд повернулся к джипу и вытащил из него свёрток с инструментами, разворачивая его с такой поспешностью, что чуть было не выронил содержимое. Первым делом он достал небольшой гаечный ключ и отвёртку. Кроккер схватил отвёртку и выставил её перед собой, словно какое-то оружие или щит. Страуд бросил гаечный ключ Нику, который с удивлением поймал его.

— Держи инструмент на виду, — приказал уполномоченный гражданской обороны.

— Зачем? Что... что это было?

— Зачем... Затем, что это железо. А железо — отличное средство против Народа с Холмов. Если мы будем держать это на виду, то он не отважится натравить на нас даже того зубастого. А что касается того, кто он или что он, — тебе лучше спросить об этом у викария. Мы видели

раньше двоих, подобных ему. Народ с Холмов, так зовет их викарий, — Прежние, они всегда жили здесь, как он это и утверждал. Они без труда могут справиться с человеком — и даже не с помощью копий или мечей — только с помощью разума — заставляя человека видеть то, что он хочет видеть, затуманивая ему разум. И, если они говорят, что это их владения, — то это так. Нам лучше поскорее убраться отсюда...

Последние слова Страуд проговорил уже на ходу; Кроккер пошёл вслед за ним. Ник поспешил присоединиться к англичанам. Они даже не оглядывались. Если они и боялись какой-нибудь засады, то не подавали виду. Что ж, он будет делать то же, что и они. Железо... железо, значит, отличное средство? Он держал гаечный ключ на виду. Вполне подходящая защита — если это действительно так; он с радостью подчинится и будет держать ключ перед собой.

Ему никак не удавалось догнать своих товарищей, пока джип не остался далеко позади. Сам же Ник то и дело настороженно озирался, уверенный, что рано или поздно он увидит сияющий блеск одного из этих животных, крадущихся позади, чтобы удостовериться, что они покидают этот лес. Однако Ник так ничего и не увидел, кроме деревьев. Даже единорога.

Когда же он наконец догнал Страуда, он уже имел наготове один вопрос:

— А что вы скажете о животных? Я могу понять, что здесь живут медведь, леопард... хотя леопарды водятся в Африке. Но остальные два... они ведь были ненастоящими... таких просто не может быть...

Он услышал ворчание Кроккера:

— Ты был бы прав там, в своём мире, янки. Но знаешь, не имеет никакого значения, насколько они «настоящие». Здесь они вполне настоящие, чтобы разорвать тебе горло, если этот Зелёный Человек отдаст им такой приказ. Ты увидишь ещё более ужасные создания.

Ты слышал, что он говорил о Тёмных Пржежных? Вот их-то уж точно никто не захочет увидеть! У них самая могущественная тёмная сила, которую мы только можем себе вообразить... — пилот повернул голову и пристально посмотрел на Ника, задумчиво перебирая воспоминания. — Но железо против них тоже хорошо. Как-нибудь порасспрашивай Джин и Леди Диану. Они собирали ягоды и подошли к башне... или чему-то похожему на башню. Был уже конец дня, небо заволокло облаками, так что, наверное, существа, что находились там, были более обычного активны. Джин увидела одного — во всей его красе... а потом некоторое время нам приходилось будить её по ночам, чтобы вырвать из ночных кошмаров. Мы многое здесь узнали — в основном на собственной шкуре — что можно делать здесь, а что нельзя. А ты только что получил первый урок: когда тебе говорят «уходи» — нужно тут же убираться подальше!

Несмотря на то, что тропа петляла, из леса они выбрались гораздо быстрее, чем Ник и Линда в первый раз. Но на опушке Кроккер издал предупреждающий крик:

— Ложись!

Увидев, как Страуд бросился на землю и перекатился под заросли кустарника, скрывшего его почти полностью, Ник попытался повторить этот маневр, однако выбранный им впопыхах куст был намного меньше и реже, чем тот, за которым укрылся уполномоченный гражданской обороны. Он увидел чуть в стороне Кроккера, тоже распластавшегося на земле. Положив голову на согнутую руку, тот смотрел куда-то над водой.

— Нет... это не летающие тарелки! — вырвалось у Ника. И тут же ядовитое шипение слева напомнило ему, что здесь следует держать рот на замке. Но он всё равно не мог поверить в то, что видел. Почему-то в это было труднее поверить, чем в тех невообразимых зверей в лесу.

Эта штукавина... машина... иллюзия... чем бы это ни было — зависла, сияя ярким серебристым светом, над

поверхностью воды. Снизу она действительно походила на летающую тарелку, однако в верхней части выгибалась, приобретая куполообразную форму.

Она висела неподвижно, а потом с юга подлетел ещё один летающий корабль, но совершенно другой модели, имевший форму сигары и двигавшийся с такой скоростью, что достиг их в мгновение ока. Он ринулся к замершей летающей тарелке, и из него вырвался сверкающий луч, который, казалось бы, должен был нанести сокрушающий удар по куполу тарелки, однако луч был остановлен невидимым экраном на порядочном расстоянии от обшивки корабля.

С той же невероятной скоростью «сигара» отлетела назад и поднялась над зависшим судном, чтобы нанести удар под другим углом. Но это не было дуэлью, потому что летающая тарелка никак не отвечала на удары, просто висела в воздухе, отлично защищённая невидимым экраном, а второе судно неистово пыталось поразить его лучевым оружием, стреляя под различными углами. Ник мог представить себе раздражение атакующих: задействовать всю свою энергию, а в ответ — полнейшее равнодушие, которое, должно быть, приводило атакующих в бешеную ярость.

Наконец «сигара» остановилась прямо над летающей тарелкой и зависла там в такой же неподвижности, что и аппарат под ней. Она больше не наносила лучевых ударов. На мгновение вспыхнул яркий свет, который так быстро погас, что Ник не был даже уверен, что вообще видел его.

«Сигара» начала медленно снижаться прямо на летающую тарелку. Что это был за маневр, Ник не знал, а спутники не могли ничем помочь. Однако «сигара» спускалась так медленно, что это выглядело очень зловеще. Должно быть, пилот находившегося сверху корабля теперь собирался использовать своё самое мощное оружие.

Ниже, ниже... уж не собирается ли он пойти на таран — совсем как те японские лётчики во время Второй

Мировой войны, без раздумий расстававшиеся с жизнью, чтобы взорвать вместе с собой и вражеский самолёт? Ещё ниже...

Ник увидел, как задрожал корабль, находившийся внизу. А затем...

Он исчез!

Взорвался? Но ведь не было слышно ни взрыва, ни ударной волны, ни обломков. Он просто исчез.

«Сигара» чуть наклонилась и прыжком поднялась вверх. Дважды она облетела озеро, словно пытаясь убедиться, что врага больше там нет. Ещё раз вернулась и зависла над местом атаки, а потом полетела прочь, удаляясь с такой огромной скоростью, что скрылась из виду через несколько секунд.

Кроккер встал, выставив отвёртку перед собой, словно молящийся человек в церкви со свечой в руке.

— Развлечения и игры, — прокомментировал он. — Значит, теперь они пытаются сжечь друг друга. Хотел бы я знать, хорошо это для нас или плохо?

— Что он хотел сделать? — спросил Ник. — Опускаясь таким вот образом на тарелку?

— Я бы предположил, — но это всего лишь предположение, не более, — что он рассчитывал использовать своё силовое поле против экрана, прикрывавшего второй корабль. Эти летающие аппараты — они на много лет... столетий опередили нас в технике — для нас то же самое, что и этот Народ с Холмов с их «магией». Во всяком случае второй самолёт решил, что он противостоять первому не может.

— А я вот знаю, — к ним на карачках подполз Страуд, — совершенно ясно только одно, ребята. Нам нужно быстро-быстро убираться отсюда. С этими летающими гадами над головой это отнюдь не самое лучшее место для здоровья. Да ещё и из леса нас попросили — теперь там не спрячешься. Уходим как можно быстрее, — он поднялся во весь рост и почти бегом направился вперёд по

цепи полян к лагерю у реки. Однако, как заметил Ник, даже если им и приходилось торопиться, Страуд и Кроккер старались придерживаться любых, каких только могли найти, укрытий. И Ник перебегал вперёд с той же осторожностью.

Глава пятая

Ник погладил руль мотоцикла. Оставить его здесь означало для него ещё крепче захлопнуть дверь перед какой-либо надеждой на возвращение. Но Страуд был прав, он не сможет вести его с собой по бездорожью, да и в любом случае он окажется бесполезным, как только кончится бензин. Ник откатил машину обратно в укрытие и как только мог замаскировал его там.

На следующей день ещё до рассвета они начали готовиться к обратному путешествию к месту, где, как полагали англичане, находилось самое безопасное убежище. Ночь прошла беспокойно. Они по очереди стояли на часах, с тревогой всматриваясь в небо: не появятся ли летающие охотники, и вслушиваясь, не донесётся ли с земли какой-нибудь звук, говорящий о том, что за ними следят.

Ночь была безоблачной, и в свете луны вокруг играли какие-то странные тени, от вида которых начинало играть воображение, что нисколько не унимало тревогу.

А тут ещё во время его дежурства, спустя час после полуночи, мимо него проскользнула мохнатая фигурка Джереми за порог. Огромный кот уселся около хижины, вытянув по земле прямой хвост и явно прислушиваясь. Потом, без всякого предупреждения, кот замахал хвостом с одной стороны в другую и издал тихое урчание. Это урчание ни разу не поднялось до пронзительной высоты вопля, каким Джереми вызывал врага на поединок, оставаясь всё время негромким, но хвост продолжал бить по песчаной почве.

Ник уже решил было посветить фонариком, который

он достал из своей сумки, но всё-таки, хотя ему и очень хотелось посмотреть, что же так заинтересовало кота, он так и не рискнул включить свет, чтобы не привлечь внимание того, что скрывалось там, в ночи.

Сам он не слышал ничего, кроме обычных ночных звуков. То, что видел или слышал Джереми, оставалось недоступным для его менее совершенных органов чувств.

Потом кот припал к земле, хвост его замер. Он больше не урчал. На фоне неба тихо планировало что-то огромное и тёмное. Раздался тихий хлопок крыльев, а затем это существо исчезло. Джереми стремительно рванулся назад, перепрыгнул через колени Ника и спрятался в хижине.

Но вот звук, раздавшийся после возвращения в дом кота... Смех? Чуть слышный, едва ли громче злобного хихиканья. И Нику показалось, что он пришёл сверху, не с земли. Та летающая штука? Ник призвал на помощь логику и разум... однако логика и разум из прошлого мало чем могли помочь в этом мире. Что тут реально, а что — просто игра воображения?

Теперь, утром, когда они готовились к уходу, он решил, что у него действительно просто разыгралось воображение.

— Жалко, что тебе придётся бросить здесь свой великолепный мотоцикл, — миссис Клапп пыталась запихнуть Джереми в плетёную корзину, но кот яростно протестовал против принудительного заточения. Внезапно кот извернулся и схватил зубами руку пожилой женщины, хотя и не пытался по-настоящему укусить её.

— Ну, хватит, ты же не хочешь, чтобы тебя оставили здесь, старина? — и она ласково почесала кота за ухом. — Давай-ка полезай. Знаешь же, что именно я понесу тебя. А когда тебе было со мной плохо в путешествии?

Тут она всё-таки закрыла крышку и проворно закрепила её.

— Да, — женщина снова обратилась к Нику. — Этот замечательный мотоцикл, наверное, обошёлся тебе в при-

личную сумму, если глаза меня не обманывают. Но в этих краях особо не разъездишься... если только мы не раздобудем тех белых зверей...

— Белых зверей? — переспросил Ник и, повесив свои связанные вместе сумки на плечо, повернулся спиной к мотоциклу, стараясь позабыть о его существовании.

— Которые есть у Народа с Холмов. Ах, с какой же гордостью и красотой они скачут на этих белых животных. Они как лошади, по крайней мере они достаточно похожи на лошадей, чтобы называть их так. Мы дважды видели этих всадников, оба раза после захода солнца, но когда полная темнота ещё не наступила. Красота! — она протянула руку к лежавшему рядом маленькому свёртку, но Ник положил свою руку на него, прежде чем она успела его взять.

— Вам хватит хлопот и с Джереми, — сказал он.

Миссис Клапп хихикнула.

— Верно. Коту уже лет десять. Нет... — в её глазах показались следы неодобрения. — Тридцать лет прошло — так ты сказал? Тридцать лет... никак не могу поверить в это. Тогда мне должно быть девяносто пять, но я-то не старушка, греющаяся у очага. А Джереми... Боже, он бы уже давно помер. Но он — вот здесь, а я всё такая же бойкая. Так что я не могу поверить в эти ваши тридцать лет.

— Да и почему вам обязательно верить? — заметил Ник в ответ. — Они прошли там, не здесь. Я читал что-то о подобном: то ли мы идём во времени, то ли наоборот — оно в нас? И мы теперь можем добавить: насколько быстро или насколько медленно?

— Медленно, я точно говорю: медленно! — пожилая женщина улыбнулась. — Подай-ка мешочек для запасов. Сейчас я его пристрою. Здесь много чего можно найти, чем ублажить желудок; просто идёшь по пути и собираешь потихоньку. Бросишь в похлёбку — и вы будете пальчики облизывать и протягивать тарелку за добавкой.

Она перекинула через плечо сплетённую из травы верёвку, на которой висели корзинка и мешочек с припасами, тоже плетённый. И, крепко сжимая ручку корзины с Джереми, засеменила прочь. Ник двинулся за ней.

Подобные мешки висели у каждого из англичан на плече или за спиной, как рюкзаки. И Ник отметил, что у каждого под рукой имелся какой-нибудь железный оберег: либо что-то из инструментального набора из джипа Ника, либо, как у Страуда, небольшой нож с открытым лезвием.

Линда снова вела Ланга на поводке. Пекинес держался поближе к своей хозяйке, но голову вздымал высоко, вертя ею по сторонам, словно определял и заносил в каталог различные запахи этого края.

Они шли по берегу Потока в порядке, по всей видимости, ставшем для них привычным: Хэдлетт и Страуд впереди, потом миссис Клапп и Джин Ричардс вместе с Линдой, а Кроккер и леди Диана замыкали шествие. Ник присоединился к последним.

— Бегущая вода, — леди Диана посмотрела на Поток. — Её здесь больше, чем можно использовать, молодой человек. Ты её пьешь, ею моешься, и она ещё может оказаться преградой для кого-нибудь, кто служит Тьме.

— Если не считать того, — проворчал Кроккер, — что встретив новый тип этих тварей, не знаешь, бояться они воды или нет.

— Да, конечно, — согласилась леди Диана. — Здесь действительно во всём приходится полагаться на удачу или случай. Пока что нам большей частью везло. Но иногда приходилось очень туго...

И снова Кроккер добавил:

— Это как посмотреть. В какие только передраги мы не попадали, и не раз. Я полагаю, что мы полностью израсходовали свой запас везения, когда унесли ноги после катастрофы.

— Ох, что *это*? — Ник едва слушал разговор, больше

обращая внимание на окрестности. И теперь он уставился, не скрывая полнейшего своего изумления на то, что лежало частью на берегу, частью в воде.

Пароход, слегка накренившийся, так что нижнюю палубу с одного бока заливала вода. Подумать только — пароход! И каким образом он оказался здесь, ведь Поток — слишком узкая и мелкая речка для него?

Когда они подошли поближе, он увидел, что на пароходе прошёл сильный пожар, и чёрные отметины бушевавшего пламени остались даже на кормовом колесе, с помощью которого пароход передвигался вперёд. Но как же он оказался здесь... и когда?

Никому довелось однажды увидеть подобный пароход на Огайо, совершавший летом ностальгические путешествия. Неужели один такой пароход тоже попал в ловушку?

— Он слишком большой для этого ручья... — заявил юноша протестующе, не веря тому, что видел.

— Но не в половодье, — Леди Диана несла толстую палку, и ею она указала на следы гораздо более высокого уровня воды, оставшиеся на берегу, по которому они шли, доказывавшие, что когда-то в прошлом здесь протекал намного больший поток.

— Мы уже видели его, когда проходили здесь в первый раз, — сказал Кроккер. — Похоже, что произошёл взрыв. Хэдлетт говорит, что подобные штуки часто взрываются, если из них пытаются выжать слишком много. Если кто и спасся, — лётчик пожал плечами, — то они ушли. Он стоит здесь уже давно.

— Дальше к югу эта речка впадает в другую, побольше, — кивнула Леди Диана. — Она берёт начало из озера и течёт на юго-восток. Когда они попали в этот мир, то вполне могли повернуть пароход сюда... — она покачала головой. — Потом отчего-то началась паника, они включили двигатель на полную мощность, тот перегрелся — и вот здесь всё и кончилось.

— Такие пароходы ходили, — Ник отвёл глаза в сторону от обгорелого остова, — больше ста лет назад:

— Мы повидали и более удивительные вещи, — сказала Леди Диана и пошла ровным быстрым шагом, так что Нику стоило некоторого труда не отставать от неё. — По ту сторону океана, — она не продолжила свою мысль, а Ник не спрашивал.

Где-то через милю от места катастрофы их отряд свернул от реки и вскоре начал подниматься по склону холма. И здесь Ника ожидало второе потрясение: линии, разделявшие долину на части. Неровные, местами почти не видимые, но всё же останки каменных стен, когда-то огораживавших поля! А выше по склону холма, прямо над ними — следы дороги, засыпанной землёй и поросшей бурьяном; но всё же это точно была дорога, которая некогда шла прямо по этим заброшенным полям.

Страуд махнул рукой. В тот же миг весь отряд, как один, упал на землю, распластавшись среди зарослей кустарника, росшего здесь. На равнине появилась ещё одна группа странников.

У них имелись лошади, меньшие, по сравнению с теми, каких доводилось видеть Нику; на одних ехали всадники с поклажей, остальные бежали свободно, направляемые этими всадниками, а дальше двигалось сооружение, подобного которому Ник ещё никогда не видел, так что он не мог даже подобрать название для него. На платформе, которую тянули двадцать переутомлённых животных, находилась куполообразная постройка. Эта повозка медленно и неуклюже ползла по земле, а всадники сдерживали своих норовистых скакунов, чтобы они не умчались вперёд этой еле двигавшейся повозки.

Отряд свернул на дорогу, избегая обнесённых стенками полей, — помеху, преодолеть которую с их повозкой не было никакой надежды. Ник обрадовался, что караван удаляется от них. Он заметил у всадников луки и копья, и у них был такой дикий вид, что вряд ли они составят приятную компанию другим путешественникам.

— Монголы, — Леди Диана лежала плечом к плечу с

юношей. — Настоящие монголы... наверное, какой-то клан.

— Вы хотите сказать, — начал Ник, — что это народ Чингиз-хана... *здесь*?

Увидеть паром уже было для него потрясением. Но отряд монголов почти так же не поддавался никакой логике, как и странные животные в лесу. Вид монголов не внушал того трепета, который охватил его среди гигантских деревьев в лесу, в котором эти животные казались как раз на своём месте.

— Это юрта — их передвижной дом, — продолжила Леди Диана.

Он оглянулся. Её обветренное, с резкими чертами лицо выражало интерес.

— Здесь перед нами оживает прошлое, — она, казалось, разговаривала сама с собой. — Наверное, эти воины в самом деле когда-то скакали вместе с Чингиз-ханом. Если бы мы могли поговорить с ними...

— То получили бы удар копьём промеж глаз, — ответил Кроккер. — Кроме того, если мне не изменяет память, они ещё и отлично стреляли из лука.

— Они, — согласилась Леди Диана, — перебили половину рыцарства Европы. И могли покорить весь материк, если бы пожелали.

— Уж скорее бы они убрались, — с чувством пожелал Ник.

Но ещё какое-то время им пришлось пролежать в своих поспешно выбранных укрытиях (которые, наверное, ничуть не спасли бы их, вздумай хотя бы один из всадников поехать осмотреть окрестности), пока монголы не скрылись из виду. Сколько же ещё осколков прошлого попало сюда?

— Эти поля, дорога... — Ник напряжённо всматривался вдаль, пытаясь проследить, куда ведёт древний путь. — Кто всё это построил?

— Кто знает? — ответил Кроккер. — Здесь много

похожих мест. Однажды мы встретили настоящий замок. А ещё есть города, где обитает Народ с Холмов.

— Города? — Ник припомнил, что уже слышал о них раньше. — Те самые, которые бомбят летающие аппараты?

— Не бомбят, — Кроккер, казалось, вышел из себя. — Они летают в небе, зависают и обстреливают их лучами. Причём, не видно, чтобы они чего-то этим достигали. Это не бомбёжка, как мы её понимаем. Я могу поручиться.

— Города, — задумчиво проговорила леди Диана, — они здесь совсем другие. Наши города расползаются во все стороны. Можно ехать мило за милей мимо всё более и более часто стоящих домиков, и всё меньше и меньше остаётся свободного пространства. А эти города совершенно не похожи на наши, здесь нет никаких пригородов, предместий; они просто стоят посреди чистого поля.

— Сплошь одни башни, — пробормотал Кроккер, — таких невероятных цветов и только светлых тонов. Но если Хэдлетт прав — это западни. А западни могут быть приятными для глаза... но никто из нас не собирается проверить это.

— Западни?

— Мы предполагаем, — пояснила Леди Диана, — что Герольд появился из одного из этих городов. И, возможно, они — тот источник энергии, который перенёс нас — всех нас — из нашего родного мира сюда. И что бы ни вызвало наше перемещение, это действует уже долгое время.

— Мы видели даже римскую когорту. Если только это не было их наваждением, — заметил Кроккер. — Когда вокруг Народ с Холмов, никогда нельзя знать наверняка, что здесь реально, а что нет.

Страуд поднялся на ноги, а затем и остальные. Используя любое доступное им укрытие, они пересекли дорогу, где виднелись борозды, оставленные полозьями

юрты, и следы лошадиных копыт, и углубились в поля. На краю небольшой рощицы они остановились, чтобы отдохнуть и поесть.

— Вон там фруктовый сад, — викарий указал на деревья, росшие вдали. — Кажется, это яблони... возможно, ранних сортов.

Он бросил на Страуда вопросительный взгляд. Было ясно, что, по крайней мере, пока длится этот поход, уполномоченный гражданской обороны здесь главный.

Страуд, прищурившись, посмотрел на солнце.

— Нам нужно добраться до фермы до наступления сумерек. И когда вокруг эти, — он бросил короткий взгляд в сторону, где исчезли всадники, — опасно делать остановку.

— Но не слишком опасно, — возразил викарий. — Мы под прикрытием деревьев.

— Вон та стена, — Леди Диана стояла, оценивая на глаз расстояние, словно именно это являлось сейчас для неё самым главным, — подходит к самым деревьям. И она становится там выше.

— Немного фруктов нам бы не помешало, — миссис Клапп задумчиво похлопала по мешку для припасов, будто в ней уже перекачивались ворованные фрукты.

— Ну хорошо, — решил Страуд. — Мы выставим часовых, хотя...

— Боюсь, что мы ничего уже не сделаем, — оборвал его Хэдлетт. — Взгляните туда.

Как обычно, Страуд дал им знак броситься на землю и спрятаться. Если они прижмутся к самой земле, то их вряд ли заметят.

Оттуда же, откуда появились и монголы, показался ещё один отряд людей, на сей раз передвигавшихся пешком, и Ник видел, что двигаются они с осторожностью, словно ожидая внезапной засады или нападения. Они были в военной форме, и у некоторых имелись ружья, хотя у большинства не было вообще никакого

оружия. Одежда их имела тусклый серо-коричневый земляной цвет, и он не смог разобраться, кто они такие.

— Китайцы, — тихо определил Хэдлетт.

Спрятавшиеся в рощице наблюдали за осторожным продвижением вперёд новых странников, двигавшихся вслед за монголами. Ник спросил себя, не преследуют ли они предыдущий отряд. Если это так, то он не был уверен, что им вообще удастся догнать монголов. Почему-то эти ружья казались менее грозным оружием, чем луки всадников, которые в своё время, как заметила леди Диана, повергали на землю облачённых в доспехи рыцарей.

— Что-то уж больно много народу, — прокомментировал Кроккер, — в здешней округе.

— Да. Интересно, что же вызвало всю эту активность? — добавил Хэдлетт.

— Всё это очень дурно пахнет, — вмешался Страуд. — И я скажу, что чем скорее мы достигнем укрытия, тем лучше. Наверное, это отряд охотников.

Они не стали тратить время на фрукты, и как только отряд китайцев исчез из виду, покинули рощицу и пустились рысцой вдоль низкой стены к гряде холмов в двух километрах от них. Ник подумал, что большинство-то из них может так, без особого труда, бежать, но вот миссис Клапп и викарий? Он увидел, как Джин приблизилась к пожилой женщине и забрала у неё корзину с Джереми.

На полях местами росли растения, чем-то похожие на злаковые, однако Ник никогда прежде их не видел: зрелые колосья прямо-таки краснели от огромных семян или зёрен. Узкие листочки по краям заканчивались крохотными колючками, которые цеплялись за их одежду с удивительной силой, так что приходилось постоянно напрягаться, стараясь вырваться.

Ник сглотнул комок в горле. Его мучала жажда, но не было времени сделать даже несколько глотков из фляги. В поведении остальных его товарищей столь явно ощу-

щалась необходимость спешить, что он продолжал бежать, не останавливаясь. Линда взяла Ланга на руки, хотя пекинес большую часть утра шёл самостоятельно.

К счастью, подъём на холм был пологим, но после такого бега через поля он дался им нелегко. Страуд подал сигнал остановиться на отдых. Здесь было не трудно найти место для укрытия, да к тому же вся округа оказалась как на ладони.

— Ещё бродяги! — Ник лежал между Джин и Линдой, и англичанка показала рукой на новый отряд людей, до которых было слишком далеко, чтобы разглядеть какие-нибудь детали из одежды или снаряжения.

Страуд и Кроккер тут же, как заметил Ник, перевернулись и, прикрывая глаза от солнца, принялись изучать не расстилавшуюся внизу долину, а небо над собой.

— Не видать, — пробормотал уполномоченный гражданской обороны.

— Пока не видать. Но слишком уж много здесь движения. Если началась большая охота...

— Мы остаёмся лежать здесь в укрытии до темноты, — объявил Страуд. — Да, так нужно, — добавил он, заметив возражение на лице Леди Дианы. — Я не вижу другого выхода... кроме как переночевать прямо здесь.

— Далеко ещё, — рискнул Ник задать вопрос, — отсюда до вашего убежища?

— Где-то мили три напрямую. Но если держаться укрытий, то это расстояние немного увеличивается. Сегодня мы видели больше бродяг, чем за несколько предыдущих недель...

— А вот и кое-кто другой! — оборвал его викарий. — Это Герольд — значит, мы не слишком далеко от города.

Красочная фигура внизу ничуть не скрывалась и не искала укрытия. Как и монголы, он ехал на коне, но не на каком-то мохнатом пони. Его конь с виду казался вполне обычной лошадью, если не считать более длинных и худых ног. И его белую шкуру окружал такой же светящийся ореол, как и Зелёного Человека в лесу.

На этом создании, нёсшемся по земле с удивительной скоростью, сидел человек или, по крайней мере, гуманоид. Одевание его было не менее ослепительное, чем шкура его коня — узкий камзол без рукавов, сшитый как бы из ярких разноцветных лоскутов, сверкавших в лучах солнца; такие же, как и у Зелёного Человека, бриджи. А на голове — шапочка с четырьмя торчащими уголками.

Однако волосы у него, в отличие от человека из леса, были короткие и лоснящиеся. Лицо смуглое, и на верхней губе темнела ниточка усов, такая тонкая, словно была нарисована самым кончиком кисти.

В том, как он скакал, в широком беге его коня, виделась какая-то цель. А потом, присмотревшись внимательнее, Ник вдруг рассмотрел то, что сперва упустил: у этого «коня» не было копыт, вместо них — когтистые лапы, похожие на собачьи.

И... они не касались поверхности земли. Казалось, конь несётся галопом по какой-то невидимой дорожке, проложенной в нескольких дюймах над землёй. Он даже не свернул и не подпрыгнул, когда приблизился к одной из стен, окружавших поля, а просто поднялся выше, миновал это препятствие и продолжил своё движение к гряде холмов впереди, с каждым шагом приподнимаясь всё выше и выше, ровно, без каких-либо видимых усилий перебирая лапами. Вот конь достиг этой гряды. И тут Ник услышал странное подвывающее гудение... Откуда оно исходило, от всадника?

Нет, сверху.

— Охотник! — выкрикнул Страуд.

Они едва успели спрятаться в своём укрытии, когда внезапно в небе возник летающий аппарат, похожий на летающую тарелку, которая охотилась на бродяг у озера, но намного меньшую по размерам. И из верхней куполообразной её части вниз ударил луч.

Нику вдруг захотелось чихнуть. Однако он не мог даже пошевелинуться, словно врос в землю, на которой лежал, а тело начало болезненно покалывать.

Луч упёрся во всадника и его коня, которые даже не подняли голов, чтобы посмотреть на атакующего, продолжая по-прежнему нестись галопом. Луч стал ярче. Ник услышал поскуливание Ланга и рычание, донёсшееся от корзины с котом. Но протест животных тем и ограничился.

Однако луч не отпускал всадника, усиливаясь, пока не стал таким ярким, что больно было смотреть, и Нику пришлось отвести взгляд в сторону. Когда он вновь решился посмотреть, всадник уже медленно снижался по ту сторону гряды. Какое бы оружие ни использовал этот летающий аппарат, оно не оказало на Герольда ни малейшего воздействия. Всадник продолжал увеличивать скорость, совершенно не обращая внимания на нападающего, словно того и не существовало вовсе.

И всё же летающая тарелка продолжала преследовать Герольда, не оставляя безуспешных попыток поразить его лучом, словно надеясь, что если с избытком накачать своего врага энергией, это принесёт ей победу. Наконец они удалились так далеко, что Герольд теперь казался лишь каким-то ярким цветным пятном, быстро исчезающим вдаль, а над ним — летающая тарелка, всё ещё упорно преследовавшая его. Ник обнаружил, что ему стало легче. Он приподнялся и следил за этой странной охотой, пока они не скрылись из глаз.

— Охотник, но с Герольдом ему не справиться, — пояснил Кроккер. — А Герольд направляется в город. Он только защищается, не нападает...

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Ник.

— Вот эти самые охотники пытаются разрушить города, но те никогда не наносят ответных ударов. Не стреляют из зенитных орудий, словно им всё равно, словно эти охотники ничего не могут с ними поделать, и поэтому они просто не дают себе труда сражаться. Ты видел Герольда... он даже не посмотрел вверх, чтобы увидеть, кто или что атакует его! Если бы только у нас была подобная защита...

— Мы можем принять их предложение, — тихо сказал викарий. — И ты знаешь это, Барри.

— Нет! — голос лётчика снова стал резким. — Я — Барри Кроккер, и собираюсь им остаться. Даже если мне придётся всю жизнь убежать и прятаться!

— А что происходит, если кто-то принимает предложение Герольда? — спросил Ник. — Вы говорили, что они изменяются... но как?

Кроккер не дал возможности викарию ответить. Он пробурчал Нику:

— Изменяются — и всё. Мы видели, как это произошло с Ритой, — лётчик замолк, словно не мог заставить себя добавить что-либо к этому.

— Видишь ли, — медленно начал Хэдлетт, мягко, будто касаясь какой-то очень щекотливой темы, и ему было трудно подбирать нужные слова, — вначале с нами была ещё одна женщина, невеста Барри. Она встретилась с Герольдом прежде, чем мы поняли, что к чему, и она приняла его предложение. А затем она пришла к нам и попыталась уговорить нас сделать то же самое...

— Лучше бы ей умереть! — Кроккер отошёл от них.

— Но что же случилось с ней? — не отставал Ник. — Я думаю, что мы, Линда и я, имеем право знать это... если подобный выбор будет предложен нам.

— А так и случится, — резко ответила Леди Диана. — Мальчик прав, Адриан.

— С человеком происходят... — викарий на несколько секунд замолк в нерешительности, словно вдруг понял, как трудно ему сообщить правду юноше, — определённые физические изменения. Возможно, с этим ещё можно было бы смириться. Но кроме того изменяется психика и чувства. Мы считаем, Рита — та Рита, которая вернулась к нам, — больше не принадлежит к роду человеческому. У людей с рождения появляется страх смерти, и только немногие из нас в состоянии преодолеть его, от одной только мысли о смерти нам становится не по себе. А это

изменение подобно смерти. Потому что тот, кто принимает предложение, пересекает границу между нашим миром и миром иным. И оттуда нет возврата. И наше отвращение к тому, во что они превращаются, столь сильно, что мы не можем рядом с ними находиться. Я пытаюсь подобрать подходящие слова, но на самом деле **нужно** увидеть подобное изменение, чтобы до конца осознать, что же оно такое.

Викарий смотрел в глаза Ника, но все остальные, кроме Линды, отводили взгляд в сторону, словно боялись или стыдились того, что он сказал. А затем Леди Диана дрожащим голосом проговорила:

— Ну что, Страуд, долго мы тут ещё будем сидеть?

Глава шестая

Несмотря на маскирующие их кусты, Ник чувствовал себя обнажённым, беспомощным и беззащитным перед тем, что могло появиться с неба или подкрасться по земле. И всё же долина внизу была ещё более открытой, и уж её-то, подумал он, ни за что не удастся пересечь незамеченными.

Страуд тоже внимательно рассматривал равнину.

— Мы можем пробиться вон туда, — его палец указывал на склон холма далеко справа. — Когда мы доберёмся до него, там будет лучше видно, что находится впереди...

Но идти доль гряды холма оказалось нелегко. Часть пути им пришлось ползти на четвереньках, перебегая открытые участки между зарослями кустарника. Тяжелее всех приходилось миссис Клапп. Но она не жаловалась, и остальные по очереди шли рядом с ней и ненавязчиво помогали, кто как мог. По крайней мере летающий охотник не вернулся, как не появилось внизу в долине и других отрядов бродяг.

Однако к тому времени, как они достигли указанного Страудом места, солнце уже совсем склонилось к закату.

Всё лицо миссис Клапп покраснело, и она часто и мелко дышала. Её руки, лежавшие поперёк колен, вздрагивали. Ник подумал, что без хорошего отдыха ей ни за что не дойти.

— Мы дождёмся сумерек, — объявил Страуд. — Поедим и будем ждать.

Фляги Ника и Страуда пошли по кругу, а затем из мешков достали припасы. Равнина внизу оставалась пустынной. Но когда солнце склонилось к горизонту, Ник вдруг заметил ещё одно свечение на северо-востоке.

Ник был в дозоре вместе с Джин. Слегка прикоснувшись к её плечу, он указал на сияние.

— Город, — ответила она на невысказанный вопрос. — Ночью он весь сияет — ты в жизни не видел ничего подобного.

Нику показалось, что в её голосе прозвучали тоскливые нотки.

— А насколько близко вы подбирались к нему? — этот загадочный город, или города, не давали ему покоя. По всей видимости, жители в них пребывали в полной безопасности.

— Достаточно близко, — ответила девушка, — достаточно близко, чтобы испугаться, — на мгновение она замолкла, а затем добавила: — То, что говорил викарий о Рите, — правда. Она стала... другой. Но она плакала в тот последний раз, когда приходила к нам. Она не желала нам зла... она хотела помочь...

Говорила она с трудом, словно чувствовала себя в чём-то виноватой.

— Но вы её прогнали, — завершил Ник и тут же пожалел о сказанном.

Джин повернула голову и взглянула прямо в его лицо.

— Мы отослали её прочь, — резко сказала она.

Ник смутился. Почему он сказал это? Англичане знали, что им делать, чтобы выжить здесь. А то, что он высказал вслух, прозвучало, словно обвинение.

Джин снова отвернулась, глядя в подступавшие к ним сумерки, но хотя она и лежала так близко, что он мог без труда прикоснуться к ней рукой, Ник чувствовал, что она далеко-далеко от него.

— Если мы продолжим наш путь, — попытался он прервать молчание, — как же миссис Клапп? Она совсем без сил...

— Я знаю, — её голос звучал как бы издалека. — Но ей придётся постараться, а мы все будем помогать ей. Мы должны добраться до нашего надёжного укрытия раньше, чем наступит ночь.

— Видите что-нибудь? — спросил сзади Страуд. Джин покачала головой.

— Никого и ничего. Только город сияет своими огнями.

Зарево в небе разгоралось в сгущавшихся сумерках.

— На той стороне гряды мы окажемся в тени, — Страуд, казалось, обрадовался этой мысли. — Пожалуй, пора выступать.

Спуск был пологим. Джин опять несла корзину с Джереми. А Линда, с Лангом на руках, шла слева от миссис Клапп. Когда они спустились в долину, Страуд ускорил шаг, а викарий, немного приотстав, шёл вместе с тремя женщинами.

Время от времени они останавливались передохнуть, и миссис Клапп ни разу не пожаловалась. Но было совершенно ясно, что одна только воля заставляет её идти вперёд. Даже сумка с припасами теперь раскачивалась на плече Линды, уравнивая её собственную туристскую сумку.

Леди Диана подошла и, ни слова не говоря, твёрдо взяла миссис Клапп под руку. Что они будут делать, когда наступит полная темнота, Ник не знал. К счастью, сейчас было то время года, когда сумерки держатся долго. Помимо того, эта земля освещалась небесным сиянием.

Ночь была тревожной. Ник внутренне вздрагивал при

каждом новом звуке: из потёмок раздавались то какие-то крики, то вой. И ни чего похожего на мелодию той прекрасной чарующей песни, которая едва не соблазнила его ночью во время дождя. Одни лишь леденящие душу завывания, которые заставляли время от времени оглядываться назад через плечо, чтобы посмотреть, не крадётся ли кто-нибудь сзади по их следам. Ему очень хотелось спросить, что означают эти звуки, но поскольку его спутники не обращали на них особого внимания, он так и не решился на это.

— Мы уже много прошли, — объявил Страуд на одном из привалов. — Осталось совсем немного — и мы зава-лимся спать в своём уютном гнёздышке.

Они уже миновали поля и находились у подножия холма, над которым ослепительно сияло зарево в небе. По команде Страуда они двинулись по более ровной тропе, тянувшейся между двумя совсем разрушенными стенами — когда-то это могла быть дорожка.

Вот так они подошли к черневшему во тьме зданию, стены которого тоже были сложены из камня, однако сумерки уже настолько сгустились, что Ник не мог теперь с уверенностью сказать, что же это такое. С лёгкостью бывшего человека Страуд открыл дверь и вошёл.

— Слава тебе, Господи, — выдохнула миссис Клапп. — Мои бедные старые ноги уже давно просят отдыха. Дай-ка я войду и немного посижу, а затем буду снова как огурчик. Я уже чуточку старовата, чтобы без устали карабкаться туда-сюда.

— Чепуха! — Леди Диана провела её вперёд, подчиня-ясь желанию женщины. — Но не забудьте, Мод, что мы все там попадали под действие лучей охотника. И это не сулит ничего хорошего.

В щёлке дверей показалась полоска света. Едва Ник переступил порог, Кроккер с глухим стуком захлопнул тяжёлую дверь, отрезая их от тьмы ночи. Свет был слабым, однако американец разглядел большую часть

огромной комнаты с гигантским камином, скамью, несколько табуретов и стол, вся мебель была деревянная и тяжёлая.

Миссис Клапп скорее упала, чем села на один из табуретов, а Джин торопливо опустила корзину с Джереми рядом с ней. Кот жалобно мяукал. Миссис Клапп открыла крышку и выпустила его на волю. Кот яростно встряхнулся, огляделся, повёл носом в сторону камина и принялся осторожно исследовать комнату.

Ник увидел, что в ней имелись окна, но каждое было закрыто изнутри решётчатыми ставнями. Кроккер запер дверь на тяжёлый засов. Свет исходил от стоявшей на столе плошки, а от самого горевшего фитиля, погружённого в какую-то жидкость, исходил приятный запах, да и сама эта комната навевала покой и ощущение безопасности.

— Что это за место? — Линда опустила Ланга вниз, и он тут же улёгся на пол, положив мордочку на передние лапы. — Почему-то... здесь чувствуешь себя... хорошо!

Викарий присел на скамью рядом с миссис Клапп и улыбнулся девушке.

— Да, это место для отдыха, и даже больше, чем просто для отдыха, место для восстановления душевных сил. Мы обнаружили несколько таких мест. Некоторые из них сделаны руками людей... другие — естественного происхождения. Но от них исходит покой, в котором человек находит забвение от всех тревог. Этот дом, наверное, построен такими, как и мы сами, кто были здесь изгнанниками, людьми — об этом свидетельствуют дверной засов и ставни на окнах. Мы думаем, что когда-то это была ферма — в лучшие, чем теперешние, дни. Но как им удалось привнести сюда этот дух успокоения, мы не знаем. Возможно, в этом пространственно-временном континууме наше восприятие обостряется. В некоторых местах мы встречали ужас, в других — благословенный покой. В то время как в нашем родном мире, если такие

места и существуют, мы с нашим слабым восприятием просто не в состоянии распознать их.

Страуд уселся на табурет, вытянув перед собой толстые ноги, и свет от фитиля лишь частично падал на его обветренное лицо.

— Мы могли бы остаться здесь — если бы не близость города. По крайней мере, мы можем схорониться в этом укрытии на некоторое время.

Тёплое чувство успокоения убаюкивало всех их. Ноги Ника заныли от боли, он не мог припомнить, когда ещё ему приходилось там много ходить. Необходимость спастись заставляла идти вперёд, но теперь на него вдруг навалилась страшная усталость, и нетренированные мышцы разом мучительно заныли. А чуть погодя он с радостью растянулся плашмя на одной из куч сухих листьев вдоль стены, на которую ему указал Кроккер. И тут же пришёл сон.

И ему снились сны, но не страшные, а такие, которые хочется удержать и смотреть ещё и ещё. Даже когда Ник проснулся и понял, что больше не спит, он не открывал глаза и попытался вернуть сновидения. Однако сновидение не просто исчезло — он вообще так и не смог вспомнить, что ему снилось.

— Ник! Вот не просыпается, и всё тут! Ник! — донёсся до него яростный шёпот, чья-то рука трясла его плечо.

Он неохотно открыл глаза. Над ним склонилась Линда. Хотя фитиль в плошке погас, он смог разглядеть её лицо в слабом сером свете, который проникал сквозь маленькое оконце высоко над потолком.

— Ник! — девушка тряхнула его ещё сильнее.

Понадобились невероятные усилия, чтобы ответить ей:

— Да...

— Тише! — Линда наклонилась поближе к нему. — Ты разбудишь кого-нибудь из них.

И тревоги в её голосе было столько, что от бывшего чувства покоя не осталось и следа. Подчиняясь зову девушки, Ник приподнялся и сел.

— В чём дело?

— Ланг убежал! — теперь, когда он приподнялся, Линда немного отодвинулась от него. — Снаружи донёлся свист, и он убежал!

— Как? Ведь дверь заперта...

Да, в самом деле, дверь по-прежнему была заперта на засов.

— В другой комнате... — она потянула его за руку. — Там есть открытое окно. Ланг побежал... И выскочил — я только его и видела...

Как можно тише Ник вышел вслед за ней. Вокруг раздавался храп, тяжёлое дыхание людей, погружённых в глубокий сон. Линда повела его за собой. Они прошли мимо камина и повернули направо, где виднелась слабая мерцающая полоска света, пробивавшаяся из-под приоткрытой двери во вторую комнату, внутри которой не было никакой мебели, один лишь пустой квадрат да окно, забранное прутьями, — Нику не нужно было говорить, что они железные.

Линда выпустила его руку, подбежала к окну, схватилась за эти прутья и прижалась к ним лицом, пытаясь что-то разглядеть в слабом свете зарождающейся зари.

Наверное, то ли железо от времени проржавело, то ли, возможно, под весом Линды сдвинулась какая-то скрытая задвижка, но только решётка вдруг вывалилась наружу, и Линда наполовину выпала, наполовину выскользнула из окна.

Ник кинулся вслед за ней.

— Линда, не глупи! Вернись!

Если она и слышала его, то не собиралась повиноваться. Наткнувшись на решётку, которая снова встала на прежнее место, Ник увидел, как Линда выходит во двор, тихо повторяя имя Ланга. Путь снова казались прочными, но он ударил кулаком по ним, решётка вновь подалась вперёд, и он высунулся наружу.

— Линда! — закричал он. Если остальные проснутся, тем лучше.

Он увидел её у пролома в стене.

— Я вижу его, — отозвалась девушка. — Не иди за мной, он не желает слушаться и убежит, если я не поймаю его. И он ни за что не подойдёт ко мне, если увидит тебя.

Не было никакой возможности остановить её. Забыв, где находится, девушка уже миновала пролом и снова позвала пекинеса:

— Ланг — ко мне, Ланг... Ланг... Ланг...

Несмотря на предупреждение, Ник снова толкнул решётку и выбрался вслед за ней наружу. Может, она и правду сказала: увидев его, Ланс станет осторожным. Но он должен догнать девушку и втолковать, как опасно бродить по ночам в этих местах. В крайнем случае, ей придётся бросить Ланга ради собственной безопасности.

Однако, даже сознавая всю логичность этих доводов, Ник понимал, что он никогда не сможет заставить Линду согласиться с ним. Возможно, чтобы привести её в безопасное убежище, ему придётся применить физическую силу.

— Ланг... Ланг, ты же хороший, хороший мальчик! Ланг... — Линда сидела на корточках на тропинке, вытянув руку перед собой, голос её был заискивающим. — Ланг... — второй рукой она что-то достала из накладного кармана джинс. — Ланг... кое-что вкусненькое... ты это любишь... вкусное, Ланг!

Ник увидел пекинеса. Пёс остановился и посмотрел назад на Линду. Ник тоже остановился. Если Линде удастся подманить его...

— Вкусное, Ланг... — она говорила так, словно это была игра, в которую ей уже не раз приходилось играть раньше.

Ланг чуть обернулся, высунув свой розовый язычок, будто уже пробуя на вкус то, что она предлагает ему.

— Вку-с-но-е... — Линда протяжно произнесла это слово.

Один шаг, потом ещё два — пекинес медленно возвращался. Ник задержал дыхание. Как только Линда схватит Ланга, он заставит их обоих вернуться в дом.

— Хороший... хороший... Ланг... — девушка вот-вот дотянется до пекинеса. На её ладони лежало несколько кусочков раскрошенного коричневого печенья. — Хороший Ланг...

И тут раздался резкий пронзительный свист.

Мгновенно пекинес развернулся и бросил взгляд на деревья слева, откуда исходил этот звук. Затем он зашёл-ся лаем и стрелой умчался туда.

Линда закричала, вскочила на ноги и ринулась вслед за ним, забыв обо всём на свете, кроме своего убегающего пса.

— Линда! — позвал Ник девушку, а затем бросился за ней, отбросив в сторону всякую осторожность, понимая, что каким-то образом он должен остановить Линду прежде, чем она столкнется с тем, что призвало к себе Ланга.

Пёсик лаял, не переставая. А Линда громко, как только могла, звала его. Ник молчал. Что толку надрываться и орать — она всё равно не послушается его.

Ник чуть не поймал девушку, но этому помешал камень, наполовину врытый в землю, — споткнувшись, он плашмя растянулся да так сильно ударился о землю, что у него перехватило дыхание.

Лишь через несколько секунд он с помощью рук снова поднялся на ноги, но Линда уже скрылась из виду, и только качающаяся ветка указывала, куда она убежала. Однако он всё ещё слышал лай Ланга и крики девушки. Дурочка... и ещё более крепкие выражения пришли на ум Нику, когда он двинулся за ней. Без сомнения, он поступает так же глупо, как и Линда, отправившись вслед за ней. Но если он вернётся в дом за помощью, она может погибнуть. Нет, он должен полагаться только на собственные силы — ничего другого больше не оставалось.

Американец с трудом пробивал себе путь сквозь зарос-

сли кустарника, исцарапавшего его до крови. Наконец Ник выбрался на опушку. Он подумал, что мог неверно оценить направление, но кроме криков и лая ему не на что было положиться. К тому же эти звуки ободряли его — по крайней мере Линда с Лангом ещё могли издавать их.

— Ланг... Ланг! — второе слово прозвучало с совершенно новой интонацией. Первое было зовом, а вот второе... что же оно выражало? Протест?

Ник рванулся изо всех сил вперёд и неожиданно оказался на полянке, совсем рядом с Линдой, но она теперь и не пыталась поймать Ланга.

Пёсик по-прежнему лаял, присев на задние лапы и возбуждённо размахивая передними в воздухе, пытаясь достать что-то заманчивое, что держала в своей руке другая девушка, с улыбкой дразня и завлекая его.

Линда сдвинулась с места, как раз когда Ник догнал её, но прежде чем он смог вытянуть руку, чтобы остановить её...

— Нет! — закричала Линда и взмахнула рукой, чтобы ударить по рукам той, другой.

И она ударила... но её ладонь прошла сквозь чужую руку!

Линда пронзительно закричала. Вторая девушка отскочила назад. Линда бросилась на землю и схватила пса, который дико отбивался от хозяйки и даже в бешенстве укусил её.

Ник бросился вперёд, к той второй девушке... которая, наверное, была фантомом.

Её окружало лёгкое свечение, и казалось, что этот свет сам собой исходит от необычайно белой кожи её лица и рук, как бы окружая её туманным ореолом, от чего временами на неё становилось больно смотреть. И несмотря на то, что случилось, когда Линда попыталась выбить кусочек печенья из руки этого призрака, девушка выглядела совершенно настоящей, из плоти и крови.

Причём выглядела гораздо более близкой к роду человеческому, чем Зелёный Человек.

У неё были приятные каштановые волосы, спускавшиеся чуть ниже плеч. Одежда состояла из зелёных брюк цвета лесной листвы, такого же цвета сапог и блузки, рукава которой выглядывали из-под камзола, похожего на тот, что был на Герольде, только у неё он был не разноцветный, а тоже зелёный, а на груди сверкала вышитая серебром и золотом веточка из серебряных листьев и золотистых яблок.

— Кто вы? — требовательно спросил Ник. — Что вам надо?

Но незнакомка продолжала пятиться назад, и туман вокруг неё сгущался, охватывая её тело, так что вскоре осталось видимым только одно её лицо, не выражавшее никакой угрозы, наоборот, из глаз девушки медленно вытекали слёзы. И уста её шевелились, словно она говорила, только он не мог ничего разобрать. А потом туман окутал всю её фигуру и растаял, а они снова остались одни.

— Ей нужен был Ланг! — Линда продолжала крепко прижимать к себе пса. — Она хотела забрать себе Ланга!

— Но она не забрала его, — подчеркнул Ник. — Вставай! Нам нужно поскорее убираться отсюда.

— Да, — впервые за всё время Линда, похоже, начала осознавать, какой серьёзной опасности они подвергались. — Ник, но она же пыталась забрать Ланга!

— Может быть...

— Может быть? Ты видел её! Она хотела дать ему что-то... Ты же *видел* её!

— Она дразнила его. Или, может быть, хотела поймать более крупную добычу, чем Ланг. Ты ведь помчалась вслед за ним, разве не так?

— Ты имеешь в виду меня? — Линда не сводила с него непонимающих глаз. — Но она даже не посмотрела на меня... и именно Ланга она подзывала к себе...

— А не может быть так, что она знала, что ты погонишься за псом? — продолжал настаивать на своём Ник. И теперь, оглядываясь назад, он не стал бы клясться, что в девушке не чувствовалось вообще никакой угрозы. Да и как он мог оценивать все многочисленные ловушки этого мира. Во всяком случае не будет никакого вреда, если Линду хорошенько напугать сейчас, чтобы впредь она не была столь беспечной.

— Ты действительно веришь в это, Ник?

— Скорее в это, чем в то, что ей нужен был только Ланг. И...

Ник вёл Линду вперёд, крепко сжимая её руку, как бы напоминая ей, что нужно торопиться и как можно скорее вернуться назад, к дому, в их безопасное укрытие. Но он вдруг понял, что не уверен, правильно ли они идут. Хотя теперь было намного светлее, чем когда он отправился вслед за Линдой, он не видел ни одного знакомого ориентира, который мог бы подсказать, куда идти. Поэтому юноша внимательно всматривался в землю, надеясь заметить собственные следы.

Вот! Зародившаяся было тревога исчезла... и здесь... и там... Ему теперь нужно только следовать по этим вполне отчётливым следам, и они вернутся назад в их безопасное убежище.

Но всё-таки странно, он бы никогда не подумал, что они так далеко убежали от дома. Ведь он вроде бы совсем недолго рыскал под деревьями, прежде чем догнал Линду. Однако следы были видны достаточно ясно, и Ник продолжал идти по ним.

Так они шли до тех пор, пока не вышли к последнему дереву, продрались через последний кустарник и неожиданно оказались вовсе не перед зданием фермы, а на каком-то просторном лугу, на котором росла трава по пояс и высокие жёлтые цветы. Вдалеке виднелись ещё деревья, однако Нику это место показалось совершенно незнакомым.

Но ведь они шли назад по своим собственным сле-

дам... как же тогда... А по *своим* ли следам? По спине пробежал холодок... Тогда по *чьим* же? Да и следы ли это вообще? Может, эти отметины сделаны специально, вроде той манящей песни Лорелеи или свиста, который увлёк Ланга, чтобы увести их подальше от безопасного места?

— Зачем мы сюда пришли, Ник?

Линда ласково гладила рукой теперь уже притихшего Ланга. Наверное, она даже не замечала, куда они шли.

— Я думал, что мы идём к дому. Наверное, там, на поляне, мы перепутали направление.

Конечно, единственное, что им оставалось, — это вернуться назад. Но ему совсем не хотелось возвращаться. Та зловещая полянка внушала ему страх, и он не испытывал ни малейшего желания по своей воле побывать там ещё раз. Что же такое случилось с ним, что он теперь боялся — по-настоящему боялся — этого леса?

— Мы всё-таки попробуем пройти через него, — он скорее высказывал свои мысли вслух, чем обращался к девушке. Ник решил не поддаваться растущему в нём нежеланию идти через лес обратно.

— Нет, Ник! — Линда отскочила назад, когда он потянул было её за собой. — Только не туда.

— Не глупи! Нам нужно вернуться в дом.

Она покачала головой.

— Ник, а ты уверен, совершенно уверен, что ты это сможешь сделать?

— Что ты хочешь сказать? Это ведь небольшой лес. Мы прошли его насквозь в одну сторону, и это заняло у нас не так уж много времени. Конечно, мы можем вернуться назад.

— Я не верю в это. И тебе меня не убедить, — она словно восстала против него. — Я не пойду туда!

Ник вскипел от злости. Но он не мог тащить её, а ведь именно это ему придётся делать, если они пойдут через лес.

— Нам нужно вернуться к дому, — повторил он.

— Тогда давай обойдём его крутом, — Линда повернулась к нему спиной и пошла вдоль края зарослей кустарника и деревьев.

Ник нахмурился. Он не мог оставить её здесь одну, но не скручивать же ей в самом деле руки и нести к дому...

Поддав ногой ком земли, что, впрочем, едва ли принесло облегчение, он бросился за ней.

— А если здесь далеко идти в обход...

— Значит, мы далеко пойдём в обход, — отрезала Линда. — По крайней мере, мы будем видеть, куда идём. Никто не выпрыгнет из-за деревьев и не набросится на нас, когда мы будем проходить мимо. Ник, в этом лесу... есть и другие существа, кроме *неё*! Я чувствую их, хотя и не вижу.

— Эти следы, — он наконец облёк в слова свой собственный страх. — Они привели нас сюда... возможно, это ловушка.

— Мне наплевать! Зато никто не сможет неожиданно напасть на нас.

Однако, как заметил Ник, Линда поторапливалась. И они шли краем леса на юг быстрым шагом, почти бегом. Американец надеялся, что этот окольный путь не окажется слишком длинным, он уже чувствовал голод и тревожился о том, как же воспримут остальные их отсутствие. Англичане могли решить, что он и Линда отправились дальше самостоятельно.

Хотя нет — они ведь оставили свои сумки, всё, что у них было с собой. Слегка приободрённый этой мыслью, Ник решил, что англичане не уйдут из дома, бросив их на произвол судьбы. Может, как раз в этот момент они организуют поисковый отряд и выходят искать их. Что, если он позовёт?

Но он не мог решиться на такой шаг. Если Линде действительно всё это не мерещится, то за ними могут следить из-за деревьев какие-то существа. Или он сам своим криком призовет кого-то, кто набросится на них.

И хотя трава была такой высокой, что по ней трудно было идти, ему показалось, что он увидел, что впереди лес кончается.

— Ник... там вода, — Линда свернула влево.

И они увидели маленький бассейн, явно созданный рукою человеческой или чьим-нибудь другим разумом: вода тонкой струйкой вытекала из трубы в стене рядом с водоёмом, имевшим вид полукруглой чаши, а потом бежала по желобку через луг и исчезала вдали.

Линда опустилась на колени, поставив Ланга на землю, который тут же принялся жадно лакать. Девушка тоже набрала воду в ладони, поднесла их к своему раскрасневшемуся лицу и начала пить из пригоршни. Увидев воду, Ник вдруг почувствовал жажду с такой же силой, с какой его терзало чувство голода перед этим. Однако он терпеливо ждал, пока девушка не напьётся вволю, внимательно осматривая лес, поля и небо. Едва Линда поднялась, он приказал:

— Следи за окрестностями, — и, наклонившись к этой чистой холодной воде, омыл лицо, набрал её в ладони и сделал долгий глоток. Никогда раньше он не пробовал воду по-настоящему на вкус. Кажется, у неё есть запах... похожий на мяту...

— Ник!

Глава седьмая

Поперхнувшись, он резко повернулся, так что вода потекла по подбородку. Одного взгляда было достаточно.

— Назад! — Ник стремительно толкнул Линду в кусты, росшие по краю леса.

— И чтобы Ланг у тебя не пикнул! — таким был второй его приказ.

Они больше не были одни на этом лугу. Из-за гряды холмов появились две человеческие фигуры, которые отчаянно бежали или, вернее, с трудом, спотыкаясь,

бредли куда-то вперёд. Одежда на них была жёлто-коричневой, легко различимой на фоне яркой зелёной травы. Однако они и не пытались спрятаться. Казалось, что ими словно овладел какой-то дикий ужас или жестокая необходимость гнала их по совершенно открытой местности, по которой они передвигались со всей скоростью, на какую были способны.

Оба они шатались, будто им стоило величайших усилий держаться на ногах. Один вдруг упал, и Ник с Линдой услышали его хриплый крик, а потом увидели, как он пытается снова подняться. Его спутник остановился, раскачиваясь, обернулся, а затем вернулся помочь. После чего, взявшись за руки, они продолжили путь.

— Ник... там, в небе!

— Я вижу. Ложись и не высывайся!

Показалась небольшая летающая тарелка, похожая на ту, что преследовала Герольда. Однако теперь она зависла прямо над головами бежавших, которые, наверное, не имели сил, чтобы заметить эту опасность.

Они сделали, как в агонии, ещё несколько шагов вперёд. Казалось, этот заросший травой луг превратился в болото, и вязкая трясина неимоверно затрудняла им движение. Они упали на землю и остались лежать неподвижно.

Тарелка застыла прямо над ними. Из-под её брюха на канате сверкающей массой вниз съехал клубок переплетённых верёвок, и по этому же канату, раскачиваясь, начал спускаться ещё один человек.

Человек из тарелки (если это только был человек) показался Нику совсем маленьким, ростом с карлика. Больше о нём ничего нельзя было сказать — ибо тело чужака скрывали серебристый скафандр и шлем, похожие на экипировку космонавтов их родного мира. Потом к первому присоединился ещё один человечек, и они занялись сетью, которой лихо опутали лежавших на земле людей. По сигналу сеть с двумя телами устремилась в

тарелку, а одетые в скафандры фигурки поднялись вместе с ней.

Тарелка проглотила пленников и удачливых охотников. Но после этого она не умчалась сразу прочь, на что так надеялся Ник. Он уже начал бояться, что чужаки, находившиеся на её борту, прознали также и об их присутствии. Кто знает, какие приборы у этих охотников?

— Ник!.. — прошептала Линда, и он бросил на неё хмурый предупреждающий взгляд.

Девушка прижала руку к губам, словно только физическим действием могла заглушить свой страх. Ланг припал к земле рядом с её дрожащим телом, но не издавал ни звука. Не рискнуть ли им отползти подальше в лес, под защиту деревьев? Ник не был уверен, что это им удастся... во всяком случае, не сейчас. Возможно, они вообще зря тревожатся. Однако тарелка всё ещё не улетала.

Ланг заскулил.

— Я же сказал, чтобы ты... — яростно начал было Ник, однако то, что он увидел, заставило его замолкнуть на полуслове.

Между кустами, среди которых они прятались, и лугом вспыхнул тонкий луч света, который начал расширяться, превращаясь в туман, образуя перед ними светящуюся стену.

Из тарелки в свою очередь вновь вылетел луч, похожий на тот, что преследовал Герольда. Он был нацелен на них, и тут Ник ещё раз ощутил покалывание тысячи иголок. Там, где луч упёрся в светящуюся стену, туман словно забурился, и в разные стороны побежали огненные молнии.

«Быстрее в лес! Эта преграда долго не устоит!»

После этого крика Ник больше не медлил. Когда он протянул руку в сторону Линды, его рука упала в пустоту — девушка уже бежала сломя голову по луку к спасительным деревьям. Но когда они забрались на порядочное расстояние в глубь леса, Ник требовательно спросил:

— Кто велел нам?..

— Никто! — Линда прислонилась к стволу дерева, словно ноги больше не держали её. — Голос... он прозвучал в наших головах. Кто-то... что-то... *подумал* это внутри нас!

Ник отрицательно мотнул головой, не потому что напрочь отвергал её слова, но чтобы привести в порядок спутанные мысли. Да, это было правдой — никто не кричал им этот приказ, он возник у него в голове!

Линда медленно огляделась по сторонам.

— Пожалуйста, кто бы вы ни были... что бы вы ни были... — её голос был тихим и не слишком твёрдым, — мы благодарим вас...

Но нужно ли благодарить? С прежней силой на Ника навалилась усталость. А может, за ними просто-напросто охотится какая-то новая сила, которая таким образом спасла их от конкурента.

Внезапно он с поразительной отчётливостью увидел перед своими глазами ту сцену.

— Она плакала, — сказал он.

— Кто? — недоумённо спросила Линда.

— Та девушка с Лангом. Она плакала перед тем, как исчезнуть.

— Ты думаешь, *она*... — Линда явно готовилась возразить.

— Возможно... Но почему она плакала?

Линда так крепко прижала к себе пёсика, что тот взвизгнул.

— Я не знаю. Может быть, ей очень уж захотелось Ланга...

— Нет, не поэтому, — Ник снова отрицательно мотнул головой. Им овладело какое-то странное чувство досады, словно он вот-вот должен был узнать что-то важное, и вдруг захлопнулась дверь, или резко прервалась связь, и он так это и не узнал. — Я не думаю, что это вообще имеет отношение к Лангу.

— То-то она подзывала его свистом к себе, — резко

ответила Линда. — Ник, что мы будем делать дальше? Мне этот лес нравится не больше прежнего, пусть он даже и скрывает нас от той летающей тарелки.

Ник был согласен с ней. Вокруг ощущалась какая-то жизнь, не имевшая ничего общего с деревьями, виноградником, мхом и всем прочим видимым миром. И какое из двух зол меньшее: неизвестный лес или открытый луг и летающая тарелка? Но почему-то из этих двух зол ему больше по душе был лес, о чём он и сообщил Линде.

На её лице отразилось сомнение, но затем девушка неохотно согласилась.

— Думаю, ты прав. Мы бы непременно угодили в сеть, как те двое, если бы что-то такое не вмешалось. Но куда же нам идти?

Ник и сам не знал. Компас, выручавший его прежде, остался в доме вместе с остальными вещами. А он после того, что случилось, больше не доверял своей способности определять направление.

— Жаль, что Ланг — не охотничья собака... тогда он мог бы вывести нас...

— Но он же может! Господи, почему я не подумала об этом раньше?

Линда, казалось, и впрямь верила в то, что пекинес выведет их к дому, с удивлением отметил Ник.

— Поводок! Мне нужен для него поводок... — девушка опустила Ланга к своим ногам и огляделась вокруг, будто то, что она искала, могло материализоваться из воздуха одной только силой её мысли.

— Погоди... может, это сгодится, — она подхватила стебель ползучего растения. Стебель оказался крепким, и девушке не удалось порвать его.

Ник взялся покрепче за лозу и дёрнул. Он не очень-то верил в то, что Ланг сможет вывести их из леса, но, наверное, Линде виднее.

Она быстро оборвала листья и маленькие веточки, а затем прикрепила один конец к ошейнику Ланга. Приподняв маленького пёсика и поднеся его мордочку к

своему лицу, девушка пристально посмотрела в его слегка выдающиеся глаза.

— Ланг... домой... домой... — она повторяла это слово с такой торжественностью, словно маленькое животное понимало её. Ланг дважды пролаял. Затем Линда, снова опустив его, повторила:

— Домой, Ланг!

Без всяких колебаний пёсик повернулся и направился в лес. Линда нетерпеливо обернулась, еле удерживая импровизированный поводок Ланга.

— Ты идёшь?

Ник мог, конечно, отказаться, но всё равно он не мог предложить ничего другого. К тому же был шанс, что она права, и Ланг приведёт их домой. Поэтому Ник двинулся за ними следом.

По всей видимости Ланг был совершенно уверен в том, что делает. Он рыжей молнией нёсся среди деревьев, ни разу не замедлив ход. И эта его уверенность кое-что значит, решил Ник. Но он до конца так и не поверил в то, что этот пёсик обладает способностью отыскивать путь, когда они наконец выбрались из леса (ставшего совсем реденьким в конце) и в некотором отдалении справа показался дом.

— Я же говорила тебе! — в голосе Линды прозвучали одновременно торжество и облегчение, и Ник догадался, что она сама отнюдь не была настолько уверена в Ланге.

Девушка сорвала с ошейника лозу, подхватила пёсика на руки и побежала к дому, который больше, чем всегда, обещал им безопасность. Ник помедлил несколько секунд, оглядывая небо. Экипаж летающей тарелки мог предвидеть их намерения или просто внезапно появиться поблизости...

Однако Линда бежала слишком быстро и была уже слишком далеко, чтобы он мог догнать её и призвать к осторожности. Он ринулся следом за ней. Добежав до самого дома, Ник увидел, что, к счастью, дверь не запер-

та на засов, а широко распахнута. Но не означает ли это, что англичане ушли?..

Линда перепрыгнула через порог, он отставал от неё на два-три шага. И едва только Ник заскочил в дом, как дверь захлопнулась, а затем громыхнул тяжёлый засов.

Переход от солнечного света к сумраку комнаты был таким резким, что Ник почти ничего не видел. Кто-то резко схватил его за руку. Он узнал голос Страуда.

— Вы что это вытворяете, а? Вот уж я вам задам! — уполномоченный гражданской обороны крепко, до боли, сжал руку Ника. — Никаких мозгов!

— Уберите руки! — рявкнул Ник. Все его опасения, досада и гнев на Линду за её глупость вновь вспыхнули в нём. Он почти вслепую ударил мужчину, но уполномоченный гражданской обороны увернулся от не слишком точно нацеленного удара с лёгкостью, говорившей о хорошей практике.

— Сэм! — викарий втиснулся между ними.

Страуд ослабил хватку, однако Ник, тяжело дыша, не отступил назад.

— Я сказал: уберите руки! — процедил Ник сквозь зубы.

— Остановитесь! — закричала Линда. — Ник всего лишь пошёл вслед за мной...

— А что ты там, девочка, делала? — спросила Леди Диана.

— Я догоняла Ланга. Кто-то свистнул, и он выскочил через окно во второй комнате. Я должна была пойти вслед за ним. И правильно сделала, иначе бы она схватила его!

— Она? — это уже спросил викарий. Ник теперь приспособился к полумраку и увидел, что они находятся в окружении англичан.

— Светящаяся девушка из леса. Она хотела дать Лангу что-то... что-то съестное. Когда я попыталась выбить это из её руки, — голос Линды сорвался, — моя... моя ладонь прошла сквозь её руку!

Девушка остановилась, словно боялась, что ей не поверят, и несколько секунд стояла тишина. Ник успел даже сделать два-три вдоха. Затем заговорил Кроккер с такой же суровостью в голосе, как и Страуд перед этим, когда обвинял Ника.

— Как она выглядела... эта ваша девушка-призрак?

— Она... она была примерно моего роста, — ответила Линда. — Я так боялась за Ланга, что не очень-то её рассмотрела. Кажется, у неё были каштановые волосы, а одета она во всё зелёное. Спросите у Ника — он лучше разглядел её. А когда моя ладонь прошла сквозь неё... — Линда замолчала, и Ник увидел, что все обернулись к нему.

— Она... да, у неё были каштановые волосы, только с рыжинкой и доходили до плеч, — он старался вспомнить как можно больше подробностей. Кроккер, оттеснив Страуда в сторону, теперь с таким напряжением слушал Ника, словно это имело для него первостепенное значение. — На ней был пиджак... такой же, как у Герольда, только зелёный... с яблоневого веточкой, вышитой серебром и золотом. И она была хорошенькая... Да, — в памяти вдруг вспыхнула ещё одна деталь, — у неё было маленькое тёмное родимое пятно, прямо вот здесь, — он коснулся своего лица около рта. — Я заметил его, потому что кожа у неё белая-белая.

Он слышал свистящее, затруднённое дыхание Кроккера.

— И, — добавил в конце Ник то, что казалось ему самым главным, — исчезая, она плакала.

— Рита! — Кроккер отодвинулся в сторону и, понуриив плечи, повернулся спиной к ним.

— Или иллюзия, — спокойно заметил Хэдлетт. — Мы их уже видели, Барри, и не раз.

Кроккер не оглянулся и стоял, закрыв лицо руками.

— Эту иллюзию создали бы для нас, потому что мы знали её, но не для них! Какой смысл создавать иллюзию

для них? — его голос был тихим, безжизненным. Нику показалось, что он пытается взять себя в руки.

— Барри прав, — согласилась Леди Диана. — Если только этот Народ с Холмов не хочет, чтобы мы попытались найти её... эта иллюзия вполне могла быть сотворена, чтобы выманить нас отсюда.

— Вот этого уж им не удастся! — воскликнул Кроккер. Однако он по-прежнему не глядел на них. — Мы же дали понять ей — им — это уже давно...

— Что ещё с вами случилось? — продолжил допрос Хэдлетт.

Ник описал, как иллюзия (он решил, что викарий здесь не ошибается) растаяла, окутаная туманом, как они вышли по каким-то чужим следам на поляну. Как можно более сжато он рассказал им о пленении беглецов летающей тарелкой, о появлении странной светящейся стены, которая вне всякого сомнения спасла их от подобной участи, и о возвращении, в котором им помог Ланг.

Больше всего Хэдлетт заинтересовался той стеной, спасшей их от тарелки, он даже заставил Ника повторно описать её, со всеми подробностями.

— Это точно было какое-то силовое поле, — прокомментировал викарий рассказ Ника. — Но Народ с Холмов никогда прежде не вмешивался в происходящее вокруг нас.

— Рита могла... — начала было Джин, запнулась, но потом добавила: — Хотя какая разница. Ник сказал, что она плакала, а Рита действительно плакала в тот последний раз. Я думаю, что это на самом деле была Рита, а не просто иллюзия, созданная, чтобы заманить нас в ловушку. И думаю, именно она и спасла их от охотников.

— Она же одна из *них*! — резко и грубо обрушился Кроккер на Джин.

— Да, — печально согласилась девушка, словно он привёл довод, который невозможно оспорить.

— Но мы не знаем, — размышлял Хэдлетт, — сколько человеческого остаётся в тех, кто принимает предложе-

ние. Если Рита помнит нас, я не думаю, что она держит на нас зло. Мы сделали то, что должны были сделать, будучи теми, кто и что мы есть. И очевидно, что нечто, желавшее добра этим молодым людям, действительно спасло их сегодня утром. А это не чепуха!

— Всё это в прошлом, — прогромыхал Страуд. — Теперь голова у нас должна болеть от того, что эти охотники появились здесь — и не слишком-то далеко от нас. Нечто в лесу не хотело, чтобы вас поймали, но это не означает, что оно будет и дальше продолжать сражаться на нашей стороне. Мы можем схорониться в этом убежище — на некоторое время — но ненадолго. У нас почти не осталось припасов, чтобы мы оставались здесь долгое время. Нам придётся вернуться в ту пещеру.

— У нас же есть тайный лаз, пробитый лучом, — предложил Кроккер, словно обрадовавшись перемене темы. — И по нему мы выйдем на другую сторону гряды.

— Но уж больно близко от города! — возразил Страуд. — Впрочем, может стать так, что нам не придётся выбирать.

Затем они скромно позавтракали. К счастью, воды было в достатке, потому что в дальнем углу большой комнаты под круглым камнем находился колодец. Похоже, этот дом строился как крепость, предназначенная выдерживать осаду.

Страуд устроил военный совет, но Ник и Линда мало чего смогли добавить к сказанному раньше. И их благополучное возвращение после ночных приключений теперь казалось Нику заслуженной удачей. И, наверное, то, что они наблюдали охоту тарелки, было даже к лучшему — они получили предупреждение об опасности, которая теперь угрожала им с неба. Было решено, что они пробудут на ферме до вечера, поскольку здесь им ничто не угрожало, а с наступлением темноты снова двинутся в путь, в этот раз через тайный ход из дома.

Хэдлетт указал, что всем нужно хорошенько отдохнуть.

в пути их будут ждать суровые испытания, что потребует напряжения всех сил. И тут заговорила миссис Клапп:

— Теперь послушайте, что я скажу, — говорила она с не меньшей твёрдостью, чем и Страуд до этого. — Викарий прав: это будет непростое путешествие. Я ещё не та старушенция, которая еле таскает ноги, жуёт кашу, а нашее вечный платок — пока нет. Но когда нужно бежать, я уже не тот резвый ребёнок, каким была когда-то, и ноги у меня совсем не гнутся. Это безопасное надёжное место, и все мы это знаем. Мне лучше остаться здесь, и мои старые ноги не станут обузой для вас. Это всего-навсего здравый смысл, и вы все знаете это! — она переводила взгляд с одного лица на другое, упрямо сжав губы.

— Мод! — мягко воскликнул викарий. — Мы ведь давным-давно обо всём договорились...

— Нет, не об этом! — перебила она его. — Тогда и речи не было о том, что один из нас будет медленно тащиться, что станет для группы лишь обузой и предметом забот, из-за чего все подвергнутся опасности. Я не хочу, сэр, быть этой обузой, и вам ни за что не заставить меня!

— Вероятно, нет, Мод. Но неужели ты хочешь возложить на нас ещё более тяжёлое бремя? Чтобы мы ушли, оставив тебя здесь, и помнили об этом всю жизнь?

Женщина не сводила глаз со своих сложенных на коленях ладонях.

— Трудно... трудно сказать...

— А ты бы ушла, Мод? Если бы я сломал ногу и не смог дальше идти, если Леди Диана, Джин, Сэм, любой из нас сказал бы то, что ты только что сказала, ты бы согласилась?

Он замолк, но Мод ничего не ответила. Потом он продолжил:

— Мы с самого начала решили: останемся вместе, что бы ни случилось...

— Нехорошо так говорить. Мы с Джереми совсем старые, и мы здесь в безопасности. А вы можете вернуться, когда опасность минует.

— Мы преодолеем все трудности, Мод, — к табурету, на котором сидела миссис Клапп, подошла Леди Диана и положила свои руки на согбенные плечи пожилой женщины, и слегка встряхнула её с грубоватой нежностью. — Мы побывали во многих переделках, и мы всегда справились со всем.

— Но когда-нибудь это может и кончиться, моя Леди. А я не хочу быть для вас обузой...

— Вы, Мод Клапп? Да что бы мы делали без вас? Помните, как вы вылечили Барри от лихорадки, когда все мы потеряли всякую надежду спасти его? Мы не можем обойтись без вас!

— И не забудьте, чем мы обязаны Джереми, — Джин опустилась рядом на колени и накрыла своими загорелыми руками шишковатые, скрюченные артритом, крепко сцепленные пальцы. — Он всегда знает, когда поблизости появляется кто-нибудь из Народа с Холмов. Нам не обойтись без тебя и Джереми, и мы не пойдём без вас!

— Ну и неправильно, — миссис Клапп упрямо стояла на своём. — Впрочем, если я скажу «нет», вы ещё, возможно, вздумаете меня нести. А я не потерплю, чтобы меня запихнули в корзину, — она слегка улыбнулась, — и потащили. А кто попробует, крепко получит от меня, это я говорю на всякий случай — если кому-нибудь из вас пришла в голову подобная мысль.

— Ты пойдёшь с нами своими собственными ногами, вместе со всеми, — заверил её Хэдлетт. — И я думаю, в нашем новом путешествии нам придётся больше скрываться и прятаться, чем бегать. Не так ли, Сэм?

— Ты всё правильно говоришь, викарий: когда тут совсем рядом с городом летают эти чёртовы штуковины, да и всё остальное. Мы выйдем через этот лаз в горе, а затем будем жить на просторе, как когда-то Джэс Хэгтис.

— Однако мы-то не браконьеры и больно-то горазды прятаться по ночам, как Джэс, — заметила миссис Клапп. — Я не поверю в это даже на секунду, Сэм. Мне больше по душе славная удобная кухня, чем все эти скитания.

Вернуться в пещеру, ладно, я пойду, но тогда вам уже ни за что не выгнать меня оттуда.

Джин рассмеялась

— Я припомню эти слова, Мод, когда вы в следующий раз возьмётесь за свою сумку с лекарственными растениями и начнёте рассуждать, чем бы её ещё набить, будь у вас возможность пройтись поглядеть, что растёт в округе.

— Обязательно, моя дорогая, — хихикнула миссис Клапп. — И ещё напости мне о моих бедных ногах, ноющей спине и всём прочем. Да уж, домоседкой я стану, когда смогу выгнать Джереми в лес, — чего вам никогда не видать. Верно, старина? — обратилась она к серому коту, запрыгнувшему к ней на колени. Тот встал на задние ноги и, опираясь передними о грудь женщины, не сводил глаз с её лица, словно понимая каждое произнесённое ею слово.

— Так что ждём вечера и отдыхаем, — быстро подытожил викарий. — А с наступлением темноты отправляемся в путь.

— Пожалуй, это лучше всего, — согласился Страуд.

Если остальные и отдыхали, то для Ника этот день тянулся бесконечно. В комнате стало светлее, однако по-прежнему было душно: свежий воздух в отличие от света практически не проходил сквозь узкие щели, располагавшиеся под самой крышей. Дверь в комнату с окном, ставни которого остались распахнутыми, была приоткрыта, и он видел пятна солнечного света на пыльном полу.

Все сразу же растянулись на своих постелях, и, как ему показалось, несколько человек уснули. Но только не лётчик, лежавший рядом с ним на такой же гряде листьев и постоянно беспокойно ворочившийся. Нику даже послышалось, как пару раз тот что-то пробормотал про себя. Но, разумеется, его слова явно не были адресованы американцу, и он не отважился заговорить с ним.

Рита — девушка Кроккера, которая приняла предложение Герольда и потому больше не принадлежит роду человеческому. Нику никогда не забыть, как ладонь Лин-

ды прошла сквозь её протянутую руку. Иллюзия, но если и так, то создана она была кем-то, кто очень хорошо знал Риту. И зачем тогда иллюзии плакать? Неужели, чтобы он, Ник, вернувшись, рассказал об этом?

Голова его заныла от боли, спёртый воздух комнаты был невыносим. Стараясь производить как можно меньше шума, он встал, пробрался во вторую комнату и подошёл к окну, стараясь не касаться железной решётки. Через окно проникал лёгкий ветерок, и юноша радостно наполнил лёгкие свежим воздухом.

Отсюда он не мог видеть ни тропинки, ведущей к дому, ни леса, который находился на востоке, — окно выходило на юг.

Радуга... сначала Ник увидел лишь мерцание разноцветного пятна. А потом оно... отвердело — единственное слово, которое Ник сумел подобрать, чтобы обозначить происходившее. Пятно приобрело форму, объём и отчётливость сверкающих деталей.

И вот перед домом, внимательно разглядывая его, встал человек. Почему-то Ник был уверен, что этот незнакомец знает, где он стоит, даже если его и не видно в тени окна. Из-за угла вышло белое животное на длинных и тонких ногах, похожих на ходули, но лапы заканчивались мягкими подушечками вместо копыт. Впрочем на этот раз оно ступало по земле, а не парило в нескольких сантиметрах над поверхностью.

Жёсткий плащ Герольда был разделён на четыре квадрата, и на каждом красовалась своя вышивка. Ник догадался, почему англичане называли его Герольдом — его костюм очень сильно походил на четырёхцветный гербовый щит.

Герольд и его конь заинтересовались домом. Ник спросил себя, может быть, ему стоит поднять тревогу. Но пока он медлил, Герольд вскочил в маленькое седло, едва ли большее, чем подушка-думка.

«Конь» сделал прыжок вверх и воспарил, точно на распростёртых крыльях. И хотя Ник прижался к решётке,

только одну-две секунды он видел поднимавшегося вверх коня, пока они не исчезли из виду.

Глава восьмая

— Что такое, мой мальчик?

Ник вздрогнул. Он был настолько поглощён исчезновением Герольда, что не заметил, как к нему подошёл викарий.

— Там был Герольд. Потом он вскочил на коня и пролетел на нём над домом, — Ник всё ещё никак не мог отойти от поразительного вида поднимавшегося вверх коня.

— Конь с Холмов... — Хэдлетт присоединился к Нику у окна. Теперь снаружи ничего не было видно, кроме части стены, ярко освещённой солнцем. — Ты читал Киплинга, Шоу? В наши дни он не так любим — новые философы обвиняют его в расизме. Но в его сказках о Народе с Холмов упоминается о том, как они мчатся на своих конях сквозь бурную ночь, — Киплинг знал старые легенды, может быть, он даже чуточку верил в них. Тебе нужно только прочитать его «Холм Пака из Пука», чтобы понять, насколько сильно его воображение было захвачено этими легендами старой Англии. Да, этот Народ с Холмов и их летающие по воздуху кони... Были до Киплинга и другие, кто знал о них, — например, Томас-Стихоплёт.

Когда-то в них верили в Британии, как и во всех кельтских королевствах. Их следы найдёшь также и в Бретани, которая ближе кельтской Британии, чем к Франции галлов. Должно быть, в те далёкие дни между нашим миром и этим имелись какие-то связи...

— Сэр, — Ник перевёл взгляд от окна на ястребиное лицо старика, обрамлённое серебристыми волосами, — как вы думаете, Герольд или те, кто стоит за ним, — наши враги, как и люди из летающей тарелки?

Хэдлетт ответил не сразу. В это мгновение он смотрел

не на Ника, а скорее куда-то мимо американца, за окно. Викарий отвечал медленно, словно тщательно взвешивая каждое слово:

— Люди с летающих тарелок, как ты их называешь, несут угрозу нашим телам, и мы не можем от этого отмахнуться. Герольд не являет нам видимую угрозу, он приходит к нам как искуситель. Если мы примем его предложение стать союзниками, то есть измениться, стать другими, то нас действительно поглотит этот мир. Мы не останемся людьми, и возврата к нашему предыдущему состоянию не будет... не может быть. Это — отказ от всего, во что мы верим. Те, кто принял это предложение, отошли от нас так далеко, словно они не нашей крови. Это, как я уже говорил тебе, род смерти.

— А Рита... если именно с Ритой мы встретились... — Ник услышал в голосе собеседника нотки, предупреждающие, что тому хочется замять разговор, однако он не мог допустить этого, хотя не понимал также, что всё-таки заставляет его дальше говорить на эту тему. — Она... она плакала. И возможно, именно она и спасла нас от той летающей тарелки.

— Да. Она плакала, когда приходила к нам в последний раз, и Кроккер даже не взглянул в её сторону. В ней, даже после изменения, осталось что-то человеческое. И это тоже сохранилось в легендах, повествующих о любви эльфов, фей и простых смертных. Но никогда эти истории не заканчивались счастливым концом, лишь разлукой и печалью.

Ты говоришь, что Герольд следил за домом. Это означает, что он знает о тебе и Линде, и что он сделает вам своё предложение. Ты предупреждён, мой мальчик, — Хэдлетт положил руки на оконную раму и выглянул наружу. — Такая прекрасная и светлая эта земля. Должно быть, построивший эту ферму много лет жил здесь, никем не потревоженный, потому что он обрабатывал эти поля, собирал урожай, построил этот дом-крепость,

который защищал его от ночных тварей. Хотелось бы знать, как давно это было?

Нику пришлось смириться с переменной темы. Хэдлетта было не переделать, и американец не мог больше пытаться вернуть его к предмету, к которому с таким нескрываемым отвращением относился викарий.

— Вам встречались места, вроде этого, но только где жили бы сейчас люди?

— Нет. Этот край приходит в упадок. Наверное, в этом виновны летающие охотники. Города как будто процветают и стоят нетронутыми. Но на открытой местности полным-полно разных ловушек. Не все из этого Народа имеют дружелюбный характер, или по крайней мере нейтрально относятся к людям. Вспомни наши сказки о людоедах, великанах, ведьмах и троллях. И здесь имеются следы действия сил зла, видимые и невидимые, хотя и в меньшей степени, чем мы встречали в Англии до того, как нас схватили. Это, наверное, более юная земля, и эти силы не успели широко распространиться. И всё-таки мы видели здесь развалины — башен, одного замка, который наверняка не из той Америки, которая тебе известна. Это была плодородная, густонаселённая страна. Теперь же здесь остались одни лишь города и места, вроде этого. По земле кочуют бродяги, а в небе — охотники.

— А не являются ли эти города или Герольд причиной нашего появления здесь? — Ник хотел знать всё, что Хэдлетт мог сказать ему. Ему показалось, что викарий — единственный из трёх мужчин, который пытался обнаружить первопричину всего происходящего здесь. Страуда слишком заботили конкретные дела, ну а Кроккера Ник ещё совсем мало знал.

— Если серьёзно относиться к древним легендам, — ответил Хэдлетт, — то Народ с Холмов действительно вмешивался в нашу жизнь. Однако неизвестно, осуществляют они это, проникая в наш мир, используя для достижения своих целей различного рода колдовство, или просто с помощью физических похищений. Тогда как

мы переносимся сюда совсем по-другому. Вне всякого сомнения, эти города представляют высшую форму того, что мы могли бы назвать за неимением лучшего слова технологией. Тем не менее, даже при первом взгляде их невозможно соотнести с городами, созданными нашей цивилизацией. Возможно, они генерируют силы, с помощью которых в определённых местах и осуществляются перемещения.

— И если мы сможем узнать, каким образом они перенесли нас сюда, то мы найдём способ вернуться в свой родной мир? — спросил Ник.

Но снова викарий несколько секунд помедлил с ответом:

— Ты забываешь о факторе времени, о том, что стало нам ясно после вашего прибытия сюда. По нашим подсчётам мы провели здесь около четырёх лет — а вы утверждаете, что в нашем мире прошло тридцать. И кроме того, ведь есть легенды о людях, которые действительно возвратились, но уже старыми, и вскоре после возвращения они умирали, поскольку менялся их способ существования.

Ник быстро просчитал в уме: три — нет, четыре дня — прошло с тех пор, как они оказались в этом мире. А сколько же прошло там: недели или, может, месяцы? Он вздрогнул, потому что было очень трудно поверить в это. Но он упрямо вернулся к насущному вопросу.

— Но охотники с «тарелок» не в силах причинить вред этим городам...

— Да. Мы дважды становились свидетелями воздушного нападения. Да ты и сам видел, как одна из них пыталась поразить Герольда. Похоже, те, кто находится внутри этих тарелок, испытывают смертельную ненависть или страх по отношению к здешним городам — и не только к ним, но и ко всему, что имеет к ним отношение... и к этому Народу.

Ник попытался переварить услышанное. Города были надёжно защищены, а местность вокруг них полна опас-

ностей. А что, если им удастся проникнуть в город, не заключая сделку с Герольдом? Юноша задал этот вопрос.

Хэдлетт улыбнулся.

— Конечно, это логично, но ты не думай, мой мальчик, что такая мысль не приходила нам в голову. Только этого не осуществить. Потому что войти в город можно только в компании с Герольдом — иного способа нет. Каждый город окружён невидимым силовым экраном. И чтобы войти в него, приходится платить слишком высокую цену. Ты ещё увидишь Герольда, рано или поздно он появится и сделает тебе своё предложение, и тогда уже ты сам решишь, принимать его тебе или отвергнуть. Но к этому моменту ты будешь знать, как должен поступить.

Одно дело, когда тебе говорят, совсем другое — испытать всё на себе. Бросив ещё пару слов, викарий возвратился в большую комнату. Однако Ник остался. Всё-таки интересно, почему это изменение формы тела тех, кто принял предложение Герольда, вызывает такой ужас? Англичане, все как один, утверждают, что этого нельзя делать. Но всё же, что бы они ни говорили, Ник никак не мог взять в толк, что в этом такого ужасного. Для него опасность, исходившая от летающих тарелок, виделась куда более страшной — возможно, потому что он лучше понимал их.

Вспоминая происшедшее с ними ночью, Ник решил, что со стороны Риты им не угрожала никакая опасность. К тому же он никак не мог забыть её слёз. Нику припомнились и другие детали. И ему очень хотелось верить, что именно вмешательство Риты спасло их от пленения.

Безопасные города — в них можно войти только в сопровождении Герольда. «Только в сопровождении Герольда» — эта мысль снова и снова повторялась в его голове. А разве нельзя захватить Герольда в качестве заложника?

Хотя, конечно же, англичане должны были рассмотреть этот вопрос со всех возможных сторон. Они не глупы, а чтобы выжить, им пришлось использовать в

полную силу все свои природные способности и ум. И всё же он снова и снова возвращался к той мысли. Так ли велико могущество Герольда — а в этом мире нет таких сил, которые можно считать невероятными или невозможными, — что не найдётся никакого способа захватить его в плен, кем бы он ни был: вестником, путешествующим по воздуху, стражником или кем-то ещё? Слишком мало было известно Нику: лишь то, что города надёжно защищены. Проверять же это ему самому что-то не очень хотелось.

Он немного поспал после полудня на полу у окна, а когда проснулся, то увидел рядом с собой застывшую загадочную фигуру кота Джереми, аккуратно положившего хвост на лапы и не сводящего своих немигающих зелёных глаз с лица Ника. И что-то в этом взгляде заставило молодого человека почувствовать себя весьма неуютно. На секунду даже мелькнула невероятная мысль, что кот точно знает, о чём он думает, и просто забавляется с высоты своего положения, как может забавляться взрослый, слушая рассуждения ребёнка о предмете, недоступном для его понимания.

Ник всегда любил кошек. Старина Джордж прожил у него двенадцать лет. И одним из самых крепких камней в стене между ним и Марго было то, что она усыпила Джорджа, когда Ник год назад находился в Нью-Йорке. Да, Джордж был стар, его приходилось носить к ветеринару, он доставлял беспокойство. Поэтому кот и умер, а ему сладким голосом объяснили, что неправильно дальше сохранять жизнь старому и страдающему животному. Однако Ник знал, что Джорджа можно было спасти. Но он ничего не сказал ей тогда, не доставил ей удовольствия видеть, насколько он взбешён от этого нового поражения. Джордж умер, и ничего нельзя было с этим поделать. Но Ник мог вспомнить его — как сейчас — во всех подробностях.

Джереми заворчал, прижав уши, всё так же пристально глядя в лицо Ника. Ник выдохнул воздух сквозь зубы,

зашипев почти также, как рассерженная или растревоженная кошка.

Этот кот — понимает! Джереми читает его мысли! Ник был уверен в этом, как если бы кот говорил вслух. Однако именно Ник заговорил первым:

— Ты понимаешь?

Он и сам не знал, что ему ожидать в ответ. Подаст ли Джереми какой-нибудь знак того, что он действительно понимает? Но кот не шевелился и не издавал никаких звуков. И уверенность в том, что с котом произошла какая-то перемена, начала потихоньку исчезать. Просто разыгралось воображение... И всё же он не мог поверить до конца в то, что ошибался. В наши дни нельзя полностью отместить прочь саму идею телепатии или паранормальных способностей отдельных людей — психометрии, предвидения и прочее. К тому же считают, что и животные могут быть медиумами, особенно кошки. Ник перебрал в уме все рациональные объяснения того, что, как он полагал, только что произошло. И всё же ни одно из них не могло до конца объяснить это... и ведь сам-то он во всяком случае не был медиумом. Тогда каким образом Джереми смог прочесть его мысли, его воспоминания и как-то на них отреагировать?

И тем не менее, понимал Джереми его или нет, Ник продолжал тихонько говорить огромному серому коту:

— Джордж не был похож на тебя. У него были длинные лапы, и сколько бы он ни ел, а ел он будь здоров как, — Ник улыбнулся, вспомнив, как однажды Джордж с наслаждением прикончил добрую тарелку индюшатины, — он никогда не толстел. Ты бы скорее подумал, что мы морим его голодом. Он тоже был охотником. И ему нравилось спать на постели, но не нравилось, если ты переворачиваешься и беспокоишь его, о чём он тут же заявлял.

Джереми всё так же следил за ним. А потом вдруг огромный кот зевнул, встал и побрёл прочь, каждым своим движением выражая скуку. Ник почувствовал себя

глупо. Было совершенно очевидно, что Джереми больше не интересуется рассказ о Джордже, которого он, вне всякого сомнения, причислял к низшему типу кошачьих, и в каждом подрагивании задранного вверх хвоста явно читалось презрение к нему. Казалось, что он говорил: не рассказывайте *мне* о других котах, в мире есть только один Джереми!

И впервые с момента их прибытия в этот мир Ник рассмеялся. С Джереми можно отлично общаться — только по своему. Даже если кот и читает мысли Ника, то он всё равно не может отойти от привычных стандартов и логики своего вида. Ник может сомневаться, но он должен также поверить в то, что видит, и не отмахиваться от этого.

С наступлением темноты, быстро поев, они отправились в путь. Хлеб Ника уже давно кончился, осталось лишь немного сыра и ветчины, а англичане несли с собой маленькие твёрдые лепёшки из спрессованных вместе земляных орехов и сушёных ягод, а также полоски вяленого жёсткого мяса.

Выход, как с удивлением обнаружил Ник, прятался в камине, самом большом из когда-либо виденных им. В задней его стенке крепились вместе четыре огромных камня, служивших чем-то вроде двери. Ник предложил свой фонарик, и Страуд тут же взял его.

— Обождите, пока я не посвечу вам снизу, — отдал распоряжение уполномоченный гражданской обороны. — Ступеньки здесь ненадёжные.

Он исчез, и Ник увидел начало узкой лестницы, ведущей вниз, выложенной в толстой стенке дымохода. Они подождали, пока снизу не поднялся яркий луч. Затем в лаз протиснулась Леди Диана вместе с корзиной с Джереми, а за ней — миссис Клапп, Джин и Линда с Лангом на руках. Потом начал спускаться Хэдлетт, едва протиснувшись в узкую дыру, и Кроккер подтолкнул локтем Ника.

— А теперь ты. Мне ещё нужно будет поставить камни на место.

Ну и узкий же это был ход! Должно быть, особенно мучительно было пробираться по нему отнюдь не отличающимся стройным телосложением миссис Клапп и Страуду. Но ход не был слишком длинным. Внезапно Ник оказался в горизонтальном коридоре, стены которого тоже были выложены из камня, рядом со Страудом, который по-прежнему освещал фонариком путь для лётчика.

Кроккер появился не сразу. Дважды до них доносилось невнятное бормотание, указывая, что у того возникли проблемы с установкой на прежнее место камней. Наконец он присоединился к ним, и Страуд, светя фонариком вперёд, повёл их по коридору. Идти приходилось гуськом, но всё же этот коридор был шире, чем полуразрушенная лестница.

Светлое пятно фонарика уносилось вдаль, и Ник шёл почти в темноте. Воздух был промозглым, на стенах собирались капли тумана, и везде стоял скверный запах. Казалось, что нет конца этому коридору. Одни сплошные стены, ни входа в какой-нибудь подвал, ни боковых ответвлений. Ник спрашивал себя, как же те, с кем он сейчас путешествует, смогли обнаружить проход. Они называли его «тайным лазом», и название это казалось вполне подходящим. Но сколько же труда пришлось затратить на его строительство, и это ясно указывало, что строившие его чувствовали необходимость в подобном скрытом выходе во внешний мир.

Через некоторое время каменные стены сменились поставленными в ряд деревянными столбами, за которыми виднелась земля; и это уже была более грубо выполненная работа. Ник бросил взгляд вверх и увидел перекрещивающиеся толстые брёвна, способные выдержать огромный вес. Он понадеялся, что дерево пока ещё не сгнило от времени.

А ещё через некоторое время, которое Нику показалось очень долгим, свет фонарика упал на новую лестницу, похожую на приставную, но сделанную более грубо, чем

в дымоходе. Страуд начал взбираться по ступенькам, и через несколько секунд луч фонарика осветил дорогу тем, кто последует за ним. Хэдлетт и Леди Диана помогали как могли миссис Клапп, и это заняло много времени.

Но вот, наконец, дорога освободилась для более молодых членов отряда, которые взобрались наверх с большей проворностью и скоростью и снова оказались среди каменных стен. Высоко над их головами виднелся кусочек ночного неба, и одна-две звезды ободряюще мигали им. Как хорошо вдохнуть свежий воздух после затхлого коридора!

Прежде чем Страуд выключил свет, Ник успел заметить обгорелые остатки того, что некогда было брёвнами, служившими перекрытием для двух верхних этажей. А внизу под ногами в большом количестве валялись обломки, так что им пришлось взяться за руки и с немалой осторожностью направиться вперёд к открытому проёму двери.

Снаружи густая растительность хорошо скрывала развалины. Когда последний человек прошёл через дверь, Страуд опустил ветви кустарника, которые до этого отвлёл в сторону и бережно придерживал, и они полностью скрыли из виду вход. А Ник теперь увидел позади гряды холмов.

Ночь, в которую они вышли из башни, оказалась гораздо светлее, чем должна была быть. Радужное сияние исходило от какого-то источника, находившегося на земле впереди и скрытого деревьями и зарослями кустарника, который так же надёжно укрывал и эти развалины.

По приказанию Страуда они стали держаться поближе друг к другу. Если уполномоченный гражданской обороны и не был опытным охотником, он всё-таки изо всех сил стремился провести свой отряд незаметно для чужого глаза, и все остальные, следуя его примеру, пробирались по тропе, стараясь производить как можно меньше шума. Они отклонялись вправо, и с каждым шагом растительность вокруг них становилась реже, а свет — ярче, пока

наконец перед Ником не оказался последний куст на опушке, сквозь ветки которого он увидел город.

И это было такое удивительное зрелище, что он на несколько секунд замер, совершенно поражённый, так что на него налетел Кроккер. Но он не обратил внимания на лётчика, замороженный тем, что увидел.

На равнине, посреди чистого поля стоял город, без каких-либо разбросанных вокруг зданий. Его башни возносились в небо на такую высоту, что Ник показалось, что их шпили почти достигают звёзд. Потому что весь город состоял из башен и шпилей, словно копыа вытянутых в небо, к чудесам, таящимся в космосе.

Из чего были построены эти далёкие здания, Ник не мог даже и представить себе. Он не мог соотнести камень и непрекращающуюся игру цвета. Потому что сверкающее сияние, исходившее от стен, освещая ночь в округе, нигде не оставалось неизменным. Разноцветные тени, светлые и тёмные, зыбились и вспыхивали, чтобы исчезнуть, а затем снова вспыхнуть.

Несмотря на всю свою странность, этот город не казался чуждым земле, на которой он стоял. Сама земля здесь, радуя глаз приятным сочетанием, сияла всеми цветами радуги: здесь смешивались и зелень лесов, и золото цветов на лугу, и пыльная краснота коры деревьев, и серебристая голубизна воды, и светлая розоватость цветущих фруктовых деревьев вместе с чудесным румянцем их спелых плодов.

Город не пугал и даже не внушал благоговейный страх. И Ник весь проникся, взирая на это чудо, счастливым возбуждением. Теперь перед ним, гордо и величественно, стояло то, что он так долго искал, что представлялось ему на короткий миг, возможно, только во сне.

— Ну, пошли дальше, ты, дурак! — Кроккер схватил его за руку и с силой дёрнул, так что Ник сразу пришёл в себя. — Что это с тобой?

— Он прекрасен! — воскликнул Ник, и ему захотелось броситься бегом прямо по полю к этому городу.

— Это ловушка! — голос лётчика прозвучал непреклонно и жёстко. — Устроенная для нас. Не смотри на него.

Неужели Кроккер прав? Ник не мог поверить ему. Те далёкие башни действительно притягивали его к себе. Однако теперь, когда прошло первое изумление, он с подозрением отнёсся к этому желанию.

И всё же он направился вперёд с какой-то неохотой, вслед за Страудом и остальными, постоянно двигаясь в восточном направлении. Кроккер шёл рядом с ним, словно опасаясь, что Ник может неожиданно сорваться с места и броситься к городу.

Но они не далеко продвинулись, когда Страуд издал предупреждающий свист, и они остановились. На западе, освещённые светом, показались очертания каких-то фигур. Они сразу же узнали длинноногое существо, которое шагало впереди всех — «коня» Герольда.

Но на нём никто не сидел; его хозяин в сверкающем одеянии шёл позади. И с ним рядом шагали ещё трое — весьма странно подобранная группа.

Там был мужчина, одетый в желтовато-коричневую форму — как один из тех, что были пойманы в сеть летающим охотником, а за ним... ну да, конечно же, следом шёл и сам охотник, облачённый в скафандр. Однако шествовали они так, будто никогда не являлись врагами, не сводя глаз с Герольда. Третьей была женщина.

— Рита! — вскрикнул Кроккер.

Нику показалось, что эта странная группа слишком далеко от них, чтобы можно было кого-нибудь узнать. Но на лице лётчика ясно читалась убеждённость, что та фигура в зелёном — его потерянная подруга.

С неба донёсся пронзительный вой. Но на этот раз из ниоткуда возникла не летающая тарелка, а сигарообразный аппарат.

Он стрелой понёсся к земле, словно собираясь вонзиться в почву, выстреливая короткими вспышками света.

Они яростно били вокруг приближавшегося отряда — который совершенно не обращал на это внимания — и от обожжённых полосок земли поднимались струйки дыма. Лучи явно отклонялись и поражали землю справа, слева и позади идущих пешком существ.

Аппарат судорожно метался над их головами, словно его лётчик решил любым способом остановить эту группу, даже если придётся пойти на таран. Однако при каждом таком нырке корабль мотало из стороны в сторону, и было видно, с каким трудом удавалось пилоту сохранять контроль над управлением.

И всё это время четверо людей и «конь», казалось, совершенно не замечали нападения. Они направлялись прямым ходом к городу, нигде не отклоняясь от своего пути. И Ник мог представить разочарование нападавшего.

В конце концов пилот, должно быть, смирился с поражением, аппарат скользнул обратно к гребню и исчез с невероятной скоростью. А пеший отряд продолжал двигаться ровным шагом — спокойно и бесстрашно.

На Ника это произвело огромное впечатление. Вот уж у кого действительно надёжная защита, так это у Герольда. Да, так он может путешествовать повсюду и ничего не бояться. Если бы только можно было понять, как это происходит! Ник задумчиво смотрел на Герольда, задаваясь вопросом, почему же он сейчас идёт пешком, а не едет. Может, это сделано для того, чтобы прикрыть защитным полем и тех, кого он вёл? О, если бы они только узнали его тайну!

Герольд и город — один или другой являлись ключом к разгадке. И Ник был уверен, что они заслуживают тщательного изучения. Герольд покидает город, поэтому справиться с ним будет легче. Люди не могут войти в город без Герольда... но можно ли захватить Герольда в плен?

Может быть, это совершенно невозможно. Только что они видели, насколько Герольд и его компания, находясь

под защитой поля, оказались неуязвимыми для атаковавшего их противника, пытавшегося захватить их силой. И бесполезно пытаться уговорить англичан предпринять подобную попытку — до тех пор, пока Ник не придумает план, который действительно мог бы сработать. У него ещё будет время поразмышлять над этим.

Похоже, отряд Герольда двигался быстрее, чем это казалось на расстоянии, или же город оказался ближе — потому что теперь маленький отряд уже почти достиг города.

— Это действительно Рита! — простонал Кроккер. — Она помогает им заманивать в ловушку бедных дурачков, ведёт их туда! — одну кисть он сжал в кулак и с силой ударил им по раскрытой ладони другой руки. — Она *помогает* им!

— Почему бы и нет? — спросила Джин. — Ведь теперь она одна из них.

Девушка стояла по другую сторону от Кроккера и глядела не на него, а на город. Затем она произнесла, понизив голос, то, что не предназначалось для Ника, и от чего он пришёл в смущение, однако он не мог отойти в сторону, не выслушав этого.

— Её больше нет, Барри. И ты не можешь вернуть её назад — так забудь о ней. Ты не будешь самим собой, пока не сделаешь этого.

— Оставьте меня в покое! — Кроккер взмахнул рукой. Он не коснулся Джин, но сила его голоса была такой, что тот прозвучал, как удар. — Я знаю, что её нет... так оставьте меня в покое! — он бросился вперёд мимо девушки, и остальные тоже задвигались. Страуд повёл их на восток, и через некоторое время сияние города поблекло в сгущавшейся темноте, которая казалась теперь вдвое более плотной и мрачной, потому что странное сияние-обещание осталось позади.

Ник поймал себя на этой полусознанной мысли. Нет, он не должен позволять минутному очарованию первого взгляда на город влиять на него теперь. Здесь и без того множество ловушек, чтобы попадаться в столь явную.

Глава девятая

— Никогда мы ещё не видели ничего подобного.

Когда они наконец добрались до пресловутой «безопасной» твердыни, единственного места в этом чуждом и полном опасностей краю, которое они могли назвать своим домом, то пробыли в укрытии безвылазно несколько дней. Теперь, как быстро понял Ник, всё вокруг стало далеко не таким, как раньше. В гряде огромных камней, закрывавших вход в их убежище, они установили наблюдательный пост, и сейчас Ник вместе с Кроккером находился в дозоре.

— Теперь мы не можем ни охотиться, ни ловить рыбу, — продолжил лётчик.

Потому что эта земля больше не была пустынной, как прежде, что следовало со слов беглецов. Словно с севера одна за другой неслись волны, пронося мимо их укрытия на своих гребнях всё новые отряды бродяг.

Они ожидали, что летающие тарелки будут охотиться на бродяг, однако ничего подобного не происходило — они видели лишь бесконечные отряды беженцев, двигавшиеся с непоколебимой решимостью, словно какой-то огромный страх заставил их сняться с насиженных мест, что вовсе не помогало сохранять спокойствие. Однако пока они ещё не были готовы покинуть свою крепость.

Располагалась она в естественной пещере, которая была расширена и украшена руками людей или какого-то иного разума. Стены были гладкими, и в них были вырезаны линии, причём некоторые были заполнены — для большей наглядности — древней краской.

Но самое удивительное заключалось в том, что пещера была освещена. И это гораздо больше, чем наскальные рисунки, поразило Ника, поскольку последние-то встречались и в его родном мире. Но эти стержни, укреплённые в каменных стенах и вспыхивавшие на концах мягким голубым светом, явно были атрибутом цивилизации, намного обогнавшей в техническом отношении земную,

чьи представители использовали пещеру для проживания.

Помимо прочего, эти лампы ещё и включались чрезвычайно экзотическим способом. Никаких видимых выключателей — достаточно было просто *подумать*, чтобы лампа загорелась! Следовало встать лицом к одному из этих тонких стержней, пожелать, чтобы зажёгся свет, и они вспыхивали, словно огромные свечи.

Рисунки на стенах и лампы были загадками этого мира. Всё остальное беглецы принесли с собой: постели из сухой травы и листьев, очаг, сложенный из маленьких камней, деревянные миски и ложки, которые вырезал Страуд, в прошлом занимавшийся на досуге таким хобби. Они превратились в пещерных жителей, окружённые останками намного более развитой цивилизации. Но так легко защищался вход в их крепость, настолько безопасной она казалась, что им вовсе не хотелось покидать её.

Ник понимал озабоченность Кроккера столь затянувшейся миграцией. Их запасы пищи, хотя и заготовленные в порядочном количестве ещё в те дни, когда в этом краю жили лишь они одни, заканчивались. А теперь невозможно было ни охотиться, ни рыбачить, пребывая в постоянной тревоге ожидаемого нападения.

Так, в заточении, не рискуя высунуться наружу из-за этих бродяг, они провели ещё два дня. Казалось, что те не останавливались даже на ночлег. Дважды за одну только прошлую ночь они видели вдали мерцающие огоньки. Ник терял терпение. Им нужно хоть что-то предпринять — и узнать, что же происходит.

До сих пор он во всём надеялся на англичан. Только совершенно безрассудный человек ринется вперёд, не зная, с чем он может столкнуться. Однако за последние несколько часов он убедился, что они настолько же сбиты с толку этой массовой миграцией, как и он сам.

Бродяги попадались самого разного вида. Как если бы, подумалось Нику, мимо них проходила, перемешанная

весьма причудливым образом, сама история. Однажды он видел индейцев. А позже трёх мужчин с ружьями с длинными стволами, одетых в охотничьи рубашки с бахромой первых поселенцев. Но были и другие — отряд лучников со стальными шлемами, сопровождаемые двумя облачёнными в латы рыцарями. И ещё одна группа, где были даже женщины (которые вообще-то встречались крайне редко), — также в доспехах, но гораздо более раннего периода, в шлемах с красными султанами и с бронзовыми украшенными чеканкой щитами.

Этим утром Страуд выскользнул наружу, укрываясь за скалами и зарослями кустарника. Уполномоченный гражданской обороны, как сделал вывод Ник, был единственным, кто, похоже, мог ходить в разведку. Страуд хотел добраться до реки на востоке и оценить там обстановку.

Хотя эта пещера стала их базой ещё с тех времён, когда им впервые посчастливилось наткнуться на неё, и у них имелись и другие убежища, вроде лагеря у озера и той фермы, они и не думали превратить одно из них в свою постоянную базу. В их планы входило добраться до моря и, если окажется возможным (что казалось практически неосуществимым), найти какой-нибудь способ переправиться в Англию. Претворяя в жизнь этот общий план, они начали было одно время строить на реке плот, но после внезапного усиления активности летающих тарелок в том районе им пришлось прекратить работу.

И вот теперь Страуд должен был разузнать, по-прежнему ли патрулируется тот район летающими охотниками или есть надежда, что поток бродяг отвлечёт их внимание. И тогда, если это так, им не нужно будет дожидаться конца этой миграции, и плот на реке станет средством, на котором они смогут сбежать. Сам Ник на это почти не надеялся, но он понимал, что англичане цепляются даже за крошечную вероятность возвращения домой.

Мысли американца неотступно возвращались к тому

городу Если бы только можно было узнать, как проникнуть в него...

— Я пойду на второй пост и сменю Джин, — сказал Кроккер. — Вскоре сюда придёт Леди Диана.

Лётчик ушёл, и Ник остался один. Он обрадовался этому. Кроккер был парень что надо, однако Ник знал, что лётчик не чувствует к нему симпатии, так же как и сам Ник не желал сейчас его возвращения. Было очевидно, что у англичанина свои проблемы, отчего он и пребывал в мрачном состоянии, постоянно о чём-то думая, и не искал общества незнакомых ему людей.

А вот викарий... Ник чувствовал к нему симпатию. И он понимал Страуда. Уполномоченный гражданской обороны так живо напоминал ему нескольких знакомых — последним из них был тренер Хеффнер в старших классах школы. Миссис Клапп — он улыбнулся — и Джин... однако он был уверен, что Джин смотрит на одного Кроккера. Он желал ей успеха в этом направлении, но сильно сомневался, что она когда-нибудь его добьётся.

Леди Диана распоряжалась здесь всем, нравилось это другим или нет. Тому, кто захотел бы стать ей поперёк дороги, следовало бы дважды подумать.

Линда... Его мысли задержались на девушке. До знакомства с англичанами они успели сблизиться, но потом она быстрее влилась в их группу, чем он. И после леса она избегала его, а он не делал попыток вновь сойтись с ней. Линда была нормальной девчонкой, но уж он-то отнюдь не собирается прилагать усилия, чтобы узнать её получше. То, что они вместе угодили в этот переплёт, ещё не означает, что их связывают какие-то особые отношения.

Ник напрягся: впереди обозначилось какое-то движение — затряслись ветки кустарника при отсутствии ветра. Во время своей вахты Ник уже видел животных, потревоженных бродягами.

И некоторые из них имели довольно гротескный вид.

Он видел оленя светлой окраски, двух волков, огромных, размером с маленького пони, обычных кроликов и стаю диких индеек. Но как-то раз мимо прошла пара жутких животных, явившихся словно из ночного кошмара, вроде тех, что были с Зелёным Человеком. Они имели четыре конечности и огромное тело, напоминавшее кошачье, однако мех был больше похож на олений, а длинную шею увенчивала покрытая чешуёй вместо шерсти или перьев голова с орлиным клювом. От плеч тянулись перепончатые крылья, как у летучей мыши, но было совершенно очевидно, что они были слишком маленькими и слабыми, чтобы удержать в воздухе такое громадное тело. Выйдя на открытое место, эти существа распростёрли крылья с сухим треском.

Ник описал этих тварей Хэдлетту, и викарий кивнул словно узнав невозможный гибрид птицы и зверя.

— Опиникус...

— Что?

— Легендарный зверь в геральдике. Вроде тех, что вы видели в лесу, — йейл и энфилд.

— Но ведь... — Ник был совершенно сбит с толку. Он думал, что геральдика имеет отношение к средневековым щитам, доспехам, рисункам, чтобы выделять рыцарей во время битв, и ныне используется как какая-то форма снобизма для собирателей декоративных тарелок и кружек и в рисунках на почтовых открытках. Но живые животные...

— Да-да, — продолжил викарий, — в нашем родном мире не бродят по округе воображаемые животные. Но здесь — сколько уютно! Они — союзники Народа с Холмов и не выказывают к нам любопытства, если только их не принуждают к этому. К счастью, подобное происходит крайне редко.

И вот теперь Ник, заметив смутное движение, размышлял, что же это: обычное животное, известное ему, или же одно из этих фантастических созданий-спутников

Народа с Холмов. Однако из кустов выскользнул, с осторожной грацией своего вида, Джереми. Кот продвигался вперёд с огромным трудом, неестественно вывернув голову, потому что держал в зубах огромную птицу. Дважды на пути вверх по склону ему пришлось остановиться и перехватить птицу поудобнее, но его решимость принести добычу ни разу не поколебалась.

Наконец он добрался до Ника и бросил к его ногам пойманную птицу. Глаза кота уставились на американца, и Джереми издал предупреждающее ворчание. Безжизненный пучок выпачканных в пыли перьев имел яркую окраску. Несколько длинных перьев в хвосте сломались. Птица была размером с цыплёнка, но оперение совершенно отличалось от знакомых Нику домашних птиц.

— Отличный улов, — заметил Ник. — Ты, Джереми, более удачливый охотник, чем мы в последнее время.

Кот улёгся рядом с ним, вытянул передние лапы, потом положил на них голову и тяжело вздохнул. Было очевидно, что его выносливость подверглась серьёзному испытанию во время доставки домой этого трофея. Ник протянул руку к птице, поглядывая на Джереми, не станет ли тот возмущаться, однако кот просто смотрел на него, не заявляя о своих правах на добычу.

Он убил птицу аккуратно, не было даже видно хоть какой-нибудь раны. Ник с восхищением смотрел на перепачканные перья. Грязь не мешала переливаться ослепительно ярким краскам, похожим на оперение попугая, однако здесь цвета нежно переходили из оттенка в оттенок. Они напомнили ему блестящий камзол Герольда.

Герольд... держа птицу в руках, Ник больше не видел её. Юноша вспоминал ту минуту на ферме, когда был убеждён, что Герольд знает, что он стоит за окном. И Ник снова вернулся к своей — правда, её нельзя было ещё назвать ясным планом — идее каким-то образом захватить Герольда и с его помощью проникнуть в город.

Сложность состояла в том, что ему следовало разуз-

нать всё о самом Герольде, хотя он знал, что для англичан эта тема — запретная. Только от Хэдлетта он получал какие-то крохи нужной ему информации, однако не столько, как ему хотелось бы, а когда он пытался порасспрашивать побольше об этом загадочном повелителе города, Хэдлетт тут же менял тему разговора. Так кто же он: действительно хозяин города или просто гонец? Статус Герольда может иметь большое значение для того, что Ник собирался предпринять. Если бы он только знал...

Хэдлетт не раз предупреждал юношу, что Линде и ему будет сделано предложение. Но до сих пор этого не случилось. А пока они скрываются в этом убежище, как оно может произойти? Быть может, если Ник встретится с Герольдом, он сам узнает, как... Хотя, если даже атаки летающих тарелок не вызвали у того никакого беспокойства, то что может сделать он — Ник?

Его продолжало грызть неудовлетворённое желание действовать. Ник не верил, что им удастся бесконечно прятаться здесь в пещере при нынешней ситуации. А что если то, от чего бегут эти бродяги на юг, появится здесь? Он был убеждён, что на весьма хрупкую надежду бегства на плоту вообще нельзя полагаться, она приведёт их лишь к гибели. Нет, вот в городе действительно безопасно...

Ник настолько был уверен в этом, что даже удивился такой своей убеждённости. Он много раз обдумывал эту идею ещё с того самого времени, когда первый раз увидел сверкающие башни, но теперь это была абсолютная, железная убеждённость.

Что-то мягкое потёрлось об его руку. Должно быть, Джереми захотел получить обратно свой трофей. Но когда Ник посмотрел на кота, тот вообще не тянулся за птицей — просто тёрся головой об руку Ника и мурлыкал.

— Хороший мальчик! — Ник почесал его за серыми ушами, а потом у подбородка. — Ты согласен со мной?

И хотя вопрос был задан шутливо, но в тот момент он

знал, что говорит правду. Ещё раз Джереми проник в его мысли, и кот выразил согласие наилучшим доступным ему способом.

Ник осторожно подвёл руку под подбородок Джереми и приподнял его голову так, чтобы прямо взглянуть в большие глаза кота.

— Джереми... как много ты знаешь... понимаешь?

Кот отреагировал мгновенно и резко. Взметнулась вверх лапа, когти полоснули запястье. Ник отдернул руку. Было очевидно, что он допустил непозволительную вольность. Раздалось предупреждающее ворчание, и Джереми, снова схватив зубами птицу, обошёл Ника и исчез в пещере. И снова юноша никак не мог прийти к решению, что же было правдой, а что — только вообразилось. Он должен порасспрашивать Линду о Ланге... вдруг у девушки тоже возникло похожее впечатление, что и пёс при желании может входить с ней в контакт?

Он смотрел вслед Джереми, когда к нему пробралась Леди Диана.

— Было что-нибудь примечательного? — прямо спросила она.

— Ничего, если не считать того, что вернулся Джереми, поймав большую птицу.

— Ох уж этот кот! Мод в буквальном смысле у него под когтем, хотя все кошки таковы. Однако должна признаться, что он, похоже, способен унюхать любого из Народа с Холмов...

— И Герольда тоже? — поинтересовался Ник.

Леди Диана внимательно посмотрела на него.

— А при чём тут Герольд? — в её голосе послышалась враждебная нотка.

— Джереми знает, когда он поблизости?

— Даже не могу сказать, — этот вопрос, похоже, явился для неё полной неожиданностью. — Да, он может указать присутствие неподалёку кого-нибудь из Народа с Холмов, видим мы их или нет. Но вот Герольд... А почему это так интересуется тебя?

— Да я просто подумал — у него ведь такая отличная защита.

— Спроси Мод, она знает об этом животном всё, что можно. Еда уже ждёт, так что тебе лучше поторопиться, пока она не остыла.

— Да, миледи! — Ник вскинул руку в салюте, обратившись к ней так, как Страуд, и спустился ко входу к пещере, отлично спрятанному среди скал.

Линда получила наряд на кухню. Тут же неподалёку сидела и миссис Клапп, а на коленях у неё лежал трофей Джереми; женщина гладила кота по голове и приговаривала, какой он храбрый и умница. Джереми самодовольно принимал похвалу, зная, как все кошки, цену себе.

Ник взял миску и пошёл к Линде, которая сидела у очага на каменной скамейке и помешивала ложкой в горшке. Рядом с ней лежал Ланг, чуть склонив голову на бок, неотрывно глядя на пламя.

— Линда, ты не заметила здесь каких-нибудь странностей в Ланге?

— В Ланге? — переспросила девушка и взяла у Ника миску, чтобы наполнить её варевом, но тут же быстро повернула голову и посмотрела на пёсика. — А в чём дело? Ланг?

Услышав своё имя, пёс сел на задние лапки, помахал передними в воздухе и тихо тявкнул.

— Не кажется ли тебе... — теперь, когда Ник задавал этот вопрос, он казался совершенно невероятным. Ему ведь, возможно, просто почудился ответ Джереми. Да нет же, нет! Эта мысль придавала ему мужества, и он продолжил. — Не производит ли Ланг на тебя впечатление, что он понимает... твои мысли?

— Мои мысли? — повторила девушка и перенесла всё своё внимание от пекинеса на Ника.

— Нет, — ответила она как бы самой себе. — Хотя... Что именно ты имеешь в виду? Я же говорила тебе — пекинесы очень умные. Он помогает мне многое понять...

— Нет, я не об этом... — начал было Ник, но девушка перебила его.

— Я знаю. Ты имеешь в виду... телепатию, так? Почему ты спрашиваешь? Ланг что, читает твои мысли? — возможно, в этом вопросе и скрывалась насмешка, но ему показалось, что в голосе её прозвучала глубокая заинтересованность.

— Нет. Но, похоже, это может Джереми.

— Джереми? — Линда бросила пронзительный взгляд на кота, свернувшегося клубком у ног миссис Клапп; лицо её немного нахмурилось. — Джин и миссис Клапп без конца твердят мне, что за чудесный это кот, да как он может дать им знать, когда поблизости появляется кто-нибудь из Народа с Холмов, что там вот дурное место или ещё что-нибудь в этом роде. Можно даже подумать, что это чудо дивное, а не кот. А теперь ещё и ты начинаешь утверждать, что он может читать мысли! Да мне кажется, что вы все сошли с ума!

— Но, — не отступал от своего Ник, — ты вообще пыталась выяснить, не появились ли какие-нибудь изменения в Ланге?

— Ты имеешь в виду, что в этом месте может случиться нечто такое, благодаря чему возможно чтение мыслей и всё такое? Но почему не мы, а животные?

— Я не знаю, — Нику пришлось сказать правду.

— Ланг! — Линда сунула наполненную миску в руки Ника и перенесла всё внимание на пекинеса. — Ланг...

Пёсик ещё раз негромко тявкнул и поставил передние лапы на колени девушки, когда она села, скрестив ноги и протянув руки к нему. Потом Линда схватила его и приподняла так, как Ник уже видел раньше, чтобы его тёмные навывкате глаза оказались на одном уровне с её зрачками. — Ланг, ты можешь читать мои мысли?

Ник следил за ними. Серьёзно ли она задала этот вопрос, или просто насмехается над ним?

Линда молча испытывающе смотрела в глаза пекинеса. Пёсик мотнул головой, высунул язычок и лизнул её

подбородок. Девушка приглушённо вскрикнула и крепко прижала его к себе, так что пёсик протестующе тявкнул.

— Ты... ты прав. Ланг понимает.

— С чего ты это взяла? — требовательно спросил Ник. К нему снова вернулись его доводы против подобной уверенности. Он же не хотел подтверждения, вдруг осознал юноша, он хотел опровержения.

— Я знаю, — только и ответила девушка. — Ник... мы должны убраться отсюда... домой!

Она казалась такой напуганной, что Ник ещё раз вздрогнул. Словно в тот долгий миг, когда она смотрела в глаза Ланга, она узнала что-то такое, от чего пошатнулся весь её внутренний мир.

— Мы не можем уйти прямо сейчас, — напомнил Ник. — Ты, как и я, знаешь, что творится снаружи.

— Они... — голос Линды превратился в шёпот. — Они не смогут... Ник... они не смогут долго скрываться здесь. Еды совсем не осталось. А этот план путешествия по реке на плоту... — тон Линды ясно выражал её откровенное мнение о подобной аванюре. — Ник, что бы или кто бы ни преследовал всех этих бродяг, которых мы видели, но этого должен бояться каждый. И если мы останемся здесь... Нет, Ник, мы не можем!

Она произнесла его собственные мысли. Но примет ли она и другое его предложение... относительно города?

— Ник, если мы вернёмся назад... прямо туда, где всё это с нами случилось, как ты думаешь, не сможем ли мы вернуться в наш собственный мир?

Он отрицательно покачал головой.

— Истории об исчезновениях в нашем мире ведутся с давних времён, однако нет никаких упоминаний про возвращение назад. И я убеждён, что это отнюдь не потому, что никто не пытался сделать это.

Девушка так наклонилась вперёд, что коснулась щекой мягкого меха пекинеса. Волосы её по-прежнему были подвязаны красной тесьмой, но одна выбившаяся прядь упала на глаза, как короткая вуаль.

— Ник, мне страшно! Никогда в жизни мне не было так страшно.

— Мне кажется, нам всем страшно. И мне тоже, — признался он. — Но нужно держаться. Я думаю, что *здесь* нельзя ни в коем случае терять над собой контроль — иначе ты точно пропал.

— Да, вот этого-то я больше всего и боюсь сейчас, Ник. Они — Джин... миссис Клапп, Леди Диана — они вроде бы уже свыклись с этой обстановкой и не обращают на неё внимание. Миссис Клапп — старая женщина, и она думает, что это как бы проверка её веры в то, что если совершаешь добрые поступки, то это тебе помогает. Она говорила мне это. И Леди Диана, она всю свою жизнь за что-то боролась... миссис Клапп рассказывала мне также и про неё. Она много чего хорошего сделала для своей деревни. Она из той породы людей, которые заставляют других делать то, что им нужно. Не могу представить её чего-то боящуюся. И Джин... знаешь, Ник, она влюблена в Барри. Пока она рядом с ним, с ней всё в порядке, остальное её совершенно не волнует. Ей только доставляет боль факт, что он всё ещё любит Риту...

Но это совсем не тот страх, что испытываю я. И, Ник, я так боюсь, что сломаюсь у них на глазах, и все они будут презирать меня, — головка девушки поникла, и выбившаяся прядь волос почти полностью закрыла её лицо.

— Никто из них не будет презирать тебя! — Ник изо всех сил пытался подобрать нужные слова. — Ты ошибаешься, Линда. Если бы ты *могла* читать мысли, я готов поклясться, что у каждого из них есть свой предел самобладания. Может, они ещё не достигли его — но он есть. Ты что, намекаешь, что нам следует отправиться одним? Но нам лучше оставаться здесь, по крайней мере в данное время.

— И мне так кажется, — хмуро согласилась она. — Но мне бы хотелось... Нет, я не могу позволить себе надеяться! Мне нужно смириться со всей этой обстановкой. Но,

Ник, мы ведь не можем оставаться здесь и голодать. Что же нам делать?

И тут, не успев прикусить язык, он ответил:

— Есть ведь город...

— Город? Что ты имеешь в виду?

— В городе по-настоящему безопасно... по крайней мере, он защищён от летающих тарелок. Мы это сами видели, — и Ник решил изложить ещё только складывающийся в голове план и посмотреть на её реакцию. — Что, если мы проникнем в город...

— О, это проще-простого. Нужно только заключить сделку с Герольдом, как это сделала Рита. Но ведь, Ник, они так говорят об этом... словно это приведёт к чему-то ужасному.

— Я имел в виду не сделку, Линда. Что, если мы сможем пройти вместе с Герольдом, но как-то по-другому? Или узнать от него самого, как это сделать, — план Ника по-прежнему оставался не более, чем просто предположением, однако мысли его постоянно возвращались к нему.

— Не думаю, что тебе это удастся, — Линда заявила это столь категорично, что Ник мгновенно утратил всякую надежду. А затем так же быстро преисполнился решимостью хотя бы попробовать. Однако он не доставил ей удовольствия высказать свой протест, а просто принялся за еду.

— Так ты всё же собираешься попытаться предпринять что-нибудь вроде этого? — казалось, его молчание вывело девушку из себя.

Ник пожал плечами.

— Разве я что-нибудь могу? В настоящее время не вижу никакой возможности.

— Конечно, нет! Да и никогда не было никакой возможности! — бросив ему в лицо эти слова, девушка встала и прошла к миссис Клапп, которая выщипывала перья из вклада Джереми в их запасы продовольствия.

Ник доел жаркое, вымыл миску в ручейке, который выходил из стены в одной из небольших ниш, а потом струился по желобку в полу. Он оставил там миску, не возвращаясь к центру пещеры а потом протиснулся в узкую щель, которую ему в своё время показал Кроккер, настолько узкую что Страуд в неё точно бы не влез. Эта щель вела в ещё одну пещеру и далее в проход, в конце которого открывалось очень узкое окошко во внешний мир.

Сейчас Ник хотел побыть в одиночестве, чтобы иметь возможность спокойно обдумать свои планы. Перед ним стояла трудная задача. Возможно даже, её невозможно решить. Но он должен был хотя бы попытаться.

Ник взобрался к глядевшей в мир щели окошка. Но когда он схватился рукой за её край, земля и камень чуть подались под его весом. Ник включил висевший на поясе фонарик, и в его ярком свете увидел, что когда-то эта щель была намного больше, а теперь завалена камнями, однако не очень плотно, и при небольшом старании камни можно было вытащить.

Что Ник и принялся делать, положив фонарик на выступ стены. Следовало только слегка расшатать эту преграду. Он выползет наружу, чтобы проверить заслон, а потом снова выстроит защитную стену но более надёжную.

Ник полез вперёд, отпихивая камни и извиваясь. Наконец он выбрался наружу. И только теперь, когда он достиг своей цели, которая полностью поглотила все его мысли, юноша вспомнил что надо бы и оглядеться. Сидя на четвереньках, опустив руки к земле он бросил взгляд вниз на склон.

Облако закрывало ярко сиявшее солнце однако оно не смогло затемнить цветное пятно на земле. Медленно приподнимаясь на ноги Ник увидел что его, скорее всего, опасное желание исполнилось перед ним стоял Герольд.

Глава десятая

Ник хотел броситься обратно в пещеру, однако было уже слишком поздно. Он понял, что Герольд заметил его. А юноше вовсе не хотелось открывать тому лаз в пещеру. Поэтому Ник и двинулся вперёд навстречу незнакомцу.

Насколько он мог судить, это был тот же самый Герольд, которого он видел скачущим по воздуху в сторону города. Этот человек (если только он действительно человек) был одного с Ником роста, хотя тело — стройнее, чем у юноши. Его зелёные бриджи и рубашка казались тусклыми по сравнению со сверкающим яркими цветами жёстким плащом, украшенным вышивкой.

Плащ был разделён на четыре квадрата, причём каждый из них покрывал искусно вышитый орнамент. С обоих плеч свисали короткие пелерины, повторявшие в миниатюре тот же самый узор. Его четырёхугольная шляпа, прикрывавшая волосы, так плотно прилегавшие к коже, что казались нарисованными, имела золотой ободок, похожий на маленькую диадему.

Его лицо ничего не выражало, было абсолютно бесстрастным, а кожа — очень белой, от чего усы над ртом казались нарисованными чернилами. Сначала он не двигался, но когда Ник сделал три-четыре шага, он пошёл навстречу своей лёгкой скользящей походкой.

Они остановились друг напротив друга, когда расстояние между ними сократилось до длины руки. И всё это время Герольд сохранял молчание и спокойное, бесстрастное выражение на лице. Когда же он заговорил, это произвело потрясающее впечатление, словно раскрашенная кукла обрела вдруг дар речи.

— Я — Авалон.

Потом он замолк, и Ник понял, что теперь его очередь представиться.

— Меня зовут Николас Шоу, — он назвал полным именем, чувствуя, что того требуют обстоятельства.

Герольд слегка наклонил голову.

— Добро пожаловать, Николас Шоу, в страну Авалона,

Тары, Броселианды и Карнака, если на то будет твоя воля.

Итак, вот оно — ему предлагают сделку. Ник лихорадочно соображал... Он должен тянуть канитель и попытаться узнать всё, что сможет, не давая немедленно категорического отказа. Но притворяться подобным образом перед этим незнакомцем, Ник был убеждён в том, будет очень трудным делом.

— Эта земля не больно-то приветливо встречает пришедших в неё, — он пытался подобрать такие слова, с помощью которых получил бы нужные для себя ответы. — Я встретил здесь опасности, неведомые в моём мире, — и уже говоря эти слова, Ник сам удивлялся тому, что слетало с его губ, — словно он говорил на иностранном языке, однако это были слова его родного языка, просто обычно он так не разговаривал.

— Это земля гостей. Те, кто принимают эту землю, узнают, что и она принимает их, и тогда для них здесь больше нет тех опасностей, которые ты встречал.

— И каким же образом это происходит?

Рука Авалона скользнула за пазуху, а затем в его руке оказалась маленькая шкатулка, которую он щелчком открыл. Эта шкатулка была круглой, а внутри неё — одно лишь золотое яблоко — почти всё золотое, и лишь с одного бока слегка розоватое. То ли от него, то ли от шкатулки исходил чрезвычайно соблазнительный запах, не хуже вида яблока.

— Съешь его, ибо оно от Авалона. И тогда Авалон войдёт в тебя, и ты станешь частью его, равно как и он станет твоей частью. И став таким образом Авалоном, ты сможешь принять всё, что он предложит тебе.

— Мне говорили, — осторожно начал Ник, со слабой надеждой, что ему, может быть, удастся хоть что-то вытянуть из Герольда, — что тот, кто совершает это и становится Авалоном, расстаётся со своим прошлым и перестаёт быть тем, кем был раньше...

Выражение на лице Герольда не изменилось.

— Человек делает выбор, а всякий выбор слегка меняет его. Такова жизнь, и этого не избежать. Если ты страшишься того, что Авалон предложит тебе, тогда ты делаешь один выбор и будешь следовать ему. Есть и такие, кто не принимают этого предложения и не становятся частью этой земли, и земля эта отторгает их, и нет им тогда ни покоя, ни счастья.

— Так, значит, в Авалоне их ждёт покой? — Ник попытался изобразить недоверие в голосе. — Но по тому, что я видел здесь, этого не скажешь. Я видел, как одни люди охотились на других, я видел странников, которые ни один из уголков этого мира не могут назвать своим домом.

— Они по своей воле отвергли Авалон, поэтому и Авалон отверг их. Поэтому у них нет ни корней, ни прибежища. И близится день, когда они узнают, что без корней и прибежища они погибнут.

— Те, кто принадлежат Авалону, выступают против них? — требовательно спросил Ник. Что это: угроза или предупреждение?

— В этом нет необходимости. Авалон — не враг людям. Это место покоя и безопасности. Но к тем, кто остаётся вне его, приходит Тьма и Зло. Такое уже случилось прежде, когда зло надвигалось на эту землю. И там, где Оно встречалось с Авалоном и Тарой, Броселиандой и Карнаком, Оно билось о стены, не в силах затопить их. Но тех, кто находится за этими стенами, ждут неисчислимые опасности. Зло то прибывает, то убывает, и сейчас — время прилива.

— И именно это Зло приносит таких, как я, в Авалон?

— На такие вопросы, незнакомец, не мне отвечать. Прими Авалон, и ты узнаешь.

— Я не могу принять решение сейчас же... — уклонился от прямого ответа Ник.

И снова Герольд наклонил голову.

— Я понимаю это, ибо люди твоей расы не умеют

контролировать свои мысли. Вам трудно принимать чёткие решения. Мы ещё увидимся.

Он закрыл шкатулку, снова засунул её под плащ и, повернувшись спиной к Нику, скользнул прочь от юноши с такой скоростью, что если бы Ник не побежал, то сразу бы безнадёжно отстал. Американец решил последовать за ним, по крайней мере хоть немного. Герольд не верхом на коне, поэтому без сомнения Нику удастся проследить за ним...

С одной только этой мыслью в голове Ник пробирался сквозь заросли кустарника, пытаясь не потерять из виду сверкающее пятно плаща. Одновременно он обдумывал всё то, что сообщил Авалон. По всей видимости, тот назвал себя именем этой земли, словно он — её официальный представитель, полностью отождествляя себя с ней. И угрожал ли он или просто утверждал, что какая-то огромная опасность ждёт тех, кто не находится под защитой Народа с Холмов?

Массовая миграция бродяг отчасти подтверждала его слова. Неудачные нападения летающих тарелок, свидетелем которых был сам Ник, ещё больше подчёркивали безопасность, которую предоставлял Герольд и его город. С другой стороны — нескрываемый ужас англичан перед этим предложением, хотя причины этого Ник всё ещё никак не мог понять.

Всё это...

Ник замер. Сверкающее пятно впереди также остановилось. Ник нырнул в кусты. Навстречу Герольду из подобного же укрытия выбирался какой-то человек, высоко держа в руке шест, увенчанный на конце крестом из потускневшего металла.

— Демон! — выкрикнула эта фигура, выискивая, куда бы ударить шестом — как дубинкой — по голове Герольда. Но Авалона больше там не было — он стоял в нескольких шагах в стороне. И снова этот дикарь, одетый в разорванное, грязное коричневое платье, с седыми спутанными волосами и такой же седой бородой, попы-

тался напасть. На этот раз Герольд просто исчез из виду.

— Стоять!

Ник почувствовал позади себя отвратительную вонь, и в подтверждение этого приказа что-то острое кольнуло в спину. А через несколько секунд тот же самый голос глухо прокричал что-то, чего Ник не смог разобрать.

Не отказавшийся ещё от мечты сразиться с Герольдом, седовласый в ярости, вызванной замешательством, метался вокруг того места, где исчез Авалон, тыкая шестом с крестом в кусты и выкрикивая высоким голосом слова, которых Ник не мог перевести.

После второго окрика из-за спины Ника он наконец перестал сокрушать кусты и быстро, хотя и прихрамывая, направился к американцу.

Когда он остановился, опёршись о шест, Ник увидел, что одет он был в монашескую рясу. А в глазах утрюмого лица бродяги горел фанатичный огонь.

— Встать!

Снова боль в спине. Ник поднялся, разгневанный как на этого человека позади, так и на самого себя за то, что был так слеп и так легко позволил себя пленить.

Монах подошёл совсем близко к Нику. От зловонного дыхания, ужасного запаха тела и заношенной одежды монаха американца замутило. Горящие глаза бежали Ника с ног до головы.

— Демон!

Монах поднял крест, и Нику показалось, что вот сейчас он ударит его по голове. Он быстро нагнулся и получил удар в висок, который бросил его на колени, в ушах зазвенело, а голова закружилась.

Монах и второй, стоя на нем, о чём-то посоветовались. Потом его схватили грубые руки и потянули за волосы, так что он не мог шевельнуть головой. И снова над ним навис крест, однако на этот раз он, опустившись, всего лишь болезненно вжался в кожу на лбу. Довольно долгое время монах держал крест так, а затем рывком отдернул и наклонился к Нику, чтобы изучить результат контакта.

Недовольно что-то проворчав, он отдал второму какой-то приказ. Ника поставили на ноги, руки заломили назад и связали верёвкой, больно впившейся в кожу. Лишь после этого человек, взявший в плен Ника, обошёл его и встал перед монахом.

Несмотря на то, что сложением бродяга сильно напоминал Страуда, во всём остальном он заметно отличался от уполномоченного гражданской обороны. Большую часть лица его покрывала грязная спутанная борода, поднимавшаяся на скулах почти до самых бровей, таких же густых и косматых. На голове косо сидел проржавевший металлический шлем, весь во вмятинах, имевший выступ, прикрывавший нос. Да и остальная его одежда тоже была поношенная, а ржавая кольчуга поверх кожаной рубахи была такой старой и грязной, что казалась почти чёрной. Его кривоватые ноги тесно облегали дырявые штаны, а башмаки ещё чуть-чуть — и развалятся.

Однако он был вооружён. На поясе висел меч, а с другой стороны — кинжал с длинным клинком почти в длину руки Ника. Через плечо был перекинут арбалет. Солдат достал кинжал и с вожделием посмотрел на Ника, нацеливая остриё в горло американца.

Монах покачал головой, резко и отрывисто, что отличало все его движения, и коротко выкрикнул какой-то приказ. Второй ухмыльнулся, в отвратительной щетине мелькнули остатки сломанных зубов. Схватив Ника за плечо, он толкнул его вслед за монахом, который заковылял вперёд, приподняв свой шест с крестом, словно это были одновременно и знамя, и оружие.

Было очевидно, что Ник попал в руки какого-то отряда бродяг. Юноша, потрясённый собственной глупостью, что дал себя так легко поймать, никак не мог собраться с мыслями. И с каждой минутой он всё больше и больше сомневался, что к этим людям можно хоть как-то воззвать как к товарищам по несчастью. Солдат, если только это был солдат, прямо-таки со звериной жестокостью болезненными тычками подгонял Ника; никто никогда

ещё так не обращался с американцем. Монах был ничуть не лучше.

На открытом пространстве вблизи небольшого ручья они встретились с остальными членами отряда. Среди них были ещё три солдата, как один похожие на того, который взял в плен Ника, словно все они — родные братья. Но вскоре стало ясно, что главенствуют не они, а монах и ещё одна особа, сидевшая спиной к валуну. Она зубами рвала кусок полупрожаренного мяса, а рядом, сбоку от костра, были приготовлены к тушению и другие куски, насаженные на колышки.

Жир блестел у неё на подбородке, капая на отделанный кружевом лиф её платья, добавляясь к застывшим следам предыдущих подобных трапез. Кожа у неё стала серой от слоя пыли, пряди волос небрежно выбивались из растрёпанных кос. Однако сквозь грязь у неё всё-таки проглядывали такие черты лица, что если его вымыть и нанести косметику, то она могла бы считаться красавицей даже в мире Ника. На её засаленном платье ещё можно было увидеть то, что некогда было тонкой вышивкой, а пояс и кольца на каждом из её пальцев сияли драгоценными камнями. На голове же красовалась золотая диадема с тусклым голубым самоцветом спереди. Она казалась какой-то принцессой, сошедшей с картинки из сказки, правда, опустившейся до самого последнего предела.

Увидев Ника, она отбросила в сторону кость. Выпрямив спину, женщина властным жестом указала на него и произнесла какую-то команду, однако он не понял её, хотя отдельные слова и показались ему знакомыми. Когда Ник не ответил, стражник снова ударил его.

Однако монах оттолкнул солдата в сторону, в ярости выкрикнув какой-то протест. Недоброе веселье, заигравшее на лице женщины, когда её подчинённый пытался вразумить пленника, сменилось разочарованием. Она пожала плечами и махнула рукой. Один из солдат поспешил за ещё одним куском мяса и передал его ей.

Тем временем монах стал прямо перед Ником и начал медленно говорить, делая паузу после каждого слова. Однако Ник снова ничего не понял и покачал головой. Взявший его в плен солдат вновь выступил вперёд, с почтением обратился к монаху, а потом повернулся к Нику.

— Кто... ты? — гортанно произнёс он, но несмотря на акцент Ник понял вопрос.

— Николас Шоу... а кто вы?

Солдат злобно ухмыльнулся.

— Не всё ли равно. Ты дьявольское отродье, — он сплюнул на землю. — Мы держим... демоны видят... Они задают нам жару... а мы зададим жару тебе!

И тут в их разговор снова вмешался монах, явно требуя от солдата какого-то ответа. Женщина, облизнув пальцы, перебила его замечанием, от чего все четыре солдата весело рассмеялись, но монах, повернувшись к ней лицом, принялся размахивать своим шестом. Женщина продолжала улыбаться, молча слушая его выкрики, однако солдаты веселиться перестали.

Ника подтащили к ближайшему дереву, прижали спиной к стволу и надёжно привязали плетёным кожаным ремнём. Монах следил за этими приготовлениями с одобрением и удовлетворением. Потом Ника оставили в покое, наедине с его мыслями, а все остальные, присев на корточки, собрались у костра и принялись за еду.

От запаха мяса Ник почувствовал голод. Казалось, что целая вечность прошла с тех пор, как Линда дала ему миску похлёбки. Но ещё сильнее, чем голод, его мучила жажда, так что видеть бегущий невдалеке ручеек становилось всё нестерпимее.

Создавалось впечатление, что эти люди никуда не торопятся. Один из солдат (или, решил Ник, точнее было бы назвать их латниками, поскольку их потёртая амуниция была несомненно ближе к средневековой, чем к его времени) скрылся в кустах, а затем вернулся, ведя нечищенную, тяжело переставляющую ноги лошадь, у которой

рёбра выпирали из-под кожи, и карнаухого мула. Он подвёл их к воде и дал напиться, а потом снова отвёл в заросли.

Когда солнце начало припекать, монах распростёрся на земле подальше от костра, скрестив руки на груди и прижав к себе шест — своё странное оружие. Латники, отойдя на порядочное расстояние от своих предводителей, сделали то же самое, однако они поочерёдно сменялись в карауле, кто-нибудь из них заползал в заросли, а потом другой выбирался на полянку.

Покончив с едой, женщина обтёрла руки пучком травы, и это был её первый жест чистоплотности, который увидел Ник. Затем она прошла к ручью, напилась из него, сложив ладони горсточкой и снова вытерла руки, на этот раз об юбку. После чего некоторое время постояла, глядя на спящих монаха и солдат, а потом бросила на Ника быстрый взгляд и вернулась к своему каменистому сидению.

Однако женщина не стала ложиться спать, а, удобно развалившись, принялась играть одной из своих длинных кос и что-то тихонько напевать. Время от времени она, не таясь, бросала на Ника многозначительные взгляды.

Он уже ощутил жестокость латников, оголтелый фанатизм монаха, и вот сейчас такая же злоба, ужасная и отвратительная, исходила от неё. Ник сам не мог понять, что же такое на него нашло. Никогда прежде он не испытывал столь сильного отвращения к какому-то отдельному человеку или людям и ощущения, что понимает, что они чувствуют. Это было похоже на осознание того, что Джереми понимает его, на усилившуюся способность, о которой он прежде и не ведал. И от этого его охватил ещё больший страх.

Несомненно, он попал в очень скверный переплёт. Они запросто пережут ему глотку, их и приглашать не надо. Ник готов был уже поклясться, что женщина с удовольствием ждёт этого. Юноша понял только одно: его собираются использовать как предмет для сделки с

теми, кого эти люди называют «демонами». И поскольку монах выкрикнул это слово, увидев Герольда, должно быть, именно с Народом с Холмов они и намерены торговаться, припугнув тем, что могут сделать с Ником. От этой мысли по коже пробежал холодок. Ибо, наверное, Народу с Холмов глубоко наплевать, что его убьют здесь. Он ведь отказался от предложения Герольда — точнее, отложил ответ на потом — вот почему Авалону нет до него никакого дела. Ему чётко объяснили: Авалон защищает только своих, а остальных ждёт та судьба, которую они сами выбрали.

Теперь Ник уже жалел, что он не ответил по-другому. Ему казалось, что все эти разговоры викария об изменении, о неправильности подобного выбора — ничто по сравнению с этим пленом. И всё же — он был упрям и знал это — ничто не заставит его сделать выбор помимо своей воли.

Всё это сомнительное приключение началось потому, что ему захотелось убежать, побыть наедине с самим собой, когда никто не давил бы на него и не поучал. И вот к чему это привело. Из чувства долга помчался он в тот раз за Линдой. А после встречи с англичанами они должны были принять их образ жизни просто потому, что он слишком мало знал, чтобы рисковать...

Монах храпел, однако его негромкий храп почти полностью заглушался более мощным хором латников. На поляне показался сменившийся дозорный, и женщина, подзвав его к себе жестом руки, отдала какое-то приказание. Прикоснувшись к ржавому шлему указательным пальцем, он отправился туда, где паслись животные. Она следила за ним, потом встала и прошла к ручью.

Зачерпнув руками, сколько смогла, воды, она пошла, быстро семена, к Нику.

— *Aqua...* — она вытянула руки так, что Ник почти мог дотянуться.

Латынь! Она говорила на латыни!

К его лицу приблизились ладони. Теперь, когда вода

была возле самых губ, его жажда стала просто пыткой. Но Ник не верил ей. Не верил, что у неё есть хоть какое-то чувство сострадания. Это была просто игра, в которую ей захотелось сыграть.

Вода капала на его рубашку, просачиваясь сквозь пальцы, наклонить только голову — и напьёшься. Но что-то внутри него говорило «нет», и он прислушался к этому совету.

Улыбка женщины растаяла, и она выплеснула остатки воды ему в лицо. Потом быстро прошла назад к своему валуну и так же быстро вернулась с маленьким кнутом; рукоять его потускнела, однако её ещё украшали грубо обработанные самоцветы. Размахнувшись, женщина ударила его по лицу, и Ник ощутил резкую боль словно от удара ножом.

Несмотря на всё своё самообладание, Ник вскрикнул, и женщина, рассмеявшись, некоторое время стояла перед ним, поигрывая плёткой и наблюдая, как действует на него эта угроза. Однако, если она и замышляла какие-то новые шалости, то ей снова помешал монах.

Он привстал, а потом буквально заревел от ярости. И этот вопль был таким резким, что проснулись латники и спросонья схватились за оружие, а их товарищ, находившийся в дозоре, стремглав вылетел из-за кустов, готовый прийти к ним на помощь.

Женщина стояла и ждала, пока монах не успокоится, а потом ответила с такой же резкостью. Но всё же отошла от Ника. По всей видимости, приказы монаха по-прежнему выполнялись. Вот только Нику страстно хотелось узнать, в чём же они заключались.

Когда удлинились вечерние тени, Ник подумал о пещере. Наверное, они уже заметили его исчезновение, но даже если и обнаружили, как он расширил потайной лаз, то всё равно они не имеют ни малейшего представления о том, куда он направился. И ради собственной безопасности они не рискнут пойти на его поиски, не зная

ничего об его мотивах. Ник сознавал, что никакой надежды на спасение нет.

Время от времени юноша напрягал мышцы на запястьях, пытаясь ослабить верёвку, но та не поддавалась. Кисти занемели, вскоре и сами руки потеряют чувствительность. И хотя ствол дерева, к которому был привязан Ник, заставлял его сохранять вертикальное положение, его ноги тоже совсем уже затекли. Он не был уверен, что даже если каким-то чудом вдруг освободится, то сможет сделать хотя бы шаг.

С наступлением сумерек латники наконец-то занялись делом. Весь день у них горел один костёр. Но теперь они натаскали дров и неподалёку устроили ещё один. Монах трудился над сухими веточками, которые выбирал с особой тщательностью. Он обстругивал их ножом, снятым с пояса, и связывал пучками травы со сноровкой, показывавшей, что уже частенько занимался подобным делом раньше, и таким образом изготовил ещё несколько деревянных крестов.

Собрав их в руке, монах приблизился к дереву, к которому был привязан Ник, и начал втыкать их в землю, словно, делая это, возводил преграду вокруг пленника. При этом он что-то бормотал, и Нику показалось, что он узнаёт отдельные слова на латыни. Закончив установку крестов, монах обошёл их, прикасаясь к каждому металлическим крестом на конце своего шеста и что-то при этом напевая. А чуть в стороне остальные бродяги сошлись вместе и время от времени подпевали ему в ответ, как того, наверное, требовала церемония.

Потом они зажгли второй костёр, вспыхнувший ярким светом в сгустившейся темноте. Привели лошадь и мула, ещё раз напоили их, а потом привязали между кострами, а на шею повесили верёвки с кусочками железа. Все бродяги вышли на освещённую площадку между кострами. Латники вытащили свои кинжалы и держали их в руках, словно ожидая осады. Но монах вонзил шест с крестом в землю и встал не слишком далеко от Ника.

На лицах их застыло выражение ожидания, и Ник вдруг поймал себя, что он тоже прислушивается, хотя к чему именно, он не знал. Время от времени монах что-то бормотал, люди между кострами устало переминались с ноги на ногу, однако никто из них не терял бдительности.

Постепенно Ник почувствовал поднимающуюся волну отвратительной вони, исходящей от участвовавших в этом представлении людей. Только это была духовная вонь, а не физическая. Он никогда не ощущал ничего подобного, однако всё же опознал это каким-то чувством. Точно так же, как ферма, где они укрывались, была обителью добра, так и то, что надвигалось сейчас, несло в себе угрозу и зло.

Наверное, и остальные ожидали его прихода. И оно не являлось Авалоном, Ник был твёрдо убеждён в этом.

Сырое, тяжёлое, тлетворное облако выплыло на поляну... А затем Ник услышал, как что-то массивное с треском ломится сквозь кусты... тяжело дыша.

Люди между костров подняли руки, и в их руках он увидел железные обереги. А монах выгачил из земли свой шест с крестом и приготовился использовать его, как дубинку.

Всё ближе, ближе... Ник заметил, как кусты слева задрожали. Он повернул голову в ту сторону. Из центра куста высунулась голова. Ник заставил себя смотреть на неё, пытаясь совладать со своим страхом, однако всё же невольно вздрогнул.

Грязно-белая, звериная, перекошенная морда... на неё нельзя было смотреть, не содрогаясь, — на ужасное воплощение ночных кошмаров. Морда с вожделением осклабилась, обнажая клыки, и исчезла. С другой стороны на поляну выползла змея, точнее, нечто, похожее на неё, со змеиным телом, но с головой женщины. И эта тварь прошипела какие-то слова, которые, должно быть, поняли люди на поляне, потому что один из латников бросился с ножом на это создание с криком ужаса и ненависти и воткнул нож в тело за улыбающейся головой.

Однако тварь осталась совершенно невредимой, солдат с хриплым криком отпрянул назад, забыв о ноже, и упал на землю и в страхе скорчился, закрыв руками глаза, а женщина-змея извивалась кольцами и поднималась над ним — пока монах не нанёс удар своим шестом, и тогда она бесследно исчезла.

Но это было только начало осады.

Глава одиннадцатая

На поляне появлялись, бросая злобные взгляды, шипя, плюясь, выкрикивая угрозы, всевозможные невероятные чудовища — кто на четырёх лапах, а кто с телом, как у человека, — на своих двоих; но тут же растворялись среди теней, уступая место следующим. Пока что никто из этих ужасных тварей не нападал на людей, скучившихся между кострами. Но один только их вид заставлял судорожно напрягаться их нервы, и так уже, по-видимому, сильно расшатанные предыдущими встречами с этими чудовищами.

И когда нечто с козлиной головой, но человеческим телом, если не считать хвоста и копыт на ногах, запрыгнуло в круг света и принялось гарцевать и махать руками, подзывая к себе латников, один из солдат задрал голову и завыл, как собака. К нему тут же подскочил латник, взявший Ника в плен, и ударом руки сбил солдата с ног, а тот, распластавшись ничком, так и остался лежать на земле, тихо поскуливая. Козлоголовый фыркнул, подпрыгнув в воздух и щёлкнув копытами друг о друга.

Монах, выставив вперёд шест с крестом; бросился на ужасное существо, и козлоголовый, издав тонкий визг, попятился назад, будто от креста исходила какая-то ужасная угроза для него. Но тут на его место выскочила ещё одна нечисть, тоже с человеческим телом, излучавшим золотое сияние, с белыми крыльями, колыхавшимися за спиной, и с совиной головой над широкими плечами.

Левая рука нового существа лежала на спине огромного, с лошадь, волка.

— Андрас! — монах, похоже, узнал это видение. — Демон! — и он снова выставил вперёд своё оружие.

Однако на этот раз его атака была не столь удачной, потому что совиный клюв на увенчанной перьями голове издал какой-то звук, сперва неясный, но постепенно становившийся громче и пронзительнее, перекрывая все остальные звуки, от него уже раскалывался череп... Ник поморщился от боли, а вой поднимался всё выше и выше...

Мука стала совершенно нестерпимой, так что Ник уже ничего, кроме неё, не осознавал. И он почти потерял сознание, когда смутно увидел, как люди между кострами бросили своё железное оружие, даже монах выронил шест с крестом, и, зажав уши руками, с выражением безумной муки на лицах они поднялись и, шатаясь, побрели куда-то на зов.

Но не в сторону этой нечисти с совиной головой — потому что её больше на поляне не было. Нет, они, покачиваясь и спотыкаясь, брели к зарослям кустарника, влекомые какой-то силой, которой не в силах были противостоять. Впереди тащились латники, за ними — женщина, путающаяся в своей длинной стелющейся по земле юбке, а позади всех — монах с застывшей маской страдания на лице. Они брели в наводнённую призраками тьму. Ник тоже почувствовал эту силу и отчаянно пытался разорвать верёвки, которыми был крепко привязан к дереву, повинаясь приказу этого зова, но безуспешно, верёвки лишь глубже впивались в его тело. Новые и новые отчаянные попытки... Не будет передышки от боли, пока он не подчинится этому зову... он должен идти, должен! И всё же он не смог. И наконец, изнурённый, обессиленный, юноша обмяк на врезавшихся в плоть верёвках, удерживавших его на ногах.

Захватившие его в плен люди исчезли, но остались

тощая кляча и понурый мул, спокойно пощипывающие траву, словно ничего и не случилось. Голова больше не раскалывалась от боли, однако он ещё слышал постепенно стихающий вдали этот мучительный звук.

Какая судьба ждала тех, кто пошёл на зов? Ник не знал этого. Но он не верил, что кто-то из бродяг вернётся, чтобы освободить либо убить его. У юноши голова шла кругом от боли в ушах, однако он уже начал осознать, что всё ещё связан.

Ярко сверкая в лучах костров, на поляне валялись кинжалы, брошенные бродягами. Но они были так далеко от него, словно находились в его родном мире.

И только теперь он вдруг расслышал какой-то новый звук над собой, и, запрокинув голову к грубой коре дерева, попытался рассмотреть, что же там такое. Ещё одно летающее чудовище?

Что-то промелькнуло в небе. Но он был уверен, что не ошибся. Одна из летающих тарелок направлялась в сторону, где исчезли беглецы.

Не для того ли и предназначался тот звук, чтобы вытянуть людей из убежищ, где они скрывались, на открытое место, где можно без труда их переловить? Эти чудовища — бродяги, кажется, смогли опознать их; Ник припомнил, как монах назвал по имени нечисть с совиной головой — какое они имеют отношение к летающим тарелкам? Однако их могли использовать, чтобы обезоружить и сломить намеченные жертвы.

Но если охотники с тарелок захватят бродяг, то они узнают и о нём! Может, им уже известно о пленнике и о том, что он совершенно неподвижен. Он должен как можно скорее освободиться!

В этот момент Ник боялся летающих тарелок больше любого из ночных чудовищ. Потому что та нечисть могла быть просто иллюзией, а летающие аппараты — очень даже настоящие.

Освободиться, но как? Эти кинжалы... У него не было никакой возможности дотянуться до них, так же, как и

вызвать Страуда, Кроккера или викария. Или встретиться с Герольдом...

Герольд!

В памяти Ника промелькнул облик Герольда, каким юноша увидел его перед входом в пещеру. Казалось, перед глазами словно вспыхнул его сверкающий плащ. Страх потихоньку утихал. Ощущение зла, пришедшего вместе с темнотой, исчезло. Вспотевшее лицо Ника теперь ощущало лишь приятный чистый ветерок леса.

Но оставались ещё летающие тарелки! Нужно было обязательно как-то освободиться, прежде чем их команда доберётся сюда! Но он был слишком изнурён, чтобы бороться с путами, которые только туже затягивались при каждом его движении. Руки и ноги снова тревожно онемели.

Герольд... Хотя он должен был думать о том, как бы сбежать отсюда, разум Ника по-прежнему обращался к Авалону... тот буквально стоял перед его внутренним взором.

— Авалон!

Что заставило его произнести это имя?

Лошадь заржала, вздёргнув голову, и ей отозвался мул. Оба животных перестали пощипывать траву и смотрели в сторону дерева, к которому был привязан Ник.

А потом... появился ОН!

Ещё одна иллюзия? Если и так, то очень реальная.

— Авалон? — Ник проговорил имя как вопрос. Освобождает ли Герольд его? Или же, поскольку Ник не принял его предложение, оставит его на милость охотников?

— Я Авалон, — услышал Ник.

— Вы можете... вы меня не освободите? — прямо спросил Ник. Пусть Герольд ответит «да» или «нет» и покончит с этим.

— Каждый человек должен освободить себя сам. Ему предложена свобода, и выбор лишь за ним.

— Но... я ведь не могу даже пошевелиться... даже при

всём своём желании я не смогу отведать это твоё драгоценное яблоко.

Как и раньше, лицо Герольда ничего не выражало. Его окружало собственное сияние, исходившее не от костров.

— Существует три вида свободы, — Авалон не извлёк яблоко. — Есть свобода тела, свобода разума и свобода духа. У человека, если он по-настоящему хочет освободиться от сковывающих его уз, должны быть все три.

В Нике поднимался гнев. Сейчас время работает только на его врагов, и у него не было никакого желания терять его на философские споры.

— Это не освободит меня.

— Свобода находится внутри тебя, — сказал Авалон. — Как и внутри всех живых существ...

Он слегка повернулся и окинул ровным взглядом лошадь и мула. Пока он несколько долгих секунд разглядывал этих двух животных, Ник успел даже пару раз вдохнуть. Затем животные замотали головами с такой энергией, какой эти полуголодные существа ещё ни разу не проявляли.

Они подошли к зарослям кустарника и, сунув свои головы в листву, принялись ими вертеть и изгибать шеи явно с какой-то разумной целью. Верёвки с кусочками металла, висевшие на их шеях, зацепились за ветки с шипами. Животные наклонили головы и резко отскочили назад, освобождаясь от верёвок, которые остались висеть, раскачиваясь, на ветках кустов.

Сбросив таким образом привязь, они направились прямо к Герольду и опустили головы перед ним. Он протянул вперёд руку и, хотя он и не прикоснулся к уздечкам, — сбруя упала на землю, освобождая животных от всего, чем человек опутал их.

Тем не менее они остались стоять, пронизательно глядя на Герольда, а он на них, словно между ними существовала какая-то невидимая связь. Наконец лошадь

негромко заржала, а мул заревел. Они вместе повернулись и потрусили в темноту ночи.

— Если ты освободил их, — возбуждённо выпалил Ник, — то можешь проделать это и со мной.

— Свобода — только в тебе, лишь ты сам можешь добиться её.

Теперь Ник понял, что Герольд ещё раз повторил это явно с какой-то целью — а не просто из желания ему досадить. Лошадь и мул избавились от своих оков из «холодного железа», которыми их опутали бродяги. Но у него совсем не оставалось сил. Он не мог освободиться сам... это невозможно.

— Каким образом? — спросил он.

Ответа не последовало.

— Ты же сказал этим животным! — бросил Ник ему в лицо обвинение.

Герольд по-прежнему молчал.

Свобода, которую только он сам может обрести? Возможно, из-за того, что он не принял предложение Авалона, Герольд не может или не хочет оказать ему более действенную помощь, чем эти несколько слов. Ник прислонился к дереву и попытался поразмыслить. Несомненно, какой-нибудь способ освободиться существует. Он не верил, что Авалон мучает его по какой-то своей туманной причине. Если такой способ существует, то он, призвав к себе на помощь всю свою волю, терпение и интеллект, найдёт его.

Все попытки выпутаться из верёвок окончились ничем. Не мог он дотянуться и до кинжалов, валявшихся совсем рядом. Итак... что же остаётся?

У него нет свободы тела. Свобода разума и свобода духа... может ли он использовать их? Телепатия... предвидение... в человеческом мозгу существуют некие силы — паранормальные. Но такими способностями владеют лишь очень немногие, и он не относился к их числу.

Кинжалы... он их видит... свобода разума...

Авалон ждал. Ник был уверен, что он больше ничего

не скажет. Всё теперь целиком зависело только от него, его воли и силы.

Кинжалы... как-то использовать их...

Ник изо всех сил сконцентрировался на ближайшем клинке, более тонком, который выронила женщина. Нож... верёвка... они соприкасаются и дают свободу.

Нож... верёвка... Он должен закрыть свой разум для всего, кроме мысли об этом тонком сверкающем красным пламенем в лучах угасающего костра клинке и петле стянувшейся вокруг него верёвки. Нож... верёвка...

По лицу Ника потекли капли пота. Он чувствовал себя как-то странно, словно какая-то отдельная его часть пыталась освободиться от его тела. Часть его — как будто кисть руки — пыталась освободиться. Если ему не удастся по своему желанию сдвинуть с места нож... что с его кистью?

Ник изменил тактику. Кисть... кисть... свободная... дотягивается до освещённой костром площадки. В некоторых случаях тело повинуетя мысленным приказам, удастся ли такое сейчас? Вот впереди формируется что-то туманное, тонкое... касается ножа. Так значит и железо не спасает от этого! Ник сосредоточился. Кисть, пять пальцев... четыре пальца и отведённый в сторону большой палец обхватывают рукоятку. И вот эта сероватая призрачная кисть сомкнулась на рукояти.

Итак, у него есть кисть, но кисть нужно присоединить к руке, иначе всё это бессмысленно. Рука... он представил себе запястье, руку. И снова впереди за клубился туман, сливаясь с кистью и другим концом касаясь его плеча.

Ну же!

Никогда прежде он не концентрировался на каком-либо действии с таким напряжением. Длинная, чрезвычайно длинная «рука» из тумана начала подтягиваться к нему. Он должен удержать её... должен!

Ник прерывисто дышал. Назад, давай назад... он должен подтащить к себе этот нож!

Энергия Ника то прибывала, то убывала, и в такт этим

приливам и отливам по земле маленькими рывками скользил кинжал. Вот он уже покинул освещённую площадку и теперь потихоньку приближался к нему! Ник не ощущал триумфа, только необходимость держать и тянуть.

И вот нож замер у его ног, а длинная призрачная рука, слегка светясь, провисла кольцами, словно ослабленная верёвка. Ник так устал... ведь усталость подобного рода он никогда прежде не испытывал, и теперь она навалилась на него, словно пудовые гири. Но если он поддастся ей, он погиб.

Нож необходимо поднять! Свернувшаяся колечками субстанция сгустилась, петли слились в более крепкую и видимую колонну, на вершине которой торчала кисть, удерживающая нож. Вверх! Всего себя Ник вложил в этот приказ.

Клинок рывками поднимался. Остриё укололо колено. Ник приподнял его ещё выше к первой стягивающей его верёвке. «Режь! — отдал он приказ. — Режь!»

Лезвие двигалось медленно, слишком медленно. Он чуть не поддался панике, но потом к нему всё-таки вернулось самообладание. Хотя и медленно, но клинок все же двигался...

«Режь!»

Клинок слабо елозил взад-вперёд по крепкой коже. Если бы только режущая кромка была достаточно острой! Не думай об этом... не думай ни о чём, кроме одного... режь... режь... режь!

Отрезанный конец ремня упал к его ногам. И тут же колонна из тумана тоже рухнула вниз, а вслед на ней на землю свалился и кинжал. Из последних сил Ник начал яростно извиваться. Пути спали, а он, перевернувшись, упал головой вперёд, запыхавшись и без сил.

Он повернул голову и поискал глазами Авалона. Но Герольда на поляне больше не было. Между угасающими кострами лежал один только Ник, а перед собой в этом слабом свете он увидел лишь искривлённый силуэт деревянного креста. И хотя он больше не был привязан к

дереву, однако кисти его ещё были связаны, ноги затекли, и не оставалось никаких сил.

Кисти... Он должен освободить руки. Рядом лежал нож. Ник, не вставая, посмотрел на него. Он ещё раз попытался создать призрачную кисть. Но сила, какого бы рода она ни была, уже покинула его. Если он и поможет себе, то лишь с помощью физических средств.

Он с трудом перевернулся и пополз вперёд, пока не дотянулся до ножа. Как-нибудь закрепить его... но его ладони совсем онемели. Закрепить! Извиваясь на земле, покрытой прошлогодней листвой, Ник весом собственного тела вдавил полрукоятки кинжала в этот перегной. Рядом нашёлся камень, и он, болезненно морщась, сдвинул его, достаточно надёжно, как ему показалось, укрепив кинжал. Вверх-вниз водил Ник запястьями, даже не зная наверняка, касаются ли путы острой кромки лезвия.

Он так и не был в этом уверен, пока его руки не упали на землю и постепенно не началось восстанавливаться кровообращение. Затем он привстал и прислонился к дереву, к которому был привязан. Нож, воткнутый в землю... он из железа. На негнущихся деревянных ногах, держась одной опухшей рукой за дерево, Ник нагнулся и поднял кинжал. Из последних сил удерживая его, юноше удалось засунуть его за пояс.

Здесь опасно оставаться. Используя дерево как опору, Ник обогнул его, уходя прочь от света костров. Однако ноги не слушались его, в какой-то момент ему даже показалось, что он вообще не в состоянии идти. Кусты... только бы ему добраться до них...

Ник упрямо ковылял вперёд. Там, в темноте, виделся более густой кустарник. Ник опустил на колени, потом ещё ниже, на живот, и пополз, протискиваясь под защиту веток, пока у него не кочились последние силы.

Им овладел не сон, а скорее усталость тела, такая безмерная, что он не мог пошевелить даже рукой, хотя мысли оставались ясными.

Он ещё не мог осознать, что же сделал. С механикой-

то всё ясно: он подтащил кинжал и разрезал ремни. Но каким образом ему удалось это совершить?

Существуют незыблемые законы природы. Если вспомнить, чему его учили в родном мире, то сделанное им просто невозможно. Но здесь, похоже, те законы не действуют. Герольд говорил о трёх видах свободы. Сегодня Ник использовал одну из них, чтобы добиться другой, хотя мог бы поклясться, что таким образом этого нельзя сделать.

Ник закрыл глаза. Не думать... перестань удивляться и размышлять. Забыть обо всём. Нужно расслабиться, не думать, ни на чём не сосредоточиваться, ничего не делать...

Боль потихоньку стихала, раны заживут. Зло, столь обильно нахлынувшее сюда, ушло. Земля под ним слегка подалась, принимая его нывшее тело, убаюкивая его. Сучки и листочки слегка касались запрокинутого лица Ника, освежая его своим чистым ароматом. Он слился с землёй, с кустарником... Он в безопасности... в убежище... К нему наконец пришёл сон, лишённый сновидений.

Проснулся он не сразу, не как человек, разбуженный чувством тревоги. К нему медленно возвращалось ощущение реальности, сон постепенно покидал его. Он слышал негромкое щебетание птиц, шуршание веток...

Ник открыл глаза. Над ним покачивались листья, совсем близко от него, и кончики некоторых из них нежно касались его лица. Ник начал вспоминать, каким образом оказался он здесь. День был уже в самом разгаре.

Его тело ныло от боли, затёкшие мышцы ломило, запястья прямо-таки нестерпимо жгло, и всё же он чувствовал себя чудесно, обновлённо, словно раны его тела ничего не значили больше. И он продолжал наслаждаться неподвижностью.

Но это было не то чувство покоя и безопасности, которое охватило его на ферме. Оно было чуждым, но дружеским, словно ему разрешили перешагнуть за порог двери, ведущей в новую и совершенно иную жизнь.

Снова пробудились голод и жажда, принуждая его к каким-нибудь действиям. Ник с огромным трудом вылез из своего укрытия: руки его всё ещё были опухшими, запястья кровоточили. Ручей вроде бы находился в той стороне.

Пошатываясь, он побрёл вперёд. На поляне, залитой солнечными лучами, чернели погасшие костры, рядом валялись два кинжала, шест с крестом. Ник прошёл мимо валуна, на котором сидела та женщина, и опустился на колени у ручья. Потом лёг, окуная лицо в воду, жадно глотая влагу, погружая кисти и запястья в прохладную жидкость, от чего снова зааныли все раны. И сонное удовлетворение улетучилось.

Судя по положению солнца, сейчас должен быть полдень, решил Ник. Сможет ли он найти путь обратно к пещере? И ищут ли его? Улетели ли летающие тарелки?

Оглядевшись, Ник не заметил никаких доказательств, что кто-нибудь побывал в лагере после того, как бродяги покинули его. Он собрал остальные кинжалы, не тронув шест с крестом. Потом начал медленно поворачиваться, пытаясь определить, откуда же его привели сюда, но в замешательстве остановился.

Деревья отлично скроют его от любого охотника, но ведь в этом лесу обитают весьма странные существа. Не лучше ли взять ручей в качестве проводника... только куда он выведет? Насколько он знал, никакого ручья вблизи их пещеры не протекало. И он голоден...

Возможность поймать рыбу в ручье послужила главной причиной его решения отправиться в путь вдоль него. Однако каким образом он это сделает, Ник не имел ни малейшего понятия. Впрочем, совсем скоро он обнаружил кусты, густо усыпанные ягодами.

При его приближении с них испуганно вспорхнули птицы, но потом возвратились и вновь принялись склёвывать урожай. Ник жадно набирал полные пригоршни эти спелых ягод и бросал их в рот, так что ладони вскоре стали тёмными от сока. Чёрная смородина, решил он, и

очень густая. Он обошёл куст, срывая ягоды и тут же поедая их, когда неожиданно услышал сопение. Чуть дальше, в самом центре ягодного изобилия, Ник увидел огромную коричневую тушу медведя, полностью поглощённого поеданием ягод. Если только это *был* медведь. Ник стремительно нырнул в сторону. Он будет держаться этого края кустов, а обитатель леса пусть будет у того.

Однако, отступая, Ник вздрогнул от внезапного резкого крика и отпрыгнул назад. Перед ним, в ярости и явно испуганный стоял...

Ник только моргнул, когда это существо стрелой унеслось прочь и скрылось в высокой траве. Он не сделал и шага вслед, он даже не был уверен, что ему хочется ещё раз увидеть создание, которое только что стояло перед ним.

Однако в доказательство того, что он действительно видел его, рядом с кустом осталось лукошко. Ник наклонился и поднял его. Совсем крохотное — он смог просунуть под ручку всего два пальца — и очень красивое, сплетённое из двух сортов высушенной травы.

Ник осторожно сложил обратно выпавшие из него ягоды и добавил ещё, чтобы заполнить лукошко доверху. Затем он посмотрел в ту сторону, где исчез в траве его негодующий владелец, и поставил лукошко на прежнее место на землю, надеясь, что тот это всё видит.

— Мне очень жаль, — проговорил он шёпотом, не забывая о медведе.

Потом, не оглядываясь, чтобы узнать, рискнёт ли то существо выбраться из своего укрытия, Ник решительно направился дальше. Его первоначальное изумление прошло. Викарий ведь говорил, что здесь оживают легенды. Ходит множество рассказов о настоящем «маленьком народце» — эльфах и гномах — хотя принято считать, что последние живут под землёй и должны искать в шахтах сокровища, кажется, так?

Ник больше не сомневался, что видел крошечного человечка, существо, имевшее человеческий облик, в

зелено-коричневой пятнистой одежде, которая должна была хорошо скрывать его в лесу. И уж, конечно, этот человечек не более странен, чем всё остальное, что он видел здесь.

Гномы, эльфы... как жаль, что он так мало знает о них. Нужно было бы хорошенько изучить старые сказки, прежде чем ринуться в приключения в этот мир. Прав ли Хэдлетт, утверждая, что Народ с Холмов каким-то образом мог проникать в мир Ника в прошлом, возможно даже, отправленный в изгнание, и это послужило той благодатной почвой, на которой бурно произросли все те сказочные легенды? Некоторые из сказочных существ были дружелюбными, как припомнил Ник. Но попадались и другие — ужасные злые ведьмы, великаны, людоеды, драконы...

Ягоды больше не казались такими сладкими. Он оставил ягодник и направился вперёд вдоль ручья. Но теперь юноша внимательно глядел под ноги перед собой и по сторонам. Кто за ним следит? Ник безобиден, однако знают ли об этом они? И здесь могут поблизости оказаться и другие бродяги, вроде той мерзкой компании, от которой ему удалось сбежать. Он был уверен, что они — враги Народу с Холмов, и сможет ли Народ с Холмов в свою очередь отличить безобидного бродягу от злого разбойника, которого нужно опасаться?

Он надеялся, что все они имеют такую же защиту, как и Герольд. Он чувствовал к этому человечку и его племени сильную симпатию. Герольд... Куда исчез ночью Авалон? И почему он оставил Ника? Хотя он и дал американцу совет, как добиться свободы, он покинул его. А может, теперь у Ника появились умение и знания, которые его спутники смогут использоваться для своей защиты?

Ник медленно повернулся, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, что можно было бы использовать в качестве ориентира. Он хотел вернуться в пещеру и рассказать о своих приключениях. Они должны поверить ему! Уж

конечно, после того, как они сталкивались здесь со столькими невозможными вещами, то, что он расскажет, не покажется совершенно невероятным.

Кажется, следует повернуть налево. И лес в той стороне, похоже, менее густой. Если пойти напрямик... он решительно двинулся вперёд.

По пути ему встретилось ещё несколько одиноко росших смородиновых кустов, и он на ходу сорвал несколько ягод. Но когда он достиг деревьев, ягоды перестали попадаться, и он поспешил дальше, пытаясь избавиться от ощущения, что за ним следят, что вот-вот перед ним возникнет лесовик в сопровождении невиданных зверей. Но если за Ником и следовала невидимая компания, то они, наверное, решили не трогать американца. И он снова отважился выйти на тропу, где то тут, то там виднелись следы оленей, которая тянулась в нужную Нику сторону. Так, значит, свернув сюда, он правильно поступил.

Ник вышел на опушку уже к вечеру. Он замер на несколько секунд, изучая, не видно ли в небе летающих тарелок. Издавая громкие крики, в вышине носилась сверкающая ярким оперением стая огромных птиц. Они кружились над равниной, резко ныряя вниз и вновь поднимаясь.

Казалось, они совершают один круг за другим над каким-то предметом. Ник благоразумно спрятался в укрытии и продолжил наблюдение. Но хотя солнце ярко светило, он ничего не мог увидеть...

Или мог? Разве вон там не возносится что-то в небо, подобно башням чудного города? Вот только здесь это было из чрезвычайно прозрачной субстанции, практически невидимое.. Чем больше Ник наблюдал за птицами, тем больше убеждался, что это так.

А потом стая выстроилась в прямую линию и, спускаясь к земле, птицы исчезали из виду одна за другой как раз там, где, как был убеждён Ник, возвышалось таинственное строение.

И тут он изумлённо протёр глаза. Оно... оно становилось всё более видимым. Башни — похожие на те, что в городе, — но поменьше, и здесь их было всего несколько. Они теряли свою прозрачность, приобретая твёрдость. И теперь он увидел нечто похожее на средневековый замок, окружённый стенами и башнями.

Глава двенадцатая

С виду замок теперь казался абсолютно твёрдым, не хватало только того блестящего многоцветья города. На его стенах не играли радужные блики, в небе не сверкали высокие башни. Замок был грязно-белого цвета, словно высеченный из природного камня.

Ник заметил там какое-то движение, и это были не птицы. Часть стены, обращённая к нему, медленно опускалась, словно замок был окружён рвом. По нему проскакали облачённые в яркие одежды всадники.

Впереди всех скакал Герольд. Ник мгновенно опознал его плащ. За ним — ещё четверо, тоже на летающих скакунах, разбившись на пары. На них были плащи точно такого же пошива, что и на Герольде, только зелёного цвета. И у каждого на груди была вышита какая-то эмблема, но Ник не смог различить их издалека.

Казалось, что кони едут спокойно и медленно, однако впечатление оказалось обманчивым, потому что они быстро приближались к Нику. Он и не пытался теперь скрыть своё присутствие, зная наверняка, что ему ничто не угрожает. И ему захотелось как можно больше узнать об этой компании и загадочном — то видимом, то невидимом — замке.

Однако Герольд и его спутники не обращали на Ника никакого внимания. Они скакали, устремив взгляд вперёд и не переговариваясь между собой. Их лица ничего не выражали. Но когда они подъехали поближе, Ник увидел, что у двоих волосы ниспадают на плечи, и одна из всадниц — Рита. Их спутники не походили в точности на

Герольда, и, возможно, тоже когда-то были людьми, как и эта англичанка.

Теперь Нику удалось разглядеть вышитые золотом и серебром узоры на их плащах. Каждый из них представлял собой ветвь какого-нибудь дерева. У первого мужчины, несомненно, был вышит дуб — очень тщательно проработанные листья и золотые жёлуди. С ним рядом скакала Рита с вышивкой яблоневого ветки на груди. Растения, изображённые на плащах второй пары, усыпанные серебристо-белыми цветами, Ник не узнал.

Их продвижение было абсолютно бесшумным, потому что лапы их коней не издавали ни звука. Они скакали словно во сне, глядя вперёд.

Поначалу Нику захотелось остановить всадников, однако у них был такой отрешённый вид, что юноша, охваченный благоговением, остался неподвижным и только молча провожал их глазами.

Перед самым лесом их длинноногие скакуны начали подниматься в воздух, и словно кем-то был подан сигнал, и над ними закружили две огромные птицы с белыми крыльями. Сделав над всадниками два круга, они устремились вперёд.

Когда всадники скрылись из виду, Ник вновь повернулся лицом к замку, словно ожидая, что тот исчезнет. Но крепость в сумеречном свете заката казалась даже ещё более твёрдой, чем до этого. Только проём в стене снова был закрыт мостом.

Ника разбирало любопытство. Не подойти ли поближе? Ник присел на корточки, всё своё внимание обратив на замок. Настоящий ли он, или нет? Опираясь теперь на собственный опыт, Ник не принимал на веру ничего, не имея веских доказательств. Так подойти ему и проверить?

— Николас!

Громкий шёпот разбил колдовские чары, искушавшие его. Не успела его голова повернуться к кустарнику, откуда донёсся этот шёпот, как рука уже покоилась на рукояти кинжала на поясе.

— Кто здесь! — Ник выхватил кинжал, готовый к сражению, хотя ни разу ещё в своей жизни он не поднимал оружие на другого человека.

Осторожно приподнялась ветка, и Ник увидел среди зелёной листвы лицо викария. Ник с облегчением сунул оружие за пояс, потом выскользнул из своего укрытия и через минуту предстал перед Хэдлеттом и Кроккером.

— Как вы нашли меня?

— Где ты был?

Оба вопроса были произнесены одновременно, однако вопрос Кроккера прозвучал громче и с гневом.

Но тут викарий рукой обхватил предплечье Ника и ободряюще похлопал его.

— Какое счастье, мой мальчик. Ты в безопасности!

— В данный момент, — заметил Ник. — Если только хоть кто-нибудь может быть в безопасности здесь.

Тем временем смеркалось так быстро, как Ник никак не предполагал. Бросив взгляд вверх, юноша увидел огромное облако, а вдалеке сверкнула молния и вскоре донёсся грохот грома.

— Что с тобой случилось? — снова агрессивно потребовал ответа Кроккер.

— Меня схватили... какие-то бродяги... — Ник коротко поведал им о своих приключениях, немного приукрашивая события. Если бы он встретился с одним викарием, то, наверное, рассказал бы и поподробнее. Однако предыдущее общение с лётчиком не располагало к откровениям. Ник не принял предложение Герольда, однако юноша был убеждён, что теперь он уже не совсем тот человек, каким был раньше, в своём родном мире. И если англичанам это изменение покажется внушающим угрозу и достаточным основанием, чтобы изгнать его из их группы, то не следовало давать Кроккеру хороший повод избавиться от Ника.

Второй раз до них донёсся грохот грома, уже ближе.

— Надо поискать укрытие, — заметил Хэдлетт. — Приближается буря.

— Вон там? — Кроккер указал на замок. Хотя от стен не отражался никакой свет, то тут, то там между башнями вспыхивали искорки, как будто за окнами зажигались лампы.

Ник спросил себя, видели ли они, как этот замок материализовался в разреженном воздухе. И хотя он сгорал от любопытства, его тянуло с этому замку отнюдь не с такой силой, как к городу.

— Думаю, мы успеем добраться до одной известной мне норы, прежде чем начнётся дождь, — Хэдлетт не обратил никакого внимания на вопрос Кроккера. — Но нужно отправляться немедленно.

И именно он, а не пилот, повёл их, и они принялись продирааться сквозь заросли кустарника, двигаясь на запад по опушке леса. Но прежде чем они добрались до норы, с неба упали первые капли дождя и громко забарабанили по земле.

Много воды утекло с тех пор, как на землю рухнуло одно гигантское дерево, и на его вывернутых корнях уже успела вырасти трава. Раздвинув зелёный занавес, они смогли спрятаться в этом укромном месте, где места хватило как раз для троих, хотя им пришлось сидеть, тесно прижавшись друг к другу.

Отдельные капли всё же достигали их, но как бы то ни было, а они находились в укрытии. Не успели они устроиться в норе, как Кроккер снова вернулся к своим расспросам:

— Итак, тебя поймали.. кто?

Ник как мог описал этих бродяг. Пару раз викарий прерывал его, желая более подробного рассказа, главным образом, когда Ник рассказывал о монахе. Но когда Ник описывал чудовищ, осаждавших лагерь, он почувствовал, как Кроккер зашевелился.

— Змея с головой женщины? Тварь с свиной головой? И ты думаешь, что мы...

— Ламия... и Андрас, — перебил его викарий.

— Кто-кто? — воинственно произнёс Кроккер.

— Ламия — демон-змея — хорошо известна в древней церковной мифологии. И Андрас...

Теперь настала очередь Ника перебить викария.

— Именно *так* назвал монах его — по крайней мере прозвучало так!

— Андрас, великий князь преисподней. Тех, кому он благоволит, он учит убивать врагов, будь то хозяева или слуги. В армии проклятых душ под его командованием тридцать легионов тьмы, — казалось, что викарий читает какое-то официальное сообщение.

— Однако вы ведь не верите в... — попытался было возразить Кроккер, но снова викарий перебил его:

— Да, я, как и вы, Барри, не верю. Впрочем, если бы кто-либо поверил в князя преисподней Андраса и в то, что Ламия является, чтобы раздавить чью-нибудь душу своим змеиным телом, то разве здесь не самое подходящее место для их появления?

Ник уловил эту мысль.

— Вы имеете в виду... те кошмары, в которые человек верит, реально существуют здесь?

— Я пришёл к такому выводу. И если *это* так, то здесь обязательно должны быть и противоположные силы — силы добра — и они должны как-то проявлять себя. Но человеку легче поверить в реальность зла, чем в абсолютное добро. Это проклятие, которое мы несём в себе до самой смерти. Для тех несчастных здесь — ад, но они сами создали его.

— Эти бродяги сами по себе были воплощением зла, — Ник употребил выражение, которое вряд ли пришло бы ему в голову в его родном мире. — Вы не видели их. Та женщина... она была... ну, вот её-то вполне можно назвать женщиной-демоном. И монах — фанатик, ему бы еретиков сжигать в религиозном экстазе. И остальные — в наше время они были бы уличными грабителями — развлекаются, избивая людей.

— Святой отец, — казалось, Кроккер не столько слушал, сколько был поглощён своими мыслями. — Если

они думали, что видели чудовищ и демонов, и это возникло на самом деле, вы полагаете, мы тоже можем вообразить себе подобное?

— Весьма вероятно. Но мы из разных столетий. Наши демоны не рождены теми суевериями, которыми были охвачены те люди, — они, можно сказать, безличностные. И хотя наши силы Зла безличностные, но они не менее могущественные от этого. Мы больше не предаём анафеме Сатану и его эмиссаров. Мы говорим о греховности наций, войн, промышленности, фанатизма. Безличностные демоны, если хотите. Мы говорим о «них», как о тех, кто ответственен за то либо другое зло. Но у «них» редко имеются имя и тело. Твой монах был убеждён, что его демоны имеют личность, имена, статус, вот поэтому они и явились к нему подобным образом.

Мы не можем вызвать здесь наших демонов, потому что мы не можем определить их так. В нашем мире существует и всегда существовало великое Зло, но облик его и формы меняются от столетия к столетия, и оно больше не является для нас персонифицированным.

— А Гитлер? — возразил Кроккер.

— Да, в нём для нашего поколения действительно воплотился демон. А как у вас, Николас?

— Ни в ком и ни в чём конкретно. Всё обстоит именно так, как вы говорили, сэр.

— Всё это очень интересно, — заметил Кроккер. — Но каким образом ты ускользнул от них? Неужели один из этих демонов разрезал верёвки, а потом исчез в облаке дыма?

Ник почувствовал себя неудобно. Вот это-то ему совсем не хотелось рассказывать. В этом мире приходилось верить во множество невероятностей, однако поверят ли они в то, что случилось?

— Ну? — резко бросил Кроккер. — Так что же действительно с тобой произошло?

Ника припёрли к стенке — нужно было говорить правду, а значит, рассказать и про Авалона. Но он не

сообщил им о своей первой встрече с Герольдом. А это могло навлечь на него подозрения.

— Ты в затруднении, Николас, — Викарий говорил настолько успокаивающе, насколько тон Кроккера раздражал юношу. — Случилось что-то такое, что тебе трудно объяснить.

— Всё это началось ещё раньше... — и он торопливо рассказал им о встрече с Авалоном, боясь, что если он будет колебаться ещё хоть чуть-чуть, его окончательно покинет мужество.

— Повтори-ка эти названия! — Хэдлетт внезапно прервал Ника в месте, которое вовсе не показалось юноше стоившим внимания. Однако он подчинился.

— Он сказал: «Авалон, Тара, Броселианда и Карнак».

— Великие святые места кельтов, — прокомментировал Хэдлетт. — Даже до нашего времени дошли слухи о них как о могущественных центрах психической энергии. Хотя местонахождение Авалона так никогда и не было с уверенностью определено. В легендах он располагался где-то на западе. Герольды с такими именами... да, всё соответствует...

— Чему соответствует? — захотелось узнать Кроккери.

— Принципам древней геральдики. Герольды Британии получали имена по названию графств — таких, как Йорк, Ланкастер, Ричмонд. Имена, которые носили помощники герольдов, восходят к древним королевским символам. А герольдмейстеры, которым подчинялись и те, и другие, именовались в честь провинций — Кларенс, Норруа, Ольстер и так далее. Если Николас не ошибается, то тогда здесь должны быть четыре герольда, и каждый носит имя одного из древних мест средоточения великого могущества в нашем мире... Возможно, являвшихся некогда вратами в этот. Тара находится в Ирландии, Карнак и Броселианда — в Британии... но всё это места кельтов. И именно к кельтским повериям восходят наши легенды о Народе с Холмов. Хотел бы я знать, кто здесь герольдмейстер!

— Я не понимаю, зачем всё это нам! — возразил Кроккер. — Мы все знаем, кто такой Герольд, и что он может одурачить любого, кто станет его слушать. Похоже, Шоу, и ты наслушался его речей. Что он предложил тебе... что-нибудь стоящее?

Ник сдержал свой гнев, зная, что Кроккер произнёс вслух свои подозрения.

— Он предложил мне, — начал Ник, тщательно подбирая слова, — золотое яблоко и безопасность этого мира. Он предсказал приход великой опасности; Зло уже не раз затопляло эту землю и прежде, и сейчас снова надвигается. По его словам только те, кто примет Авалон, будут защищены.

— Золотое яблоко, — задумчиво проговорил Хэдлетт. — Да, это ещё один символ.

— Итак, ты встретился с этим Авалоном... и что случилось после того? Неужели эти твои латники схватили и его? — Кроккер снова вернулся к рассказу Ника.

— Они пытались... монах даже хотел убить его... — он поведал о том, как тщетно орудовал монах своим шестом с крестом, и об исчезновении Герольда.

— Так значит, это случилось, когда они схватили тебя. Ну, а теперь объясни, каким образом ты сбежал от них.

И Ник рассказал о том мучительном звуке, который увлёк в западню бродяг, а он остался в одиночестве. Он не стал говорить о своих собственных страхах, а продолжил с возвращения Герольда, потом — об эпизоде с лошадью и мулом. После этого, стараясь подобрать наиболее выразительные слова, он рассказал и всё остальное.

Они больше не перебивали его и молча выслушали до самого конца, когда он увидел, как из воздуха материализовался замок и появился Герольд со своими четырьмя спутниками.

Вот тогда-то викарий и задал Нику вопрос, но не об его действиях, как этого ожидал Ник, или что он увидел, а о вышивках на зелёных плащах у спутников Герольда.

— Дуб и яблоня, и ещё два каких-то серебристо-белых

цветка, — повторил Хэдлетт. — Дуб и яблоня... это очень древние символы, символы могущества. Два же других... Хотел бы я знать... Но мне нужно самому взглянуть на них. Боярышник? Бузина? Удивительно... старые-престарые поверья...

— А мне удивительно то, — заметил Кроккер, тщательно подбирая слова, — что вы ещё здесь, Шоу. Вы ведь взяли яблоко, разве не так?

Ник предвидел это обвинение. Но как доказать его ошибочность?

— Мне что, показать следы изменений, о которых вы говорили, сэр? — спросил он у викария, не отвечая Кроккеру.

— Изменения... какие изменения? — с отсутствующим видом поинтересовался Хэдлетт.

— Вы считаете, что с теми, кто принимает предложение Герольда, происходят изменения. Я не принимал предложение. Вам нужно, чтобы я поклялся в этом? Или вы можете сами каким-то образом убедиться? У вас в этом больше опыта, чем у меня. То, что произошло со мной там — когда мне удалось бежать — я не могу объяснить. Герольд сказал мне о свободе, и я просто попытался воспользоваться тем, что, как мне показалось, он имел в виду. И это сработало, хотя я и не могу объяснить вам, как или почему. *Но — я — не — брал — яблока...* — последние слова Ник произнёс с расстановкой и повторил их, вложив всю свою душу. Возможно, Кроккер и не поверит ему, но он наделся, что Хэдлетт поверит.

— Изменения, — снова повторил викарий. — Ах, да, мы ведь говорили об этом раньше.

Тон его показался Нику до обидного отрешённым, словно его эта проблема совершенно не волновала. Но Ник знал, что он должен перетащить Хэдлетта на свою сторону прежде, чем они присоединятся к остальным. Потому что, он был в этом уверен, подозрения, которые возникли у Кроккера, тут же появятся и у остальных.

Джин поддержит лётчика, чтобы он ни утверждал, и Ник не верил, что Страуд радушно встретит его, едва только Кроккер заговорит. Но он хорошо знал, что к викарию прислушаются. Если викарий будет за него, ему обеспечена поддержка.

Что теперь делать, Ник не имел ни малейшего понятия. Но он верил, что Герольд говорил правду, когда предупреждал о надвигающейся угрозе. Собственный опыт Ника — после встречи с бродягами и чудовищами, реальными они были или иллюзией, — наравне с угрозой, исходившей от летающих охотников, заставлял его размышлять, как бы получше изучить Авалон и его блага. Нику казалось, что именно к безопасности они и должны стремиться. Он совершенно не верил в их план спуститься вниз по реке. У них даже нет хоть какого-нибудь оружия, чтобы противостоять этим отрядам из средневековья, вроде того, что взял его в плен. Рогатки против мечей!

— Я верю тебе, Ник.

Он чуть не вздрогнул. Хэдлетт так долго медлил, что Ник уже начал ожидать самого худшего.

— И я также верю, что всё, что ты узнал за время своих приключений, послужит в будущем на пользу всем нам, — продолжил викарий. — Думаю, что нам придётся пробыть в этом 'укрытии до утра, но чем скорее мы вернёмся в пещеру и обсудим происшедшие события, тем лучше.

Кроккер что-то пробормотал, слишком тихо, чтобы Ник расслышал, хотя они плотно прижимались друг к другу. Но американец был уверен, что лётчик по крайней мере не переубеждён. И всё же Ник приободрился. Если викарий поддержит его, то остальные хотя бы выслушают рассказ до конца.

Снаружи бушевала гроза, полыхали молнии, оглушающе грохотал гром, на землю лились потоки воды. Они промокли, хотя и находились в укрытии.

Ник задумался о Герольде и его спутниках: скажут ли

они сейчас сквозь эту бушующую стихию? И летающие охотники, как буря влияет на их полёты? Пещера останется сухой, как и город с его отличной защитой. Город...

Его давняя задумка каким-то образом использовать Герольда, чтобы проникнуть в город и узнать его секреты, не принимая условий Авалона.. Возможно ли это? Он далеко не был в этом уверен, но ему очень хотелось попытаться.

И эти условия Авалона... Герольд спас ему жизнь в лесу, но не непосредственно, а указав, как ему спастись. Ник подумал об искусстве концентрации, и его рука опустилась и прикоснулась к рукояти кинжала, который помог таким невероятным способом. Если удалось сделать это с помощью концентрации — что ещё можно сделать таким образом?

Хэдлетт предположил, что пленившие его люди сами вызвали тех чудовищ из преисподней, потому что верили в то, что они появятся. А мысли вне сознания обретают реальность в этом мире. Они ожидали увидеть ад и его обитателей — которых они боялись — вот и увидели их. Люди больше верят в силу зла, чем добра, это ведь тоже утверждал викарий?

Если столь же сильно сосредоточиться на мысли, что здесь рай, — сработает ли это, появится ли он на самом деле? И долго ли продержится? Ник вспомнил ту огромную усталость, охватившую его после того, как он обрёл свободу. Мозг может требовать от тела слишком многого. Поддерживать иллюзию в течение продолжительного времени — так можно полностью истощить силы человека.

Эти чудовища, должно быть, были спроецированы из подсознания бродяг. Наверное, если ты ожидаешь увидеть что-то, то тем самым с каждым днём делаешь это всё более и более реальным и материальным и однажды оно действительно становится настоящим... Это была поразительная и неприятная мысль. Тот ужас, который он видел этой ночью, не должен обрести реальную жизнь!

Реальная, нереальная, Добро, Зло... Крохотный чело-

вечек, на которого он наткнулся в ягоднике, то видимый, то невидимый замок, сам Авалон — реальные они, или нереальные? Как же можно это вообще *знать*?

Нику очень хотелось задать некоторые из этих вопросов викарию. Но только не тогда, когда рядом Кроккер. У пилота появится только ещё одно доказательство того, что он подвержен опасным колебаниям — и, в независимости от того, заключил он предательскую сделку с Авалоном или нет, его лучше изгнать из их отряда.

Хотя неистовство бури постепенно затихало, дождь продолжал идти. Несмотря на неудобство, Ник и его спутники продремали всю ночь, пока жидкий, серый рассвет не позвал их в путь. Впереди шёл Кроккер, почти не разговаривая, ведя их вдоль лесной опушки, избегая углубляться в чащу.

Интересно, подумал Ник, по-прежнему ли там виден замок, однако он не мог придумать подходящего повода, чтобы хоть ненадолго отлучиться и посмотреть. Он должен выказывать осторожность и предусмотрительность в делах, касающихся Народа с Холмов, пока не станет уверен, что больше не подозревается в сделке с Герольдом. Если дать Хэдлетту время подумать, то, возможно, с ним удастся обговорить идею вторжения в город...

Нику не хотелось, чтобы в каком бы то ни было совете участвовали женщины, хотя он точно знал, что все три женщины будут иметь право голоса. Ник всё ещё находился под глубоким и тяжёлым впечатлением от влияния Марго на его отца. Она так ловко воздвигла между ними стену за стеной, что прошли месяцы, прежде чем Ник осознал, что произошло. Но было уже поздно что-либо делать. Он потерял отца, это был незнакомец, хотя и дружески относящийся к нему, но всё-таки незнакомец, говоривший его голосом, носивший его тело... Словно это иллюзия, созданная Марго для своих целей. Иногда этот незнакомец делал шаг-другой навстречу ему. Оглядываясь назад, Ник понимал те робкие и неуклюжие

попытки, однако они ничего не значили, потому что их совершала созданная Марго иллюзия.

И, потеряв отца, Ник отсёк от себя эмоции, которые некогда составляли часть его. Конечно, у него были девушки, но ни одна из них не значила для него много. Перед ним всегда стоял образ Марго, то, с какой ловкостью она вертела отцом, и это сдерживало его. Линда была частью мира, в котором существовала Марго. Возможно, и она тоже смогла бы превратить кого-нибудь в то, что ей захочется, вместо того, чтобы принять его таким, какой он есть.

Поэтому сейчас Ник хотел обсуждать все вопросы не с женщинами, а с мужчинами, которых, как ему казалось, он сможет понять. В конце концов, возможно, он найдёт даже большее понимание у Джереми и Ланга. Может, животные более откровенны и прямодушны, чем люди?

Они добрались до пещеры, когда снова небо затянуло хмурые облака, угрожая ещё одним ливнем. Часовым стояла Леди Диана.

— Я вижу, вы нашли его. Мне кажется, вы не очень изранены, молодой человек, — голос её был далеко не приветливым.

— А каким, вы думали, я буду — весь в крови? — не сдержался Ник. Он уважал её за твёрдость характера, но по правде сказать, она ему не нравилась.

— Да, мы думали и об этом. Адриан, вы промокли. Вас нужно напоить чем-нибудь горячим, и сейчас же снимите свои туфли. К счастью, Мод только что закончила шить новую пару. Линда, — позвала она, обернувшись к пещере. — Иди сюда, девочка. Они вернулись вместе с твоим парнем!

Ник замер. Он *не* был парнем Линды! Какие права она здесь на него заявила? Но когда девушка заняла место Леди Дианы, а та, положив руки на плечи викария, повела его в укрытие, то она даже не взглянула прямо на него и не заговорила.

Он дал Кроккеру пройти мимо, ему хотелось хоть что-

нибудь сказать в опровержение подобного заявления Линды. Правда, сейчас было не то место и не то время для этого, но хотя Ник с каким-то беспокойным чувством понимал это, ему казалось, что это дело не терпит отлагательства.

— Ты не ранен? — спросила Линда холодным тоном, и Нику показалось, что она спрашивает из одной только вежливости.

— Нет.

Распухшие запястья по-прежнему хранили следы ремней и болели, однако нельзя было сказать, что это по-настоящему опасные раны.

— Тебе повезло, — заметила она так же отрешённо.

— Наверное, — хотя, наверное, то, что он принёс с собой, вызовет больше волнений и хлопот, чем серьёзные физические раны.

— Тебе известно, что они думают, — Линда слегка кивнула головой, показывая, кто — «они».

— Они считают, что ты мог заключить сделку с этим Герольдом. Ты исчез — ни слова не говоря — после того, как тебя предупредили. И, похоже, ты знаешь кое-что...

— Знаю кое-что?

— То, что ты говорил о Джереми и Ланге.

— Ты рассказала им это? — он был прав, подозревая, что не стоит доверять ей.

— Разумеется. Когда они начали с удивлением обсуждать, куда ты мог деться. Верь не верь — они за тебя волновались. Это хорошие люди.

— Ты вроде пытаешься предупредить меня, так? — спросил он.

— Оставь их в покое! Если ты заключил сделку с Герольдом, не втягивай их в это дело.

— Спасибо за совет и глубокое доверие! — взорвался Ник и спустился вниз ко входу в пещеру. А почему, собственно, он должен был ожидать чего-нибудь другого? Типичная штучка в духе Марго, с которыми он так часто

сталкивался в прошлом. Его дело в суде ещё и не слушалось, а его уже признали виновным.

Глава тринадцатая

Впрочем, они не стали сразу допрашивать его. Хэдлетт был в центре внимания, и заботы о нём вытеснили всё остальное, хотя Джин и принесла Нику миску горячего супа, на который он с жадностью набросился. Она, конечно, больше суетилась вокруг Кроккера, несмотря на то, что пыталась делать это не слишком явно.

Ник вернулся целый и невредимый — он многое отдал бы за такое возвращение ещё вчера ночью или предыдущим утром. Но теперь... он вовсе не был в этом уверен. И хотя люди в пещере были совсем рядом — он мог при желании прикоснуться к ним рукой — он чувствовал себя странным образом одиноко.

И это несмотря на то, что он не заключал сделки с Герольдом. Если только... если только, последовав совету Авалона, он не пересёк черту между старой жизнью и новой. Ник отставил в сторону пустую миску и оглядел руки на коленях.

Исцарапанные, грязные, в пятнах от ягодного сока. Да и весь он, вероятно, не лучше. Но он всё ещё человек, а не существо Народа с Холмов.

И он по-прежнему чувствовал голод. Но зная, как мало осталось у них запасов, Ник не попросил добавки. Снова наклонившись за миской, он увидел Джереми. Кот появился из ниоткуда, как это умеют кошки, и сел, с напряжённым вниманием следя за Ником. Таким взглядом он вполне способен привести человека в замешательство.

Ник в свою очередь посмотрел на него. Он догадался, что по какой-то причине кот выделил его. Что животному нужно от него? Если кот может мысленно общаться, то почему он не делал этого раньше? Нику не понравился

этот настороженный взгляд, но он не позволил себе рассердиться.

— Что же на самом деле, Джереми, — шёпотом спросил юноша, — тебе известно?

У него на коленях, рядом с рукой, появилось какое-то мерцание, словно в маленьком водовороте энергии воздух, сгущаясь, обретал материальность, и это продлилось всего мгновение, а потом исчезло. Но что-то появлялось там — Ник был убеждён, что в это мгновение он увидел мышь.

Джереми! Может, кот каким-то образом использовал ту же самую энергию, что и он, когда освободил себя в лесу, и добился материализации обычной кошачьей добычи. Ник был поражён. Это животное могло...

В ответ на его изумление пришла волна холодного гнева. Кот прижал уши, а глаза превратились в узкие щёлочки.

«Животное? Кто это здесь животное?»

Слова родились не в голове Ника, ему показалось, что их принесла извне какая-то посторонняя сила. Действительно — кто здесь животное? На этой земле, где начисто сметены прочь все старые устоявшиеся представления, разве можно быть хоть в чём-нибудь уверенным?

В голову юноше пришла ещё одна мысль. А разве не могут... не могут соплеменники Джереми (Ник теперь старался не использовать слово «животное» — в конце концов, ведь люди — это тоже животные) принять условия сделки Герольда? Не может ли Джереми быть теперь частью Авалона, даже оставаясь с миссис Клапп и остальными англичанами?

И снова возникло завихрение воздуха, которое вовсе не было завихрением, тут же исчезнувшее. Ник лишь на одно мгновение увидел... яблоко! Так, значит, Джереми... Кто же? Шпион?

Ник сразу же отмёл подобное предположение. Может, страж? Но охраняет ли он их? Или стережёт?

Джереми зевнул, встал и, махнув кончиком хвоста, что

означало полное нежелание продолжать разговор, ушёл прочь.

— Теперь вот что, — миссис Клапп отошла от огня, рядом с которым она усадила Хэдлетта с насухой вытертыми ногами и в новых мокалинах, и подошла к Нику с грубой глиняной чашкой в руке, от неё исходил ароматный пар. — Выпей вот это! Всю простуду как рукой снимает. Не хватало ещё нам воспаления лёгких!

Пока он пил, пожилая женщина стояла рядом, отгородив его от остальных, которые собрались вокруг викария. Её взгляд, заметил Ник, был таким же испытывающим, как и у Джереми. Неужели она знает, каким стал кот?

— А ты, парень, в самом деле счастливчик. Искать тебя отправился сам сэр Хэдлетт вместе с Барри.

Голос у неё был таким резким, как никогда прежде. Он читал неудовольствие в её глазах, главным образом потому, что его последнее приключение доставило хлопот викарию.

— Я знаю, — Ник попытался держаться кротко.

— Надо не знать сейчас, а думать раньше. Я хочу тебе вот что сказать: мы держались вместе до сих пор, и нам это удавалось. Потому что мы думаем о том, что выйдет для всех нас, а не только для одного. В этих местах поставишь ногу не на то место — и вот у тебя уже подвернулась нога, — голос её становился всё мягче и мягче. — Ну, вот, я тебе всё сказала. Можешь не сомневаться, ты это ещё услышишь от остальных, но у них есть право на это — они знают окружающий мир. А ты... Батюшки, где же ты так?

Миссис Клапп схватила его руку и вытянула её вперёд, к свету, чтобы получше взглянуть на ободранное и иссечённое рубцами запястье.

— О, это осталось после ремней, которыми я был связан, — Ник попытался высвободиться из её хватки, но женщина с удивительной силой крепко держала его.

— Живого места нет... и ты мог подцепить какую-

нибудь заразу. И вторая рука не лучше. Побудь здесь, пока я не принесу целительного снадобья.

Ник понимал, что бесполезно протестовать. Он остался ждать, и вскоре миссис Клапп вернулась с двумя большими листьями, густо смазанными жирной мазью.

— Эх, если бы у нас только были бинты, но откуда нам взять их здесь? Хотя и эти листья тоже неплохи. Ну-ка, парень, подними свою руку... вот так.

Старая женщина действовала быстро и ловко, и вскоре Ник сидел с зелёными манжетами на запястьях. И пока она управлялась с его ранами, Ник вспомнил о своей походной аптечке в одной из сумок. Однако саднящая боль вокруг раны уже начала стихать, и он был удовлетворён её лечением.

— Ну, вот, — миссис Клапп туго обвязала компрессы пучками жёсткой травы. — Подержишь их до утра. А потом я ещё раз осмотрю их. Всё должно зажить. Эти здешние травы — в них уйма полезного.

Она не уходила, держа в руках свои припасы, суровость исчезла с её лица, и появилась озабоченность, от чего Ник почувствовал себя даже более неудобно, чем когда женщина была зла на него.

— Досталось тебе...

Он выдавил из себя улыбку.

— Можно сказать, я заслужил это.

— Никто не заслуживает неприятностей, если только сам этого не делаешь. И я думаю, ты не из таких. Ты молод, не веришь тому, что говорят другие, пока не убедишься в этом на собственном опыте...

— И, — перебил её Ник, — в следующий раз могу навредить не только одному себе?

— Вот об этом-то я и говорила, — кивнула миссис Клапп. — Однако я думаю, ты не из глупых. Тебе не требуется повторный урок, чтобы усвоить первый.

— Я надеюсь, миссис Клапп, что заслужу ваше доверие.

— Мод! — позвала Леди Диана, и ухаживавшая за ним

женщина поспешила назад, к людям, собравшимся вокруг викария.

Ник снова сел, и теперь его запястья были обёрнуты листьями. Они думают, что они здесь в безопасности, и может так оно и есть. Но запасы пищи быстро тают, так что им придётся совершить вылазку наружу. И он вообще не верил в успех затеи с плотом. С момента возвращения он не видел Страуда... Интересно, где же он, неужели всё ещё скитается там, где спрятан плот?

Страуд вернулся только вечером, и его новости наконец погасили их слабую надежду спуститься вниз по реке на плоту. Повсюду рыскали отряды бродяг, а с неба на них охотились летающие тарелки. Страуд дважды видел атаки, и одной из захваченных групп людей был взвод британских солдат, одетых в форму времён первой мировой войны.

— Знаков отличия я не смог различить, — сообщил он, умина лепёшки из ореховой муки, которые для него испекла миссис Клапп. — Но помню, на моём отце была такая же форма. Я был совсем мальчишка, когда он в последний раз приезжал в увольнение. Потом он отправился воевать в Турцию и, как нам сообщили, «пропал без вести во время боевых действий». Больше мы не имели о нём никаких известий, хотя мама пыталась хоть что-нибудь узнать. Ей все говорили, что после войны турки освободят пленных. А когда война кончилась, и их освободили — моего отца среди них не оказалось. О нём не нашлось никаких записей. Просто один из множества парней, которых так и не нашли.

Но я запомнил отца таким, каким видел его тогда... и могу поклясться, что парни, которых схватили летающие охотники, были в точно такой же форме! Эх, если б до них добраться пораньше, мы могли бы с ними соединиться, — и Страуд печально покачал головой.

— И миграция, и охота приобрели небывалый размах, — заметил викарий. — Неужели охотники решили начисто опустошить эту землю?

— Ну, — Страуд доел последнюю лепёшку, — и это тоже, конечно. Но вообще-то я не думаю, что викарий прав. Мы видели много облав, но эта совсем другая. Мне кажется, что скорее всего что-то другое заставило тронуться с места всех этих бродяг, что-то, что находится на севере. Они всё идут и идут оттуда — и отнюдь не медленно, не делая даже коротких остановок, — словно что-то гонится за ними по пятам.

Как бы то ни было, нам лучше сидеть здесь, в укрытии, если мы действительно хотим остаться на свободе и не попасть в плен к этим летающим охотникам. Вот уж им сейчас раздолье. А на реке мы будем видны, как на ладони, и сами напросимся, чтобы нас схватили.

— Николас, — обратился викарий к американцу. — Что сказал Авалон, когда предупреждал тебя? Ты можешь дословно вспомнить его слова?

Ник на секунду закрыл глаза, пытаясь вспомнить то, что говорил ему Герольд. Перед его мысленным взором встал яркий облик Авалона. Он словно вновь услышал этот лишённый всякой интонации голос, так что ему оставалось только повторить слово в слово то, что сказал посланец.

— Авалон — не враг людям. Это место покоя и безопасности. Но к тем, кто остаётся вне его, приходит Тьма и Зло. Такое уже случалось прежде, когда Зло надвигалось на эту землю. И там, где Оно встречается с Авалоном и Тарой, Броселиандой и Карнаком, оно бьётся о стены, не в силах затопить их. Но тех, кто находится за этими стенами, ждут неисчислимые опасности. Зло то прибывает, то убывает, и сейчас — время прилива.

— Авалон? — недоумевающе повторил Страуд.

— Герольд, — пояснил Кроккер и наступила тишина. Ник знал, что они теперь смотрят на него, но юноша не смотрел ни на кого, кроме Хэдлетта.

Если остальные обвиняли его, а он думал, что так оно и есть, то по лицу викария ничего такого нельзя было прочесть.

Страуд вскочил на ноги и вплотную приблизился к Нику.

— Ты разговаривал с Герольдом, не так ли? — должно быть, этот факт для уполномоченного гражданской обороны был самым главным.

— Да, — коротко ответил Ник, не добавляя ничего.

— И ты так подружился с ним, что тот вздумал тебя предостеречь? — продолжил Страуд. Недоверие, которое выказывал Кроккер, ещё яснее читалось на обветренном смуглом лице уполномоченного. Огромные усы враждебно ошетинились.

— Если вы хотите знать, принял ли я его предложение, — начал Ник, — то я его не принял. Впрочем, он спас мне жизнь.

— Раньше ты говорил по-другому, — перебил его Кроккер. — Что ты освободил себя сам — и приложил к тому какой-то трюд.

— Он указал мне этот способ, — Ник пытался сохранять самообладание, едва справляясь с собой, чтобы не вспыхнуть от раздражения, которое вызывал в нём Кроккер. — Если бы не он...

— Да это просто сказочка, — резко перебил его Кроккер. — Ну-ка, послушаем её — теперь уже всю, целиком. И посмотрим, что они подумают!

Хэдлетт кивнул.

— Расскажи всё с самого начала.

Ник не мог изменить свой рассказ, даже если бы захотел — здесь ведь были викарий и Кроккер. Но теперь он и не испытывал такого желания, и с присущим ему упрямством решил, что должен рассказать всё, как есть, а затем пусть решают, верить ему или нет.

И снова он подробно описал свои приключения, начиная с той минуты, когда впервые увидел Авалона и кончая встречей с викарием и Кроккером. Его слушали с полным вниманием и больше не перебивали. Закончив, он стал ждать недоверчивых восклицаний, полных подозрений, требований прогнать его.

— Ты... ты просто подумал — и у тебя появился нож?
— начал допрос Страуд.

В ответ Ник вытащил из-за пояса клинок. Другие острые кинжалы, которые средневековые бродяги бросили на поляне, отправившись на встречу своей судьбе, он уже передал Хэдлетту и Кроккеру.

— Вот, что у меня появилось.

Страуд выхватил у него клинок и тщательно изучил его, а потом с лязгом отшвырнул в сторону на каменный пол.

— Вот лежит твой чудесный нож, — сказал он. — А теперь посмотрим, как ты одной мыслью вернёшь его себе!

Вполне справедливое испытание, подумал Ник и повернулся лицом к клинку. Прочь из головы все мысли, кроме необходимости взять нож. Он должен взять его... Как же он это делал раньше? Кисть... кисть, которая хватает его... а затем кисть...

Ник сосредоточился на мысли о кисти. Однако, хотя его голова раскалывалась от этой настоящей мысли, в воздухе ничего не происходило. Не сгущался туман, формируя пальцы, обхватывающие рукоять. Здесь, в пещере, присутствовало нечто такое, чего не было на поляне, какая-то преграда, о которую бессильно билась его воля.

— Я не могу этого сделать, — сколько времени он напрягался, Ник не знал. Что-то здесь, в пещере, сводило на нет все его усилия. — Ничего не выходит.

— Потому что, — с триумфом начал Кроккер, — этого никогда и не было! Это всё наглое враньё с самого начала, я знал это!

Чья-то рука с силой, до боли вцепилась в плечо Ника и развернула его, прежде чем он успел осознать нападение. А потом Страуд чуть ли не вплотную приблизил к нему своё лицо.

— Ты проданся Герольду! А потом вернулся за нами. Не так открыто, как Рита, — а тайком, думая втереться в доверие!

Ник наклонился, пытаясь увернуться от удара, и Страуду не удалось сбить его с ног: полуоглушённый, юноша отлетел к стене. Мутными глазами американец смотрел, как между ними вклинился Хэдлетт.

— Сэм! — это прозвучало как команда, на которую Страуд ответил хмурым ворчанием, но не сделал попытки оттолкнуть его и снова наброситься на свою жертву.

— Он продан и вернулся за нами, — глухо повторил Страуд. — Вы знаете это, викарий.

— У тебя нет оснований так говорить. Ни у кого нет, — Хэдлетт обращался не только к уполномоченному гражданской обороны, но и ко всем остальным, которые подошли поближе, будто готовые присоединиться к Страуду в той расправе, которую он собирался сейчас учинить над американцем; лица их были безобразны. Ника охватил страх. Он знал, что случается, когда истерия охватывает толпу. Наверное, жертва тогда испытывает такой же ужас?

— Послушайте меня внимательно, все, — продолжил Хэдлетт. — Это чрезвычайно важно — не только для Николаса, но и для всех нас, поскольку вы собираетесь установить то, что считаете справедливостью, и потому ещё, что это может определить наше будущее.

В ответ раздался какой-то звук — не то, чтобы это были слова протеста, хотя, конечно, они выражали протест. Однако люди остановились, а Страуд опустил занесённый для удара кулак. Теперь викарий, слегка повернувшись, обратился к Нику:

— Ты достал нож, когда был один?

— Да... насколько я знаю, — ответил Ник, стараясь говорить твёрдо.

— И там не было противодействующей силы, создаваемой неверием, как здесь, — сказал Хэдлетт. — Когда ты только что предпринимал здесь эту попытку... что ты чувствовал?

— Словно здесь присутствует какая-то преграда.

— Вот именно. Преграда, созданная неверием. По

крайней мере, я так думаю. Неужели вам это не понятно? — последний вопрос он задал не Нику, а остальным беглецам.

Ник увидел, как Леди Диана неохотно, как ему показалось, кивнула головой. А губы миссис Клапп сложились в утвердительное «да». Остальные стояли с бесстрастным видом. Однако справа от Ника раздался голос:

— Если мы поверим ему, так значит, он мог сделать это?

Линда вышла вперёд. С одной стороны от неё шествовал Джереми, с другой подпрыгивал Ланг, и его шелковистые ушки мягко хлопали.

— Ник, — девушка не стала ждать ответа Хэдлетта. — Ник, возьми меня за руку!

Это был приказ, не просьба, и не долго думая Ник подчинился. Линда оттащила его от стены, англичане расступались перед ними, пропуская. Они приблизились к ножу. Однако девушка не отпустила руку Ника.

— Попытайся ещё раз — немедленно! — вновь приказала она.

Ник хотел было воспротивиться, но всё это вдруг показалось ему маловажным. Почему-то в нём появилась уверенность, которой раньше не было. Нож... сдвинуть с места нож...

Сосредоточиться... видеть только эту серебристую сталь... кисть... пальцы хватают рукоять... поднимают...

И всё равно внутри него оставалась преграда, хотя кроме неё появилась и новая сила, которая перетекала к нему от руки Линды... и от двух мохнатых тел у её ног. Ник на мгновение изумился, а затем отгородился от всего. Думать только о ноже!

И ещё раз увидел он это уплотнение воздуха, из которого появилась призрачная кисть, медленно, палец за пальцем, создавалась она, теперь не будучи скоплением тумана — она казалась вполне твёрдой. От кисти его мысли перенеслись к руке. И вот, дюйм за дюймом, протянулась она — от кисти к его плечу.

— Ну же! — мысленно прокричал он приказ.

Рука укоротилась, втягиваясь, и кисть подползла к нему, пальцы крепко обхватывали рукоять ножа. Вот нож замер у его ног, а потом кисть исчезла. Нож с лязгом упал на каменный пол.

Линда выпустила его руку. И именно она повернулась к остальным и обрушилась на зрителей:

— Вы видели это! Всё произошло на ваших глазах. А я не заключала сделку с Герольдом! Однако я передала свою энергию Нику, чтобы сломить стену вашего неверия, и мне помогали вот эти двое, — девушка остановилась и, наклонившись, взяла на руки Ланга, слегка коснувшись головы Джереми.

— Ну, так что, вы считаете, что мы лжём? — спросила она в заключение.

— Вы оба... — начал было Хэдлетт, однако Линда тут же поправила его.

— Нас четверо! И я думаю, вы все можете сделать это — хотя и не пытались. А Ник был вынужден — чтобы спасти себе жизнь, и теперь вы хотите наказать его за это!

— Он сделал всё как надо, — уполномоченный гражданской обороны подобрал нож и взвесил его на ладони, словно пытаясь убедиться, что клинок — именно то, чем кажется. — Я видел это своими глазами.

— Да, он сделал это, — согласился викарий. — Моя дорогая, — обратился он к Линде, — скорее всего, ты совершенно права. Мы сами никогда не подвергались таким испытаниям, так как же мы могли знать. А ты в самом деле уверена относительно этих животных?

К Нику вернулась часть сил, которые он потратил, когда сосредоточивался на ноже. На этот раз он не был настолько изнурён, возможно, потому что ему помогали.

— Эти животные... они знают... — Ник замялся в замешательстве.

Разве мог он с полной уверенностью утверждать, что Ланг и Джереми знали? Он только один раз вступил в контакт с котом. Поверят ли они, что Джереми материа-

лизовал мышь? А что касается способностей Ланга, то тут он полагался только на уверения Линды.

— Они знают, — снова начал он, — многое, я даже не знаю, сколько и что именно. Джереми тоже может материализовывать разные вещи, — Ник храбро отбросил прочь последние сомнения и рассказал им о мыши. Однако он ничего не сообщил о яблоке, не желая снова вызвать у кота ярость.

— И Джереми тоже! — миссис Клапп пристально посмотрела на своего любимца. — Но как... каким образом он может это, сэр? — спросила она у викария. — Он... он ведь кот. И он у меня с самого рождения. Это последний котёнок старой Флосс. Он ей трудно дался, и она умерла. А я не дала умереть ему — бедной крохе! Я кормила его молоком из игрушечной бутылочки, давала ему яйца и... и... Джереми — кот! — возбуждённо закончила пожилая женщина, будто любое иное мнение означает конец всяческой безопасности.

— Он действительно кот, Мод, — Леди Диана опустила руку на плечо миссис Клапп. — Но разве не может быть так, что этот мир каким-то образом меняет и животных. Вот видишь, сейчас он беспокоится о тебе.

Огромный кот сидел на задних лапах, вытянув передние вверх так, что они доставали выше колен миссис Клапп, и удерживал равновесие, вцепившись когтями в её юбку. Он тёрся головой о ноги женщины и громко мурлыкал.

— Джереми! — она неловко присела и взяла его на руки. На этот раз кот не пытался вырваться, а начал тереться об её подбородок, продолжая громко мурлыкать.

— Мне так всё равно, что он может делать странные вещи, — объявила миссис Клапп через несколько секунд. — Джереми никому не причинит зла. Только добро... Вот и сейчас он дал нам знать, что этот парень говорит правду. Джереми — хороший кот.

Хэдлетт и Леди Диана помогли ей подняться, а на её руках по-прежнему лежал Джереми.

— Конечно, Мод. И как все кошки, — продолжил викарий, — он, без сомнения, смотрит на вещи куда более разумно, чем большинство людей. Не беспокойся насчёт Джереми.

Страуд вернул внимание собравшихся к Нику.

— Послушай, приятель, — он протянул вперёд руку, кулак которой оставил на лице Ника быстро синеющий кровоподтёк. — Если ты считаешь, что за тобой должок за тот мой удар, что ж, я не обижусь, если ты его вернёшь. Признаю, что маленько поторопился.

Ник пожал его руку.

— Никаких обид, — искренне ответил юноша. — Я думал, что никто мне не поверит, да я и сам себе почти не верил. И мне не хочется в свою очередь дробить твою челюсть, — он с облегчением рассмеялся, даже слишком громко. — Чего мне действительно хотелось — это, чтобы вы выслушали меня...

Американец не знал, настала ли пора высказаться начистоту. Однако сейчас англичане к нему расположены, как раз потому, что поспешили несправедливо осудить его. Потом подозрения могут снова вспыхнуть, так что лучше выступить с предложением сейчас — пока они ещё чувствуют себя немного виноватыми и испытывают неловкость.

— И о чём же? — спросил Кроккер безразличным тоном. Он, понял Ник, не чувствовал за собой никакой вины.

— Да вот... вы слышали, я повторил слова Герольда. И Страуд сообщил, что он видел. Все вы знаете, что мимо сплошным потоком идут бродяги, и, похоже, то, что их гонит, находится на севере. Здесь есть только одно место, по-настоящему безопасное, и которое нам известно, — город.

Ник ожидал новой вспышки гнева. Но произошло совершенно обратное тому, что он предполагал.

— Ты имеешь в виду — принять предложение Герольда? — резко спросил Кроккер. — Я против! Видите, что

он делает? — обратился лётчик к остальным. — То, что он протащил этот нож по полу, ещё не означает, что он не продан! Говорю вам — он продан — или пусть докажет, что это не так!

Они снова отпрянули назад. Да, Ник ошибся. Страуд был уже готов снова пустить в ход кулаки, только теперь у уполномоченного гражданской обороны в руке нож...

— Как я могу доказать это?

Страуд глядел не на него, а на викария.

— Пусть он сделает это, сэр, если захочет. И сразу — никаких проблем...

— Да, — Хэдлетт казался усталым. — Тогда, если ты пройдёшь с нами, Николас...

Юноша не понимал, что они хотят от него, но, как и Страуду, ему хотелось навсегда покончить с этим делом. Либо они поверят ему сейчас, либо же ему придётся уйти. И, понял он, мысль об изгнании ему совсем не нравилась.

Викарий повёл его, Страуда и Кроккера в небольшую пещеру, используемую для хранения продуктов, хотя их осталось совсем мало. Там Кроккер выпалил:

— Ну хорошо. Ты сказал, что представишь нам доказательства. Раздевайся.

— Что? — не понял Ник.

— С человеком происходят определённые физические изменения. Кажется, я уже говорил об этом тебе, Николас, — пояснил викарий. — Они появляются вскоре после заключения сделки. С тех пор, как ты видел Герольда, прошло более двух суток. Если ты принял его предложение, мы обнаружим эти изменения.

— Понимаю, — ответил Ник и начал стаскивать с себя рубашку. Если им нужны доказательства, сейчас они их получат.

Глава четырнадцатая

Дул свежий ветер, и утро выдалось ясное. Нику страстно хотелось, чтобы у него был бинокль. Он добился

своего: хотя уполномоченный гражданской обороны и возражал против этого похода, они вместе со Страудом вернулись на гряды холмов, окружающих город. Двигались они ночами.

Ведь оставаться в пещере и ничего не делать было ещё хуже. Они находились буквально в заточении там — небо так и кишело летающими тарелками, охотившимися на бродяг. И поэтому пока ещё довольно туманный план Ника попытаться открыть секрет безопасности радужных башен нашёл поддержку у англичан. И вот теперь они смотрели из укрытия на равнину, пытаясь спланировать, каким образом можно подобраться поближе к городу.

Хотя на равнине росла трава, Нику показалось, и Страуд согласился с этим, что она недостаточно высока, чтобы послужить надёжным прикрытием для них. Да и вообще, есть ли хоть какой-нибудь шанс для выполнения его плана, Ник не знал. Но здесь нельзя было задерживаться слишком долго. Стоит только летающей тарелке напасть на город, что случается, как говорил Страуд, время от времени, — и они застрянут здесь на долгие часы.

— Ну, ладно, я попробую? — Ник поднялся на ноги. Столько сейчас зависело от него, от его вновь приобретённой способности использовать свой таинственный талант. Он, конечно, немного упражнялся, но вряд ли достаточно...

— Давай, пробуй, или же нам придётся вернуться несолоно хлебавши, — ответил Страуд. — Мы ведь за этим и пришли сюда.

Он что, думает, что оказавшись здесь, в самый последний момент Ник струсит? Он что, действительно надеялся на это? Если так, то его неверие в Ника привело к прямо противоположному эффекту — подтолкнуло Ника к решительным действиям.

Герольд.

Мысленно американец воссоздал в памяти облик Герольда. А потом тот предстал перед ними воочию — и уже

не в мыслях. Он сделал это! Он действительно сделал это! Не физически захватить Герольда в плен, как он думал сперва, а спроецировать его изображение и создать его...

— Я создал его! — воскликнул Ник.

— Вроде похож, — согласился Страуд. — А ты сможешь удержать его?

— Должен. Ну, я пошёл...

Ник начал спускаться по склону. Герольд исчез, пропал, когда Ник отвлёкся. Но когда он понадобится, юноша сможет снова создать Авалона — должен создать. Страуд останется в укрытии и будет оттуда следить за ним. Они не были уверены, сможет ли эта иллюзия сгодиться для двоих, а поскольку способностью материализовывать обладал только Ник, он отправился один.

И вот теперь он бежал по всё более ровной земле, охваченный возбуждением, напряжённый, что бывает с людьми в моменты, предшествующие испытаниям. Вообще-то Ник стал больше уверен в себе с того момента в пещере, когда ему удалось доказать, что он не предатель своего рода, и что его могущество — не следствие сделки с Народом с Холмов. Ещё два дня он проверял свой талант, и вместе с ним — и остальные.

У викария оказались небольшие способности к воссозданию предметов, а что более странно — у миссис Клапп они проявлялись ещё сильнее, хотя она быстро уставала. Кроккер решительно отказался от этих попыток. Его неприязнь к Нику только возросла, Ник был в этом уверен, а вовсе не уменьшилась. Ярче всего этот талант проявился в женщинах: Линда, Джин (хотя она выказывала такое же, как Кроккер, недовольство), Леди Диана — все они могли создавать подобные иллюзии, а у Линды, которая действовала в единой связи с Джереми и Лангом, они получались самыми сильными и долго держались.

Но для всех оказалось невозможным достаточно долго удерживать их, и чем больше они старались, тем скорее

улавливали. Ник не знал, сколько он сможет удерживать образ Герольда, даже если ему удастся использовать его как ключ, чтобы проникнуть в город.

Он не верил, что Народ с Холмов действительно угрожает кому-нибудь из бродяг. Если верить Авалону, то, кажется, если беглецы отказываются от его предложения, то на них просто-напросто не обращают больше внимания.

Однако сохранится ли это безразличие, когда они преодолеют их невидимую защиту и войдут в город, если обнаружится, что они чужаки? Два предыдущих дня Ник большую часть времени провёл с англичанами, чтобы узнать всё, что они только знали о Народ с Холмов и этом городе, хотя они и избегали подобных разговоров до этого.

Именно из города, или городов (они видели и другие) появляется Герольд, или Герольды. Им встречались и другие Люди с Холмов — вроде того Зелёного Человека в лесу — которые живут кто в воде, кто на суше — несколько не привязанные к городам. Хотя для всех них, как считал Хэдлетт, этот мир был родным.

Для опознания увиденных им существ викарий опирался, как он сам с готовностью признавал, на полузабытые предания его страны. Возможно, его догадки имели небольшую ценность, но ничего другого у них не было.

Кроме Народа с Холмов, который, похоже, безразлично относился к пришельцам, попадались и другие, которые определённо были опасны для людей. Но они в свою очередь обитали в гиблых местах, и если избегать подобных районов и не попадаться в ловушки, вроде того пения, которое Ник слышал во время дождя, то они не представляли большой угрозы.

Наконец Ник добрался до ровной земли. Он хотел поближе подойти к городу, прежде чем создать иллюзию. Но невозможно было угадать, заметили его уже или нет. Он сконцентрировался, призвав на помощь все свои силы.

И снова появился Герольд. Ник не старался сделать отчётливыми каждую деталь в его облике — достаточно и того, чтобы внешний вид его «проводника» был схож с оригиналом. Вместе с созданием, шагавшим впереди него, Ник быстро направился к башням.

Страуд показал юноше, где по его мнению должен быть невидимый экран, и Ник страстно желал скорее его достичь, чтобы пройти сквозь него в город. Однако всё своё внимание он должен был сосредоточивать на фантоме.

Они миновали то место — однако радоваться было рано, потому что Страуд мог ошибаться. Он должен сохранять иллюзию сколько сможет. Но напряжение уже начало сказываться — он почувствовал усталость. Что, если ему не удастся удержать фантом? Не окажется ли он тогда пленником внутри этого экрана?

Ник упрямо боролся со своей слабостью, сохраняя нужную концентрацию. А потом...

Город... он прошёл в город!

Этот переход осуществился так быстро, словно здания вдруг сами собой вознеслись вокруг. Эти здания... Ник больше не помнил о Герольде и о том, что нужно следить за его образом.

Да, здесь, в городе, стояли здания, возносившиеся высоко в небо, с дверями, окнами, улицами. Но где же люди? Улицы были пустынные, никто не прогуливался по бело-зелёному тротуару, не катились автомашины. Двери были захлопнуты, а окна, даже если и не были скрыты за ставнями, имели непроницаемый вид. Стены блестели стеклянными поверхностями, словно действительно были сделаны из хрусталя, наложенного на какой-то непрозрачный материал. И на них играли, переливались, перетекая друг в друга, всевозможные оттенки зелёного, голубого и красного цветов.

Ник постоял в нерешительности. В городе не раздавалось никаких звуков. Может, он стоял среди руин, покинутых века назад. Но если это и в самом деле руины,

то не было видно никаких следов эрозии, ни трещин, ни разрушений...

Медленно и осторожно Ник подошёл к ближайшей стене и нерешительно протянул вперёд руку, чтобы коснуться кончиками пальцев её поверхности, но тут же отдернул ладонь, потому что ощутил не холод камня или хрусталя, а тёплую пульсирующую поверхность.

Энергия, в этих стенах заключалась какая-то энергия. Это могло объяснять их сияние. Весь город мог быть генератором или аккумулятором энергии.

Юноша нерешительно постоял на тянувшейся прямо вперёд улице. Если никуда не сворачивать, он ведь не потеряется? Овладев собой, Ник направился вперёд. Но это было всё, что он мог сделать, чтобы оставаться хозяином положения.

Потому что он знал, и знал наверняка, каждой клеткой своего тела, что городу или тем, кто здесь обитал, известно, кто он такой: незаконно проникнувший пришелец. Он дважды останавливался и оглядывался, однако вслед за ним не возносились внезапно новые стены, как не было видно и стражей, чтобы отрезать ему путь к отступлению. Улицы по-прежнему оставались тихими и пустынными.

И всё же, где здесь прячутся люди? Неужели население города так уменьшилось, что осталась лишь горстка выживших, обитающих в самом центре? Или, может, названия из его собственного мира здесь не годятся. Может, вся эта огромная постройка служит какой-то совершенно иной цели. Однако отсюда выходит Герольд и сюда же он возвращается с теми, кто принимает Авалон. Ник сам видел это.

Внезапно американец заметил впереди открытое пространство, где находилось нечто, испускавшее чрезвычайно яркий свет, такой яркий, что заболели глаза, и Ник пожалел, что у него нет с собой солнцезащитных очков Линды. Юноша повернулся к стене и бросил взгляд вверх. Однако башня возносилась так высоко, что у него

закружилась голова, когда он попытался увидеть её вершину на фоне утреннего неба.

А потом, немного осмелев, Ник коснулся ладонью двери в стене. Она была сделана из другого материала, нежели стена, и по виду казалась цельной плитой из серебристого металла. Ник увидел на ней выгравированный узор из множества линий, образующих замысловатый рисунок. Когда он снова прикоснулся к двери, то вибрации больше не было, а едва он провёл пальцами вдоль линий орнамента, как рисунки стали более отчётливыми и приобрели смысл, который Ник постигал не одним только зрением.

Здесь были изображены странные звери, некоторые походили на тех, что он встречал в лесу — среди них Ник заметил единорога, — встречались и гуманоидные существа. Вокруг них сплетались ленты с письменами, подобных которым юноша никогда не знал.

Ник всего несколько секунд отчётливо видел рисунки, а затем они исчезли, и остались только едва различимые царапины.

Потом Ник перешёл к следующей двери и снова прикоснулся рукой к её поверхности. И вновь увидел рисунки, однако они отличались от предыдущих и формой, и содержанием.

Что там, за дверями? Ник слегка нажал. Не было видно ни запоров, ни замков, ни ручек — ничего, с чьей помощью можно было бы их открыть. И как он ни пыжился, но они оставались неподвижными.

Запертые двери, пустынный город. Ник вернулся на середину улицы и устремился дальше. И хотя ему всё ещё казалось, что кто-то... что-то наблюдает за ним, уверенность в этом была заметно поколеблена. В этом месте он не чувствовал никакой угрозы. Если он и вторгся непрошено в какую-либо святыню, то тогда стражи, если они ещё оставались здесь, пока ещё не решили, представляет ли он угрозу для них или нет. И чем дольше они размышляют, тем Ник будет увереннее себя чувствовать. Однако

тишина сама по себе могла таить угрозу, как начал понимать юноша.

Он решительно направился навстречу сиянию, прикрывая глаза рукой от яркого блеска. И вот он вышел к тому, что, наверное, являлось сердцем города, хотя у него не было никакой возможности проверить, так ли это. От площади разбегались по сторонам пять улиц, абсолютно похожих на ту, по которой он шёл, и формой площадь напоминала пятиконечную звезду, лучами которой служили улицы.

Однако теперь, когда он оказался совсем рядом с этим сиянием, оно не сверкало так ярко, как раньше, и он узнал, что это такое. Потому что он видел этот знак и в своём родном мире и знал, что это очень древний символ.

В самом центре звезды находился египетский анк — вписанный в окружность крест. Казалось, он был сделан не из хрусталя, как башни, а из красновато-бурого металла. А в центре сияли гигантские сверкающие самоцветы, каких не охватить и двумя ладонями. Но разве могут в природе существовать такие камни? Разве слышал кто-нибудь о драгоценных камнях такого размера?

Они-то и излучали свет — зелёный, голубой и белый... однако даже не проскальзывало ни красного, ни жёлтого оттенков. По тому, что сияние разливалось довольно высоко над Ником, он пришёл к выводу, что анк достигал в высоту четырёх- или пятиэтажного здания.

От него исходил такой мощный поток энергии, что Ник почувствовал головокружение и слабость. Он пошатнулся и невольно отступил назад. А может, это и есть устройство, обеспечивающее Народу с Холмов безопасность? Однако откуда здесь берётся энергия? Ник не видел никаких машин. А может, анк — приёмник или ретранслятор?

Ник покачнулся. Лишь сейчас изумление впервые сменилось леденящим душу страхом. Это... это сильнее его. По коже пробежал холодок, головокружение усилилось. Он должен бежать.

Но в силах ли он это сделать? Эта улица... Каким-то образом ему удалось повернуться, хотя яркий свет самоцветов почти ослепил его. Уходить... отсюда... прочь...

На нетвёрдых, заплетающихся ногах Ник побежал, изо всех сил стараясь добраться до начала знакомой улицы. Но ему казалось, что он угодил в болото и бредёт, глубоко завязнув в трясине. Что-то жадно вытягивало из него силы, его жизненные силы. Он *должен* быстрее уходить прочь!

Ник споткнулся, упал, но каким-то образом поднялся на четвереньки и продолжил ползти вперёд. По обе стороны от него вздымались здания. Он всё-таки добрался до улицы, но продвинулся по ней совсем мало. Ему не выбраться...

Ник судорожно хватал ртом воздух. Казалось, что какой-то насос откачивает воздух, и ему не хватало воздуха, чтобы наполнить лёгкие — юноша задыхался.

Он лежал ничком, вытянув вперёд руки, и пальцы его слабо шевелились, пытаясь нащупать щель между плитами мостовой, чтобы он мог подтянуться вперёд ещё хотя бы на один-два дюйма.

«Идём!»

Услышал ли он это? Ник всё ещё пытался шевелиться. Но какие-то руки уже тащили его за плечи прочь от этой звезды, вниз по улице, подальше от губительного воздействия анка. А у него не было даже сил, чтобы посмотреть вверх и увидеть, кто — или что — пришёл к нему на помощь. Это не мог быть Герольд — ведь то была просто созданная им иллюзия. Может, Страуд? Мысли с трудом ворочались у него в голове. Теперь ему было всё равно, кто спасает его.

Покалывание иголочек в теле ослабло, однако это не вернуло ему сил. Когда же руки, сжимавшие его, расслабились, он, прилагая неимоверные усилия, перевернулся, чтобы взглянуть на своего спасителя.

В этот раз её не окружал призрачный ореол света, она

казалась совершенно настоящей, из плоти и крови. И на её щеках не было слёз.

— Рита...

Он должен был произнести её имя вслух. Или она, как Джереми, может читать его мысли?

— Да, я Рита, — в голосе девушки чувствовалась та же отчуждённость, что и у Герольда.

Однако её лицо не было настолько безразличным, как у Авалона. Оно выражало сзабоченность и что-то ещё. Девушка внимательно разглядывала Ника. Словно мастер, вдруг подумал американец, перед тем, как приступить к работе.

— Ты мог умереть — там. Ты не принадлежишь Роду, — это было утверждение, не вопрос.

— Ты одна здесь? — спросил Ник.

— Одна? — стало очевидно, что её удивил этот вопрос. Он посмотрела налево, направо, потом снова назад, словно видела что-то, чего не мог видеть Ник, и была поражена этим вопросом. — Одна... отчего же... — она сделала паузу. — Ты просто не можешь видеть. Нет, я не одна, хотя ты и не видишь. Зачем ты пришёл сюда, ты, не принявший Авалон и не принятый им?

— Чтобы узнать, что обеспечивает защиту города от нападений летающих охотников. Твои... с кем ты раньше была — они в опасности. Им нужна защита.

— Принадлежащим Роду ничто не угрожает. Остальные же могут обрести безопасность, только попросив её. Только так. Я ходила к ним, но они выгнали меня. Они слепы и не желают прозреть, они глухи и не желают слышать. Они... — впервые её голос дрогнул. — Они пропащие люди, потому что сделали такой выбор.

— Они говорят, что ты изменилась.

— Да. Я теперь принадлежу Роду. Взгляни! — она опустилась на колени и положила руку рядом с рукой Ника, но не касаясь её.

Кожа у неё была ослепительно белой и очень гладкой, без единого волоска. Рядом с её рукой ладонь Ника

казалась грубой, шершавой и коричневой от загара. Девушка взяла его руку в свою, и такого прикосновения он никогда прежде не ощущал — словно его руку стиснули пальцы и ладонь мраморной статуи.

— Вот таково тело принадлежащего Роду, — сказала ему Рита. — Оно-то и защищает нас от оружия летающих аппаратов и других опасностей. Существует Зло, которое способно уничтожить нас, но подобные силы Зла родом из этого мира — и добиться нашей смерти они могут не с помощью телесных ран. Так что если твои спутники примут Авалон, то станут его частью, как и я сейчас.

— Ты... твёрдая... — Ник не смог подобрать никакого другого слова. — И всё же... когда ты была в лесу... я видел, как рука Линды прошла сквозь твою руку.

Рита не ответила ему, а властно заговорила, как человек, который не привык к неподчинению:

— Ты пришёл туда, где тебе нельзя оставаться. Раз ты не принимаешь Авалон, он может убить тебя. Ты успел почувствовать, как приходит смерть. Уходи — это место не для тебя.

Она коснулась его лба в том же самом месте, куда с такой болью давил своим крестом монах-фанатик. От её пальцев исходил холод. Но от них же в него вливалась и новая сила, так что он теперь смог снова встать.

— Ты спасла мне жизнь. Существует ли что-нибудь, что я мог бы сделать для тебя? — никогда, подумал Ник, мне не забыть её слёз и того, что таилось в её глазах.

— Какие слова ты можешь добавить к тем, что я им уже говорила? — спросила в ответ Рита. — В них настолько укоренился страх, что они готовы скорее убивать, чем принять то, что я им предлагаю.

Ник думал, что девушка останется, но когда он побрёл прочь, не в силах найти слова, чтобы опровергнуть то, что она сказала, Рита пошла рядом с ним.

— Я выйду из города. Тебе не нужно...

На её лице мелькнула чуть заметная улыбка.

— Провожать тебя до ворот? — закончила она за него.

— Нет, нужно. Ведь я не знаю, каким образом ты вошёл сюда, однако будучи тем, кто ты есть, ты не сможешь покинуть город, если перед тобой не откроют ворота.

Не все ещё силы вернулись к американцу. Ник медленно шагал по тихой пустынной улице. Неужели дорога выглядит точно также и для его спутницы? Наверное, нет. То, что он вошёл в контакт с ней, произошло скорее всего потому, что она когда-то принадлежала его роду. Или, может быть, она захотела помочь ему, потому что всё ещё чувствует какую-то привязанность к англичанам. Девушка ничего не объясняла, фактически она не произнесла ни слова, пока они не добрались до конца улицы, где та неожиданно переходила в траву, которой заросла эта долина.

И снова Рита властно обратилась к Нику с вопросом:

— Каким образом ты миновал наш защитный экран?

Нику хотелось солгать, но он вдруг понял, что не сможет, когда она так пристально смотрит на него.

— Я проследовал за Герольдом.

— Но это... невозможно. И всё-таки я вижу, что ты действительно говоришь правду. Но как это могло случиться?!

— Это был Герольд, созданный моим воображением. Я вызвал его к жизни усилием воли.

Ник услышал, как Рита с шипением судорожно вдохнула воздух.

— Но ты ведь не принадлежишь Роду! Как же ты сумел сделать подобное?

— Я научился этому, когда спасал себе жизнь. Именно Авалон дал мне ключ к тому, как это можно сделать. И остальные тоже пробуют...

— Нет! — из горла девушки вырвался крик, смешанный с ужасом. — Им же нельзя! Они уничтожат себя, если у них нет могущества Рода. Они просто дети, играющие с огнём! Их необходимо остановить!

— Вот приди и скажи им это, — сказал Ник.

— Они не станут слушать меня...

— А почему ты так в этом уверена. Мне кажется, что теперь, когда они научились владеть подобной силой, они понимают больше, чем раньше. Викарий, я уверен, точно выслушает тебя.

— Да, у него доброе сердце и глубокий ум. Возможно, мне удастся их уговорить. Не остаётся ничего другого, как только снова попытаться. Однако они не должны играть с этой великой волшебной силой. Она может убивать — или порождать такое, чего лучше никогда не видеть. В Авалоне могут обретать реальную жизнь существа из сновидений и ночных кошмаров, от вида которых у любого стынет кровь.

Ник вспомнил тех демонических тварей, осаждавших лагерь в лесу.

— Я уже видел таких.

Рита окинула его долгим испытующим взглядом, а потом протянула руку.

— Пошли.

Едва её холодные, гладкие пальцы обхватили его руку, Рита повела его вперёд. Вот так они и вышли на открытую местность, направляясь к гряде, где остался караулить Страуд. Поколебало ли открытие Ника предрассудки англичан настолько, что они прислушаются к словам той, кого они однажды выгнали? Ник надеялся на это.

Однако надежда покинула его, когда они поднялись на гребень, туда, где Ник оставил Страуда. Теперь там было пусто, и только примятая трава указывала место, откуда уполномоченный следил за происходящим в городе.

— Страуд! — позвал Ник, но не так громко, как хотелось бы.

В ответ раздалось громкое карканье, когда из зарослей травы вверх сорвались птицы, хлопая чёрными крыльями. Поднявшись в воздух, они принялись кружить над ними, не прекращая хриплых криков.

— Он... он в опасности! — Рита следила за птицами. — Равновесие сил Добра и Зла было поколеблено, и силой

мысли были освобождены силы Зла. Вот видишь... — она в ярости обернулась к Нику, от прежней бесстрастности не осталось и следа. — Видишь, что вы наделали? Силы Тьмы вышли на охоту, и ему не спастись, как бы быстро и далеко он не убежал. И он, не сознавая этого, приведёт ИХ к остальным!

— Приведёт кого?

— Всех, кто не привязан к какому-либо конкретному месту средоточения сил Зла. И тех из людей, кто им подчиняется! Вы играли с могущественной силой, которой не понимали и не позаботились о мерах предосторожности. И широко распахнули все двери, многие из которых ведут во Внешнюю Тьму. Нам надо спешить!..

Рита снова сжала его запястье, с такой силой, что Ник вздрогнул от боли. Но она ничего не замечала, шагая вперёд и таща его вместе с собой.

Нисколько не прячась, Рита уверенным шагом направилась самым близким путём, ведущим к пещере. Похоже, она совершенно не боялась этой земли. Но Ник не разделял подобной уверенности. Однако, когда юноша попытался освободиться из её хватки, он обнаружил, что это так же невозможно сделать, как если бы он пытался разорвать пальцами металлические наручники.

Он остановился, заставляя и её притормозить.

— Скажи только, с чем мы столкнёмся, что сделал Страуд или что могло с ним случиться.

— Не задерживай нас! — в бездонных глубинах глаз Риты, повернувшейся к Нику, вспыхнуло чуждое сияние. — Он бежал... но ты видел, на том месте остался ворон Кор, одно из созданий Тьмы, — чтобы предупредить нас, принадлежащих Роду: не вмешивайтесь в это дело.

— И всё же ты вмешиваешься, — подчеркнул Ник.

— Да, я не могу поступить по-другому. Я крепко связана сердечными узами с ними, и слишком мало времени принадлежу к Роду, чтобы суметь разорвать их. Мне всё ещё не безразлична судьба тех, с кем я была

прежде. В Авалоне я свободна, и я свободна сделать свой выбор. Если я решу пойти против сил Тьмы, никто не остановит меня, чтобы сказать «нет». Ибо я делаю выбор, зная, на что иду. Однако мы зря теряем время. Идём!

Ник больше не сомневался, что она решила стать их союзницей, что бы ни ждало их впереди. И при виде столь явного нетерпения девушки его страх усилился. Он понадеялся, что к нему вернулось достаточно сил после испытания в городе, чтобы продержаться на ногах, когда Рита побежала, и он побежал вместе с ней, направляясь к пещере и тому, что могло там их ожидать.

Глава пятнадцатая

Небо, с утра такое ясное, теперь затянуло тучами. Хотя лето было в разгаре, подул холодный ветерок, принося с собой слабый тошнотворный запах, словно от падали. Там, где земля была ровная, Рита переходила на бег и бежала легко и свободно. Однако Нику иногда казалось, что он снова в городе и снова из него выкачали все силы, и он бы неминуемо отстал, если бы не Рита, поддерживавшая его и передававшая свою энергию.

Впереди виднелись крутые холмы, среди которых пряталась пещера, и там сгущалась тьма, громоздились тучи. Воздух заполонили... нет, не летающие тарелки, но всевозможные твари, хлопавшие крыльями, кто в перьях, а кто с голой кожей. Что-то двигалось и по земле, но Ник не мог с уверенностью разобрать, что же вызывало это движение.

И всё же Рита шла, не таясь, словно ей было наплевать, что впереди может ждать засада, с таким же величественным видом, как и Герольд, когда его атаковала летающая тарелка.

Немного не дойдя до пещеры, Рита остановилась. И хотя Ник видел совсем немного, но даже он почувствовал, как вокруг них разливаются волны Зла, совсем как

ночью, когда он был привязан к дереву. Издав пронзительный крик, на них спикировала птица с чёрными крыльями, таким же оперением на голове и горящими красным пламенем глазами. Свободной рукой Ник захватил кинжал.

Крикнув второй раз, птица улетела прочь. Но тут раздался голос Риты:

— Железо! — она слегка отстранилась от него, хотя и не выпустила руку юноши. — Убери его от меня — скорее! Оно служит тебе, но принадлежащим Роду несёт смерть!

В сумерках, которые сгущались необычно быстро, её тело снова засветилось, что он уже видел прежде, а глаза ярко засверкали. Её охватило волнение, словно впереди их ждало серьёзное испытание.

И тут везде вокруг них, на земле, в кустах поднялось смутное движение. На них угрожающе смотрели какие-то твари, однако пока никто не атаковал. Рита по-прежнему шагала вперёд, правда, теперь уже медленнее. Стояла мёртвая тишина, которую ни одним звуком не нарушали те, кто появились рядом. Может, все эти чудовища не настоящие, вдруг они — просто иллюзии? Но в таком случае какой враг создал их?

Окружив их кольцом, совсем рядом двигались гномы. У них были приземистые тела, покрытые серыми волосами. Их лица, гротескно напоминавшие человеческие, невероятно злобные, были обращены к Нику и Рите, они время от времени оскаливали зубы в лягушачьих ртах, то закрывая, то открывая их будто что-то беззвучно кричали.

Чуть дальше их преследовали другие, в человеческий рост, худющие, одна кожа да кости, а голова — лысый череп. В изъеденных плесенью лохмотьях, двигаясь скованно и неуклюже, они тем не менее с удивительной скоростью ковыляли за гномами.

А вокруг кишело множество других тварей — кое-кого

можно было бы назвать волками, однако они в то же самое время непристойно напоминали людей; рептилии, гигантские пауки — всё, что только может присниться в ночных кошмарах нынешнего поколения людей. И это была только малая часть вышедшего на охоту войска призраков. Внезапно воздух разорвали крики и звон стрел.

— Поторопись! — закричала Рита, — я не смогу долго защищать двоих.

Тут Ник увидел, как светящийся ореол вокруг её тела расширился, охватывая и его. Попадая в этот щит, стрелы резко останавливались и падали на землю. Послышались разъярённые крики. На них бросались всё новые фигуры — и отбрасывались прочь яркой туманной дымкой.

Потом раздался звук, которые могли быть только ружейными выстрелами. Ник непроизвольно пригнулся, но Рита, не задерживаясь, потащила его вверх и вперёд. Хотя туман вокруг них сгустился, он был уверен, что видит сквозь него людей в чёрной форме. Наверное, их атакует целая армия, пусть и небольшая.

Это было Зло, и тот отвратительный запах, который приносил ветерок, теперь стал тошнотворно густым, от вони перехватывало дыхание. Однако Ник уже смутно различал скалы, в которых прятался охраняемый вход в пещеру.

Неожиданно раздался треск пулемётной очереди, вокруг начали падать люди, и осаждавшие неохотно расступились перед Ником и Ритой. Пулемёт! Откуда он взялся у англичан?

— Скорей! — задыхаясь, закричала Рита.

Они стали протискиваться среди нагромождения камней вверх, ко входу в пещеру. Там, не умолкая, оглушительно строчил пулемёт... вполне возможно, что стреляли по ним. Ник не знал. Но по крайней мере, ничто пока не проникало сквозь защитный экран, установленный Ритой. Хотя американец видел, что он стал уже совсем тонким.

Наконец из последних сил они ввалились в расщелину, где находился сторожевой пост. Сияние, окружавшее их, почти померкло. К Нику подскочил человек, наведя на него дуло револьвера.

— Иллюзия! — закричала Рита. — Это иллюзия!

Да нет же, револьвер настоящий! Он угрожал им настоящей смертью!

— Нет!

Ник ожидал удара пули, однако его не последовало. Человек отвернулся от юноши, словно его больше здесь не было. Он был незнаком Нику и одет в полевую военную форму. И здесь было ещё трое защитников с пулемётом, стрелявшие по силам Тьмы. Ник спрыгнул вслед за Ритой в расщелину.

— Вы!

Там находились все, даже Страуд, лежавший на полу в комбинезоне, на котором ярко выделялись тёмные пятна. Остальные стояли, как люди, решившие биться до конца, готовые умереть, но не сдаться.

Команду выкрикнул Кроккер, и голос его эхом разнёсся по пещере. А теперь, когда прекратился пулемётный треск, лётчика за руку схватила Джин, увидев, что он повернулся лицом к Рите, с округлившимися глазами, держа в одной руке кинжал. Он словно готовился отразить выпад девушки, хотя Рита даже не шевелилась. Её недавно сиявший ореол превратился в еле заметное мерцание.

— Нет! — теперь закричала и Джин. — Пулемёт... мы должны продолжать стрелять.

Из темноты выпрыгнул Ланг, бросившись прямо к Рите. Он прыгал и таялся вокруг неё, пытаясь как мог привлечь её внимание. Если остальные и не были рады её приходу, то пекинец был совсем другого мнения, о чём радостно заявлял всему миру.

— Убирайся прочь! — Кроккер сбросил руку Джин и шагнул к Рите с кинжалом.

— Остановись, Барри, — викарий стал между ними, и

смотрел он не на лётчика, а на Риту. — Почему ты здесь?

— Вы что, уже забыли, что когда-то я была одной из вас? Почему бы мне не попытаться теперь вам помочь? Хотя вы сами вызвали эти силы Тьмы — играя с тем, что не понимали, на свою погибель.

— Она одна из них! И хочет нас погубить! — Кроккер вплотную приблизился к викарию, но так и не отважился оттолкнуть его в сторону.

— Я принадлежу Авалону, — спокойно ответила Рита. Снова на её лице застыла ничего не выражающая маска, как у Герольда. — Однако вы открыли врата, через которые сюда идут полчища сил Тьмы, и отнюдь не вам по силам снова затворить их. Вы использовали Силы, однако у вас не было защиты...

— Пока мы тут болтаем, — вмешалась Леди Диана, — те твари снова предпримут атаку. Мы должны удерживать...

— Свою иллюзию? — перебила её Рита. — Но то, с чем вы сражаетесь, — отнюдь не иллюзия. Вы что, ещё не поняли это? У нас, кто принадлежит Роду, свои враги. Вы же вызвали вот этих. Но у вас нет оружия, чтобы взять над ними верх. Только посмотрите на себя — разве вы ещё не устали? Для создания подобной иллюзии требуется много сил. Пусть вы даже сейчас объединились и пока успешно действуете... надолго ли вас хватит? Те твари, что вас атакуют, не ограничены ни временем, ни физической уязвимостью тел, подобно вам. Они могут ждать и ждать бесконечно, пока вы не сломаетесь от бессилия. И я говорю вам: лучше быть мёртвым, чем живым, когда они сюда ворвутся.

Наступает время Похода Тьмы. Зло покидает места, где оно обитало прежде, и устремляется сюда. И те, кого оно захватывает, становятся её орудиями. Другие пытаются от него убежать — вы их видели. Но в конце концов их ждёт не лучшая участь, потому что они попадут в плен к небесным охотникам.

Но к вам силы Тьмы явились раньше срока. Авалон не

защитит вас, ибо вы отказались от его свободы. Пусть даже вы сплошь оденетесь в железо, но и тогда силы Зла проникнут в ваши тела, вытеснят вас из них и будут использовать их как одежду...

— Как ты используешь тело Риты? — в глазах Кроккера горел яростный огонь.

— Я — *Рита*. И приняв свободу Авалона, я стала неизмеримо больше, чем когда-либо была, Ритой. До этого я словно спала, теперь же я пробудилась — к жизни! Да, я Рита, хотя вы не верите мне. Думаю, вы и не сможете, ибо нечто в вашей душе желает, чтобы я была чем-то меньшим. Разве не так?

Сегодня я сказала тому, кто пришёл со мной, что сердце моё по-прежнему с вами. Возможно, это действительно было так... когда-то. Когда я в первый раз пришла к вам, ещё недавно дорогим мне людям, после изменения, я пришла как нищенка, просящая у вас подаяния. Но я ошиблась. Ибо что вы можете дать мне сейчас?

— Наверное, ничего, — ответил Хэдлетт, не лётчик. Она рассмеялась.

— Как точно вы оценили. И всё же... вот вы здесь... — Рита обвела всех их взглядом. — Вы обладаете мужеством, хотя и используете его на неверном пути. Я отлично знаю всех вас, даже этих двоих, что недавно к вам присоединились. И хотя вы можете мне не верить, я желаю вам добра. Что смогу сделать для вас, то сделаю. Но предупреждаю — это немного. У вас нет свободы, которую даёт Авалон. А те силы, которые вы вызвали к жизни, очень сильны.

— Именно Авалон подсказал мне, как воспользоваться силой мысли, — впервые за всё время произнёс Ник. — Если всё это так опасно, почему же тогда он это сделал?

Ему показалось, что Рита посмотрела на него слегка удивлённо.

— Я не знаю. У Герольдов свои цели, которые определяет герольдмейстер. Сейчас настала пора перемен...

— Таким образом, — сказал викарий, — с наступлени-

ем поры перемен могут происходить необычные вещи? Порядок снова противостоит Хаосу. И ты говоришь, что у нас не хватит сил защищаться

Рита покачала головой.

— Нет. Все мы, кто согласился на свободу, черпаем силу от самого Авалона. Взгляните — вот что мы можем, — она нагнулась и прикоснулась к полу. Там, где она касалась пола, камень раскрошился, и остались отпечатки её пальцев. — Это не иллюзия, можете потрогать руками, если не верите своим глазам. Подобные вещи вам не под силу, ибо ваши способности совсем невелики. Объедините свои усилия, как вы это уже делали, — и всё равно обнаружится предел, ибо земля не станет передавать вам энергию.

Ланг, сидевший у её ног, снова запрыгал, она улыбнулась его веселью и положила руку на его головку, а в это время из тени вылетел Джереми и, прижавшись к её ногам, громко замурлыкал. Когда Рита подняла голову, на её лице лежала тень беспокойства.

— Одни принимают свободу, другие выбирают цепи. Почему так?

— Потому что, — взорвался Кроккер, — мы остались самими собою! И мы не желаем превратиться в... в...

— В то, чем являюсь я? Но что же такое теперь я, Барри?

— Я не знаю. Только ты — не Рита. И я ненавижу тебя за то, что ты сделала с ней!

— Однако я — Рита, целиком и полностью Рита. А вместе с ненавистью появляется страх. Ты ненавидишь, потому что боишься.

Ник увидел, как напряглось лицо Кроккера. Такое выражение бывает у человека, готового убивать.

— Ты видишь, — обратилась Рита к Хэдлетту. — Его разум закрыт, потому что он хочет этого. Мы строим внутри себя собственные стены. А какой барьер внутри вас, викарий?

— Моя вера, Рита. Я прожил с ней всю свою жизнь, и

она была частью моего существа. Я служитель моей веры. Такие, как я, не могут предать её.

Она склонила голову.

— Вы слепы, но не можете отступить от своих представлений. А вы, Леди Диана?

— Наверное, я тоже могу сказать, что дело в вере — вере в прошлое, в то, чем была моя жизнь... — она говорила медленно, словно с трудом подбирая нужные слова.

— Пусть будет так. А ты, Джин? Хотя да, я понимаю, что привязывает тебя к опасности и Тьме.

Вторая девушка вспыхнула, губы её гневно дрогнули, но она ничего не сказала, только придвинулась чуть ближе к Кроккеру.

— Миссис Клапп? — продолжила Рита. Казалось, что она пыталась услышать от каждого последний решительный отказ.

— Ну... наверное, потому что я всю свою жизнь ходила в церковь. И если викарий считает, что что-то неверно, то я делаю так, как он скажет.

— А вы, Страуд?

— Это как Леди Диана сказала — ты выбираешь, с кем ты. Это мне вполне подходит.

— А ты? — Рита повернулась к Линде.

— Если выбрать Авалон, то не появится ли хоть какой-нибудь шанс на возвращение в наш родной мир и время? — спросила американка.

— Я этого не знаю. Но я думаю, что желание остаться сильнее желания вернуться. Ибо тогда становишься частью Авалона.

— Тогда, полагаю, мой ответ будет «нет»! А Ланг выбрал? — Линда посмотрела на пёсика, сидевшего у ног Риты.

— Спроси...

— Ланг... Ланг... — тихо позвала Линда. Пекинес посмотрел на неё и, хотя и медленно, но подошёл к ней.

— Они тоже остаются верны тем, кого любят, —

сказала Рита. — Он всем сердцем привязан к вам. Так же, как и Джереми разделит вашу судьбу, Мод Клапп.

Теперь подошла очередь отвечать и Нику. Он внутренне сжался, потому что знал, что ответит, и что будет после этого. Почему он должен взваливать на себя это бремя? Его не связывают никакие сердечные узы, как их назвала Рита, и всё же он должен поступить вопреки своим желаниям, хотя и не мог объяснить почему.

— Я остаюсь, — сказал он ещё до того, как она задала вопрос

Рита нахмурилась

— Для тебя это далеко не то же самое, что для остальных. Ты говоришь те же слова, но из этого может выйти нечто большее. Увидим. Однако сейчас я помогу всем вам. То, что ждёт вас снаружи, — лишь первая волна нечисти, которая надвигается на вас. Соедините свою волю с моей, и я установлю преграду — хоть ненадолго.

— Нам ничего от тебя не нужно! — в ярости прошипел Кроккер

— Барри, мы все будем это решать, — заметил викарий. — Я думаю, Рита, ты предлагаешь помощь, жалая нам добра. А что скажут остальные?

Кроккер и Джин отрицательно мотнули головой, но остальные кивнули в знак согласия. И теперь, приняв решение, они объединили свои силы, стоя в пещере рядом друг с другом, не зная, что создаётся снаружи, но ощущая могучий поток энергии, исходивший от Риты.

— Эта преграда долго не продержится. Она даст вам лишь короткую передышку.

— Мы благодарны тебе за всё, что ты сделала для нас, — ответил Хэдлетт. — И, моя девочка, мы желаем тебе самого доброго.

Рита подняла руку и очертила в воздухе анк, вспыхнувший на мгновение голубоватым пламенем

— А я желаю вам — покоя. И чтобы ничто больше никого из вас не тревожило.

И вновь на её белых щеках появились слёзы. А потом она отвернулась и пошла прочь, и сияющий ореол снова окутал её, так что они не увидели, как она исчезла.

— Она пожелала нам смерти! — взорвалась Джин. — Вы ведь знаете это, разве не так... ведь то, что она подразумевала под слово «покой» — это смерть!

— Она пожелала нам лучшее из того, что может нас ожидать, — голос Хэдлетта казался очень усталым. — Я верю, что она говорила искренне.

— Да, — мрачно согласилась Леди Диана, а затем, ничего не добавляя к сказанному единственному слову, подошла к костру и остановилась, не сводя с пламени неподвижного взгляда.

Линда подошла к Нику.

— Но ведь может найтись путь назад... — сказала она с горячностью в голосе.

— Назад куда? — едва ли Ник заметил её слова.

— Назад в наш родной мир.

— Что ты хочешь сказать? — спросил юноша, очнувшись от собственных мыслей.

— Если нам только удастся выбраться отсюда — и вернуться туда, откуда мы попали в этот мир. А оказавшись там, мы можем попытаться создать дверь и пройти через неё. Если мы смогли сделать солдат и пулемёты, вроде этих, — она махнула в сторону входа в пещеру, — то тогда мы сможем и вернуться, если только как следует напряжём волю — все одновременно. Разве ты не понимаешь этого? Это получится... должно получиться! — закончила она с такой страстью, словно в ту секунду видела воображаемую дверь, а за ней — старое доброе прошлое.

— Даже если мы и выберемся, — возразил Ник, — каким образом мы доберёмся до того леса? А если мы останемся здесь... Ты что, не понимаешь, что ждёт нас там? Мы не можем с боями пробиваться через лес — когда там нас поджидает вся эта нечисть.

— Мы можем, — упрямо продолжала девушка, —

использовать иллюзии. Неужели ты не понимаешь — это всё, что нам остаётся.

— Что именно нам остаётся? — с враждебностью в голосе спросила Джин.

— Мы должны попытаться вернуться в наш родной мир. Я говорила Нику — мы можем сделать это! Если мы вернёмся туда, откуда попали в этот мир — туда, где остался джип, — то мы сотворим там дверь — и пройдем через неё! Мы должны попытаться. Поймите же, мы должны попытаться!

Она всё больше и больше волновалась. Ник не сомневался, что она ошибается. Но к его удивлению он увидел, как загорелись глаза Джин.

— Если это получится... — англичанка глубоко вдохнула. — Да, если это получится, и он... мы... могли бы избавиться от всего этого! Было бы чудесно! Но тот лес далеко отсюда, и когда тут все эти...

— Но ведь нам только и остаётся, что попытаться, — настойчиво продолжала Линда. — Она... Рита... вы слышали, как она сказала, что дальше будет ещё хуже. Если мы останемся здесь — мы точно пропадём. Но если нам удастся пробраться назад...

— Не удастся, — перебил её подошедший к ним Кроккер. — Если бы путь был свободен, то стоило бы попытаться. Но нам не удастся пробиться туда.

— И поэтому мы останемся здесь, — Линда повернулась к пилоту, — и будем преспокойненько ждать, пока нас не одолеет весь этот ужас. Вы этого хотите? Должен же найтись какой-нибудь путь, чтобы пробиться туда.

Линда переводила горящий взгляд с одного англичанина на другого. Возможно, в Джин она по-прежнему имела союзницу, однако Ник знал, насколько невозможна такая экспедиция. Ему удалось пройти по этой земле и добраться до них только потому, что он находился под защитой Риты, и юноша отлично понимал: без неё он далеко бы не ушёл, как бы яростно не сражался. Однако

с миссис Клапп, викарием и раненым Страудом... нет, у них не было ни единого шанса.

— Мы должны вернуться, — повторила Линда. — Я... я не хочу умирать. И ты, Джин, права. Рита пожелала нам смерти. Она... Народ с Холмов не окажет нам никакой помощи. Нам нужно надеяться только на себя, и единственное, что нас спасёт, — это возвращение домой. А может... может, нам даже не придётся вообще идти туда, откуда вы прибыли в этот мир. Может, мы сумеем сделать врата прямо здесь! — она говорила всё быстрее и быстрее.

Ник отошёл в сторону. Как же он устал за весь этот долгий день! Он не верил в то, что предлагала Линда, это вообще не может осуществиться, и он был слишком измотан, чтобы спорить. Ник сел на пол и заметил подошедшую миссис Клапп, только когда она сунула ему в руки деревянную миску, в которую была налита какая-то жидкость с резким запахом.

— Вот, выпей, голубчик. Это подбодрит тебя. И расскажи мне — только правду, ничего не придумывая из-за того, что я старая женщина, которой нужно говорить одни лишь приятные вещи. Я достаточно прожила на свете, чтобы понимать, что на свете существует много неприятного. Это — бремя, которое мы должны нести, когда настанёт наш срок. Как ты думаешь — ты ведь побывал там и всё видел — мы хоть что-нибудь можем сейчас предпринять?

Ник сделал глоток. Напиток слегка горчил — совсем как нынешнее положение вещей — однако он согревал его, хотя и не мог ничего поделать с внутренним холодом, студившим его разум и тело.

— Я не думаю, что мы можем сделать ещё что-нибудь сверх того, что уже сделано. Она сказала, что силы Тьмы могут заставить людей служить себе. Я видел нескольких там, вероятно, как раз таких. И я не знаю, сколько продержится защита.

Она кивнула.

— Главное — не то, что ты сказал, а о чём промолчал.

Ну что ж, бывали и лучшие времена. Но вы-то ещё совсем молодые, было бы справедливее, чтобы вы пожили подольше. Жаль, что Джереми не ушёл с ней, как и пёсик Линды. Нехорошо, что этим славным зверушкам приходится оставаться с нами, — женщина вздохнула и взяла у него пустую миску.

Нику страстно захотелось добраться до своей убогой постели и развалиться на ней. Но кто знает, когда откажет защита, установленная Ритой? Не мешало бы проверить, что происходит снаружи.

Он с трудом поднялся на ноги и пошёл к выходу из пещеры, а потом прополз до сторожевого поста. Теперь там не было фантома пулемёта. Но прямо перед собой, в пяти футах, он увидел светящееся облако, хорошо видимое в сумрачном свете, и за этой завесой невозможно было ничего разобрать.

Однако он не сомневался, что все те твари по-прежнему находятся там. И что они будут терпеливо ждать, пока не откажет защита. А когда это случится — ведь нельзя же вечно удерживать иллюзию — тогда...

Ник положил руку на камень, опустил голову на неё и закрыл глаза. Однако ему никак не удавалось избавиться от своих мыслей. Рита и Герольд правы: все они — и эти упрямые англичане, и он с Линдой — погибли за просто так. И он не верил, что Авалон несёт зло.

Излучение, исходившее от анка в городе, едва не убило Ника. Но в нём не было зла. Просто, как и в данный момент, он — слишком слабое, слишком хрупкое существо, чтобы принять такой мощный поток энергии.

А теперь вот Тьма затопляет эту страну. И только в городе и в местах, наделённых свободой Авалона, останется свет. А те, кто не принимает этот свет, открывают дверь Тьме. Они же попытались использовать дар света для своих целей и, как сказала Рита, сами навлекли на себя беду.

Но всё-таки, почему Авалон-Герольд дал Нику совет, который привёл его к открытию такой могущественной

силы? Разумеется, это было сделано намеренно, может быть, какое-то испытание — и он не выдержал его, неверно распорядившись своим открытием. Вполне могло быть и так.

В любом случае ему придётся теперь встретить свою участь и постараться встретить её достойно. Возможно, Рита также была права, пожелав им скорой смерти, как лучшего из всего, что могла пожелать.

Ник задумался о смерти. Конец ли это или только начало? Никто не знает, люди лишь надеются на лучшее, и только какая-то часть его души боялась полного уничтожения более всего на свете. Смерть может означать лишь покой в таком мире, как этот.

— Николас...

Он поднял голову. В отблесках светящейся стены он увидел Хэдлетта, хотя и не смог разглядеть выражения его лица.

— Да, сэр?

— Ты побывал в городе, Сэм рассказал нам об этом. Что там?

Ник устало поведал о стенах и улицах, о дверях со светящимися рисунками, стоит только прикоснуться к ним, и наконец об огромном анке и излучаемой им энергии, которая убивает, если к нему приближается неподготовленный человек.

— Вписанный в окружность крест, — повторил викарий. — Да, ключ к бессмертию, как его называли египтяне, вкладывая в руки своим богам. Источник энергии, которую могут поглотить только те, кто ей подчинится.

— Оно не несёт зла, — повторил Ник свою мысль. — Я видел зло и знаю, что его нет в городе.

— Да, это не зло, и всё же оно требует отказа от своей воли, от своего «я».

— Чего также требует и наша традиционная религия, — Ник сам не знал, откуда он взял эти слова.

— Но это чрезвычайно древний путь, с которого мы

свернули очень и очень давно. И подчиниться этой силе, Николас, значит предать всё то, во что мы верим.

— Или же обнаружить, что в сущности существует только один-единственный источник, из которого берут начало многие реки... — и снова Ник осознавал свои слова лишь после того, как произносил их.

— Что ты сказал? — резко и требовательно переспросил викарий.

Глава шестнадцатая

Ответить Ник не успел — из-за светлой дымки барьера донёлся звук, который он уже слышал раньше, — непреодолимый, разламывающий голову зов, который увёл за собой бродяг, пленивших его в лесу. Он прижал ладони к ушам, но звук всё равно легко проникал в голову.

Однако на этот раз зов был не таким требовательным. Ник стиснул зубы, заставляя себя не подчиняться этому призыву. В слабом свете он увидел, как скорчился на камнях Хэдлетт, склонив голову и заткнув уши.

Бороться! Ник напряг всю свою волю. Он не знал, кто направляет против них это оружие, но оно явно служило силам Зла. И тут Ник заметил, что кто-то пробирается к выходу мимо него. Юноша протянул руку, пытаясь остановить безумца, но мощный удар отбросил его прочь.

Он тупо смотрел, как Кроккер направляется к барьеру. Вслед за ним карабкались и остальные: Джин, не отставая от лётчика ни на шаг, Леди Диана с искажённым от мучений лицом, прижав ладони к ушам, и замыкал шествие Страуд, который брёл, покачиваясь, словно пьяный или совершенно обессиленный человек, которого только жестокая необходимость заставляет идти вперёд.

Прежде чем Ник успел подняться с того места, куда швырнул его удар Кроккера, эти четверо подошли к барьеру и, пройдя сквозь него, скрылись из виду. Затем, пошатываясь, появился и Хэдлетт, но теперь Ник был

наготове. Прыгнув вперёд, он схватил викария и потащил ко входу в пещеру.

Линда, миссис Клапп... он должен остановить их! Ник продолжал тащить Хэдлетта в пещеру. Голова буквально раскалывалась, но он уже мог справиться с этой болью — должен был справиться! Потому что в этот раз он не связан ремнями, которые тогда спасли ему жизнь.

В ярком свете ламп в пещере творилась неразбериха. Миссис Клапп лежала на полу, пытаясь подняться. Рядом с ней на коленях стояла Линда, но она не пыталась помочь подняться старой женщине, а наоборот, тянула её за плечи вниз, и миссис Клапп извивалась и колотила руками по каменному полу.

Перед ними сидели два маленьких животных: Ланг гневно таякал, а кот подвывал и бил по земле хвостом. Оба неотрывно смотрели на женщин, словно готовые в любой момент вмешаться в эту схватку.

Лицо Линды исказилось от боли, превратившись в безобразную маску, она стонала и кричала. Миссис Клапп тоже издавала нечленораздельные звуки.

— Помоги! — выдохнула Линда, увидев Ника, тащившего спотыкающегося викария.

Особо не церемонясь, Ник со всей силы толкнул викария вперёд, в глубь пещеры, а потом подбежал к Линде.

— Она... не должна... уйти...

— Не должна! — согласно выкрикнул американец, но в его помощи уже не нуждались, ибо миссис Клапп, издав последний крик, обмякла и неподвижно замерла.

— Нет! — теперь закричала Линда, поднимая голову женщины, девушка прижала её к себе, покачивая в своих руках и нежно касаясь её лица. — Ник, не может быть, чтобы она умерла!

— Я тоже не верю в это. Присмотри за ней, — Ник вернулся к Хэдлетту.

Грустно осев на пол, викарий сидел, вытянув ноги и склонив голову на грудь, а руки безвольно упали и лежали

на полу ладонями вверх. Он тяжело дышал, но других признаков жизни не проявлял.

Зов снаружи начал стихать и удаляться. Ник теперь смог мыслить более ясно и немного расслабился. Кот и пекинес по-прежнему оставались настороже, но уже умолкли, словно им было нужно время, чтобы перевести дух.

— Она... она жива, Ник! — Линда посмотрела на него.
— Но остальные... они ушли... куда?

— Я не знаю.

— Это была... это была ещё одна атака Сил Тьмы?

И опять Ник не смог ответить.

— Я не знаю. Точно такой зов увёл бродяг, взявших меня в плен. Но я не знаю, что это такое... я видел только то, что они ушли, подчиняясь ему.

— Как и англичане отсюда, — Линда поудобнее устроила на своей руке голову миссис Клапп. — Ник, я тоже хотела уйти. Но меня остановил Ланг, прыгнув на меня. А Джереми, вцепившись в юбку миссис Клапп, так запутал её, что она упала. Они... с их помощью мысли в моей голове прояснились, и я поняла, что не должна идти... и она тоже не должна. Но каким образом ты, Ник, и мистер Хэдлетт спаслись?

И в третий раз Ник должен был признаться в своём невежестве. Он знал лишь то, что сколь бы мучительным и непреодолимым ни был этот звук, он сумел противостоять ему, и не только сам уцелел, но ещё каким-то образом помешал Хэдлетту уйти вслед за остальными. Он гнал прочь мысли, что может с ними случиться. Сейчас достаточно было и того, что здесь они победили.

— Может быть, из-за того, что я уже раньше слышал этот зов и не подчинился ему, — задумчиво проговорил Ник. — Может, во второй раз он воздействует уже не с такой силой. А Хэдлетт вовремя оказался рядом со мной. Он отстал от остальных и это дало мне шанс...

— ...спасти меня, Николас, — викарий медленно поднял голову. Его худощавое лицо выглядело таким измождённым, какое бывает у смертельно больного чело-

века. Когда он начал говорить, под его левым глазом задёргалась скула, и судорога на мгновение исказила его лицо. — ...спасти меня от козней самого Дьявола, Николас, — добавил он и выпрямился, поморщившись, словно от боли. — Мы не должны допустить, чтобы наших товарищей захватила эта... эта нечисть! В них вселился Дьявол...

— Джереми! — миссис Клапп открыла глаза и изумлённо посмотрела на Линду. — Джереми... он прыгнул на меня! Мой мальчик... ся сошёл с ума!

— Нет, — успокоила её Линда. — Он хотел спасти вам жизнь, и он сделал это.

Кот подошёл поближе, положил передние лапы на грудь миссис Клапп и коснулся кончиком своего носа её лица, а потом лизнул её язычком.

— Джереми, — миссис Клапп подняла руку и положила её на голову кота. — Зачем...

— Чтобы спасти вам жизнь, — повторила Линда. — Точно так же, как Ланг спас мою, а Ник — мистера Хэдлетта.

— Но... — миссис Клапп начала с трудом подниматься, и Линда помогла ей. Старая женщина огляделась. — А где остальные? Леди Диана... она ведь была вон там... и Джин... и Барри...

— Они ушли, — на этот раз ответил Хэдлетт. — И мы должны сделать всё, чтобы помочь им, и как можно скорее.

Викарий с трудом поднялся на ноги, но вид имел такой, словно он был готов в тот же миг припустить бегом с той же самой безрассудностью и отрешённостью, которой были охвачены остальные англичане. На всякий случай Ник стал между ним и входом в пещеру.

— Мы не можем, пока не узнаем, с чем мы боремся. И если мы пойдём сейчас, вслепую, напролом в эту темноту, мы лишимся последнего шанса, который ещё есть у нас.

Мгновение ему казалось, что викарий пустится с ним

в жаркий спор и даже попытается прорваться мимо него, однако плечи Хэдлетта поникли, и он хмуро ответил:

— Конечно, Николас, ты прав. Но мы должны что-то делать.

— Я сам собираюсь пойти, — Ник сказал это против воли. Снова его заставили принять решение, которого он не хотел, взяться за дело, которое, как он знал, было очень опасным. Зов затих вдали, и теперь голова перестала раскалываться от боли. Значит ли это, что их опасный враг удалился, удовлетворённый тем, что в его западню с такой лёгкостью угодила добыча, или же он притаился где-то поблизости, готовясь к ещё одной, возможно, более мощной атаке? Однако не было смысла думать об опасностях, грозящих им в будущем, их хватало и настоящего.

— Не в одиночку... — сила и энергичность, которые всегда звучали в голосе Хэдлетта, вернулись к нему. — Мы должны идти вместе...

— Все мы, — перебила его Линда, — все вместе.

Ник хотел было возразить, но потом понял, что, наверное, она права. Просто глупо оставлять двух женщин здесь одних — так как он знал, что ему не удастся убедить викария тоже остаться в пещере. Когда барьер рухнет, сюда, в пещеру, хлынут силы Тьмы, и у Линды и миссис Клапп не будет ни единого шанса на спасение. А после всего того, что он видел, возвращаясь из города, ему не больно-то хотелось, чтобы они повстречались с чудовищами, что бродят, прыгают, ползают у входа в пещеру.

Конечно, выходить отсюда — тоже верх глупости. Однако Ник был уверен: если он не пойдёт, викарий либо один, либо с двумя женщинами, но покинет пещеру. Ник должен был действовать практично, насколько позволяла ситуация.

Поэтому он предложил собрать сумки в дорогу; самые тяжёлые понесут он и Линда, хотя и викарий, и миссис Клапп настаивали, чтобы они тоже взяли часть поклажи. И викарий очень помог советами опытного человека.

— А нет отсюда ещё какого-нибудь выхода — кроме того, что я обнаружил? — спросил Ник.

— Вдоль ручья... — миссис Клапп посмотрела на викария.

На лице Хэдлетта читалось сомнение.

— Это трудный путь, Мод.

— Пусть даже трудный, — решительно ответила она, — но если мы выберемся отсюда там, где нас не ждут те твари, — что может быть лучше?

— Наверное, так... — пробормотал викарий, однако он не казался убеждённым.

— Вдоль какого ручья, сэр? — вернулся Ник к этой идее.

— Подземного. Мы никогда не ходили тем путём. Однако Страуд говорил, что в одном месте там можно выбраться наружу. Я полагаю, на приличном расстоянии от этого выхода... — Хэдлетт махнул рукой в сторону входа в пещеру.

— Тем лучше, — Ник немного приободрился. Он предложил бы лаз, который обнаружил в соседней пещере, но он не сомневался, что ни викарий, ни миссис Клапп не протиснутся в него.

Вот если бы их пулемёт-иллюзия стал настоящим или у них имелось бы какое-нибудь другое оружие из родного мира... У Ника был только нож, а теперь вот ещё среди своих сумок он нашёл туристский топорик, о котором почти позабыл. Поскольку у Хэдлетта был один из кинжалов, он отдал топорик Линде. Железо — слабая защита, с таким же успехом, со злостью подумал Ник, можно отправляться в путь с голыми руками.

Миссис Клапп огляделась. Она уже сложила деревянные миски, скатала несколько грубо сплетённых циновок. Было очевидно, что она считала, что пройдёт немало времени, прежде чем кто-нибудь вернётся сюда.

— Не очень-то уютное место, но оно хорошо послужило нам.

— Да, Мод, — мягко отозвался Хэдлетт

— Иногда... Иногда я вижу во сне, как иду по дорожке, а вокруг розы и лилии, луковицы которых мне дала миссис Ленсдаун из нашего прихода. А вон там моя старая дверь, и Джереми сидит на ступеньках, не сводя с меня глаз. Мне снились такие сны, сэр. И они мне казались такими настоящими...

— Я знаю, Мод. Интересно, попала тогда бомба в церковь святого Михаила. Без малого пять с половиной веков простояла она — порядочное время. Для меня она стоит по-прежнему.

— Мы всё это можем вспоминать, сэр. Этого никто у нас не сможет отнять. И иногда закрываешь глаза, когда отдыхаешь, — и видишь всё, да так ясно... Может быть, если мы вернёмся... Иногда я думаю, сэр, что всё это видится лучше, чем было на самом деле. И вы тоже иногда это делаете, я знаю. Как бы возвращаешься в детство — тогда всё было ярче и лучше. И годы тянулись не спеша, а не проносились, как сейчас, так что оглянуться не успеешь. И сколько было событий! Ладно, что-то я заболталась, нужно отправляться. И всё же, каким бы неудобным ни было это место, оно было хорошим. Пошли, Джереми! — живо закончила она.

Линда подошла поближе к Нику.

— Ник, мне просто захотелось плакать. О, Ник, я не хочу вспоминать прошлое, сейчас не время. Не то, стоит мне вспомнить что-нибудь, со мной что-то делается, я сама не своя, словно вот-вот сорвусь с места с диким криком: «Выпустите меня!» С тобой так бывает?

— Это зависит, — отозвался юноша, закинув на плечи сумку, — от того, к чему тебе возвращаться. Впрочем, бессмысленно сейчас заглядывать далеко вперёд. Лучше сосредоточить все свои силы на том, как выбраться отсюда.

— Ник, — перебила его девушка, — что мы можем сделать... чтобы помочь тем? Сможем мы когда-нибудь найти их?

— Сомневаюсь. Но вот эти двое, — он кивнул в

сторону викария, помогающего миссис Клапп перебраться через порожек боковой ниши, — не оставят попыток. А мы не можем бросить их.

Линда прикусила губу и нахмурилась.

— Да, я понимаю это. Неужели они никогда не поймут, что всё это безнадежно? Как ты думаешь, Ник, что случилось с теми?

— Мои догадки ничем не лучше твоих, — это был лучший ответ, какой только он мог дать ей. Ник пытался обуздать своё воображение, рисовавшее ему одни лишь ужасы.

Ход, которым их повёл Хеждлетт, оказался таким узким, что вскоре им пришлось идти гуськом. Ланг и Джереми в этих условиях чувствовали себя менее скованными, чем люди, передвигавшиеся на своих двоих, и вскоре вырвались далеко вперёд. Время от времени Линда взволнованно звала Ланга, и всегда до них доносилось ответное твяканье пекинеса.

Через некоторое время они добрались до ведущего глубоко вниз коридора. Дважды им приходилось сгибаться в три погибели. Хэдлетт фонариком Ника освещал самые трудные места.

И вот наконец они услышали бульканье воды и выбрались в следующий, более широкий туннель. Должно быть, сама вода проточила его за многие и многие столетия, хотя сейчас лишь узкий ручей бежал по широкому руслу, некогда куда более полноводному.

— Сюда... — Хэдлетт свернул налево, и Ника это обрадовало. Если он не совсем ещё запутался, то любой выход на поверхность в этом районе должен находиться далеко от верхнего входа. Интересно, держится ли ещё барьер?

И когда он исчезнет, перейдёт ли враг в наступление немедленно? Не встречая никакого сопротивления, он в один миг заполонит пещеру. Ник поёжился от этой мысли и бросил взгляд через плечо, настороженно прислушиваясь. Но были слышны лишь звуки текущего

ручья и шаги его товарищей, заглушавшие любые шумы, которые могли доноситься сзади. Жаль, что пекинеса и Джереми не было поблизости: они слышат куда лучше людей и могут в случае чего подать сигнал тревоги.

Ник очень хотелось, чтобы они шли быстрее, но он понимал, что из-за возраста викария и больных, плохо сгибающихся ног миссис Клапп быстрее, чем сейчас, они не могут идти. Но на всякий случай он вынул нож, готовый при любом новом звуке пустить его в ход.

— Здесь... — Хэдлетт посветил фонариком влево.

Там, в стене туннеля, виднелась расщелина. Свет фонарика осветил поверхность воды. Чтобы добраться до расщелины, им придётся пробираться, шагая прямо по воде. «Интересно, какая здесь глубина?» — подумал Ник и тут увидел Джереми, сидевшего на другом берегу. Ланг заскулил и бросился к Линде, просясь на руки. Итак, пёсику кажется, что этот ручей слишком глубок для него, либо он почему-то против того, чтобы переходить его вброд. Кот, наверное, смог перепрыгнуть через него. Ник принял к сведению предупреждение Ланга.

— Не ступайте в воду! — и он подошёл к викарию. — Дайте мне фонарик.

— Ты заметил, как ведёт себя Ланг? — Хэдлетт протянул фонарик.

Ник присел на корточки. Остальные прижались к стене туннеля. Он направил свет прямо на воду. Никаких признаков быстрого течения, и дно кажется мелким, но у него было недостаточно опыта, чтобы судить об этом наверняка. Ручей мог оказаться ловушкой, которую инстинктивно почуяли животные. И всё же им не перепрыгнуть воду — куда им до способностей Джереми. Придётся идти вброд...

— Ник! — Линда опустилась рядом с ним. Она протянула руку, указывая выше по течению.

Там по поверхности воды прошла странная рябь. И она не была вызвана каким-нибудь подводным камнем,

препятствующим течению, потому что направлялась в их сторону. Ник передал ей фонарик.

— Держи!

Он приготовился пустить в ход нож: несомненно, перед ними враг.

Рябь исчезла, но Ник продолжал учащённо дышать. Эта тварь, кем бы она ни была, затаилась там, невидимая под водой.

— Ник! — почти что завизжала девушка, однако её быстрая реакция спасла им жизнь. Взметнувшаяся из-под воды рука не достигла своей цели. Напрасно хватали воздух перепончатые пальцы — Линда держала фонарик на порядочном расстоянии, вне пределов их досягаемости.

Американец нанёс ножом удар по воде, и она словно вскипела, а затем из воды показались голова и плечи существа, пытавшегося похитить их фонарик. Существо абсолютно не напоминало человека: во-первых, ростом оно было не больше Джереми, а во-вторых, всё было покрыто шерстью, как выдра или тюлень.

У него были огромные круглые глаза, усатая морда и грубые спутанные волосы, похожие на гриву, достигавшие плеч. Открылась пасть, показывая жёлтые клыки, а потом резко захлопнулась, издав шипение, похожее на то, что издаёт Джереми в гневе.

Ник снова занёс клинок. Водяная тварь забилась и замяукала, однако отступила. Ник не сомневался, что это существо — один из настоящих обитателей Авалона, и, похоже, не принадлежавшее силам Тьмы. Было очевидно, что оно враждебно настроено к людям, тем не менее оно не казалось олицетворением зла.

— Подожди-ка, милоч, — к Нику подошла миссис Клапп. — Железо, конечно, прогонит его, но есть и другие способы.

Ник удивлённо смотрел, как она порылась в своей сумке и достала из неё какую-то веточку. Торжественно,

словно участвуя в какой-то церемонии в утерянном ею соборе святого Михаила, она начала напевать:

*Русалочка-фея,
Вода мелеет.
Хоть твой домик хорош,
Но его ждёт беда,
Слышишь грохот и топот —
Это сюда
Приближаются стада.
Всё растопчут, разнесут!
Получи бузиной, получи-ка рябиной:
Бью я трижды — убирайся отсюда!*

И она три раза ударила по поверхности воды веточкой.

Тварь перестала шипеть и осторожно глядела на неё. Но когда женщина произнесла «трижды», существо изда-ло жуткий вопль и нырнуло под воду. Было видно, как оно молнией понеслось вверх по течению. Ланг помчался по берегу следом за нею, в ярости лая, пока Линда не позвала его.

Миссис Клапп засмеялась.

— Так-так-так. Вот уж никогда не думала, что спою что-нибудь подобное в своей жизни. Моя старая тётушка Мэг, вот она-то знала побольше, и на самом деле она мне даже не тётка, а была сестрой моей прабабушки. Но она прожила долгую жизнь. Сто пять годков — когда болезнь наконец подкосила её. Она была знахаркой и могла предсказывать будущее. Люди ходили к ней бородавки заговаривать и всё такое, но потом молодые начали посмеиваться над этим.

Тётушка Мэг зналась с Хозяевами — именно так в те далёкие дни мы в своём краю называли домовых — хотя не очень-то много рассказывала об этом. Однажды, когда я была совсем маленькой, она предложила мне кусок жёлтого пирога, сказав, что он испечён Хозяевами, так

моя мама выхватила пирог из моей руки и растоптала его, когда я принесла подарок домой. Она сказала, что всё это глупости, но она кое-что знала о том, каково иметь дело с Хозяевами.

А это был водяной. Тётушка говорила, что они приносят несчастья. Живут себе в болотах — некоторые из них — и сбивают людей с толку. Именно она научила меня этому заговору и рассказала, как использовать бузину. Бузиной и рябиной лучше всего отбиваться от их проделок. Да, она научила меня этому, когда я ходила за молоком к ферме Барстоу и приходилось идти мимо болота, если я хотела сократить путь домой. Я была уже достаточно взрослой, чтобы держать язычок за зубами, так что мама никогда об этом не узнала. Правда, я там ни разу не встретила водяного, однако всегда была настороже, как учила меня тётушка.

— Он вернётся? — Линда взяла Ланга на руки и прижала к себе.

— Нет, если сделать всё как надо, — похоже, миссис Клапп несколько не сомневалась в том, что с помощью своего заговора она надёжно прогнала водяную тварь. — Но сначала нужно посмотреть, как здесь глубоко, — для этого миссис Клапп использовала свою веточку бузины. — Примерно по колено. А теперь, — властно продолжила она, — нам нужно снять башмаки, и мне придётся поднять юбку, а вам — закатать штаны. Лучше нам самим намочнуть, чем одежде, да и высохнем тогда скорее.

— Очень разумная предосторожность, — Хэдлетт уже снимал мокасины и закатывал брючины.

— А это, — миссис Клапп протянула руку с веточкой, — я поставлю здесь, — она воткнула её в дно и выпрямилась. — Эта веточка послужит нам прикрытием.

Они стали переходить ручей вброд, однако Ник не спускал глаз с воды, всматриваясь, не появятся ли какие-нибудь признаки возвращения водяного. Он последним выбрался из ручья, и миссис Клапп крикнула ему:

— Эй, голубчик, захвати с собой ту веточку. Не знаю,

коснётся ли ещё моя рука другой веточки бузины. Похоже, что она не больно-то густо здесь растёт.

Ник выдернул пруттик и, на всякий случай не вытаскивая его из воды, передал его владелице. Миссис Клапп взмахнула им, стряхивая капельки воды, и деловито спрятала в свой мешок, словно то, что она делала, было так же обычно для неё, как еда или сон.

Теперь они карабкались вверх, но под более крутым углом, чем когда спускались. Труднее всего приходилось миссис Клапп. Временами они все втроём подталкивали её или тащили. Старая женщина тяжело дышала, но ни разу не пожаловалась. А иногда даже делала какое-нибудь весёлое замечание по поводу их помощи или собственной неуклюжести.

— Теперь прямо вперёд. Фонарик я лучше выключу, — Хэдлетт нажал на кнопку, и тут же их охватила крошечная тьма. Ник начал было протестовать, однако викарий продолжил:

— Подождите, пока глаза не привыкнут к такому свету. Там ночь, и здесь должен быть свет... луны...

— Давайте теперь я пойду впереди, — Нику не больно-то хотелось этого, но он, конечно же, не собирался прятаться за спинами двух женщин и старика. Что-то прикоснулось к нему, и он едва не закричал. Но потом понял, что это Джереми.

Ник довольно сильно ударился о твёрдую поверхность и понял, что здесь туннель сворачивает. Нашупывая путь одной рукой и держа нож в другой, он повернулся и в самом деле увидел перед собой светлое пятнышко.

— Подождите, — шепнул он, — пока я не проверю.

— Хорошо, — согласился викарий.

Ник продвигался очень медленно: в туннеле легко было споткнуться и нашуметь. Может случиться, те твари, что осаждают другой вход, выставили и здесь караул и теперь дожидаются их.

То короткое расстояние досталось Нику ценой огромных усилий. Но наконец он почувствовал холодный ночной

ветерок и увидел чистый лунный свет. Он присел и прислушался, отчаянно жалея, что не знает, какие из этих звуков естественные, а какие сулят им беды.

А потом Ник заметил Джереми. Кот находился на открытом пространстве, и его серый мех был едва заметен. И в этот момент Ник получил от него чёткое мысленное сообщение: никакой опасности поблизости нет... здесь нет сил Тьмы... в данное время.

Ник пробрался назад до поворота и шёпотом сообщил эту добрую весть. Трое ждавших последовали за ним. А через несколько секунд они проскользнули через щель в темноту ночи, освещаемой серебристой луной и звёздами.

— Куда мы теперь направимся? — захотелось узнать Линде. Она несла Ланга, и Ник подумал, что девушка боится, что пекинес может убежать и угодить в какую-нибудь ловушку.

— Вперёд, пожалуй, — Хэдлетт держал в руке компас Ника. — Нам нужно некоторое время двигаться на восток, а потом мы свернём на юг. Таким образом мы обойдём тех тварей у пещеры.

— Если только они ещё там, — заметил Ник.

Захватив четырёх пленников, остались ли они дожидаться и остальных? Нику казалось, что они скорее должны оставить у пещеры лишь небольшой отряд, а сами пойдут с пленниками своей дорогой. Если те ещё пленники, а не...

Он отбросил прочь мысль, навеянную его воображением. Ещё рано — пока у них нет доказательств обратного — считать их мёртвыми. Возможно, они потеряют время, приняв предложение викария, но оно было разумным. И чем дольше они будут избегать той нечисти, которую видел он, тем лучше.

Рита... вернулась ли она под защиту стен города? Она ясно дала понять, что больше не придёт к ним на помощь. Но это вполне справедливо. Они отказались от

того, что она предлагала им. И чего они добились взамен — потеряли половину своего отряда.

— Николас

Он повернулся к едва видимой фигуре Хэдлетта, под держивавшего миссис Клапп, признавшуюся что плохо видит в темноте

— Что такое?

— Мы больше не одни

Этого ледящего душу сообщения Ник боялся с той самой минуты когда они выбрались на поверхность земли.

Глава семнадцатая

Ник также почувствовал это — чьё-то присутствие — одного или многих — но это не было Злом, исходящим тошнотворными эманациями Сил Тьмы. И он услышал громкое мяуканье Джереми.

А потом снова увидел кота. Рядом с ним был и Ланг, сбегавший, наверное, от Линды. Они стояли вместе, а перед ними — фантастический лесной зверь, гораздо больший по размерам, чем они, однако наклонивший голову и ткнувшийся носом сперва в морду кота а потом в пекинса.

Это был зверь — или похожий на него, — которого Ник видел вместе с Зелёным Человеком, это создание Хэдлетт назвал «энфильдом». От него исходило то же золотистое сияние что окружало Герольда и Народ с Холмов. И в этом свете чётко различалась его лисья голова, серое тело, как у борзой, передние лапы с орлиными когтями, кошачьи задние и волчий хвост.

Каким образом с животными происходят подобные изменения, они не могли, конечно же, знать. Однако, энфильд поднял голову и издал крик, который не был ни лаем, ни воем, а скорее подобен пению. И ему из темноты ответил многоголосый хор, словно отряд людей взяли в кольцо странные и чуждые существа.

Энфильд повернул голову и посмотрел на них. Его маленькие глазки пылали жёлтым пламенем. Какой-то миг он изучал их. А затем снова издал свой клич. Услышав ответ, он исчез, пропал — как ветер задувает пламя свечи.

— Что... — дрожащим голосом начала Линда.

Но Ник знал, и знал без всяких слов.

— Нам нечего бояться с их стороны, — заключил он.

— Неприкосновенность в лесах, — добавил Хэдлетт. — Наверное, на нас не распространяется действие этого древнего закона. Но всё же...

— Я не понимаю, что вы говорите! — взорвалась Линда. — Что это было... что это за тварь? И, Ник, кажется, нас окружили. Что если...

— Нам нечего бояться нападения, — повторил он, — с их стороны.

Можно ли надеяться, что у них появилась охрана? Или же эта невидимая стая зверей будет просто сохранять нейтралитет? Он знал, что они по-прежнему здесь, хотя и не видел никого. К тому же теперь, когда исчез сияющий энфильд, он больше не видел ни Джереми, ни Ланга.

— Нам лучше идти дальше, — добавил Ник, промолчав о том, как ему хотелось знать, пойдёт ли эта стая за ними.

— Да! — с готовностью подхватила Линда. Вне всякого сомнения ей очень хотелось, чтобы эти невидимые звери остались далеко позади. — Ланг, — тихо позвала она. — Ланг, сюда!

Пекинес охотно подбежал к ней, и она взяла его на руки и держала так, словно боялась, что пёсик в любой момент может выскользнуть из рук. А потом Ник почувствовал, как мохнатое тельце трётся об его ноги, и, наклонившись, он поднял Джереми. Кот, выгнувшись, улёгся у него на плечах, словно меховая накидка. Под таким весом Ник почувствовал себя не очень-то уютно, однако понял, что должен радоваться, что Джереми выбрал его.

Сверясь с компасом, они пошли на восток, обходя открытые пространства. Но вскоре движение их замедлилось. Ник знал, даже не глядя назад, что миссис Клапп отстаёт, да и викарий, как он подозревал, чувствовал себя не намного лучше. Им нужно было передохнуть.

Поэтому, когда Ник предложил сделать привал, ему никто не возразил и, используя заросли кустарника в качестве прикрытия, они опустились на землю. Невозможно было сказать, сколько они уже прошли, и Ник размышлял, не пора ли сворачивать на юг и постараться выйти на след пропавших товарищей.

Утром можно будет получше рассмотреть следы, и Ник сказал об этом. К его удивлению, викарий согласился. Они решили, что будут втроём, по очереди, дежурить, не беспокоя миссис Клапп, чтобы старая женщина получила полноценный отдых.

Ник вызвался дежурить первым. Казалось, лунный свет потускнел, и ему приходилось больше полагаться на слух, чем на зрение. Он воткнул нож остриём в землю между коленями, положил одну руку на его рукоять и принялся размышлять.

Он понимал, что у них совсем немного шансов спасти своих товарищей. Но это им предстоит ещё самим себе доказать. А потом... что потом? Смогут ли они пробраться назад по этой враждебной земле туда, где они оставили джип, чтобы попытаться создать, как предложила Линда, дверь для возвращения в их собственный мир? Попробовать-то можно, однако шансы на успех практически нулевые. Что же тогда остаётся? Жить в постоянном страхе, опасаясь, что в любой момент на них могут напасть либо Силы Тьмы, либо летающие охотники. Возможно, им даже снова удастся добраться до той фермы. Но опять же — запасы пищи... А жить в постоянном ожидании беды — это вовсе не жизнь.

Так жили англичане в своём родном мире — под воздушными налётами и постоянной угрозой вторжения.

Ник читал об этом, но всё это было так далеко и давно. Этот страх никогда не понять, пока тебя самого не заставят жить с ним. А он и Линда, хотя в их мире тоже существовало насилие, никогда напрямую не сталкивались с подобным раньше.

Так что по-прежнему лучший выход для них — город. Но если викарий и миссис Клапп снова откажутся — что тогда?

Ник напрягся, выхватывая клинок. Он ничего не слышал и не видел... однако в темноте теперь что-то появилось. Одно из тех чуждых животных? Они шли за ними, в этом Ник нисколько не сомневался.

Теперь он услышал тихое поскуливание. Ланг подошёл к нему, оставив Линду. Его маленькое тельце — Ник положил руку на него — дрожало, словно от неистового желания бежать вперёд, кому-то навстречу. Ник не ощущал страха, только возбуждение.

Воздух прорезал тонкий лучик света, обрисовав фигуру человека. Ник встал к нему лицом, кто бы — или что бы — это ни было. Свет стал ярче, фигура обретала материальность. Ник ожидал, что это будет Авалон, но перед ним предстала Рита!

— Ты! Но ведь...

Ника охватил гнев.

— Ты же весьма драматично попрощалась с нами. Почему теперь ты вернулась?

На её белом фарфоровом лице ничего нельзя было прочесть.

— Вам вполне достаточно и того, что я вообще явилась сюда. Те, кого вы ищете, захвачены летательными аппаратами, не Силами Тьмы. Если вы хотите найти их, ищите небесных охотников.

— Почему ты мне это говоришь? — требовательно спросил Ник. — По твоим собственным словам ты отделилась от нас, и Авалону нет дела до нас.

— Всё правильно, — однако на её лицо легла тень озабоченности. — Но если вы станете искать среди Сил

Тьмы — тогда вы совсем пропали. А мне бы хотелось, чтобы вы спаслись.

— А остальные?

Она покачала головой.

— Разве вы можете их спасти? Ибо те, кто схватил их, более могущественны, чем вы можете вообразить. Оружие их настолько превосходит известное вам, насколько ваше — лук, меч и копьё. Тех не вернуть, смиритесь с этим.

Гнев, вспышку которого он и сам не мог объяснить, не проходил. Даже если бы сейчас Рита сказала, что на небе светит яркое солнышко, Ник с яростью возразил бы. Сначала он думал, что сведения, которые она сообщила, — просто обман, но потом понял, что это правда.

— Тот звук — тоже их оружие?

— Да. Он принуждает... зовёт к себе...

— Тогда почему ему не подчинились все мы?

— Я же говорила тебе — ты иной. Великая Сила касалась тебя. И кроме того, викарий... и Мод... и девушка... они верят в душе, хотя и отрицают это. Для викария и миссис Клапп вера — в их крови, в их прошлом.. А девушка... Ей эту дверь открыл пёс. У каждого из вас была защита от этого оружия, а Лангу и Джереми вообще ничего не грозит — они по-своему принадлежат Авалону.

Только теперь он заметил в сиянии света вокруг неё, что у ног белой девушки сидят кот и пекинес, не сводя с неё глаз, словно зачарованные. Она наклонилась и коснулась кончиками пальцев обоих мохнатых головок.

— Большим разумом они обладают, — заметила Рита.

— Большим, чем мы?

— Спрашивай себя, не меня.

Её сияние стало гаснуть, туман сгушался вокруг тела. Ник двинулся к ней.

— Подожди!

Но она не ответила. Её уже не было, она исчезла.

— Отличное представление, — сказала Линда, неза-

метно приблизившись к нему — Ты веришь в то, что она сказала?

— Да.

— Беда в том, что хотя она и не нравится мне — признаюсь, если хочешь знать правду, мне кажется, что я её ненавижу, — но я ей тоже верю. Что теперь, Ник? Можем ли мы спасти остальных англичан, если их схватили охотники с летающих тарелок? Не вижу никакого шанса.

— Как и я, — признался юноша. — Они могут держать их в плену где угодно.

— Это не настолько это безнадежно, как кажется, — и Ник, и Линда вздрогнули, когда из темноты раздался голос викария. — Да, я уже проснулся и видел и слышал, что сказала наша гостя. И я также верю ей. Но не забывайте — мы попали на этот континент, как пленники людей с летающих тарелок. Здесь у них штаб, не слишком далеко от того места, где мы потерпели крушение, которое принесло нам свободу. Без сомнения, всех своих пленников они отправляют туда.

— Но у нас же нет никаких шансов добраться туда, — возразил Ник. — Вы ведь понимаете, что Рита права. У них оружие, несравнимое с нашим. И тот звук... и лучи, которые они направляли на Герольда. У нас нет защиты против подобного оружия. Просто сумасшествие считать, что мы сможем победить их, — но ещё произнося эти слова, Ник знал, что Хэдлетта не переубедить, он всё так же полон решимости спасти своих соотечественников, возможно это или нет.

— Кажется, мы в какой-то мере защищены против звукового оружия, — викарий словно и не слышал ничего из того, что Ник говорил ему. — Что там Рита говорила тебе... Мод и я, через нашу кровь и прошлое... что она имела в виду? — Нику показалось, что викарий задаёт этот вопрос скорее самому себе, чем своим собеседникам. — Мод из Суссекса, из очень древнего суссекского

рода. До замужества она носила фамилию Бурд. И она уже рассказывала вам о своей прабабке, которая могла исцелять людей и предсказывать будущее. А что касается меня — десять поколений моих предков прожило в Минтон Парве, сквайры или священнослужители, и мне многое известно про старину... Про старину, — повторил он — Да, я с давних пор слышал об Авалоне и Народе с Холмов. Железо и церковь гнали их прочь, однако они всё же задержались на нашей земле некоторое время. Возможно, в Англии они находились в изгнании, а может, они были колонистами. Некоторые называли их «Хозяевами»... потому что они действительно были достойными хозяевами в старом значении этого слова, справедливыми, вежливыми, иногда помогающими людям.

— Но у них были и недостатки, сэр, — заметила разбуженная миссис Клапп. — Они не любили, когда за ними следили, и могли причинить уйму хлопот. Но их знали, по крайней мере, старики. Эти же летающие охотники — они совсем другие, совсем не похожи на нас. Если они схватили их — Леди Диану, Барри, Сэма, мисс Джин — тогда каким образом мы собираемся спасти их, сэр?

Услышав последний, волнующий всех вопрос, викарий словно очнулся от собственных размышлений.

— Тут, Мод, нужно хорошенько подумать, — Хэдлетт был не из тех, с кем можно говорить в резком тоне, Ник знал это с первой встречи. Но сейчас он ни за что не согласится с любым, наверняка никуда не годным планом. Ник слишком опасался могущества летающих аппаратов. Наверно, в какой-то мере из-за того, что он больше знал о них, чем об этих чудовищах; он на самом деле боялся их даже больше, ведь вся та нечисть, как ему казалось, могла быть просто иллюзией, внушающей страх, но иллюзией.

— Ты прав, Николас, — согласился викарий. — Одна-

ко, продолжил он, — теперь мы знаем, где нам нужно искать — на севере, а не на юге.

Ник уже понял, что спорить с англичанами, пытаясь заставить их бросить поиски, что он собирался сделать, бесполезно. А оставить их — этого он не мог. Он конечно ещё попытается придумать какие-нибудь веские аргументы, однако в настоящее время ничего в голову не приходило.

Пока же юноша, задавая один вопрос за другим, выяснил всё, что викарий видел, находясь в заточении на борту летающей тарелки. Эти летающие аппараты действительно могли парализовывать свою добычу; находясь в таком беспомощном состоянии, пленники доставлялись на борт летающей тарелки и лишь через некоторое время, очнувшись, обнаруживали себя запертыми в отсеках, служивших тюремными камерами.

Своим спасением англичане были обязаны счастливой случайности. Силовая установка вышла из строя, и летающая тарелка рухнула на землю. Дверь их камеры при ударе треснула, и, выбравшись, англичане обнаружили двух мёртвых членов экипажа.

— Их шлемы треснули, — пояснил Хэдлетт. — Очевидно, они могут дышать воздухом этой планеты только с помощью маски, которая вмонтирована в шлем. И это одно из наших преимуществ...

Совсем крохотное, решил Ник. Как это им удастся разбить в сражении шлемы, когда враг может висеть в воздухе на значительной высоте и спокойно поражать их лучами? Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что вся эта затея — просто самоубийство.

— Они все были мертвы? — спросил Ник.

— Да. Барри и Сэм возвращались на корабль — Барри надеялся научиться управлять им. Но ему удалось лишь узнать, что корабль шёл на базу с помощью какого-то прибора самонаведения. Из-за чего же разбился корабль, он так и не выяснил. Но все члены экипажа были мертвы. Они были совсем маленького роста — просто карлики —

и кожа у них была голубой. Но Барри и Сэм почти ничего не успели рассмотреть — они обнаружили какой-то прибор, который что-то передавал — сигналы бедствия, как решил Барри. Мы поспешили уйти подальше от того места, и это было разумно, потому что вскоре там появилась ещё одна летающая тарелка — наверное, отправленная к месту катастрофы.

— Какой-то прибор самонаведения, — повторил Ник. Значит, если удастся проникнуть на корабль, то он доставит их в штаб... возможно.

— Это что-нибудь говорит тебе? — спросил викарий, а потом возбуждённо добавил: — Но, конечно, это был бы лучший способ незаметно проникнуть во вражескую цитадель.

— Лучший способ, — заметил Ник, — попасть прямо в тюрьму и получить всё, что они там готовят для своих пленников.

— Может быть, так, а может, и нет. Эту мысль, Николас, стоит обдумать. Да, прекрасная мысль, над которой стоит поразмышлять. Подумай-ка, мой мальчик, вот над чем. Если то звуковое оружие не полностью подействовало на нас, тогда, может, нам просто следует позволить им взять нас в плен, а потом, как говорится, поменяться ролями?

Фантастика! Неужели он в самом деле предлагает это? Вот уж действительно сумасброднейшая идея! Предложение Ника проникнуть в город — ничто по сравнению с этим.

— Мы могли бы это сделать?

Ник чуть не накинудся на Линду. Почему-то подсознательно он ожидал, что она всегда будет поддерживать викария в их спорах, но сейчас-то — вы только послушайте её!

— А не можем мы использовать иллюзии в качестве приманки? — продолжила она.

Досада Ника улеглась. Хотя её лицо лишь смутно вырисовывалось в слабом ночном свете, он не сводил с

него глаз. Использовать иллюзии в качестве приманки? То есть устроить засаду на этих охотников? Нет, такое не пройдёт — у них нет никакого оружия, кроме ножей...

— Да, моя дорогая, это отличная мысль. Мне в самом деле кажется, что из этого может выйти что-то толковое...

— А как мы на них нападём, когда они спустятся со своей сетью? — громко возразил Ник. Что-то прижало к его ноге, а потом резко впилося в неё, да так, что Ник вскрикнул. Это Джереми вонзил когти в ногу Ника, требуя к себе внимания.

— Джереми... — Ник опустился на одно колено и погладил кота. — Что такое?

Смутные — словно видимые сквозь густой туман — качающиеся силуэты, которые Ник пытался рассмотреть. Даже когда он полностью сосредоточился, картина оставалась странной, словно он смотрел на неё какими-то чужими глазами, с другими оптическими свойствами. Ланг... несомненно, это прыгающее существо — чрезвычайно возбуждённый Ланг, рядом — энфильд, а дальше — другие фантастические существа. Звери Авалона. Джереми обещает их помощь?

«Да!» — пришёл мысленный ответ на его невысказанный вопрос.

Надо будет продумать всё до мелочей, и многое будет зависеть от удачи... Смогут ли они завлечь летающую тарелку, как согласованно пройдут последующие действия? Но может быть, всего лишь может быть, им удастся это сделать. И это лучше, чем слепо лезть на рожон — что точно собирался делать викарий, если бы Ник не предложил этот альтернативный план.

— Сэр, — начал Ник, стараясь говорить как можно убедительнее. — Как по-вашему, такой план может нам подойти? — и Ник заговорил, на ходу придумывая новые детали, что-то улучшая (как он надеялся, действительно что-то улучшая).

Вот так и вышло, что через несколько часов, когда уже

вовсю палило солнце, они оказались в кустах на краю леса, куда их провели звери Авалона после того, как они разработали план и отдохнули.

Там они — мужчины, женщины, пёс и кот — объединили всю свою мысленную энергию. Возможно, они снова неправильно воспользуются ею, как предупреждала Рита, но ничего другого у них не было. Они лежали в укрытии, а впереди на поляне медленно брели две фигуры. Из-за того, что сила, которую они могли использовать, была не очень велика, миссис Клапп предложила создать только две фигуры-иллюзии, а не всю их группу, — двойников викария и её самой. Она и Хэдлетт создали их, а Ник, Линда и животные постоянно подпитывали их энергией.

Там же, рядом с неспешно передвигающимися призраками, мерным шагом шествовали Джереми и Ланг, остальные скрывались в высокой траве. Ник предположил было, что их могут заметить сверху, и почувствовал, что эта мысль позабавила Джереми. Наверное, животные Авалона имеют какую-то врождённую защиту от обнаружения с воздуха.

И вот теперь... теперь нужно ждать, чтобы только летающая тарелка клюнула на наживку. Сколько это потребует времени? Может быть, им не раз придётся это проделывать, потому что им не удастся долго удерживать иллюзию. Сколько же времени...

Совсем немного! Как всегда, в мгновение ока в небе возникла летающая тарелка. Она ринулась вниз и зависла прямо над бредущими фигурами. Ну же! Ник махнул рукой. Двойники миссис Клапп и викария грузно повалились на земли и растянулись во весь рост. Из брюха тарелки выскользнула сеть и начала опускаться.

Ник увидел, как заколыхалась трава — к сети подбирались животные. Чужаки же заметят это подозрительное движение! Однако даже если это было и так, то чужаки не обратили на волнение травы особого внимания. Пора и

им выступать. Пот катил с Ника градом, и отнюдь не из-за жары. Всё зависило теперь от того, *действительно* ли у них была защита против оружия инопланетян.

Он бросился бежать зигзагами, хотя это вряд ли спасло бы его от нападения. Один из одетых в скафандр охотников уже скользил по верёвке вниз к неподвижно лежащим телам, а второй выбирался из люка, готовый последовать за ним.

А потом Ник ощутил удар — словно кулаком. Как и было задумано, он рухнул на землю, словно сражённый наповал, — и это далось ему очень легко. Охотники сочтут его своим пленником — возможно, так оно и есть. Однако он собрал всю свою силу воли, которую целую ночь накапливал в лесу. Он *сделает* это, его тело будет подчиняться ему... Он *сможет* двигаться... И он *сделал* это!

Высокая трава над ним почти скрывала происходившее вокруг. Хэдлетт, миссис Клапп и Линда должны сколько смогут удерживать призраки неподвижно лежавших фигур. Если их план завершится успешно, иллюзии должны продержаться, пока он не доберётся до сети. Тут он увидел, что один из инопланетян готовится опутать сетью двойника Хэдлетта. За фигурой в скафандре зашевелилась трава, вверх на плечи охотника прыгнуло маленькое серое существо и вцепилось в шлем. К нему присоединилось ещё одно сверкающее существо — конечно же, это энфильд. Второй инопланетянин, наполовину спустившийся, начал торопливо карабкаться вверх.

Из засады выскочило ещё одно существо и с проворством, присущим его обезьяньему телу, хотя голова у него и была совиной, полезло вверх, раскачивая канат. Оно с лёгкостью догнало чужака и вцепилось в него, так что охотник не выдержал и, отпустив канат, рухнул вниз.

Ник уже находился в тени тарелки. Чем дольше он боролся с силой, опутывавшей его руки и ноги, тем легче

становилось двигаться. Наконец он добрался до сети. Сколько ещё охотников находится внутри летательного аппарата? Обезьяносова прыгнула на землю с охотника, который остался, скорчившись, неподвижно лежать. На сети теперь топтались несколько животных, своим весом удерживая её на земле. При удаче им удастся удержать тарелку.

Вверх! Ник схватился за канат, однако обезьяносова опередила его, прыгая, словно по лестнице. При этом её облик изменился, и она превратилась в одного из охотников. Ник тоже стал карабкаться вверх. Так ли всё успешно проходит и у его товарищей в укрытии? Похож ли он сейчас на одного из этих карликов в скафандрах? Всё выше и выше... Ник едва смел надеяться, что он заберётся так высоко. Вот он протискивается в люк, а обезьяносова уже исчезала за дверью. За Ником влез Джереми, который тоже смог забраться сюда; цепляясь когтями за канат.

Ник поспешил за зверем и оказался в рубке управления. Польшнуло пламя, очерчивая контур обезьяносовы, снова принявшей свой истинный облик после того, как временная иллюзия разрушилась, однако пламя не причинило этому созданию никакого вреда, как и Герольду, когда на него обрушивались удары смертоносных лучей. Ник прыгнул вперёд — здесь были только два инопланетянина, и обезьяносова уже выбила оружие из рук одного из них, бросив охотника обратно в кресло, из которого тот начал было подниматься.

С разгона Ник врезался во второго инопланетянина и впечатал его маленькую фигуру в стену рубки, после чего тот обмяк, потеряв сознание от удара. Ник секунду удерживал его в своих руках, пока не убедился, что с ним всё в порядке, а потом на космонавта в скафандре, разъярённо рыча, накинулся Джереми и вцепился в шлем, пытаясь прокусить его. Глаза охотника были закрыты.

Его товарищ всё ещё оказывал слабое сопротивление,

хотя и безуспешное, обезьянсове, которая тащила его к выходному люку. Ник предусмотрительно обыскал корабль. Но кроме тех четверых, с кем они уже справились, на корабле никого не было. Юношу даже немного трясло от такой удачи, он никак не мог поверить в то, что им это удалось.

Теперь Ника пугала мысль, что тарелка может внезапно улететь вместе с ним на борту. Инопланетянина, оба живые, как полагал Ник, были спущены на землю. Из тех же двоих, что спускались вместе с сетью, один погиб, когда разбился его шлем, но второй тоже остался жив и был взят в плен. Ник не мог хладнокровно убить чужаков, однако можно было бросить их здесь на произвол судьбы и на милость животных. И чем скорее на борт взойдут остальные его товарищи, тем лучше.

Хэдлетт и Линда забрались по канату сами. Но чтобы поднять миссис Клапп и Ланга, пришлось задействовать механизм, управляющий движением сети, и когда та поднялась, люк сам собой захлопнулся и летающая тарелка задрожала.

Ник бросился бегом в рубку и втиснул своё тело в маленькое, не по его размеру кресло. Никакой надежды на то, что ему удастся воспользоваться этими рукоятками и кнопками, не было. Нравится им того или нет, но они летят, летят неизвестно куда, запертые на борту вражеского корабля. И теперь, предоставленный самому себе, Ник снова начал беспокоиться. Их поразительное везение не может продолжаться бесконечно.

Глава восемнадцатая

— Это наш последний шанс! — воскликнула Линда, пытаясь устроиться на узком кресле рядом с Ником.

— Шанс на что? — единственный шанс, который видел Ник, — это не угодить в катастрофу и долететь до места назначения, во что Ник и сам уже почти не верил.

Юноша дважды тщательно обшарил корабль и нашёл кое-что из того, что могло быть оружием, однако он не рискнул экспериментировать с обнаруженными штуковинами внутри рубки управления.

— Вернуться в наш собственный мир, — девушка была нетерпелива. — Эти летающие тарелки должны проникать в наш мир. Ведь там многие люди видели их. Нам нужно только узнать, как это сделать, и тогда — мы дома!

— Но на это потребуется время, — подчеркнул Ник. — А у нас его нет. Когда эта земля...

— Мы можем снова создать иллюзии, — Линда отмахнулась от несущественных, по её мнению, деталей; для неё существовала только одна, главная цель.

— Вернее, мы надеемся, что сможем, — Ник почувствовал тошноту, ему хотелось лишь одного — поскорее выбраться из этого инопланетного корабля.

— Мы сможем. И мы также сможем вернуться! — Её оптимизм не уменьшался ни на грамм.

— Ты забываешь о временном факторе.

— Временном факторе? — переспросила девушка.

— Эти англичане... они думали, что провели здесь всего несколько лет, а на самом деле — тридцать. Сколько времени мы находимся здесь? Несколько дней... неделю... не считал. Однако сколько же времени мы *на самом деле* отсутствуем?

Что произошло с тех пор в их родном мире, где находилась Короткая Дорога? Как давно их хватились и начали искать? Как там отец и Марго? А кто искал Линду? Она не больше его рассказывала о своём прошлом. Кто о ней тоскует?

— Ник... — всё её оживление исчезло, словно он дал ей пощёчину. — Ты думаешь... Но ведь этого не может быть! Не может быть, чтоб нас там не было несколько месяцев, не может!

Он не мог ничем утешить девушку. Раньше он как-то не задумывался над этим по-настоящему в отношении

себя или Линды, а сейчас он понял, что ему на самом-то деле на всё это глубоко наплевать. Всё, что происходило с ним до того, как они очутились в лесу, казалось, происходило с совсем другим человеком и весьма мало значило для нынешнего Ника Шоу.

— Дэйв... — Линда смотрела невидящим взором прямо перед собой. — Что там делает Дэйв? Что он подумает?

— Кто такой Дэйв?

— Мой отец, Дэвид. Он работает в НАСА, там, на Мысе Канаверал. А я проводила каникулы у тётушки Пег. Но нас на свете только двое — Дэйв и я!

Линда сгорбилась в кресле, слишком маленьком для неё.

— Ник, мы должны вернуться. Эти охотники должны знать как.

— Но сперва мы должны... — начал было Ник и остановился, не зная, как объяснить ей невозможность того, чего она хотела, но тут тарелка стала вертикально садиться.

Они добрались до места назначения, чем бы оно ни было. Ник не управлял этим полётом. Теперь проверим, смогут ли они защититься от того, что ожидает их снаружи.

Едва заметно подрагивая, корабль коснулся земли и замер. Ник направился к люку. Они придумали самый лучший план, и по крайней мере на их стороне — преимущество внезапности.

Снова действовать предстояло ему. Остальные, объединив свою мысленную энергию, помогут ему. Стена корпуса тарелки медленно опустилась, образуя пологий спуск, и Ник, сделав глубокий вдох, шагнул вперёд.

Он не знал, удалось ли создать защитную иллюзию, действительно ли он покажется обыкновенным членом экипажа инопланетного корабля. К тому же то, что Ник увидел впереди, не слишком обрадовало его. Рядом на высоких ножках покоилась ещё одна тарелка с опущенной аппарелью. Справа на маленьком пространстве

сбились в кучу бродяги. И хотя Ник не видел ни стен, ни охранников, никто из них не предпринимал попыток бежать.

Нiku пришлось выдержать тяжкое испытание — преодолеть пространство между кораблём и пленниками. Юноша ожидал, что в любой момент его окликнут либо просто поразят лучом. Он внимательно посмотрел на пленников, пытаясь понять, что же удерживает их там.

Неподалёку от пленников располагалась высокая мачта, поднимавшаяся прямо в небо, установленная на массивном основании. На вершине крепились блестящие провода, натянутые на рамы в форме вееров. Пока Ник глядел, эти веера медленно качнулись вверх, пока не соединились над верхушкой мачты. На проводах вспыхнул свет, перешедший в ярко-красный.

Воздух вокруг Ника был насыщен энергией, одновременно похожей и не похожей на излучение анка. Ник понял, сам не зная почему, что здесь заработал источник колоссальной мощности.

Теперь он увидел, кто управлял им. У основания мачты стояло шестеро инопланетян в скафандрах, поглощённые своей работой — настолько поглощённые, что Ника нисколько не заинтересовало, чем именно они занимались, — потому что теперь у него появился крохотный шанс.

— Те, кого мы ищем — вон там... — уловил Ник сообщение от Джереми, который стоял справа от него. Слева находился Ланг.

— Не пройти — впереди стена... — впервые за всё время он уловил мысль пекинеса.

Ник осторожно направился вперёд. Перед ним шествовал Джереми, но внезапно кот остановился, словно ткнувшись носом в невидимый барьер. Силовое поле? Стоит одному лишь инопланетянину посмотреть вверх... и когда он увидит, что Ник исследует это...

Когда Ник протянул руку, думая прикоснуться к барь-

еру, который, как сообщили животные, находился там, он ничего не почувствовал — однако в тот же миг мощная волна энергии чуть не сбила его с ног. Да, когда эту базу окружает подобный силовой барьер, у пленников нет никакой надежды на бегство! И как теперь ему и его товарищам до них добраться? Если бы знать, как управлять кораблем, возможно, им бы удалось поднять его и опустить по другую сторону барьера, но увы...

Пленники заметили его. Он увидел, как в его сторону повернулись лица. На ноги поднялись две растрёпанные фигуры — Кроккер и Джин. Узнали ли они его, или же они видят облик инопланетянина, иллюзию?

Иллюзия... какая-то смутная мысль мелькнула у него в голове. Что там говорил Хэдлетт?.. Что иллюзии, которые создаёт человек, — порождение его собственных мыслей и страхов, и поэтому люди, попавшие сюда из средневековья, видят демонов и чертей своего собственного времени. Демонов и чертей... а каких демонов и чертей страшатся эти инопланетяне? Если бы он знал хоть чуть-чуть побольше! Ник чувствовал себя связанным и беспомощным, не в силах дотянуться до лежащего рядом оружия, как тогда, в лагере, когда он впервые использовал свободу интеллекта. У него не было никаких зацепок, никакого способа узнать, какими могут быть демоны и черти для этих карликов, чтобы затем создать их.

В его голове промелькнуло воспоминание — Герольд, скачущий на своём коне, не обращающий ни малейшего внимания на непрекращающиеся атаки летающей тарелки. Но он-то не Герольд, он не сможет принять его облик, Ник был уверен в этом, хотя ему однажды уже удалось проделать такое на короткое время. Он чувствовал, что Герольд играет в Авалоне слишком важную роль, чтобы можно было использовать его облик для введения в заблуждение инопланетян. И кроме того, если это место принадлежит Авалону, то что здесь может угрожать тем, кто не подчиняется Народу с Холмов и их власти?

Какую ещё угрозу или страх он может создать? Постойка... Ведь он видел ещё один летательный аппарат другой конструкции, атаковавший тарелку...

Сигарообразный корабль! Демоны и черти! Но как им создать такую иллюзию?

На окружённом силовым полем пятачке Джин, Крокер и Леди Диана помогали Страуду подняться на ноги. Если Ник прав в своей догадке, ему придётся отказаться от облика инопланетянина и бросить все свои силы на создание новой иллюзии.

«Помогай!» — Ник передал Джереми мысленное послание, которое по цепочке кот должен был передать дальше его товарищам. Огромный кот присел, кончик его хвоста задрожал, словно он подкрадывался к жертве. Он не глядел на Ника, однако тот знал, что его послание принято.

Ланг стремглав помчался к опущенной аппарели тарелки. Сколько времени в их распоряжении? Ник сосредоточил свой взгляд над верхушкой мачты, пытаясь нарисовать там демона этих инопланетян — сигарообразный корабль.

Он... его послание достигло цели! Джереми... Ланг... его товарищи в корабле поняли, что он хотел. И вот — там действительно появился враг, известный этим инопланетянам, зависший прямо над генератором энергии. Он не слышал, что закричали карлики у опоры мачты, однако увидел, что они на секунду замерли, а потом бросились врассыпную — к укрытым в траве траншеям. Похоже, они готовились до последнего защищать свою мачту, как если бы от неё зависело само их существование.

В руке Ник держал стержень длиной с полруки, с двумя кнопками с одного конца — какое-то оружие, прихваченное им с корабля. Часть стержня была полый, и Ник решил, что это нечто вроде ружья. Он не знал, что этот стержень может делать, и можно ли вообще стрелять

из него. Но то, как вели себя инопланетяне, подтолкнуло его к действию. Если эта мачта с веерами так важна для них, что они, чтобы защитить её, начали лихорадочно обстреливать лучами зависшую над ней иллюзию вражеского корабля, то в случае уничтожения её...

Ник побежал. Пленники что-то кричали ему, но он не обращал на их крики никакого внимания. Главное сейчас — это мачта. Остановившись, он поднял стержень и наудачу нажал пальцем на ближайшую кнопку, целясь в веер над головой.

Ему показалось, что произошла осечка — никакого свидетельства, что оружие выстрелило. А потом...

Красное свечение проводов вспыхнуло режущим глаз белым пламенем!

Ник прижал ладонь к глазам. Неужели он ослеп? И этот рёв — так можно оглохнуть. Земля затряслась под ногами, поплыла, словно потеряв твёрдость. Шатаясь, ничего не видя, он повернулся, чтобы уйти от этого ада обратно к кораблю. Но где тот находился?

Трудно стало дышать, словно кто-то насосом откачивал воздух. А потом он упал и пополз сквозь пылающий вокруг него мир. Наверное, таким в древности виделся людям Ад...

Ник лежал на всё ещё дрожащей земле, как бы придавленный огромным тяжеленным кулаком с такой силой, что почти расплющила его; ему даже показалось, что он слабо вскрикнул. А затем наступила тьма, в которой погасли языки адского пламени.

В небо возносился сверкающий анк, и от него исходили потоки света, и этот свет нёс мир и покой. А мачта с веерами испускала гибельное сияние, подавлявшее жизненные силы Авалона, и мир был нарушен. Из древних прибежищ Сил Тьмы выползали мерзкие твари, чтобы снова хлынуть на эту землю.

Мир и покой отступали перед могуществом этой мачты, перед Тьмой, отступали в города, в места, где в полной мере сохранялась власть Авалона. И кидались в

разные стороны, не зная покоя, те, кто не принадлежал ни Свету, ни Тьме... кто был жертвой...

Слабые существа, бегущие без всякой цели, преследуемые своими собственными страхами, которые проявились и получили возможность жить своей собственной отвратительной жизнью. Они не видели ничего, кроме того, что вызвали, сами того не ведая, к жизни, что несло им страдания.

Равновесие было поколеблено. В города стекался Народ с Холмов, Рита, все те, кто принял Авалон. Стоял Герольд, носивший имя этой страны, а за ним — его четыре помощника — Дуб и Яблоня, Боярышник и Бузина, и на плаще у каждого был вышит символ его имени. И впереди всех Герольдмейстер Логос, Верховный Повелитель. Могучий, облачённый не в сверкающий плащ Герольда, но в тёмно-синюю мантию, по которой сбегали серебристые руны. Они изгибались, поворачивались, сплетались, образуя слова великой мудрости, а затем исчезали, чтобы снова появиться. В его руке был великий меч, опущенный остриём вниз, к земле Авалона, откуда давным-давно был извлечён металл, из которого он был выкован. А на клинке тоже были начертаны руны, неподвижные, высеченные в металле способом, давно уж позабытом в этом мире, где время мало что значило.

Он держал меч, положив на эфес обе руки, горделиво расправив могучие плечи. И голова... Лицо того, кто может вызывать бури, повелевать по своей воле ветром и водами, и всё же считающего ниже своего достоинства употреблять власть для удовлетворения собственных желаний. Седые волосы, ярко сверкающие серебром, как и изменчивые руны. И у этого Короля было имя, очень древнее имя, которое знал Авалон, которое сохранилось в легендах другого мира...

Мерлин.

И вот теперь взор Герольдмейстера Логоса был устремлён за пределы городских стен. Он с лёгкостью поднял

огромный тяжёлый меч до уровня груди и направил острие вперёд. Губы его зашевелились, однако какие бы он слова ни произносил, — они не предназначались для слуха менее значительных людей или духов.

Мачта инопланетян вспыхнула ярко-красным пламенем, за клубился чёрный дым, который начал опускаться на землю. И там, где он касался земли и оставлял тёмные пятна, появлялись Слуги Тьмы, и они ползли к городам. Вражеская мощь подавляла Авалон, так что под его гнётом жизнь увядала и замирала.

Однако...

Произошёл огромный выброс энергии, поглотивший весь мир. Всё вокруг сделалось багровым, а потом белым. Мир исчез, исчезло зрение, не осталось ничего.

— Ничего... ничего... — снова и снова слышал Ник. Медленно к нему возвращалось сознание.

— Ничего... ничего... — повторял его собственный голос.

Он... он Ник Шоу... и он жив. Но ему не хотелось открывать глаза и снова видеть это ужасающее ничто, которое было концом Авалона. Как может он ещё жить, когда всё остальное, даже мир, погибло?

— Всё погибло... — облёк он свои мысли в слова.

— Нет!

Не он произнёс это. Но кто же тогда? Кто избежал гибели Авалона?

— Кто?... — спросил он.

— Ник! Ник, пожалуйста, посмотри на меня! — кто-то зывал к нему... но кто?

— Кто? — повторил он. Вряд ли это важно, он так устал... так устал. Авалон исчез. Глубокая скорбь охватила его. В глазах засверкали слёзы, просачиваясь из-под век, которых он не поднять. Он очень, очень давно не плакал — мужчины не плачут, мужчины не могут плакать. Они могут испытывать жгучую боль, как сейчас он, но они не должны плакать.

— Ник! Ну, пожалуйста, помогите же ему. Сделайте что-нибудь...

— Лишь он сам в силах себе помочь.

Он уже слышал этот голос, давным-давно. В Авалоне. Но Авалона больше нет. Он же видел, как тот погиб. Нет... ещё хуже — именно он его погубил. Он мучительно принялся складывать вместе обрывки воспоминаний, создавая ужасную картину. Он выстрелил из того кошмарного оружия инопланетян в мачту. А затем последовал тот чудовищный взрыв. И ещё был Герольдмейстер Логос — Мерлин — с мечом. Наверное, взрыв мачты нарушил энергетический баланс, за счёт которого существовал Авалон. Авалона больше нет, и где теперь он находится, Ник не знал, да ему, собственно, было уже всё равно.

— Ник!

Его обхватили чьи-то руки и принялись мучительно трясти, однако эта боль была пустяком по сравнению с той, которую испытывало его внутреннее «я», его душа, сознавая, что он, сам того не желая, наделал.

— Открой же глаза, Ник, ну посмотри же, *посмотри!*

Юноша открыл их. И как и предполагал, он ничего не увидел, совсем ничего.

— Я ничего не вижу. Авалона больше нет, — печально сказал он в эту пустоту.

— Он по-своему ослеп, — снова этот голос из прошлого.

Герольд! Авалон! Но ведь его земля исчезла, канув в небытие. Как это Герольд ещё существует?

— Авалон, Тара, Броселианда, Карнак... — повторил Ник названия, когда-то исполненные великого смысла, но теперь — благодаря ему — утратившие всякое значение. — Дуб и Яблоня, Бузина и Боярышник, Герольдмейстер Логос... их нет.

— Он... он не понимает, что говорит... — первый голос запнулся, словно кто-то пытался сдержать рыдания. — Что случилось с ним?

— Он верит, и для него то, во что он верит, реально существует, — ответил Авалон.

— Ты Авалон, — медленно сказал Ник. — Но это неправда — ибо Авалона больше нет. Я умер? — в нём больше не было страха. Наверное, смерть и *есть* это ничто.

— Нет, конечно же, нет! Ник... Пожалуйста, очнись! Вы ведь можете помочь ему. Я знаю, вы можете, если захотите.

— Он должен поверить.

— Ник, послушай! — кто-то ещё так приблизился к нему, что он почувствовал на щеке чужое дыхание. А дыхание — это жизнь, и поэтому и тот, второй, тоже должен быть живым. Но как можно жить в пустоте?

— Ник, ты здесь, вместе с нами. Ты каким-то образом взорвал тот энергетический столб или что там у них было. А потом... всё это и произошло. Пленники оказались на свободе. А все инопланетяне умерли. Барри говорит — от взрыва. И их летающие тарелки взорвались. А затем... затем пришёл Герольд. Ник, ты должен *видеть*!

Ник напряг свою волю. Авалон... пусть *будет* Авалон!

Зрение возвращалось медленно. Но вскоре он увидел первые призрачные очертания фигур, становившиеся всё более и более тёмными среди этой белизны, в которую он сам себя изгнал, когда в отчаянии нажал на ту кнопку. А потом призраки приобрели материальность и превратились в фигуры людей. И тогда Ник сосредоточился так же, как и тогда, когда создавал иллюзию, желая возврата ушедшего мира. Может быть, и он — тоже иллюзия? Нет, он должен гнать прочь любые сомнения.

Вот Линда, озабоченно смотрящая на него и поддерживающая его. Вот Джереми, не сводящий с него немигающих глаз, а за ними — Нику пришлось приподнять голову, чтобы лучше его разглядеть, — в сверкающем многоцветье стоял Герольд.

Картина возвращающегося мира с каждой секундой

становилась всё ярче, отчётливей, реальной. В самом ли деле он потерял зрение и потому решил, что лишился и всего остального? Ник не знал. Самое главное — он ошибался.

Ник увидел, что лежит на краю поля боя, на котором, должно быть, сражались не люди — то была битва энергий. Прямо перед ним, свалившись с трёх опор, лежала, зарывшись одним краем в землю, летающая тарелка. Увидев её, Ник перестал думать о себе и вспомнил о других. Он высвободился из объятий Линды, с трудом приподнялся и огляделся.

Линда была цела и невредима, как и Джереми с Лангом, и пёсик прижимался к девушке, словно боялся, что они могут расстаться. Но где же Хэдлетт, миссис Клапп... остальные пленники охотников?..

— Остальные, — требовательно обратился он к Линде.
— Что с остальными?

Она не ответила сразу, на лице её читалось страдание.

— Викарий... Миссис Клапп? — что случилось с теми двумя, кто участвовал вместе с ним в этом последнем их приключении?

— Вон... вон там, — девушка протянула руку, чтобы поддержать его, однако Ник оттолкнул её и с трудом, но поднялся на ноги.

«Вон там» оказалось второй летающей тарелкой. В её верхней части зияла дыра, а аппарат был вся искорёжен. В метре от неё Ник увидел Кроккера и Джин. Миссис Клапп и Леди Диана опустились на колени рядом с кем-то, лежавшем на земле. Чувствуя головокружение и дурноту, Ник пошёл к ним.

— Ник! — рядом с ним оказалась Линда и прежде, чем он успел воспротивиться, она схватила его руку и положила себе на плечи. На сей раз он не стал сбрасывать её. Если с её помощью он быстрее дойдёт до остальных, то он примет эту помощь.

Так он дошёл до останков тарелки и остановился,

опираясь на Линду, глядя вниз на викария. Глаза Хэдлетта были открыты, и он, заметив Ника, улыбнулся ему.

— Святой Георгий, — начал он, — и святой Михаил — они действительно были воинами. А вот о святом Николае, лихо сражающемся на поле брани, никогда не слышал — тот обычно раздавал дары.

Ник опустил на колени.

— Сэр... — до сих пор он до конца не осознавал, насколько близок был ему этот человек. Рита называла такую привязанность «сердечными узами». Теперь он понял, почему.

— Ты сражался за нас, Николас, и победил. И, — Хэдлетт чуть повернул голову в ладонях миссис Клапп, — я думаю, это действительно великая победа. Имею ли я на это право, сэр?

Ник понял, что викарий обращается к кому-то, стоявшему за его спиной, он обернулся и увидел, что к ним подошёл Герольд.

— Он завоевал свободу для всего Авалона, а не только для себя одного.

— Значит, опасность угрожала не только нам, но и вам, — заметил Хэдлетт. — Хотя мы и не были союзниками...

— Только отчасти. У Авалона свои законы, которые отличаются от законов людей.

Хэдлетт слегка кивнул лёгким движением головы.

— Это... — он помедлил несколько секунд, и на лице его отразилось усилие. — Это истина, которой мне приходилось придерживаться. Возможно, в Авалоне правит Добро... но это не то... добро... которое я понимаю... — в уголке рта викария вздулся ярко-красный пузырек. Он лопнул и стек тонкой струйкой.

— Помогите ему! — выкрикнул Ник, обернувшись к Герольду.

— Нет, Николас, — ответил ему не Авалон, а сам Хэдлетт. — Каждому человеку отпущен свой срок. И этот срок когда-нибудь подходит к концу. Вы и я, — он снова

обратился к Авалону, — знаем это. Лишь немногим дано обрести покой. Я... согласен. Однажды ты сказал мне, Николас, что из одного источника могут вытекать несколько рек. И это тоже верно, но каждый из нас выбирает свою собственную. А теперь позвольте мне обрести предназначенный мне покой, ибо пришёл мой черёд.

Потом он начал бормотать слова молитвы, слова своей веры, веры, от которой он не смог отказаться ради того, что было предложено Герольдом. Ник не в силах был слушать эту молитву. Это так несправедливо: викарий поступал по своей воле — и что получал взамен?

Ник отстранился от Линды и отошёл в сторону, потом опёрся рукой о покорёженную опору летающей тарелки. Перед ним простиралось поле, на котором кратер, окаймлённый блестящим кольцом шлака, обозначал место, где когда-то возвышалась мачта. Не она ли открывала врата в мир летающих охотников? Но если даже так, то теперь они закрыты, и скорее всего, навсегда.

Что теперь будет с ним и его спутниками? Будет ли продолжаться этот Прилив Сил Тьмы, о котором предупреждали Рита и Герольд? Или же то, что он видел в своём видении или сновидении — что бы это ни было — оказалось верным — именно подчинённая охотникам энергия порождала и выпускала на свободу Силы Тьмы, питала их энергией и давала возможность осуществлять своё нашествие на эту землю?

— Ник?

Он не оглянулся.

— Теперь тебе ни за что не вернуться в свой родной мир с помощью летающих тарелок! — бросил он девушке.

— Да, — согласно ответила Линда, однако она не казалась подавленной из-за этого.

Ник повернул голову. Линда стояла в разорванной и перепачканной одежде, с распущенными волосами на плечах, со свежей царапиной на щеке, держа Ланга в руках с таким видом, словно он был единственным

оставшимся у неё сокровищем. Она казалась одинокой и несчастной.

— Я надеюсь... я надеюсь, что Дэйв... — девушка запнулась. — Нет... — она отпрянула, когда Ник сделал шаг к ней. — Не надо... не уверяй меня... Мы никогда не вернёмся назад. Мне кажется, через некоторое время всё позабудется, а прошлое будет казаться просто каким-то сном. Может быть, Ник, я приму Авалон. Должна принять, если не хочу... я буду помнить это, но я не могу жить с этим!

— А как они? — Ник махнул рукой в сторону англичан.

— Викарий... он умер, Ник, — слёзы катились по её щекам, но она и не думала их вытирать. — А остальные... Страуда убило при взрыве, как и тебя могло убить, — я сперва так и думала, что ты погиб, — в её глазах снова появились страх и ужас. — Остальные же... Теперь они знают, что им делать. Ну, а ты, Ник?

— Я-то давно знал — после того, как побывал в городе. В Авалоне существует только один способ жить по-настоящему. И если мы не хотим стать жалкими людьми-животными, которых я видел в лесу, мы должны выбрать это.

Он протянул ей руку, и Линда, прижимая Ланга к себе другой рукой, вложила пальцы в его ладонь, а потом они вместе пошли назад. В конце концов, подумал Ник, при этом выборе я не так уж много и отдаю. Но получаю намного больше.

Авалон-Герольд ждал их, и окружавшее его сияние было поистине восхитительным.

Содержание

ГЛАЗОМ ЧУДОВИЩА 3

Перевод Я. и Д. Савельевых

ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ ЧУДОВИЩА 95

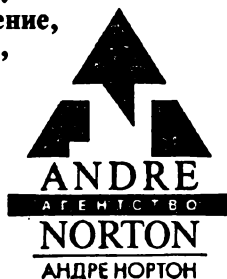
Перевод Я. и Д. Савельевых

Агентство Андре Нортон

представляет права на публикацию произведений
зарубежных авторов и художников.

Тематическое и жанровое составление,
детективы, фантастика, триллеры,
ужасы, вестерны, музыкальная
литература...

Майкл МУРКОК, Глен КУК,
Джеймс УАЙТ, Сара ПАРЕЦКИ,
Тед ВУД, Джеймс ГРАНТ,
Эдвард ЛИ, Эрл МЭРФИ,
Майкл РЕЛАН, Родни МЭТТЬЮ
и др.

Андрэ Нортон
ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ ЧУДОВИЩА

Литературно-художественное издание

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Редактор
Прилипка К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Издательская лицензия ЛР № 070157 от 02.10.91 г.

Сдано в набор 01.03.94 г. Подписано в печать 11.07.94 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская. Печать высокая.
Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 19,8. Физ. п. л. 11.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 2454. «С» — 26.

Издательство «Зеленоградская книга».
103478, Москва, г. Зеленоград, корп. 448, к. 1.

ТОО «АМБЕР лтд». 665830, г. Ангарск, квартал 76, д. 9.

Отпечатано с готового набора в ордена Трудового Красного
Знамени ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

